

Екатерина Боброва

Шесть высочеств
и одна ассара

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Annotation

Добро надо делать умеючи, а то и до беды недалеко. Спасла потерявшегося ребенка, а он возьми и окажись сбежавшим из соседнего мира шестым принцем. И ладно бы вернула и забыла, но в его побеге теперь обвиняют Юлю. Как тут выжить, когда, с одной стороны, старшие братья дают и требуют непонятно чего, а с другой – Совенок не отпускает, и сердце болит оставить его одного.

- [Екатерина Боброва](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)

- [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глоссарий](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
-

Екатерина Боброва

Шесть высочеств и одна ассара

С благодарностью моим читателям за поддержку. Всем, кто с терпением читал, великодушно сносил ляпы и опечатки, кто ловил дух романа и отражал его в комментариях, – спасибо. Моим близким отдельная признательность за принятие ситуации «автор дома пишет продю».

Искренне надеюсь, что всем читателям доставит удовольствие путешествие с моими героями в мир Шайрат.

Глава 1

Одинокое стоящего у подъезда малыша лет пяти она заметила издалека. Мальчишка выделялся серой, давно немытой шевелюрой, стриженной на манер ирокеза. Коричневая куртка на нем была явно снята со взрослого. Ее рукава доставали почти до земли, и пацан меланхолично болтал ими из стороны в сторону, сосредоточенно разглядывая окна подъезда.

Юля переложила тяжелый пакет в другую руку, прибавила шаг. Сердце противно заныло – так бывало, когда перед ней вставала проблема, требующая непростого решения. Чем ближе Юля подходила, тем крепче стискивала зубы. Надежда, что малыш ждет кого-то из взрослых, таяла с каждым шагом. Она более или менее знала всех детей в подъезде, но этот ребенок был ей незнаком. Такого захочешь – не забудешь: странная обувь, больше похожая на пошитые вручную мягкие сапожки, бывшие когда-то белыми штанишки, едва выглядывающие из-под чрезмерно большой куртки, грязь на щеке и огромные желто-карие глаза, опущенные густыми ресницами.

Эти глаза цепляли. Непонятно чем, но Юля остановилась. Поставила пакет на скамейку, уже ругая себя за мягкость: «Куда опять лезешь, дура?», медленно повернулась, присела на корточки и, улыбаясь, спросила:

– Чей ты? Маму ждешь?

В равнодушном взгляде мальчишки промелькнул интерес. Он склонил голову набок, став похож на серую, пушистую сову. Поджал губы, почесал грязным пальцем нос, окинул ее внимательным, показавшимся взрослым взглядом. Юля терпеливо ждала ответа.

– Тебя, – выдал наконец он, и Юля вскинула брови. Пробормотала:

– Неожиданно. И давно ждешь? – уточнила она.

– Не-а, – качнул головой двуногий птенец совы, потом вытянул шею и заинтересованно заглянул в пакет. Урчание в животе подтвердило еще одно опасение: «птенчик» не просто потерялся, но был еще и голоден.

– А живешь где? – спросила Юля, уже смиряясь с тем, что пятничный вечер перестает быть мирным.

«Совенок» пожал плечами. Задумался, затем выдал очередную «блестящую» догадку:

– У тебя?

Юля поднялась, беспомощно оглядела проезд перед домом. Как назло, плохая погода разогнала всех бабушек и мам с детьми по домам. Не с кем даже посоветоваться. Надо звонить в полицию, но отправлять в отделение грязного, голодного ребенка...

– Раз у меня – тогда пошли. – И она торопливо, боясь передумать, достала ключи из сумки.

В лифте малыш чего-то испугался, доверчиво прижался к бедру, обняв девушку за талию, и сердце Юли сжалось от нежности. Пришлось сурово напомнить себе: ребенок чужой. Она приютит его лишь на время.

– Зовут тебя как, Совенок? – спросила Юля, открывая дверь в квартиру. В голове крутились неприятные мысли о сбежавшем из-под цыганской опеки попрошайке или потерявшемся малыше нерадивой мамашы-алкоголички. Смущал только взгляд. Было в нем что-то чужое и слишком взрослое для ребенка пяти лет.

– А кто такой совенок? – спросил мальчишка, и Юля тряхнула головой, прогоняя надуманное – ребенок он и есть ребенок.

– Такой, как ты, только с крыльями. Птенец птицы, которую зовут сова.

– Мне нравится, – степенно кивнул деть и разрешил: – Можешь звать меня так.

Юля решила не заморачиваться с именем. Совенок так Совенок. Сначала ванна, потом кормежка, а там уж и до имени доберутся. И в обращении само собой всплыло «деть» – любимое слово мамы. «Малыш – это до трех, – говорила она, – а после исключительно деть».

В квартире мальчишку дальше порога не пустила, заставив сначала раздеться. Куртку брезгливо выбросила в пакет, а вот штаны и странного покроя рубашку положила постирать. Ткань на ощупь была дорогой, только грязной.

Совенок не стал возражать ни против раздевания, ни против мытья, только глаза не закрыл, когда она намылила ему голову шампунем. Когда Юля это заметила, было уже поздно – шампунь

попал в глаза. Деть завопил, хватая ртом воду, льющуюся из душа, и Юля, ругая себя за оплошность, бросилась промывать глаза и успокаивать Совенка.

Мальчишка был худощав, но крепок, а еще на спине и правой руке Юля обнаружила три шрама – два старых, один свежий, что еще больше укрепило подозрение о сбежавшем из-за жестокого обращения ребенке.

Потом она торопливо варила макароны, тушила рыбу, готовила салат – ребенку нужны свежие овощи. Найденыш все это время сидел на кухонном стуле, одетый в ее футболку, закутанный в махровое полотенце и грыз сушки, запивая найденным в шкафу соком. Еда, купленная для готовки на выходные, неожиданно попала под раздачу в пятницу, а сговоренный с желудком разгрузочный вечер пришлось отложить.

– Почему сама не ешь? – подозрительно поинтересовался Совенок, точно она его травить собралась.

– Ем, – обреченно вздохнула Юля, накладывая себе макароны с рыбой. Потом пришла очередь чая и круассана. Даже варенье для такого случая нашлось в шкафу.

Малыш увлеченно уплетал сладости и пил чай, а Юля достала мобильник, набрала сто двенадцать, повисела на линии минут пять, пока усталый голос оператора не ответил:

– Слушаю.

Узнав о найденном ребенке, оператор оживился и мигом переключил ее на полицию. Там выспросили кучу подробностей, записали адрес и данные Юлии и предложили доставить ребенка в отделение.

– Вы что, издеваетесь? – возмутилась девушка. – Девять вечера. Ему спать пора, а вы его в отделение предлагаете везти, точно преступника. Это же ребенок! Утром пусть приходят из опеки, и будем решать.

Дежурный попросил подождать на линии, получил добро от начальства и разрешил оставить найденныша дома. Юля записала номер отделения, обещала звонить, если что, и отключилась. Выдохнула – самое сложное еще впереди, и тут же замерла, наткнувшись на серьезный взгляд малыша.

– Не хочу домой, – провозгласил Совенок.

Юля прикусила губу, сдерживая эмоции. Воображение уже рисовало жуткие картины, и она чувствовала себя предательницей. Но ведь это чужой ребенок, она не может оставить его себе. У него есть пусть и плохая, но семья.

– Никто тебя домой прямо сейчас не отправляет, – попыталась мягко объяснить Юля, – но нам надо связаться с твоими родными.

– Зачем? – насупил серые брови деть. Тряхнул подсохшими волосами, которые так и остались грязно-серыми, как ни старалась их отмыть Юля.

– Но ведь они волнуются. – Девушка растянула губы в жалкой попытке улыбнуться. Глаза защипало, и ей пришлось приложить усилия, чтобы не расплакаться. Пятничный вечер превращался в мелодраму. Она, чужой ребенок и его беды. Не хватало только бывшего, который умел довести любую мелодраму до трагедии.

– Нет, не волнуются, – воспротивился Совенок, – у отца – эсхарат^[1], у брата – тэорат, а Жансар только и знает, что орать, какой я дурак.

Обилие чужих слов – цыганских? – сбивало с толку, как и странные имена. А еще мальчишка умел строить сложные фразы. И она поймала себя на мысли, что не знает, как вести себя с этим ребенком, который даже имени своего назвать не хочет.

– Жансар, он... – Юля замаялась, подбирая слова, потом вспомнила распространенный тест и резко протянула руку, якобы поправить Совенку волосы.

Тот не дернулся. Наоборот, подался вперед и зажмурился под лаской, а она со вздохом взлохматила жесткие волосы – Совенок все глубже пробирался в сердце. Не дернулся – значит, не били, но откуда тогда шрамы?

– Кто он тебе? – задала Юля вопрос по-другому.

Совенок по-взрослому вздохнул, хрустнул сушкой – они явно пришли к нему по вкусу – и ответил:

– Воспитатель, только он плохой, я его не люблю. В прошлом месяце запретил мне ездить на вальшгасе, не пустил ловить ерьков и отобрал кинжал, подаренный братом.

Малыш путал русские и иномязычные слова, и Юля не понимала: то ли у него богатое воображение, то ли он действительно иностранец, но почему тогда говорит без акцента?

– Знаешь, я бы тоже хотела прокатиться на вальшгасе. Это лошадь? – попыталась она нащупать почву под рассказами Совенка.

– Не-а, – мотнул головой деть. – Сейчас покажу.

Он положил ладонь на грудь, и из-под пальцев брызнули белые лучи, а когда отнял, Юля увидела висящий на шее кулон – светящийся голубыми искрами кристалл, который обнимало когтистыми лапами нечто похожее на ящерицу.

– Это – вальшгас, – объявил Совенок, ткнув пальцем в ящерицу, и Юля заторможенно кивнула в ответ. Вальшгас так вальшгас. Какая теперь разница, когда ей только что продемонстрировали то, чего быть не может. Она ведь мыла ребенка, осматривала его одежду – кулона на нем не было.

– Можно? – спросила Юля, протягивая руку.

Совенок разрешил. Она осторожно, одним пальцем, коснулась камня – исключительно с целью проверить реальность происходящего. Камень на ощупь был теплым и твердым. Иллюзия исключалась. Шизофрения выходила уж больно многоплановой и занятой. Что тогда? «Секретные материалы»?

Голова начала болеть, и Юля потеряла виски. Встала, налила воды, выпила залпом, успокаивая зашедшееся в панике сердце. Совенок беззаботно хрустел сушками.

– Как ты сюда попал? – спросила она хрипло.

Хруст стих. Юля повернулась – мальчишка с виноватым видом выводил узоры по столу.

– Я на время взял, потом верну, – пообещал тот, накрывая камень ладошкой.

Когда Совенок отнял руку – на шее снова ничего не было. Юля нервно сглотнула, отвела взгляд от цыплячьей груди ребенка, досчитала до десяти.

Картинка начала вырисовываться. Некий... пусть артефакт мог быть видимым и невидимым. И с его помощью Совенок попал к ней. Откуда? Кидаться с воплями «Ты пришелец?» нельзя, ребенок может испугаться.

– Ты знаешь, как называется мой мир и моя планета? – зашла она издалека.

Ответ Совенок нашел быстро:

– Земля.

– А твой? – спросила Юля, затаив дыхание.

– Шайрат.

Еще через полчаса осторожных расспросов, три стакана воды и тридцать капель валерианы случившееся с Совенком стало более или менее понятным.

Обидевшись – она так толком и не поняла на что, но оценила по эмоциям Совенка на десять баллов из десяти, – мальчишка стащил дядин амулет и удрал на Землю. Здесь он помыкался, однако быстро разобрался, что к чему. Под машину не попал, в полицию тоже, а вот остальное...

– Добрые дяди пахли плохо, зато куртку подарили, еще и накормили, – делился он пережитым.

Юля содрогалась, но мысленно благодарила дядей за заботу. Играть одному на площадке было скучно, к детям идти он не решился, и потому Совенок быстро заскучал и отправился к Юле. Почему и как нашел – не ответил.

– А как ты наш язык понимаешь? – спросила она напоследок, видя, что мальчик уже третий раз подряд зевнул.

Ей снова продемонстрировали фокус с появлением и исчезновением, на этот раз – камня, вдавленного в кожу на виске, и десятка мелких, украшавших правое ухо.

– Мыслевик, – пояснил деть, ткнув пальцем в камни.

Юля сделала вид, что поняла. Мыслевик так мыслевик.

– Только голова от него болит, когда используешь. – И он потер лоб.

– А давай-ка, милый, спать. Ты сейчас у меня прямо на стуле отрубись.

Она подняла легкое тельце на руки, и малыш доверчиво обвил руками шею, прижался, прошептав на ухо:

– Ты ведь не отдашь меня?

Юля не ответила. Да и как тут ответить, когда у нее на руках не просто чужой, а ребенок из другого мира.

Когда Совенок уснул, она набрала номер отделения полиции. В этот раз ожидание было недолгим. Уже знакомому дежурному Юля кратко обрисовала ситуацию и попросила:

– Отмените, пожалуйста, заявление. Мать, буквально как мы с вами поговорили, позвонила в мою квартиру. Очень извинялась. Они

из деревни в гости приехали, мальчик впервые оказался в многоквартирном доме. Остался на пару часов один и решил, что, как и в частном доме, можно выйти погулять на улицу. Вышел, поиграл на площадке, а как обратно вернуться, не знал – номер квартиры не запомнил. Пока играл, перемазался, я и напридумывала лишнее. Вы не подумайте, ребенок мать сразу узнал, она и фото их в телефоне показала. Пожалуйста, отзовите заявление. И еще раз прошу прощения за беспокойство.

Ей ожидаемо поверили не сразу. Мурыжили минут пять разными вопросами, но Юля стояла на своем. Дежурный сдался, пригрозив, что завтра или в понедельник ей могут позвонить для выяснения подробностей.

Совенку Юля постелила на диване в гостиной, и он, умаявшись, заснул быстро. Она постояла над ним – сердце болело от одной только мысли расстаться. Обругала себя душой и пошла спать, но сон не пришел. В голову лезли разные мысли, одна забористей другой. И Юля, не выдержав, сходила в гостиную, осторожно подняла Совенка, отнесла к себе на кровать. Легла рядом, обняла щуплое тельце, и голова сразу потяжелела, расслабляясь.

Утро встретило их отличной погодой. Яркое светило солнце, намекая, что холодный май заканчивается и впереди лето. Совенок сладко сопел в ухо, закинув ногу ей на живот. Юля вздохнула, ощущая, как распускается внутри невидимая пружина, как отпускает застарелая боль. Давно это было... Очень давно. Но если бы не одна глупость и трусость бывшего, ее малышу сейчас было бы почти четыре года. Надо простить себя и его, а вот не получается... Но рядом с Совенком дышится легче. И мысли в голове крутятся такие приятные: что бы вкусное приготовить на завтрак? И чем потом заняться?

– Нравится? – спросила Юля, когда Совенок наворачивал третий по счету блин.

Деть угукнул и потянулся за добавкой.

– Знаешь, я тут подумала, – Юля решила, что момент удачный, Совенок выглядел расслабленным и довольным, – может, зря ты на всех обиделся. Помню, когда я была примерно в твоём возрасте, повздорила с бабулей. Она у нас старенькой была, ворчливой. Я вспылила и решила тут же нажаловаться бабушке. Сказано – сделано. Меня не остановило то, что бабушка работала в центре

города, в библиотеке, до которой было полчаса ходьбы. Отправилась туда одна, никого не предупредив. Помню, как испугалась бабушка, увидев меня, и как жалко прозвучала моя обида. Меня даже ругать особо не стали, дали коробку эклеров и отправили домой в сопровождении бабушкиной знакомой. Столько лет прошло, а мне все еще стыдно за ту глупость. Теперь я понимаю, как по-дурацки выглядела моя обида и сколько волнений принесла отлучка из дома. Но тогда я была слишком маленькой, чтобы это понять. Думаешь, почему взрослые часто запрещают или не разрешают что-то детям? Не потому, что вы глупые, а потому, что еще не выросли. Вот сравни мою голову и свою.

Юля придвинула голову ближе к Совенку, и тот ощупал ее своими пальчиками. Потом обхватил свою. Задумался.

– Знаешь, что там у тебя внутри?

– Мозги, – проворчал малыш, явно вспомнив что-то неприятное.

– Ничего удивительного, что ты не можешь понять все, что делают взрослые. Вот когда твой мозг дорастет до нужного размера, ты станешь самым умным на свете, если не будешь лениться, конечно.

И она потрепала Совенка по жестким волосам.

– Уверена, твоя семья волнуется.

Совенок глубоко задумался, забыв про блины и какао.

– Ты не можешь оставить меня себе? – спросил он, взобравшись на колени к Юле. Обнял ее, уткнулся носом в шею, часто задышал. – Юля, – она разрешила так себя называть, – я немного ем, честно. Буду помогать и не стану лениться.

– Прости, Совенок. – Юля прижала малыша к себе, поцеловала в макушку. Больше всего на свете она хотела оставить этого ребенка себе. С ним сердце билось по-новому, но реальность – жестокая вещь – уже нашептывала, сколько проблем принесет это решение.

– Меня зовут Альгар, – всхлипнул малыш, и Юля прикусила губу, сдерживая собственные слезы.

– Обещаю, Аль, что буду с тобой до того момента, пока тебя не заберут. К тому же, – она мысленно попросила прощения у семьи Альгара, – мы ведь не отправляем тебя прямо сейчас. Спорим, ты никогда не катался на каруселях?

– Не-а, – помотал головой Совенок.

И Юля принялась расписывать, как здорово в «Диво Острове».

Совенок в ее толстовке и своем странном костюме вызвал замешательство в детском магазине. Но когда она одела его в ярко-красную курточку, синюю кофту со смешным щенком на груди, белую футболку, джинсы и белые кроссовки – малыш удостоился комплиментов от всех продавщиц. Потом они купили конструктор, плюшевого мишку и пистолет с пулями на присосках – а вот нечего разбрасывать опасные артефакты в доступности! Совенок был счастлив.

После была поездка на метро, которую малыш выдержал с честью, только жался к девушке, а также огромный парк с аттракционами.

Отправив малыша на карусель с пожарными машинами, Юля позвонила маме. Ей внезапно захотелось услышать до боли родной голос.

– Доченька! – обрадовалась мама. – Как дела? Чем занимаешься?

– В парке решила погулять, погода-то какая! А ты? Как себя чувствуешь? Сережка не звонил?

С братом у них была разница восемь лет, и Юле нередко казалось, что Сережка – не брат, а ее первый ребенок. После вторых родов мама часто болела, и забота о маленьком братишке легла на плечи девочки. Она ухитрялась справляться со всем: помогать матери по хозяйству, нянчить брата и учиться на отлично. Смогла поступить на бюджет в Таможенную академию. Мама тогда чувствовала себя хорошо и даже устроилась на работу. Семья смогла выделить деньги на подготовку к ЕГЭ. Но временное улучшение прошло, а там и отца внезапно сократили на работе. Юля вынуждена была перевестись на заочное. Было непросто прожить те полгода на ее скромную зарплату, но они продержались. Потом Юля ушла на другую работу, где и познакомилась с Юрой. Тот поначалу шутил, что у них сразу есть общее: имена на одну и ту же букву.

Уже после разрыва, после тонны грязи и глупых обвинений, Юля осознала, что эта чертова буква так и осталась единственным общим. Просто Юре была удобна неприхотливая девочка с доставшейся ей от бабушки двухкомнатной квартирой. Долго ли вскружить голову первой любовью той, кто в жизни не видел ничего, кроме семьи и учебы, а после жить в удобстве и комфорте. Только ребенок в этот комфорт не вписывался, н-да...

– Нет, не звонил, но Сережа говорил, что следующий раз им разрешат позвонить через неделю, не раньше.

Сережка после девятого поступил в колледж, отучился три года на автомеханика и ушел в армию, где сейчас и служил в десантных войсках. Вымахал «лось» под два метра и часто с гордостью предлагал навалить всем ухажерам сестренки, если те наглеть будут.

Юля вспомнила, как в первый месяц после призыва брата она, как обычно, принесла деньги родителям, но мать отвела ее на кухню.

– Доченька, нам с отцом много не надо. Прошу, начни жить для себя, мы и так украли у тебя столько лет... Пора подумать о себе. Двадцать шесть, а ты одна. Забудь того козла, найди нормального работающего парня. Нам с отцом большего и не надо.

Она пыталась ругаться, настаивать, но мать была неумолима. И вот уже больше полугода не брала у дочери ни копейки.

– Хорошо, мам. Позвоню в понедельник. Береги себя, ладно?

Довольный Совенок, потушив нарисованный пожар, уже бежал к ней.

– И ты себя, дочка.

Они покатались везде, где было можно. Купили сладкой ваты, съели по эскимо. Юля купила воздушный шарик в виде мишки. Совенок уже еле передвигал ноги от усталости, а ей столько хотелось рассказать и показать, но...

– Думаю, пора. – Она кивнула на скамейку, спрятанную в глубине парка за жирным кустом сирени. Здесь, вдали от основных дорожек, было тихо и сумрачно. Удобное место, чтобы вернуть ребенка домой.

– Хорошо, – с тяжким вздохом согласился Совенок. Накрыв медальон ладонью, делая его вновь видимым.

– Теперь меня можно найти, – пояснил, и Юле осталось только поверить ему на слово. Впрочем, не прошло и десяти минут, как она ощутила чужой, изучающий – аж спина от такого зачесалась – взгляд.

– Я хотел бы угостить брата, – шепотом попросил Совенок, кивнув на недоеденную сахарную вату.

Значит, не показалось. Юле стало не по себе, и в голову полезли панические мысли. Например, что от хороших не сбегает. И как воспримет возвращение беглеца его семья? Еще вспомнилось, что Совенок ни разу не упомянул о матери. Что, если рядом с отцом,

у которого какой-то там эсхарат, мачеха? Не от нее ли сбежал Совенок? Но поздно мучиться сомнениями.

– Ой, шарик! – расстроено воскликнул малыш, выпустив ленточку из рук.

Юля вскочила догонять, почти дотянулась пальцами до ленты медленно уплывающего в небо коричневого медведя, как замерла, ощутив холод стали у горла. Скосила глаза – клинок выходил из пустоты. В тот же момент отчаянный крик Совенка «Юля!» ударил по нервам. Она дернулась:

– Аль!

Обернулась, забыв про лезвие у горла. Кожу обожгло. Над ухом прошипели что-то злое. Чужие пальцы впились в плечо, удерживая. А она не чувствовала ни боли от пореза, ни тепла льющейся на грудь крови. В глазах стоял брошенный пакет с игрушками, втоптанная в землю сахарная вата и пустая скамейка. Нарастающий шум в ушах заглушил остальные звуки. Ноги подкосились, и Юля стала медленно оседать на дорожку.

Глава 2

Упасть ей не дали. Обхватили, прижав к чему-то твердому. Горячая ладонь стиснула горло, и кожу запекло так, что Юля взвыла, а из глаз брызнули слезы.

Ее заставили сделать шаг назад. Ощущение короткого падения, возмущившийся желудок. Мир все еще был размыт слезами, зато обоняние и слух обострились. Пахло железом, мужским потом, сильно воняло чем-то звериным. А еще здесь было на порядок холоднее, и ветер, пробираясь под тонкую куртку, заставлял ежиться.

Человек перебросил Юлю через плечо, и она охнула, больно стукнувшись животом о твердое как камень плечо. Похитителю до ее проблем не было никакого дела. Он размашисто шагал куда-то, и девушка напрягала мышцы, чтобы меньше подпрыгивать при каждом шаге.

Скрип двери. Лестница. Спуск. Полумрак коридора. Стертые камни пола. Запах сгоревшей еды. Еще один проход, после которого ее скинули вниз. Каменный пол ударил по коленям, содрав кожу на ладонях. Юля зашипела от боли, облизала прокушенную губу, сглотнула, ощущая металлический вкус крови во рту. Села, потрясла выбитым запястьем, огляделась.

Ее принесли в небольшое помещение без окон. Подвал? Под потолком висела странная сфера-лампа, заливая все вокруг ровным желтым светом. Цепи на каменных стенах, металлические стулья и темные пятна на полу навевали мысли о средневековой пыточной. А еще в комнате со сводчатым потолком было полно народу. Мужчины разного возраста, все в кожаных доспехах с черными металлическими вставками, разглядывали ее с одинаковым выражением неодобрения на лицах.

Они почти не отличались от людей. Волосы оттенков от белого до темно-серого жесткой гривой спускались до лопаток. Кожа загорелая, как у тех, кто много времени проводит на свежем воздухе, а вот странные глаза Юля рассматривать не решилась. Хватило того, что от их взглядов ее била нервная дрожь, а в желудке точно кусок льда поселился.

Девушка подобралась, села, обхватив колени руками. Ощупала горло. Кожу стягивало от засыхающей крови, но пореза не ощущалось. Залечили. Но зачем? Чтобы потом убить еще раз? Юля прекрасно осознавала, что со вскрытым горлом смогла бы прожить пару минут, не больше.

Досада на себя – вот знала ведь, что от хорошей жизни не сбегают – приглушила страх. Страшно все же было, но больше за Совенка. А эти идиоты... Думают, если их семеро здоровых, то можно качать права перед одной женщиной? И где они были, такие здоровые и сильные, когда малыш сбегал из дому?

Мужчины обменялись парой фраз, потом разговор разгорелся и перешел в спор. Один из них вытащил клинок, и лезвие со свистом прошило воздух рядом с девушкой. Юля успела зажмурить глаза, но оказалось, что мужчину интересовала только ее сумка. Он поднял ее с пола за перерезанный ремешок и бросил другому.

Сумку было жаль – всего два месяца, как купила. И ладно сумка, но там телефон, карты, короче, вся жизнь! Юля попробовала встать, но ее грубо пихнули на пол, рывкнув что-то вроде: «Сидеть» или «Место».

– Идиоты, – пробормотала Юля, с содроганием усаживаясь на грязный пол, – твари, дебилы, придурки.

– А у вас неплохой словарный запас, барышня, – насмешливо озвучили на русском у нее за спиной.

Юля обернулась. Вскинула брови. Человек в обычном мужском костюме смотрелся среди воинов в доспехах как чиновник, заглянувший на реконструкцию. Стрижка ежиком, темные очки, убранные наверх – встретить она его на улице, не обратила бы внимания. Но взгляд уже выделял знакомый оттенок волос, разрез глаз – незнакомец точно был местный, хоть и говорил по-русски без акцента.

Из окружавших девушку мужчин к нему шагнул один и что-то негромко сказал. Юля мельком отметила, что у него золотой выгравированный узор на антрацитовых пластинах доспеха, кожаные перчатки и явно пошитые вручную высокие сапоги, а не грубые ботинки. Перед ней был кто-то из начальства.

– Так-так. – «Русский» заглянул в ее сумку, выпотрошил содержимое на стол. Юля только зубами скрипнула, когда мобильник стукнулся о металлическую поверхность. Мужчина откопал кредитку, поднес к глазам. Девушка могла поклясться – он знал, что это такое. –

Юлия Никольская. Приятно, – словно издеваясь, поклонился, – познакомиться.

Его сосед что-то сказал, и приветливое выражение лица «русского» сменила застывшая маска. Мужчина шагнул ближе, навис над девушкой. Жесткий голос давил, прижимая к полу:

– Кто вы? На кого работаете? Кто вам заплатил за похищение шестого принца?

Япона мама! Совенок – принц. Пусть шестой, но принц!

– Никто, – замотала Юля головой, стараясь не поддаваться панике.

Перевода не требовалось, потому как второй из начальства в одно движение оказался рядом, вздернул ее навверх, впечатал в стену так, что в спине хрустнуло, а затылок стрельнул болью. Также он сдавил многострадальное горло.

Незнакомые слова стегали по лицу, но хуже был огонь безумия, горящий в глазах мужчины. Зрачок расширился, каряя радужка налилась золотом. Юля могла поклясться, что смотрит в глаза собственной смерти, но оторвать взгляд не могла – настолько дикими и притягательными были ярко-оранжевые с черным зрачком глаза. В них хотелось погрузиться, им хотелось рассказать все. Эти глаза обещали покой.

Юля моргнула, стряхивая дурман. Мужчина чуть ослабил хватку, а мерцание в глазах снизило интенсивность.

– Лучше признайтесь, – устало посоветовали сбоку, – здесь знают толк в пытках.

Долбаное средневековье. Долбаное сострадание. Надо было пройти мимо, но Совенок... Нет, пройти мимо было нельзя. Надо было просто оставить малыша у себя, а не возвращать в семью убийц, которая еще и в пытках знает толк!

– Не упорствуйте, хуже будет, – уговаривал «русский», в то время как второй сильнее сдавливал горло – у нее уже цветные пятна плыли перед глазами.

Юля захрипела, хватаясь рукой за ладонь мужчины – тело испуганно цеплялось за остатки жизни, и мучитель ослабил давление. Ей дали набрать воздуха в легкие, но отпускать не спешили, контролируя жизнь.

В этот момент Юле хотелось одного – чтобы все закончилось. Можно было не гадать, какое наказание ждет причастного к побегу

принца. И какая разница – сейчас она умрет или чуть позже? Так хоть выскажет все, что думает об этих придурках.

Вернуть под свою власть впавшие в панику мозги было непросто, но она справилась.

– Идиот! – крикнула на выдохе Юля в лицо монстра. – Вы все идиоты! Не зря Аль сбежал от вас.

Имя ребенка монстр уловил, нахмурился, вопросительно посмотрел на товарища. Тот перевел, потом спросил недовольно:

– Кто дал вам право так его называть?

Не все ли равно, как она называет Совенка, когда ее обвиняют в похищении? Юля прикрыла глаза, отказываясь отвечать на глупые вопросы, ее встряхнули, снова приложив затылком о стену, еще и медленно подняли руку, заставляя тянуться следом и встать на цыпочки. Юля зашипела от боли, искренне желая всем сдохнуть.

Желала вслух, уже не стесняясь – первым от боли скончалось воспитание, и «русский» хмыкнул, однако переводить не спешил. Мужчины заспорили, прервавшись, лишь когда в пыточную вбежал юноша и с поклоном передал тряпочный мешочек ее мучителю. Тот убрал руку с горла девушки, и Юле пришлось приложить усилие, чтобы позорно не сползти по стеночке. Поваляться в ногах она всегда успеет, но пока есть силы, останется на своих.

– Ну все, ты попала, – прокомментировал «русский», подрастеряв вежливое «вы». – Доупрямилась? Теперь я не смогу тебе помочь.

Если это помощь, то она – ежик в тумане. Впрочем, до пыток пока не дошли. Так, может, он действительно помогал и зря она упрямилась? Только чем ей помочь «русскому», если она не знает, ни кто заплатил за «похищение», ни на кого ей нужно «работать». Даже соврать вразумительно не сможет. Засада... А в простую доброту здесь не поверят.

Воин между тем достал из мешочка знакомый камень – мыслевик, прижал его к коже на виске и скривился – процедура была явно неприятной, и Юля полюбовалась его перекошенной физиономией.

– Ты, – на выдохе сказал он по-русски, навис сверху, обхватив затылок «каменными» пальцами, – отвечай сейчас же.

Юля ответила бы, покаялась, авось и поняли бы головы чугунные, что она тут ни при чем, но была у нее одна черта характера, из-за которой даже местные хулиганы с ней не связывались. Страх с

адреналином шли у нее рука об руку. Грубо говоря, Юля была из тех, у кого от страха сносило крышу, и падала эта крыша исключительно на противника.

Вот и сейчас, чувствуя, что теряет контроль, а здравый смысл машет ручкой и уходит за горизонт, Юля выдохнула, расслабляясь. Бесплезно мешать тому, кто сейчас вылезет на сцену. Понесло так понесло...

– А что, товарищ «Черный властелин», самим слабо догадаться? Умишко не варит?

Мужчина ошарашенно моргнул карими с оранжевыми искорками глазищами, и Юля наконец поняла, что за странность цепляла в них. Глаза у мужчин были еще круглее и больше, чем у малыша, а ресницы густые и темные, точно наращенные. И зрачок был неестественного вида – чисто как у совы. Сходство усиливалось, когда радужка становилась оранжевой. Совы, одним словом. И такие же заторможенные. Смешок она задавила не до конца, и тишина в подвале стала напряженной. «Русский» тяжело вздохнул, однако вмешиваться не стал. Не по рангу, видать, против «Черного властелина» идти.

– Отвечай, – повторил уже не так уверенно мучитель.

– А смысл мне общаться с идиотами? – пожала плечами Юля. Бушующий в крови адреналин позволил забыть о боли и недавно порезанном горле.

Она вывернулась из-под захвата – точнее, ей позволили это сделать, шагнула к стоявшим в подвале мужчинам.

– Где вы были, когда ребенок сбегал из дому? Это ведь ты, – повернулась Юля к «русскому», и тот отвел взгляд, – оставил камень переноса без присмотра и позволил его взять? Ты?

«Властелин» вскинул брови, его совиный взгляд потерял кровожадность, и в нем мелькнули искры интереса.

– Хотя представляешь, каким опасным может быть мой мир для маленького ребенка, который никогда в жизни механизмы не видел? Просто чудо, что он не попал под машину или его не переехал поезд. Наши механизмы нельзя остановить мгновенно. Хотя кому я это объясняю? – Она махнула рукой, отворачиваясь. Говорить становилось все труднее, голос подводил, не выдерживая. Да и запал уже прошел. – Только и умеете, что ножичками размахивать. А как воспитывать, так сразу «похитили», «заплатили»! Слабо признать, что от тебя такого, –

обвела его Юля оценивающим взглядом, – самонадеянного просто сбежали? – Она уже перешла на шепот, так как каждое слово давалось ей с болью. – Ты был там, наблюдал. Неужели это было хоть немного похоже на похищение?

– Обвиняешь меня? – вздернул брови главный из «сов».

– Она в чем-то права, – подал голос «русский», за что тут же схлопотал:

– Лучше молчи, с тобой я еще разберусь. А ты идешь со мной, – указал на Юлю.

Сказал – сделал. Он ухватил ее за плечо и направился прочь из подвала. Девушка не возражала – в памяти был жив способ доставки сюда. Закатить истерику и поболтаться на плече – еще успеется.

На узкой лестнице мужчина заставил Юлю идти впереди, и та ощущала ввинчивающийся ей под лопатку взгляд. Так и представлялась тюрьма, конвой и ствол автомата, смотрящий в спину.

Поднявшись, они оказались в широком мрачном коридоре. Теплый свет местных ламп лишь подчеркивал скорбный вид темно-серых, кое-где покрытых мхом камней. Через десяток шагов ее провожатый остановился, притормозив девушку за плечо. Он рассек ладонью воздух, камни на его браслете на мгновение полыхнули синим, пространство дрогнуло и подернулось рябью, а следом за этим проступил совсем другой интерьер.

Словно сквозь мутное стекло, Юля смотрела на огромный зал с высоченными колоннами, а собственные ноги приросли к полу, не желая делать шаг за грань.

– Испугалась? – поинтересовались сзади.

Девушка фыркнула – этого варвара бы в лифт или в метро, тогда бы они сравнили свои страхи.

– Кто знает, как хорошо ты учился в школе, – пробормотала Юля, не рассчитывая на ответ, но ей ответили.

Мужчина развернул ее лицом к себе, впиваясь злым взглядом:

– Сомневаешься в моих силах, чужачка?

Нависший над ее головой здоровяк, который был шире Юли раза в два, мог задавить девушку, просто прижав к стене, – даже меч не понадобился бы. И как-то сразу вспомнилось, что русский здесь понимают и надо бы следить за языком.

– Опасаюсь чужих технологий.

Мужчина хмыкнул, склонился еще ниже. Юля с удовольствием бы отступила, но за спиной была разорванная грань пространства. Пришлось терпеть.

– Опасаться здесь стоит только меня. И, чужачка, разве в твоём мире не принято говорить «вы» тем, кто выше?

– Ты хотел сказать – старше? – уточнила Юля. Нет, а что? Хочет на «вы», будет ему уважительное обращение к старшему поколению. – В моём мире, если тебе тыкают в лицо, нечего ждать вежливости в ответ.

– «Вы», – поправил Юлю воин, – не заставляй меня повторять, а с возрастом, о котором ты говорила, мы разберемся после. Нас ждут, – он подхватил ее под мышки, точнее сказать, попытался, потому как Юля со словами:

– «Вы говорили», – сделала шаг назад.

Нечего ее таскать, она и сама пойдёт, а варвару придется выучить, что уважение должно быть взаимным.

Юля сглотнула, прогоняя тошноту, – в этот раз переход прошел легче, затем огляделась. Они находились в гигантском, размером со стадион, зале. Высокие колонны, расходясь лепестками кверху, поддерживали сводчатый потолок. Здесь было светло, хотя окон заметно не было, а мягкий свет излучали поверхности. Белый цвет был повсюду – точнее, белым было абсолютно все. Но Юля сразу выцепила темное пятно – коленопреклоненного Совенка.

В фигурке со склоненной головой было столько печали, что сердце девушки сдавила боль.

– Аль, – бросилась девушка к ребенку.

Тот вздрогнул, однако позы не изменил. Варвар неподвижной статуей застыл неподалеку, не мешая.

– Аль. – Юля опустилась на колени, прижала к себе застывшее тело малыша, покрыла жесткие волосенки поцелуями, взяла холодные руки в свои ладони, пытаюсь согреть их теплом. Если это наказание, то пусть наказывают ее. Совенок столько всего пережил в чужом мире, что он уже давно раскаялся, что сбежал. Она не позволит над ним издеваться.

– Юля, – мальчишка выдохнул, оттаивая и расслабляясь, – ты пришла. Я так боялся, что ты умрешь. – И он спрятал лицо у нее на груди, а она стояла на коленях, глядя узкую спину.

Внутри все клокотало. Хотелось выть от злости – нелюди даже не сочли нужным сказать, что с ней все в порядке, а ведь последнее, что видел малыш, как ей вскрыли горло мечом.

Страстно хотелось защитить ребенка, спрятать от жестокого мира, а всю долбаную семейку пустить в расход. Юля никогда, даже к брату, не ощущала такого всепоглощающего чувства. Это было странно, но желания анализировать не было. Внутри все горело от решимости утащить малыша с собой и не делить его ни с кем.

Юля подняла голову – ей показалось, что сбоку мелькнули тени. Юля притянула Совенка крепче и поймала себя на порыве зарычать. Тени заволновались. Девушка неотрывно, с охотничьим интересом следила за едва заметным колебанием воздуха, а внутри нее зрела уверенность – тени живые. А раз живые, то им можно и глотку порвать. Даже нужно. Она сглотнула, явственно ощущая привкус горячей крови во рту. Это чувство, а еще глухое, едва слышимое рычание – мамочки, это что, она? – отрезвили.

Юля встряхнулась, моргнула, и этого мгновения теням хватило, чтобы исчезнуть. Еще какое-то время она с подозрением изучала пустоту, потом успокоенно выдохнула, чуть отпуская Совенка.

А вообще странно – в таком огромном зале нет никого, кроме них троих. И мебели тоже нет, даже захудалого трона. Это специальный зал для провинившихся? Богато живут, однако. Столько места для одного наказанного ребенка.

Но если вспомнить, как легко прятал Совенок артефакты, то что мешает спрятать целый полк варваров? Пусть прячут. Юля приказала себе сосредоточиться на ребенке, забыть о собственном помешательстве, а все, кто пока не угрожает малышу, могут жить.

– Когда это я помирать собралась? – выдавила она из себя смешок, добавив нарочито весело: – Я, между прочим, неубиваемая, как... – она запнулась – малыш ведь не знал никого из земных супергероев, – как ящерица, вот! Ей хвост отрежешь, а она новый отрастит, – болтала девушка, усаживая Совенка к себе на колени. Деть обхватил ее за шею, словно боясь, что она исчезнет.

– Да-а-а? – недоверчиво протянул малыш. Его дыхание приятно щекотало кожу, и Юля ощутила, как расслабляется, напряжение отпускает, а странная жажда крови проходит. – Наши ящерицы так не могут.

– И вряд ли у вас получится отрезать ей хвост, – добавил варвар.

И когда только он успел подкрасться так близко, что оказался у нее за спиной? Юля нервно дернулась, оборачиваясь, но малыш вцепился в нее, жарко дыша в ухо.

– Ю-ли-я, – протянул мужчина по слогам, наклонился, оглядел, точно увидел впервые, и добавил: – А вы полны сюрпризов.

Это он на ее проснувшуюся кровожадность намекает? Напрасно. Ей не стыдно. Стыд скончался, когда ей горло перерезали. Вдобавок в материнском инстинкте нет ничего ужасного, разве что странно испытывать такое к малознакомому ребенку, но тут Юля не пыталась анализировать, записав внезапно проснувшееся чувство в область иррационального. А вот вежливость товарища – даже имя вспомнил – настораживала.

– Отпусти ее, братишка, а то задушишь, – посоветовал варвар, и Совенок ослабил хватку.

Отстранился, заглядывая в лицо совиными глазами, на которых уже наворачивались первые слезы.

– Ты ведь останешься, да? Не уйдешь?

Юля замерла, забыв, как дышать, не сразу осознав, что варвар назвал Совенка братом.

– Не уходи, прошу. И на работу тебе не надо, брат обо всем позаботится, обещаю.

О! Варвар, безусловно, позаботится. Навесит с десятков обвинений – похоже, у аборигенов нехватка подозреваемых – и подберет место в камере. Под ложечкой засосало. Догадка, что она может не вернуться домой, стала отчетливей.

Япона мама! Если Юля не появится дома в понедельник утром... На работе удивятся, засчитают прогул, а не дозвонившись – поставят вопрос об увольнении. Альбина Андреевна не прощала наплевательского отношения к дисциплине. Сотрудники из ее отдела вылетали и за меньшее, а Юля продержалась полтора года только из-за личного усердия и самоотдачи. Зато платили больше, чем в других компаниях. И вот теперь из-за одного тупого варвара все старания псу под хвост?!

Ладно работа, но что подумает мама, если она не выйдет на связь в понедельник? Даже представлять не хотелось.

– Прости, Совенок. Я очень-очень хочу с тобой остаться, но дома у меня дела. Ты ведь сильно обо мне сейчас беспокоился?

Малыш насупил брови, нехотя кивнул. Юля вздохнула – хоть разорвись. И не хочется бросать Совенка на растерзание родственничкам, и не бросить нельзя.

– Обо мне тоже станут беспокоиться, если я не вернусь завтра вечером.

Аль наморщил лоб, размышляя, а потом его лицо осветила надежда.

– Но до завтра ты ведь можешь остаться?

Остаться в долбаном средневековье, где «шкафы» с мечами запросто могут убить? А магия... отдельный разговор. Впрочем, к порталам она уже привыкла. Почти... Только отпустят ли ее завтра?

Юля смотрела в глаза Совенку, понимая, что уже согласилась. А если варвар решит, что ей отлично подойдет местная камера, она знает, у кого искать ключ домой. «Русский» слишком хорошо ориентируется в ее мире, чтобы быть там новичком.

Юля перевела вопросительный взгляд на варвара. Хм, если он брат Совенка, то, выходит, принц. Нумерацией с первого до пятого. Вот на что он намекал, требуя вежливого обращения. А она его именovala «Черным властелином» вместо «ваше высочество»...

Глава 3

– Альгар, разреши нам поговорить, – внес разумное предложение варвар.

– Обещаю, я быстро, – проговорила Юля, ставя Совенка на ноги.

Она поднялась и шагнула к ожидающему ее мужчине, но не выдержала и оглянулась, чтобы тут же выругаться – малыш снова стоял на коленях, склонив голову. Юля дернулась назад, но ее ухватили за руку.

– Не стоит, таковы правила, – предупредил варвар.

Юля скрипнула зубами в бессильной ярости. Внутри бушевало пламя, требуя спалить все к чертовой бабушке.

– Это ведь необычный зал? – Девушка попыталась отвлечься от того, кто болью засел в сердце.

– Это зал Скорби.

Ясно. Кому-то белый – цвет радости и чистоты, а кому-то – наоборот. На Юлю в этом зале больше давила пустота: высоченный потолок, гуляющее между колоннами эхо, сквозняк, пробирающийся под куртку, и чувство собственной незначительности по сравнению с местным гигантизмом.

Варвар остановился в десятке шагов от коленопреклоненной фигурки, что-то сделал с воздухом, потому как тот потяжелел, гася окружающие звуки.

– Вы ведь понимаете, что расследование исчезновения его высочества Альгара еще не закончено? – спросил, нависая и осматривая главную подозреваемую. – Но я могу сделать так, чтобы с вас сняли обвинения...

Многозначительная пауза намекала, что бесплатно ее из камеры не освободят.

– И что вы хотите взамен? – Юля отзеркалила его взгляд. Знает, сволочь, что не виновата, а нервы треплет, точно она серийный маньяк с десятком трупов за спиной.

– Ничего сложного. – Мужчина отодвинулся, сложил руки на груди, нацепив на лицо благодушно-высокомерное выражение.

Теперь, когда Юля была в курсе, кто перед ней, заносчивое поведение варвара казалось естественным. Да, бесило, но удивления больше не вызывало.

– Вы будете носить мыслевик и сопровождать его высочество везде, где необходимо. От вас также потребуется уважительное отношение к нашим традициям и законам.

– И насколько вы рассчитываете продлить мой визит? – осторожно уточнила девушка, уже представляя «радость» знакомства с местным обществом и всю прелесть соблюдения неизвестных ей законов и правил. Хотя разве кому-то, кроме Совенка, есть дело до ее трудностей?

– Все будет зависеть от вашего поведения, – оскалился улыбкой варвар, – но постарайтесь никого больше не оскорблять, иначе можете не дожить до конца вашего, – он усмехнулся, – визита.

«Оптимистичное» пожелание, а главное – сразу хочется послать всех в далекое путешествие. Как в том анекдоте: «Вот вам пять тысяч, и не перебивайте».

– Тогда начнем с вас? – вскинула Юля брови, склонила голову, оценивающе оглядывая варвара – хорош: высокий, широкоплечий, brutальный. Хищным профилем напоминает народ команчей Северной Америки. Темная, выдубленная кожа. Густые серые брови и необычный темно-серебристый цвет волос, а про глаза... стихи сочинять можно. – Как мне вас называть?

– Достаточно будет «ваше высочество». С короткой памятью, как у вас, и привычкой сокращать имена я не хочу рисковать.

Юля фыркнула – у варвара точно пунктик касательно имен и титулов. Что возьмешь с аристократа... Не понимает, что Альгар – имя для шестого принца. Для того, кому не повезло родиться в венценосной семье – заволновались, только когда сбежал и вовлек их в скандал. Аль – имя для них двоих, и она будет его так называть, даже если варвар облысеет от злости.

Но каков! Имя свое побоялся назвать, точно она слабоумная. Что же... сам виноват. Она постарается придумать что-нибудь достойное столь «славного» господина.

– И чтоб вы знали. «Черным властелином» называют себя вожди племени сиртсов. Они моются два раза в год, никогда не стригут волосы и поедают внутренности своих врагов.

Выдав сию убийственную информацию, варвар поискал следы раскаяния на лице девушки, но та лишь вежливо улыбнулась в ответ:

– Простите, не знала. У нас «Черные властелины» моются чаще.

Ее самому честному взгляду варвар, кажется, не поверил, еще с полминуты разглядывая с подозрением, но Юле удалось удержать невозмутимое выражение лица, и его высочество отвернулся, пробормотав что-то на местном.

– Я не слышал ваш ответ.

Юля потеряла горло, залитый кровью край кофты засох и неприятно царапал кожу. Помыться бы и переодеться, но здесь забота о гостях ограничивалась допросом и пыткой. Ах да, на десерт предлагались запугивание и шантаж. Но просить что-либо у варвара... Лучше грязной ходить, чем унижаться перед «шкафом» в доспехах.

– Значит, носить мыслевик и сопровождать?

Мужчина кивнул. Звучало несложно, но кто знает, как оно окажется на самом деле. Однако Юля сейчас не в том положении, чтобы диктовать условия. Придется верить на слово, которое варвар мог изменить в любой момент.

Потребовать гарантий? И нарваться на возмущенное: «Не верите моему слову?» Так и к камере вернуться можно, а попасть туда Юле не хотелось. Для впечатлений хватило и пыточной.

– Хорошо, я согласна. Что касается оскорблений, держитесь от меня подальше – и никто не пострадает, – мило улыбнулась она, глядя, как его высочество недовольно поджимает губы.

– Надеюсь, – с нажимом произнес варвар, – на ваше здравомыслие.

Юля могла бы долго рассуждать о том, что понятие здравости у них разное, но махнула рукой – сутки как-нибудь продержится, а там придумает способ вернуться домой. Если ребенок смог, почему бы взрослой тете не справиться?

– Я могу его забрать? – спросила Юля, с болью глядя на Совенка.

– Вы – да, – подтвердил варвар.

– А наказание?

– Не ваша забота. Вы же собираетесь вернуться? – подколот ее варвар. Вот пойми его: то обвиняет в похищении, то в вину ставит желание вернуться. Как собака, честное слово: и кусает, и уйти не дает.

Она не собиралась оправдываться. Если тупому варвару непонятно, что у взрослого человека могут быть свои обязательства, то он... просто тупой варвар.

— Аль, вставай, мне разрешили тебя забрать, — обняла девушка худенькое тельце, прижимая к себе. И сразу неважными показались причины, требовавшие возвращения домой.

— Юля, — выдохнул Совенок, утыкаясь лицом ей в живот.

— Я останусь здесь до завтра. Покажешь свою комнату? — с напускной беззаботностью проговорила девушка, глядя детям по жестким волосам. Ее сложности не должны ранить ребенка.

— Останешься? — Совенок заглянул в лицо, и она кивнула, но малыш внезапно нахмурился, повернулся к варвару.

— Брат, ты даруешь Юле свою защиту? — спросил требовательно.

Варвар в ответ едва заметно скривился, словно его попросили о чем-то неприличном.

— Мне не нужна защита, милый, — попыталась отказаться Юля, но малыш заупрямился:

— Нет, нужна. Я же принял твоё покровительство, так почему ты отказываешься?

Ничего непонятно, но в целом мысль улавливалась. Привела домой, покормила, одела — это покровительство? Если так, пусть будет, как хочет. Главное, чтобы покровитель не придумал лишнего.

— Твой брат может не согласиться, — привела весомый аргумент Юля.

Варвар вскинул бровь, прищурился и разъединил браслет, отщелкнув от него узкое кольцо.

— Я согласен. Твоя просьба разумна. Этой женщине лучше ходить под моей защитой.

Звучало, точно ее на поводок сажали. Впрочем, без присмотра все равно не оставят. Так что одним присматривающим больше, одним меньше...

— Спасибо, Фильярг, — просиял малыш.

— Фильярг? — с предвкушением уточнила девушка, раздумывая, что выбрать для его высочества: Филь или Ярг, но ее опередили, легко угадав намерение по выражению лица.

— Даже не думайте, — предупредил с угрозой мужчина.

– Не думать не могу, – честно призналась девушка, – а остальное – зависит от вас.

Варвар смерил ее недобрый взглядом, обещая вернуться к версии главной подозреваемой, а заодно и к пыткам, но Юля и бровью не повела – и пострашнее видали взгляды, особенно у начальства на работе.

В итоге взглядами их противостояние и закончилось. Варвар вернул себе отстраненно-высокомерный вид и официально произнес в пустоту:

– Я, Фильярг Соваш Ангальский, четвертый принц эсхарата Асмас, наследный правитель Четвертого тэората, принимаю Ю-лию Никольскую, гостью из мира Земля, под свою защиту и покровительство.

Кровожадно-алым полыхнули камни на обеих частях браслета, и Юля внутренне содрогнулась, с трудом поборов желание спрятать руки за спину.

– Позвольте.

Пришлось постараться, чтобы протянутая варвару рука не дрожала.

Браслет защелкнулся, тело на мгновение окуталось теплом. Юлия поежилась – магия оказалась серьезным испытанием для нервной системы. Невидимое, но ощущаемое воздействие воспринималось чужеродным. Мозги начинали тихо закипать от попытки уложить картину нового мира в голове. А то ли еще будет...

Она полюбовалась на усыпанный алыми камушками узкий и довольно увесистый браслет, сделанный из неизвестного белого металла.

– Покровительство означает, что теперь меня убить сможете только вы? – внесла уточнение девушка.

Мужчина благодушно ухмыльнулся:

– Вы верно понимаете ситуацию, Ю-лия.

Его высочество ухитрился короткое имя разбивать на два. И это Ю – пауза – лия начинало выводить из себя.

– Вам пора, – не стал затягивать с церемонией он, открыл портал и приглашающе махнул рукой. – Прошу. Я присоединюсь позже.

Совенок потянул Юлю, торопясь покинуть зал Скорби. Переход – и они вышли в широком коридоре, где пол был вымощен серым

камнем, стены покрыты белой, блестящей облицовкой, сводчатый потолок – а здесь любили высоту и простор – освещался магическими лампами. Двери повторялись через каждые метров десять. Это явно были господские покои, а не коридоры тюрьмы, куда Юлю притащили первый раз.

– Почему ваши порталы не калечат, открываясь прямо внутри дома? – спросила девушка, едва поспевая за набравшим скорость малышом.

Совенок чуть притормозил, но тут же рванул вперед:

– Не знаю, но никогда не слышал, чтобы кого-то покалечило.

Значит, решили этот вопрос с открытием портала в помещении. И Юля поставила себе мысленную пометку: если доживет, пообщаться с «русским». Интересно же.

– Помнишь о вальшгасе? Обязательно сходим в загон. Еще пойдем в плавающие сады и в призрачную галерею, тебе понравится, – фонтанировал идеями Совенок. Как и любой ребенок, он уже забыл о слезах, наказании и неприятностях.

Юля так быстро переключаться не умела и настороженно поглядывала по сторонам, идя следом за малышом. Накаркала.

Одна из дверей распахнулась, и в коридор вывалилась целая процессия. Ну как вывалилась... Степенно и величественно вытекла из двери, и было ясно, что избежать встречи не удастся.

Высшее общество эсхарата Асмас предпочитало черный, темно-зеленый, серый и синий цвета. Красный, золотой и серебряный Юля заметила на вышивке, которой щедро были украшены наряды. Мужчины здесь носили обтягивающие брюки, рубашки с широкими рукавами и жилеты: короткие, средние или длинные. А еще на жилетах болтались платки, идущие по правой стороне тела от груди до рукава. Женщины были в длинных, до пола – кто бы сомневался, – приталенных платьях и аналогичных жилетах, отличающихся от мужского варианта более богатой вышивкой. В остальном все было знакомо: серо-белые шевелюры и надменные лица.

Процессия хозяев жизни замедлила шаг. Совенок, наоборот, ускорился, идя на таран. Юля уже приготовила извинения – пусть на русском, зато с улыбкой, но тут рослый мужчина преградил им дорогу, и деть был вынужден остановиться. По девушке скользнули недоуменные взгляды. Еще бы – джинсы, кроссовки, кофта и

длинная — до колен — ветровка-парка ярко-оранжевого цвета не вписывались в местную моду. Юля специально решила соблюсти баланс — не платье, но попа прикрыта, а кроссовки и джинсы — как чувствовала, что пригодятся.

Далее последовал обмен репликами. Дядя наседал на ребенка, багровея лицом и повышая голос. Совенок вяло оправдывался, опуская голову. А на Юлю вновь начало накатывать. Ненависть, точно живое существо, билась внутри, требуя крови. Был бы в руках дробовик — так бы и зарядила в живот.

Она и сама не поняла, что сделала. Просто в какой-то момент мужик занес руку, чтобы дать оплеуху Совенку, и Юля оказалась между ним и ребенком, сдавливая чужое запястье. Вроде просто сжимала, а мужик почему-то заорал, обмякая к ногам девушки.

Коридор взорвался визгом и криками. Голосило сразу несколько дур, то есть дам, а вот кавалеры на визг размениваться не стали. В лицо Юле ударил теплый порыв ветра, краем глаза она заметила цветную пыль, а потом от браслета во все стороны, обходя Совенка, разошлась волна силы. Без звука снесла аристократов к стенам, расчистив дорогу.

Юля залюбовалась живописной картиной — кое-кто сползал на пол вниз головой. И панталоны у них здесь... так себе. Не чета земному белью.

— Пошли, — дернул ее за рукав куртки Совенок.

Юля встряхнулась — действительно пора убираться, а то на шум еще принесет Филя...

Девушка обошла постанывающего мужчину, баюкавшего руку. Какие здесь нежные, однако, товарищи... По виду и не скажешь.

Неплохая защита у варвара, думала Юля, идя следом за Совенком. Только вопросов возникало сразу два: насколько хватит заряда браслета при частом использовании, а что оно будет частым, девушка не сомневалась. Местное общество вызывало изжогу и желание обзавестись пулеметом. И какотреагирует его высочество на столь вольное обращение с артефактом? После сегодняшней стычки Юля опасалась, что Фильярг предпочтет прибить гостью, чем разбираться с жалобами товарищей.

— Скажи, а кто это был? — спросила, решив заранее оценить масштаб проблемы.

– Дядя, – недовольно буркнул Совенок, пояснив: – Второй брат отца. Его из тэората сняли, он сюда вернулся, ждать волю. Но ты не бойся. Его здесь никто не любит.

То, что не любят, и то, что всего лишь дядя, а не старший брат или правитель – радовало, зато остальное было непонятно. Однако уточнить не успела – пришли.

Коридор заканчивался впечатляющей дверью из темного дерева, за которой открывалась часть стены, соединяющая два здания. Или две части одного здания. С какой стороны посмотреть. Здесь Юля залипла, потому как за каменным парапетом обнаружился потрясающий – дух захватывало – вид. Прямо напротив места, где они стояли, шла невысокая, заросшая лесом гряда. Над густым подлеском вставали настоящие великаны с огромными, зонтичными головами. Между ними острыми пиками стремились в небо деревья, похожие на кипарисы. Юля смогла выцепить и нечто точь-в-точь как сосна, но с более длинными иглами, и гигантские папоротники. Чем-то увиденное напоминало картинки инопланетной флоры и одновременно доисторического леса. И над всем этим великолепием простиралось практически питерское серое небо. Лишь пара облаков решила отдохнуть на вершине гряды, неспешно перетекая в ущелье.

В этом мире было утро, рассвет набирал силу, активно выгоняя из ущелья ночные тени. Холодный ветер, гуляющий по стене, намекал, что день будет прохладным. Юля поймала на носу снежинку, поежилась. Вспомнила местные наряды – она бы не отказалась от теплого жилета.

– Нравится? – осведомились из-за спины, и рядом с ней, на парапет, легли ладони в кожаных перчатках.

– Пейзаж – да, потрясающий, а вот люди, – Юля замялась, но решила быть честной, – не очень.

– Вы про тех, кого оставили лежать в коридоре? – буднично осведомился варвар.

– Про них, – со вздохом призналась девушка. Все равно ведь доложат, так лучше здесь пообщаться, чем в пыточной.

– Вам повезло. Этот человек не опасен, но следующий раз можете нарваться на неприятности. Если вам настолько недорого жизнь, скажите – я распоряжусь ею по-своему.

То есть порка отменяется? Юля воспрянула духом. Мысль, что она может подставить Совенка под худшее наказание, не отпускала. Даже собственное сумасшествие не казалось таким уж важным, как риск подвести малыша. А предложение варвара... Подавится. Пусть своей жизнью распоряжается, а в ее не лезет.

– Обязательно извещу вас о своем решении, – ответила Юля, усмехнувшись про себя – настолько чопорно прозвучала фраза.

– Крупные у вас тут птички, – отвлеклась она на темный силуэт, парящий над горами.

– Это калкалос, та самая ящерица, которой вы хотели отрезать хвост.

Юля прищурилась, вглядываясь – ящерицу, которая летает, хотелось рассмотреть в деталях, – и едва не заорала, обнаружив, что расстояние между ними схлопнулось и она смотрит в узкие, вытянутые зрачки дракона. Девушка с испугом отшатнулась, разрывая контакт. После удостоверилась, что никакого дракона и в помине нет: она все так же стоит на стене, а за спину ее поддерживает мужская рука.

– С вами все в порядке? – обеспокоенно осведомился варвар, или же Юле захотелось услышать беспокойство в его голосе.

– Да, все в порядке.

Она шагнула, разрывая телесный контакт. Нечего тянуть к ней руки! Юля еще помнит, чем закончились первые обнимашки.

В порядке ли она? Ни черта не в порядке! Когда сумасшествие начинает атаку на мозг, привыкаешь к странностям. Привиделась морда дракона? Необычно, но не смертельно. Гораздо занятнее, что будет дальше. Голоса в голове?

– Лысая обезьяна! – Шипящий рокот ввинтился в мозг. Голос был нечеловеческим и больше напоминал перекачивание гальки по дну реки, чем привычную речь, но смысл улавливался четко.

– Двуногая, бесхвостая, тупая и ползающая по земле обезьяна, – добавил подробностей голос.

Юля готова была смириться с собеседником в голове, но терпеть оскорбления – не в этой жизни. Подсознательная уверенность, что обладатель шипящего баритона сейчас усиленно машет крыльями в их сторону, крепла с каждой секундой.

– Чешуйчатая ящерица, – пробный пошел.

– Жаба с крыльями, пожиратель помета, выползень бородавчатый. – Снаряды ложились кучно.

Дальше фантазия примолкла, собираясь с силами, голос тоже не подавал признаков жизни. Юля искренне пожелала ему немоты, годков этак на десять.

– Странно, – задумчиво проговорил варвар, – и что его здесь привлекло?

Юля вгляделась в горизонт – черное пятно быстро увеличивалось в размерах. Уже четко были видны крылья, узкая длинная морда и гребень на спине.

– Двухногая личинка навозника, – умоляюще пророкотало в голове. Восторг, предвкушение... Ей с трудом удалось отделить чужие эмоции от своих.

– Червяк, возомнивший себя птицей.

Волна восторга была столь сильной, что Юля подпрыгнула на месте, поймала странный взгляд варвара и едва удержалась, чтобы не показать мужчине язык. Он посмотрел на небо, покачал головой:

– Сюда направляется.

– Заметил что-то, вот и решил посмотреть. Глупый же. – Совенок взял ее за руку.

– Глупый? – с сомнением протянула девушка. По ее мнению, чешуйчатое нечто было похабником со стажем, а вот глупым – вряд ли.

– Ага. Когда-то они вместе с людьми населяли Шайрат, но потом Девятиликий обиделся на них и лишил мозгов. Правда, они схитрили и смогли сохранить часть.

– Вижу, ты плохо помнишь легенды, – пожурил младшего брата его высочество, – повтори, вечером проверю. Но в целом он прав, Юлия. Калкалосы считаются частично разумными. Пусть они не нападают без причины, к ним лучше не приближаться. Да они и сами к себе не подпускают. Было время, когда их почти истребили, но сейчас охота в прошлом.

Юля с предвкушением смотрела, как дракон опровергает слова варвара. Встав на одно крыло, он заложил лихой вираж над башней, сложил крылья, нырнул вниз и плюхнулся на живот метрах в пяти от них. У его высочества от удивления закончились слова, Совенок издал восхищенное:

– Еш-ш-шь!

При звуках его голоса Филь отмер. Закрыв их собой, спрятав за широкой спиной. Еще и меч потянул из ножен.

– Вы сказали, что они не нападают?

В голове ехидно хихикнули.

– Значит, не о чем волноваться.

Юля обогнула фигуру варвара и остановилась, поймав взгляд вертикальных зрачков. Дракон был небольшим – туловище размером с газель. Длинная шея, кожистые крылья с когтями для ползания по скалам, шипастый хвост и очень – ну очень – выразительный взгляд давно живущего существа, уверенного, что в жизни самый здоровый смех – это ехидный, а все остальное – чешуя.

На Юлю повеяло таким родным и знакомым, что она невольно прислушалась – не раздастся ли поблизости голос Любки. Но нет. Позади оживленно сопел Аль, его брат изображал готовность к атаке, и Юля надеялась, что ему хватит выдержки не броситься на дракона.

А Любка... Второй такой в жизни ей больше не встретилось. Шквал идей, взрыв энергии, азарт во всем: от рыбалки до езды на велосипедах. Они встречались летом в деревне, куда Юля приезжала с Сережкой, пока бабушка была жива. И по вечерам, сидя на лавочке у забора, развлекались, придумывая смешные прозвища знакомым и друзьям. На их гогот оборачивались, грозились, но сделать ничего не могли. Золотые были времена, н-да...

– Можно? – с замиранием спросила Юля, делая шаг к дракону.

Глава 4

Удивительно, но варвар понял, что обращалась она не к нему. Препятствовать не стал, мол, идите, товарищ Ю-лия, в пасть дракона, если вам так хочется.

В пасть не хотелось, но калкалос приглашающе вытянул шею, искушающе сверкнул глазами и пророкотал:

– Испугалась, слизь желтобрюхая?

Допустим, не желтая, а рыжая. И кто еще испугался? В пять шагов она добралась до морды, с вызовом найдя свое отражение в золотистых глазах. Задрала голову – крупный, поганец. Схрумкает ее раза за три или даже в два уложится – ростом Юля не вышла, до модельного на целую голову недотягивала.

В припадке бился инстинкт самосохранения, дрожали в азарте поджилки, и хотелось невозможного.

– Ты кого слизью назвал, плешивый тритон-переросток?

Юля протянула руку, не решаясь дотронуться до глянцевого носа, но дракон сам коснулся ее ладони, и она замерла, млея от восторга. Нос был гладким, прохладным и кожаным на ощупь. Понимание, что она гладит дракона, рождало шквал эмоций.

За спиной тихо переговаривались.

– Она же его понимает, да?

– Определенно.

– Но ты говорил, что это сложно.

– Сложно. Я сам долго учился, но здесь, видимо, совпали характеры.

За такой вывод варвара хотелось прибить, однако желание помочь Совенку пересилило. Вот подкопит она счета к его высочеству и выкатит за все разом.

– Аль, иди сюда, – позвала Юля, и малыш с готовностью подбежал, вставая рядом.

– Давай помогу, – подняла она его на руки, чтобы тот смог дотянуться. – Сосредоточься. Протяни руку, коснись и попробуй что-нибудь сказать про себя. Еще лучше представь, что у тебя дуэль с противником. Только не на кулаках, а на словах. Понял?

– Ага. – Малыш кивнул, зажмурился, сосредотачиваясь. Положил крохотную ладошку на гладкий черный нос, наморщил лоб, стараясь изо всех сил, чтобы через минуту издать восторженный вопль: – Получилось! Я его услышал! Он назвал меня лысым яйцом.

Юля испытала прямо-таки материнскую гордость за подопечного.

– Спасибо, – поблагодарила она дракона, так как была уверена, что тот сам выбирает с кем «разговаривать» и обучение местных здесь совсем ни при чем.

Совенок вывернулся, подбежал к брату, теребя его за край куртки:

– Ты сказал, что я услышу калкалоса, когда стану взрослым. Значит, я уже взрослый?

И столько ожидания было в этом вопросе, что Юле стало ясно – детю позарез надо нечто особенное, а взрослые отнекиваются, кивая на возраст.

– Нет, Альгар, ты не стал взрослым, – спокойно ответил Фильярг.

И все. Ни гордости за брата, ни «Какой ты молодец». Этого Юля вынести уже не могла.

Дракон понял все без слов. Взмахнул крыльями, Юля отошла, освобождая место для взлета, но ящер запрыгнул на парапет и оттуда просто сверзился башкой вниз. Девушка ахнула, свесилась, высматривая позера.

– Прощай, лысая личинка, – раздалось в голове, и над стеной взмыл крылатый силуэт, – если понадобится – зови, услышу.

– И тебе не хворать! Спасибо! – прокричала Юля, маша рукой. Повернувшись к Совенку, присела, обняла.

– Ты молодец! Сразу услышал калкалоса, тогда как некоторым понадобилось для этого много времени, – покосилась она на Филя, но тот и бровью не повел. – Такой талантливый ребенок, что впору начинать бояться.

Совенок просиял:

– Правда?

– Конечно, – улыбнулась Юля. Этим глазам, курносому носику и щечкам невозможно было не улыбнуться.

А вот Филь остался верен себе – невозмутим, как статуя. И так же немногословен.

Потом они шли по длинным переходам, поднимались по крутой лестнице. Нагулявшись с утра, Юля ощутила, что ноги уже гудят от

усталости.

– И почему нельзя было открыть портал? – спросила она недовольно на очередном повороте. К хорошему быстро привыкаешь. Скоро начнет требовать портал в ванную или в туалет.

Юля не рассчитывала на ответ, но его высочество соизволил пояснить:

– Это башня принцев. Сюда невозможно открыть портал.

Из-за безопасности, догадалась девушка. Чтобы ни один наемный убийца не добрался до голов их высочеств.

– Мы пришли, – сказал Фильярг, когда они остановились напротив двухстворчатой двери.

– Покои шестого принца, – объявил он, добавив: – Ваши дальше по коридору. Их скоро подготовят.

Совенок распахнул двери, первым влетая в комнату и останавливаясь сразу за порогом.

– И где все? – спросил ребенок, обводя растерянным взглядом безлюдное помещение. По мнению Юли, вполне достойное – на принцах здесь не сэкономили. Большая овальная комната, панорамное окно и три двери, ведущие в другие комнаты.

– Альгар, новых слуг пришлют завтра. Сегодня не успели никого найти. Но у тебя есть Ю-лия, ты не будешь один.

– Новых?

Отвлечаясь на рассматривание убранства Юля обернулась. Нахмурилась, заметив в глазах малыша дрожащие слезы.

– В чем дело? – спросила она у варвара.

– Они! – срывая голос, зло выкрикнул малыш. – Убрали! Всех!

– Всех, кто недосмотрел, – едва слышно, для Юли, пояснил варвар.

И среди этих «всех» был кто-то дорог Совенку... Юля вздохнула. Чем тут помочь? Уволить – она искренне надеялась, что слуг именно уволили, – было жестким, но оправданным решением. Недосмотрели за ребенком, позволив ему сбежать из дому. Такое сложно оправдать.

– Аль, – наклонилась Юля, заставляя малыша смотреть ей в глаза, – ты же понимаешь, слезами тут ничего не исправить. Сбежав из дому, ты повел себя как маленький ребенок. А ведь ты – принц. На тебя смотрят, равняются. А что будет, если все дети начнут сбежать из дому, потому что шестой принц подал им такой пример?

Совенок засопел, шмыгнул носом, и Юля вытерла бегущую по его щеке слезу.

– Никто на меня не смотрит, – возразил он, но неуверенно.

– Это тебе так кажется. Ты – лицо страны. Хочешь этого или нет. Но я знаю, как помочь твоему горю. Не прямо сейчас, чуть позже. Докажи, что исправился. Стал достаточно взрослым, чтобы принять ответственность. Сделай что-нибудь особенное. Уверена, отец захочет тебя наградить. И ты сможешь вернуть кого угодно.

Юля не представляла, как его величество общается с детьми, но хотелось надеяться, что как-то общается. Да и просьба – вернуть слугу в дом – не такое уж невыполнимое желание. Сейчас, конечно, все станут выдерживать характер, замена слуг – часть наказания, но, когда страсти поутихнут и побег забудется, можно попытаться. Если у Совенка есть характер, он добьется своего, нет – не очень-то и нужно было.

Кажется, ее речь произвела благоприятное впечатление на варвара, потому как он решил озаботиться комфортом гости.

– Альгар, Ю-лии надо помыться и переодеться. Одежду скоро принесут. Вашу оставьте, ее приведут в порядок.

– А можно мы в котел пойдем? – подпрыгнул Совенок, слезы на лице разом высохли, и только внимательный взгляд мог заметить грустинку, поселившуюся в глубине карих глаз.

– Можно, – разрешающе кивнул Фильярг. – И, Сове... – Запнулся, моргнул, на лице промелькнула тень раздражения. – Альгар, – исправился варвар, бросив обвиняющий взгляд в сторону Юлии, – не торопитесь. Котел сегодня свободен.

В дверь постучали. Филь снизол до того, чтобы открыть и принять стопку одежды и лично передать ее Юле.

Стопка была высокой – хозяева расщедрились на «переодевашки». Принимая вещи, девушка коснулась затянутых в перчатки рук и неожиданно смутилась. Виной тому был пристальный мужской взгляд, от которого внезапно стало неуютно.

Нет-нет! – встряхнулась Юля. Только отношений в чужом мире ей не хватает. С отсутствием контрацепции и невозможностью в случае чего призвать папашу к ответственности...

А Совенок уже тянул ее к одной из дверей, за которой обнаружился коридорчик, с одной стороны ведущий в туалетную

комнату со вполне узнаваемыми удобствами, с другой – утыкающийся в лестницу.

– Подожди меня, – попросила девушка, закрываясь в туалетной комнате.

Глянула в зеркало, вздрогнула. С таким прикидом ее в любой клуб на Хэллоуин без очереди пустят. Бледное лицо, лихорадочно блестящие глаза, в которых застыло удивление и шок Алисы, падающей в кроличью нору, встрепанные волосы, которые она тщетно попыталась пригладить, но самым шиком была залитая кровью верхняя часть тела. Капельки брызг живописно начинались от подбородка, на шее и груди превращаясь в сплошные потеки. Юля вспомнила недавнюю встречу. Крепкие у товарищей нервы. Она бы от такой «красоты» шарахнулась и сама бы дорогу уступила, а эти и глазом не моргнули – привыкшие.

Долбаное кровавое средневековье. Зато все дурные мысли из головы как метлой вымело. Что там у этой «статуи» на уме? Сегодня он положительный, заботливый, а завтра меч в руки – и голову с плеч? Не-не. Никаких варваров с мечами. Сутки еще продержаться, а там, если его высочество смилует, домой.

Юля стерла кровь с куртки, на кофту махнула рукой и потопала в загадочный котел.

Сначала они долго – этажей шесть – спускались по лестнице. С каждым пролетом воздух набухал сыростью, стены «плакали», на ступенях кое-где блестели лужицы воды, и все более ощутимым становился запах серы. Миновав последний пролет, они оказались в вытянутом помещении, откуда несколько дверей вели в раздевалки, они же помывочные. Комнатки были разделены на две части, в одной находились краны: верхний, нижний – и углубление со сливом в каменном полу. В другой, застеленной деревянным полом, следовало переодеваться. На ноги предлагались деревянные шлепки размера эдак сорок пятого – лапы у принцев были внушительными.

– Выбирай любую, – махнул рукой малыш, – повезло, мы здесь одни.

– А что из этого здесь носят? – Юля с сомнением покосилась на одежду в руках. Идея с обнаженкой ее не привлекала. Это сейчас здесь никого, а потом всем внезапно понадобится принять банные процедуры.

Совенок порылся в стопке, выудил две ночнушки. Одну маленькую, вторую побольше. Ее и протянул Юле. Девушка помяла непривычную ткань – ни на что не похожую – и поспешила в комнатку. Грудь уже не чесалась – она горела, и нестерпимо хотелось все с себя снять.

Вторая дверь из помывочной вела в просторное помещение, чьи стены терялись в густых горячих клубах пара. В центре, куда Юля добралась почти на ощупь, возвышался сложенный из камней резервуар с водой. Он действительно напоминал котел, в котором плевалась, бурлила и поднималась к потолку паром вода, слегка пахнущая серой.

– Ближе не подходи, может и брызнуть, – предупредил Совенок, нарисовываясь рядом. В ночнушке, с намокшими волосами, зарумянившимися щеками и приоткрытым от жара ртом он походил на девчонку.

Юля вдохнула глубже, закашлялась, запах серы, хоть и несильный, портил всю прелесть местной бани.

– А есть мыло? Душистое? Или ароматическое масло? – Идея родилась сама собой.

– Есть, – кивнул Совенок. – Выйдешь обратно в зал. Последняя дверь – кладовая. Выбирай что хочешь.

Юля и не думала стесняться. От бадейки с жидким мылом, куда она добавила масло с ароматом, напоминающим мяту, его величество не обеднеет.

Юля вышла спиной вперед, одной рукой закрывая дверь, а второй придерживая бадью, и услышала шаги. Резко обернулась, опасно забалансировала в огромных сандалиях, бадья начала выскальзывать. Юля успела подхватить ее в последний момент, а вот мыло спасти не удалось.

– Ой!

Зрелище стекающего по обнаженному торсу варвара жидкого мыла цвета морской волны собрало бы на Тик Токе сотни восторженных отзывов. Объективно, там было на что посмотреть и даже потрогать, но все портил дурацкий аромат мяты. Вкупе с каменным выражением лица, на которое тоже, кстати, попало... Юля зажала рот рукой, сдерживая прорывающийся смех.

Его высочество величественно стер каплю мыла со щеки, стряхнул на пол и вопросительно вздернул бровь.

Все. Больше держаться не было сил.

– П-п-простите, – выдавила Юля, склоняя голову и пряча лицо. Хотя... что там прятать, когда смех, зараза, лез наружу, точно упрямое тесто из кастрюли.

Девушка обогнула одетого в легкие штаны варвара, спасаясь бегством. Ввалилась в котел и рухнула на ближайшую лежанку из отполированного камня, уже не сдерживая хохота.

– Не будет нам мыла, ха-ха. Я его... хрм... на твоего... ой, не могу, ну и рожа была... братца вылила. А он... такой, а-а-а, молча обтекает.

– На Фильярга? – ахнул Совенок.

– На него, родимого, – кивнула Юля, – целую бадью мыла. Еще и с мятой.

Смеялся Аль потрясающе. Сначала задирался вверх кончик носа, растягивались в улыбке губы, на щеках появлялись очаровательные ямочки, в глазах загорались золотые искорки, потом смех начинал сотрясать тельце, даже брови и уши участвовали в веселье. И глядя на угорающего Совенка, смеяться хотелось еще больше.

Мужчина постоял за дверью, ведущей в котел. Послушал доносящийся из-за нее хохот – детский и женский. Покачал головой. Эта женщина снова ставила его в тупик. Вместо того чтобы пасть ниц и молить о прощении, она вздумала над ним смеяться! Нет, не смеяться, а самым натуральным образом ржать, точно он – шут, а не четвертый сын его величества.

Фильярг стер мыло с груди, принялся – воняло так, что глаза начинали слезиться и хотелось чихать. Ужасная, невозможная женщина. Он развернулся и отправился под воду – смывать с себя следы безобразия. Если Третий унюхает – не обойдется без подколов, а над ним сегодня и так на месяц вперед насмеялись.

Не зря говорят, что смех лечит. Отсмеявшись, Юля ощутила, как легче становится на душе, отступает призрак истерики и страх становится более взвешенным. А его высочество... Конечно, может и характер проявить, но вряд ли перейдет к военным действиям. Явно ему от нее что-то надо...

Совенок в последний раз икнул от смеха, выдохнул и предложил:

– А пойдём в Бездну? Мне туда одному запрещено, а с тобой можно.

Хотелось спросить, а почему сразу не в ад, но, с другой стороны, в котле были, почему бы и в Бездну не наведаться, и Юля согласилась.

Неприметная дверь вела в узкий коридор. Низкий потолок, пол, отполированный ногами, но все еще остающийся неровным, фосфоресцирующий мох на камнях, дающий бледно-лиловую иллюминацию. Складывалось впечатление, что проход вырублен прямо в горе.

Идти молча по изгибающемуся проходу было неинтересно, поэтому Юля спросила:

– Аль, а сколько у тебя братьев?

– Первых? – уточнил Совенок. – Пять, но будет семь. А вообще нас всегда восемь.

Юля запнулась, прокляла шлепки, плюнула – сняла и пошла босиком. В коридоре было приятно прохладно, откуда-то тянуло свежестью, и после душного котла дышалось полной грудью.

– Первые – это принцы?

Продираться сквозь детский взгляд на иерархию чужого мира было непросто, но Юля не сдавалась.

– Нет, – помотал головой Аль, – Первые – это Столпы Асмаса.

Деть явно повторял чужие слова, а вот понимал ли их – тот еще вопрос. Спрашивать было неудобно, но Юля не утерпела:

– А если первой родится сестренка, тоже станет Столпом?

Аль даже остановился, возмущившись на нее в возмущении.

– Первый – всегда мальчик. – И добавил задумчиво: – Хотя у седьмой мамы никак не получается.

Какое-то время Юля переваривала услышанное, и утопавшего вперед Совенка ей пришлось догонять.

В целом логика прослеживалась. Вряд ли ее величество осилила бы такую нагрузку в одиночку, причем регулярно, из поколения в поколение. А так – требуется его величеству – интересно, кстати, у них король или император? – ровно восемь первенцев (если она правильно понимает значение «первых»), вот и заводит, бедолага, восемь жен, с каждой получая по мальчику. Восемь принцев, восемь мам и один папа... Какая-то извращенная арифметика.

– Аль, а ты познакомишь меня с твоей шестой мамой?

Если она не ошиблась, то мама Совенка идет под номером шесть. И он сейчас самый младший среди Первых, так как у седьмой мамы никак с первенцем не получается...

– Мама ушла в гарфар сразу после моего рождения.

Что такое гарфар, Юля не знала, но сердце подсказало ответ.

– Прости. Мне жаль.

Совенок беспомощно улыбнулся.

– Я ее не видел и не помню. Она только посмотрела на меня и умерла. Говорят, ритуал ей был не по силам, а она все равно прошла его, чтобы я родился. А еще говорят, – Аль опустил голову, кусая губы, – из-за того, что шестая мать была слабой, я тоже слаб.

Оставить такое без ответа было нельзя. Юля присела на корточки, заглядывая Совенку в лицо. Так и есть – в карих глазах дрожали слезы.

– Знаешь, у нас был один полководец. Кучу сражений выиграл, войска его боготворили, а в детстве хилым был, болел часто, учебу пропускал. Потом взял себя в руки, начал тренироваться и стал одним из самых знаменитых военачальников в истории. Так что не бери в голову. Если внутри есть сила, человек не будет слаб. А трус сколько угодно может мышцы качать, в сердце трусом и останется. Понял?

Совенок нерешительно кивнул. Конечно, Юля и не рассчитывала на мгновенный эффект. Когда тебе с детства намекают на слабость и тычут в лицо смертью матери – одной речью тут не поможешь.

А вообще интересный расклад. Его величество... настоящий отец-производитель. На взгляд Юли, больше одного прямого наследника – сплошной головняк для государства, а тут их целых восемь. С девочками проще. Выдал замуж, лояльность зятя приобрел или его страну под свой протекторат заполучил. А восемь пацанов, которые горло друг другу начнут грызть за власть? Нет, она решительно местных не понимает.

Еще тэораты, которыми правят братья. Зачем усложнять? Если тэорат – часть страны, вполне можно губернатора назначить из подданных. Или подданным тут совсем не доверяют? Впрочем, наследник для его величества не проблема... Опять же имеется ритуал, за который на Земле товарищи в арафатках и тюрбанах золота не пожалеют.

Юля представила, как его величество подходит вечером к кровати энной по номеру супруги, морщит лоб и решает: «А зачну-ка я сегодня

наследника».

И зачинает. С практикой не поспоришь – шесть уже есть.

Выходит, гарем? Или жену после рождения первенца убирают? Отработала – и на вынос? Следующая, заходи. Нет, Совенок не стал бы сильно грустить о матери, если бы остальные тоже умирали. Остается гарем.

Интересно, сколько жен у варвара? Ладошки аж зачесались, так захотелось задать его высочеству этот вопрос. Только задавать стоило до того, как она его мылом облила. А теперь пока не остынет – лучше держаться подальше от мятного господина.

Нужен «русский». Позарез. Столько вопросов – голова кругом. Тема деликатная, Совенка не попытается, к варвару – только закованной в наручниках, а вот «русский» – самый адекватный из всех, на первый взгляд, конечно.

Но где его найдешь, этого «русского»? Судя по отношению варвара – он точно не из Первых. Может, из вторых? Или третьих? А если вспомнить, что у правителя семь братьев, с одним из которых Юля имела «счастье» познакомиться, и у каждого из дядей есть семья, дети... Словом, греческая семейка нервно курит в сторонке. Интересно, как здесь проходят семейные сборища? Столы накрывают человек на пятьсот или сразу на тысячу?

Неудивительно, что Совенок такой одинокий. Столько родственников – застрелиться можно. Говорят же, что у семи нянек – дитя без глазу.

Можно попросить Совенка, но заставлять его идти к тому, у кого он взял без спроса порталый артефакт... Нет, она решит этот вопрос как-нибудь без Аля.

Глава 5

Бездна оказалась подземным озером. Приличного размера – дальний берег терялся во мраке пещеры. Освещение здесь присутствовало, точнее прилетало. Стоило им шагнуть в пещеру, как в воздухе вспыхнули три круглых световых шара, устремились к Совенку с Юлей, зависли в паре метров над их головами, да так и «прилипли». Девушка какое-то время косилась на странные шары, пытаясь разгадать их природу, потом плюнула – летают, светят, под руки не лезут, а большего и не требуется.

– Здесь можно плавать? – поинтересовалась Юля, становясь на каменный бортик. Эту часть озера облагородили, а вот лестницу делать не стали – сигайте, товарищи принцы, с борта головой вниз.

– Ага, – подтвердил Аль, усаживаясь на бортик и принимаясь болтать ногами. Юля попробовала воду – прохладная, но плавать самое то. Соскользнула в воду, отплыла на пару метров, не выпуская Совенка из виду. Тот, однако, в воду не полез, оставшись на бортике, и девушка вернулась. Подтянулась, усаживаясь рядом. Пощупала подол ночнушки – ткань осталось сухой. Чудеса. То есть это местный купальный костюм? Не намочает, не просвечивает – мечта, а не купальник.

– Ты почему не плаваешь?

– Не умею, – вздохнул Совенок, – а здесь глубоко.

Глубина действительно уходила сразу метра на два. Это, конечно, авантюра – если она утопит принца, ей без всяких расследований отрубят голову, но желание помочь непрерывно зудело внутри. Такое ощущение, что она подхватила чесотку по имени «Аль».

– Так, – Юля вернулась в воду, – сейчас ты слушаешь меня внимательно и делаешь то, что скажу. Сначала здесь, на бортике, потом в воде. Начнешь дергаться или топить меня – вышвырну из воды, невзирая на высокое происхождение. Понял?

Совенок понял. Он вообще оказался понятливым ребенком и многое хватал на лету. Как говорила первая учительница Юли, которая потом и Сережу учила: «Глупых детей не бывает, бывают

педагогически запущенные». Вот Аль как раз и был таким «запущенным».

Она вспомнила, как таскала Сережку на секции, ухитряясь и сама ходить на танцы, стрельбу, спортивное ориентирование и даже в театральный кружок – куда брали бесплатно, туда и ходила. А потом брат уже сам выбирал – дзюдо, бокс, моделирование.

– Все, отдыхать.

Юля помогла малышу вылезти из воды, и тот растянулся на камнях, хватая ртом воздух.

– Что? Тяжело? – с ехидцей осведомилась Юля. – Завтра будет еще больше, – «утетила» она Совенка. Пусть привыкает нормально реагировать на нагрузки и боль в мышцах.

Тень шевельнулась, отклеиваясь от стены. Один из световиков отреагировал, метнулся подсветить, но Фильярг успел поставить заслон. Световик потерял цель, покрутился и улетел обратно к озеру, а мужчина неслышно двинулся к выходу. Делать здесь больше было нечего, вряд ли после тренировки у этих двоих остались силы на новые проделки, а его ждет доклад у Третьего – очередной вестник нервно крутился около лица, и его высочество отмахнулся, прибывая. Идет он, идет. Но как тут было оставить эту парочку без присмотра хоть на минуту? Он принялся и почувствовал едва заметный аромат жигры, столь любимой горными козлами, что вызывало в нем желание пойти и придушить Юлю. Тем более есть за что и кроме дурацкой выходки с мылом.

Фильярг вспомнил свой ужас, когда девчонка поволокла Сове... тьфу, привязалось же, Альгара в воду. Удержало на месте только данное самому себе слово: не вмешиваться. Ассара лучше знает, что требуется подопечному.

В помывочной Юля намылила Совенка, потерла местным аналогом мочалки, промыла жесткие – как проволока – волосы, ополоснула и помогла одеться. Потом ушла в свою «комнатку», быстро обмылась, оделась, грязную одежду оставив в подсказанном Алем месте.

Местные хозяева с одеждой для гостии заморачиваться не стали и, похоже, раздели какую-то служанку... Все было чистым, глаженным, но простым, как пять копеек. Бежевое, не приталенное платье, халат из

того же материала и еще один – покороче. Юля решила, что он лишний, и надевать не стала.

Когда Юля вышла в зал, Совенок покатился с хохота. Отсмеявшись, он начал менять одежду местами. Халат оказался «фартуком», который завязывался на спине, а маленький халат – чем-то вроде жилета. Зато кроссовки Юля оставила свои и ни разу не пожалела – идти в них по лестнице на шестой этаж было самое то. Дошли с остановками, так как сил после купания и тренировки у обоих было немного.

Вернувшись, деть сразу прошел в спальню, рухнул на кровать и закрыл глаза. Юля обошла все кругом, убедилась, что пусто – на озере чей-то взгляд постоянно царапал ей кожу, и вытянулась рядом с малышом. Тот тут же перекатился под бок, обнял Юлю и засопел. Под его уютное сопение девушка сама мгновенно провалилась в сон.

– Уверен? – Третий отложил в сторону самопишущее перо, вперив в Фильярга требовательный взгляд.

– Ты сам все видел в зале Скорби. Она смогла распознать угрозу даже сквозь полог. Кому другому это под силу? Вряд ли перед нами маг, настолько талантливо скрывающий свои возможности.

– Значит, ассара. – Брат поморщился, с тоской покосился на стопку листов на краю стола, обреченно вздохнул и пододвинул один к себе, прочитав: – Юлия Никольская. Какая из нее ассара? – спросил он раздраженно. – Девчонка, да еще из другого мира. Чему она научит? Не зная наших законов и обычаев... Бред.

Третий дернул со злостью прядь волос.

– Нет, отец не согласится.

Фильярг был с ним солидарен, он и сам бы не согласился, но...

– За те пару часов, что она здесь, ассара научила Шестого общаться с калкалосом, а еще он проплыл самостоятельно три метра в Бездне. Ты же помнишь, как панически Альгар боялся воды и отказывался учиться плавать?

– Бездна? – напряженно подался вперед Третий. – И ты разрешил?

– Я был рядом, – лаконично ответил Фильярг, не став заострять внимание на том, что его разрешения никто не спрашивал.

– Мысленная речь и плавание, – уже смиряясь, повторил брат. Что-то звякнуло, на угол стола он положил еще один лист, сверху

донизу заполненный изящным почерком.

– Четырнадцатая, – поджал губы Третий, – за те пару часов, что она здесь, я получил четырнадцать жалоб.

Он выдохнул, откидываясь на кресле и прикрывая глаза. Фильярг не мешал, понимая, что Третьему предстоит непростое решение. На одной чаше весов жизнь Шестого, на другой – закон, запрещающий чужакам вмешиваться во внутренние дела дворца, а воспитание одного из Столпов невозможно трактовать иначе. Но другой ассары у них нет.

– Жыргхвова задница, – выругался Третий, рубанув ладонью воздух. – Хорошо, я согласен, но ты отвечаешь за нее головой. Делай что хочешь, но чтобы больше я этого имени в дворцовых писульках не встречал.

Фильярг был уверен, Харт встретит, и еще не раз, но расстраивать Третьего заранее не стал.

– Отца я уговорю. Он будет только рад, если у Шестого появится шанс. Что-то еще? – спросил Третий, заметив, что Фильярг не торопится уходить.

– Да, есть еще кое-что. Ассара просит вернуть ее домой.

Харт поднял брови, сложил руки на груди:

– Так в чем дело? Пообещай денег, драгоценностей, запри, в конце концов. Не узнаю тебя. Ты и не можешь справиться с женщиной? Если беспокоишься, я усилю охрану перехода и лично прослежу, чтобы каждый из стражей накрепко запомнил внешность ассары.

Если бы было так просто, Фильярг запер бы неутомную девчонку в покоях младшего брата, но внутренний голос нашептывал, что эту женщину запертая дверь не остановит.

– Она думает иначе, чем мы. И я не берусь предсказать, что она выкинет в следующий раз. Там, где надо плакать, – смеется, ничего не боится и никого не уважает. Уверен, если запру – она сбежит и... не одна.

– Прихватив в собой Альгара, – закончил за него Третий. – Я уже понял, что у ассары есть характер. Демонстрация защитника в зале была... гм, впечатляющей, даже у меня мурашки по коже побежали. Но хочет девчонка или нет, она – ассара, и мы ее не отпустим. Если о ней прознает кто-нибудь еще... Ты понимаешь, какой это рычаг давления на Шестого. Она поманит – он побежит не задумываясь.

– Предав страну и семью, – хмуро подтвердил Фильярг, – ты, конечно, прав. Мы ее не отпустим.

– Найди способ ее уговорить. Все что хочешь. Хоть женись. Времени у тебя до начала недели.

– Как там Второй? – поинтересовался Фильярг. Жена Второго должна была родить на днях, а роды первенца из-за ритуала никогда не были простыми. Отец, потеряв шестую супругу, предпочитал контролировать их лично.

– Пока не родила, – бросил желчно брат и тут же извинился: – Прости, – он устало потер ладонями лицо, – столько всего навалилось.

Фильярг сочувственно кивнул. Брат замещал отца в его отсутствие, кроме того, на нем лежала внутренняя безопасность страны, и в первую очередь дворца.

– Глупый побег, который породил кучу слухов – мои парни умотались их пересказывать. Но мы заткнем рот всем недовольным появлением ассары. Ты же понимаешь, что это значит для Шестого?

Он, конечно, понимал, потому терпел девчонку со всеми ее закидонами и выходками. А Шестого... наконец перестанут считать слабаком.

– О! – встрепенулся Третий, взглянул на дверь и бросил громко: – Входи, хватит мяться. Рудники от этого дальше не станут.

Вошедший мужчина так и не переоделся, оставшись в костюме из чужого мира.

– Все так плохо? – спросил он, бросая страдальческий взгляд на хозяина кабинета.

– А ты как думал? – развел руками тот. – За то, что пустил несовершеннолетнего в лабораторию, оставил без присмотра, еще и порталный камень на видном месте положил, тебе спасибо скажут?

Из вошедшего словно весь воздух выпустили, плечи поникли, он сгорбился, опустил подбородок на грудь, всем видом выражая глубочайшую скорбь. Третий поднялся, вышел из-за стола. Покачался с носков на пятки, бросил зло:

– А все твои сказочки, Кайлес. – И передразнил: – Там такие парки с небывалыми качелями, дети ездят на удивительных механизмах, люди ходят, разодетые героями сказок. На улицах продают сладкое замороженное молоко.

– А еще там лучшие женщины, – еле слышно прошептал тот, кого называли Кайлесом.

– Что?! – взъярился Харт, и Фильярг еле успел перехватить его, останавливая удар.

Брат выпустил воздух сквозь сжатые зубы, дернул плечом, освобождаясь, скривился, сплюнул и спросил:

– Задурил пацану голову? Чем вину искупать будешь? Новыми сказками?

Фильярг вернулся в кресло. Если брат заговорил о выкупе, значит, кузен будет жить, а уж в каком качестве – зависит от искупления.

Сердце кольнуло – Фильярг вспомнил, как в порыве злости Альгар кричал, глотая слезы, что не хочет быть Столпом, что дворец – тюрьма, где его никто не любит. Тогда Фильярг посчитал слова брата детским капризом. Им всем бывало непросто. Иногда скручивало так, что хоть со стены прыгай, но капризы – не повод отлынивать от обязанностей. А следовало, наверное, задержаться, поговорить. Глядишь – и не было бы глупого побега.

– Я лишь хотел немного скрасить ему жизнь, – оправдываясь, еще тише прошептал Кайлес.

– Вечный сказочник, – уже остывая, проговорил с досадой Харт, – тебя бы в Огненные пещеры. Сильно бы там помогли твои сказки?

Он вернулся в кресло, устало покрутил шеей, с досадой посмотрел на стоящего перед ним мужчину.

– Никто из нас не выбирал свою судьбу. Не один ты переживаешь за Шестого, но остальные хотя бы не вредят.

– Прости. – Кузен прикусил губу.

– Что ты у меня прощения просишь? Проси у него, – Третий кивнул на Фильярга, – это он двое суток без сна перерывал твой сказочный мир. Повезло поймать короткий сигнал от камня и сузить район поисков. Кстати, выяснили, кто научил Альгара так ловко маскироваться? Я не распознал плетения. Что-то новенькое.

– Не было времени, – покачал головой Фильярг, – а сам он никого не сдаст. Наша порода, – добавил, не скрывая гордости.

– Выпороть бы эту породу за наглость, – проворчал Харт, – в его годы мы с тобой такого себе не позволяли. Да и времени не было. Через сколько у него начинаются занятия в Тальграде?

– Через три месяца.

Харт нахмурился, побарабанил пальцами по столу. Его, как и остальных братьев, беспокоил уровень подготовки Шестого. В академии скидок не делали, а принцев учили еще жестче, чем остальных.

– Еще эта головная боль с ассарой...

– Ассарой? – встрепнулся, оживая, Кайлес.

– Ассарой-ассарой, – подтвердил Третий, поясняя: – Девчонка, которую вы притащили с собой.

– Так это замечательно! – просиял Кайлес, разом вырастая, расправляя плечи и в одно движение занимая второе посетительское кресло. – Если она ассара – проблема с Шестым решена. Она сделает из него настоящего правителя.

– Она сделает из нас идиотов на весь Асмас, – не согласился Третий, покосившись на стопку жалоб.

– Не сделает. К этим женщинам надо найти подход. – Кузен ухватил со стола самопишущее перо, нарисовал им в воздухе овал, ничуть не смущаясь мрачно-недовольного взгляда владельца. – Только представьте, какое это чудо. Они умны, образованны, ответственные, смелы и бесстрашны. Все это она передаст Шестому. Вот увидите, – перо в его руках задергалось в экстазе, – его высочество всех нас удивит и займет Каменный трон. Слабейший станет сильнейшим!

Братья переглянулись, Фильярг сделал жест пальцами, и поток слов разом оборвался. Кузен беззвучно открыл рот, закрыл, снова открыл, яростно завращал глазами, истерично жестикулируя, но братья не обращали на него внимания.

– Дожить бы до этого замечательного момента, – протянул Третий, процитировав: – «Слабейший станет сильнейшим». Как думаешь, может, моим парням это использовать?

– Не стоит, подставим под удар ассару, вдруг кто-то поверит в этот бред.

– А ты, значит, не веришь? – провокационно прищурился Третий.

– Никогда не слышал, чтобы ассарой мужчины была женщина, это раз. Во-вторых, не верю, что она сможет воспитать кого-то по-настоящему достойного. В-третьих, она из другого мира. Иное воспитание, привычки, манеры. Кого она сможет вырастить? Только похожего на себя. Но если ей удастся сохранить Альгару жизнь, провести через ритуал – этого будет достаточно.

– В твоих словах есть здравый смысл, но кое-кто считает иначе. – И Третий с насмешкой кивнул на кузена. После он хлопнул ладонью по столу, принимая решение: – Работаете оба. Тот, кто уговорит ассару, получит награду.

– Три года без свадебного круга, – быстро проговорил Фильярг.

– Два, – не поддался брат, – и не проси больше.

Фильярг нахмурился, но спорить не стал. Сам Харт успешно отлынивал от свадебного круга, отговариваясь занятостью и работой на благо государства, а брату отсрочку только на два года дал... Ладно-ладно, он ему это еще припомнит.

– А ты, – Третий указал на кузена, – получишь смягчение приговора. Полностью снять не смогу, но заслуги учту и перед отцом лично ходатайствовать буду.

Кайлес просиял, говорить он все еще не мог, зато мог кивать и жестикулировать.

– Сроку вам – до возвращения отца. Если к этому времени по дворцу будет разгуливать неприрученная ассара – пострадаем все.

Фильярг щелкнул пальцами, снимая заклинание.

– А если рассказать ей правду? – выпалил кузен, едва только к нему вернулась способность говорить.

– Не зная, что творится в голове у этой женщины, ты дашь ей власть? – Третий посмотрел на него со скорбью, как на больного. – Шестому она не причинит вреда, а остальным?

Кайлес смутился.

– Свободны, – махнул рукой в сторону двери Третий, – утром жду доклад. Не забудьте, вечером праздник в честь Шестого. Ассара должна быть готова.

Юля с трудом вынырнула из сна. Прокляла соседей, решивших затеять ремонт. С недоумением оглядела незнакомые покои: широкую кровать, нишу в стене, заменявшую шкаф, диванчик, столик, пару кресел непривычной формы. Да и стены тут были отделаны затейливо: нижнюю половину покрывал оплавленный до состояния глазури светлый камень, верх был оставлен в природной шероховатости.

Стук повторился, и до девушки дошло – барабанили в дверь. Совенок сладко посапывал, не думая просыпаться. Пришлось вставать и идти самой проверять, кого там принесло.

Принесло, конечно, кого-то из местных. Юля окинула заинтересованным взглядом похожее на ее собственное платье – точно со служанки сняли – и дошла взглядом до лица. Незнакомка была смуглой, черноволосой, темноглазой и кудрявой, словно у нее на голове росли не волосы, а спиральки макарон. Она здорово смахивала на земную негритянку – даже разрез глаз совпадал, только серо-седые спиральки, чередовавшиеся с угольно-черными, выдавали иномирность, да еще с левого виска к подбородку спускалась седая косичка.

Незнакомка быстро-быстро, прижимая руки к груди, залопотала на местном. Мыслевика, конечно, ей никто не дал, Юле тоже, и сейчас они стояли друг против друга в глупейшей ситуации. Негритянке явно было что-то нужно, причем позарез – уже и руки подключила, объясняя, но помогало слабо. Местные жесты, как и язык, Юле были неизвестны.

Пришлось разворачиваться и идти будить Совенка, а то у служанки уже слезы на глазах показались.

Юля поцеловала его в щечку, носик, лоб. Малыш сладко потянулся, зевнул, продолжая досматривать свой сон. Затем пощекотала – Аль завозился, отползая и пытаясь закопаться под одеяло, но Юля была неумолима. Она скомандовала ему на ухо:

– Подъем, солдат!

Совенок резко сел, распахивая глаза. Так вот как его будили, догадалась девушка.

– Аль, там, – кивнула на дверь Юля, но служанка уже была у кровати.

Последовал быстрый монолог, и его высочество резко побледнел, выдыхая и говоря по-русски:

– Седьмая мать пришла, – подскочил, заметался, пытаясь одновременно причесаться, сменить рубашку и выпрыгнуть из штанов.

Секундное оцепенение – япона мама, а не седьмая – отпустило, и Юля отловила вихрь, отправив его в ванную умываться. С помощью служанки девушка приготовила детую одежду. Потом оставила Аля одеваться, сама отправившись в ванную. Лично ей переодеваться было не во что, разве что еще в одно бежевое платье.

Перед дверью, ведущей в гостиную, Совенок притормозил, набираясь духа, и Юля решительно вызвала огонь на себя. Шагнула

первой, улыбаясь так, словно ее прямо сейчас награждали премией мира.

Седьмая была женщиной неглупой, потому как пришла в гости не с пустыми руками, а со столом, уставленным едой и напитками. Исполненным достоинства движением выросла из-за стола, демонстрируя разницу между собой и шайратским светским обществом, которое Юля успела лицезреть в разных... гм, позах. Никаких фижм и прочих извращений в наряде – приталенное серебристое платье с ниспадающими складками, но ткань, вышивка, жемчуг, обвитый тонкой сеткой и пущенный по лифу, белая меховая опушка на жилете, украшенный камнями обруч в волосах – все говорило о статусе гостыи. И лицо с выражением уверенного в себе на целое королевство человека. Красивое, кстати, лицо. Кожа чуть более светлая, чем у Филя, черты поизящнее: длинный нос, хищный профиль, густые ресницы и тонкие губы, один в один как у местной аристократии.

Седьмая мать напряженно улыбнулась Совенку, шагнула к нему, но тот юркнул за Юлю, прячась. Так по-детски, что у нее защемило сердце. Но что позволено ребенку – запрещено его высочеству. И вот уже недовольная складка залегла меж бровей гостыи.

– Добрый день, я так рада с вами познакомиться. Альгар столько о вас рассказывал, – еще шире улыбнулась Юля, ощущая, как внутри колется азартом боевой настрой. Седьмая мать? Переживем. Вот если бы они собрались здесь все, кроме Шестой, пришлось бы тяжело. А так... не сложнее, чем убедить клиента, что фирма обязательно отвезет его груз за полцены. Причем в срок, целым и невредимым.

Работа логиста часто представлялась Юле жонглированием десятком мячей за раз. Причем мячами живыми и своевольными. Забыл отправитель исправить документы – досмотр на таможне и корректировка коносаменты. Или водитель ездил до последнего, надеясь на авось – поломка, перегруз и срыв сроков. Еще и паспорт дома забыл – до свидания загрузка. Но самый прикол был, когда на одном высокотехнологичном европейском производстве, где не то что курить, чихнуть лишний раз боялись – реактор под боком, один из водителей решил скоротать ожидание, подогрев еду на открытой горелке. Рассказывали, что глаза у охраны были не круглыми,

а квадратными от удивления. Водилу, конечно, выпроводили, причем не только с завода, но и из страны.

И вот сейчас Юля ощущала себя тем самым жонглером, только вместо привычных водителей, таможни и складов – гранаты, начиненные величествами с их высочествами. И каждый имел власть отправить лично ее, Юлю, на казнь.

Она выпалила приветствие, скалясь дурной улыбкой, и только потом озадачилась – а поняла ли она ее? Поняла. Ее величество поблекла, поднесла руку к виску, отодвигая прядь, за которой блеснул мыслевик.

– И я рада с вами познакомиться, ассара моего шестого сына.

На фразе «моего сына» внутри ощутилась ревность, и Юле пришлось давить порыв ухватить ее величество за горло и рыкнуть в лицо. Хороша бы она была брызжащая слюной в царственный лик.

Вместо рыка Юля спросила нейтрально:

– Простите, но не могли бы вы подсказать, кто такая ассара?

Ее величество моргнула озадаченно, не сразу сообразив, почему у нее спрашивают о столь общеизвестной вещи. Потом сложила иномирское происхождение с неподобающим поведением и расслабилась. Задумалась, с чего бы начать, но тут за Юлиной спиной чей-то живот просигналил громким бурчанием, и девушка очнулась – а деть-то некормленный!

– Давайте присядем за стол. И вы мне подробно все расскажете, – предложила Юля, мысленно потирая ладошки – вот и источник информации наклеывается. – Как у нас говорят, в ногах правды нет.

Ее величество вскинулась, ошалело посмотрела на девушку – это была ее реплика, как хозяйки, но Юля ответила честным, без всякой задней мысли взглядом – и ее величество махнула рукой на этикет:

– Конечно, прошу.

Глава 6

Голодный деть – прекрасный повод для знакомства, а еда – удобный случай это знакомство продолжить.

Следующие двадцать минут за столом раздавались исключительно светские фразы:

– Попробуйте вот это. Мясо кхмара вышло сегодня исключительно нежным.

Или:

– Суфле из ягод черновника. Прекрасно оттеняет ралочье рагу. А вот заварные рафьи. Повар превзошел сам себя. Вам понравится их островатый вкус.

И Юля честно пробовала, искренне надеясь, что если мяса кхмара или суфле из ягод не примет ее земной желудок, то Филь ее откачает. Оживил же он ее один раз. А что такое пищевое отравление против перерезанного горла? Тьфу, а не диагноз. Так что она вкушала, восхищалась, не забывая восхвалять талант повара. Седьмая польщенно улыбалась. Совенок просто ел, как голодный ребенок.

Сразу после того, как сели за стол, Юля уточнила, удобно ли будет обращение «ваше величество». Разрешение ей дали, а на большее она и не претендовала. Повезло – ее величество здесь одна и не надо заморачиваться с сортировкой гарема. Интересно, правитель жен как называет? По номерам? И есть ли у него «любимая жена»?

Седьмая на вид была чуть старше Юли. Неудивительно, что вскоре за столом установилась вполне дружеская атмосфера.

– Юлия, я хотела вас поблагодарить за Альгара. Если бы не вы, не знаю, что с ним могло случиться, – вздохнула ее величество. В карих глазах мелькнул призрак недавней тревоги.

Как что? Полицейское отделение, служба опеки и круглые глаза тетенок, когда им продемонстрировали бы фокус с исчезающим и появляющимся камнем. Юля позволила себе представить Филья в полицейском участке, выкрадывающим Совенка...

– Все со мной было бы хорошо, – проворчал деть, разрушая сладкую иллюзию: Филь с мечом против полицейского с калашом. Блокбастер. Часть первая.

– Аль, – поспешила вмешаться Юля, видя, как закаменело лицо седьмой матери, – излишняя самоуверенность вредна всем, а уж военачальникам она вовсе как смерть.

Деть надулся, но промолчал.

– И ты забыл об одном. То, что с тобой все хорошо, знал только ты. Остальные в это время мучились тревогой и сомнениями.

Ее величество с благодарностью во взгляде поддержала:

– Я так боялась за тебя, Альгар.

Совенок недоверчиво округлил глаза. Он все еще выглядел настороженным олененком, но первый лед был разбит.

– И всю ночь молилась за тебя Девятиликому.

Юля смотрела на седьмую мать, понимая, что это шанс найти заступника для Совенка. Придушить ревность, свести этих двоих. Интуиция была «за» – Седьмая не казалась монстром. Пусть хоть кто-то будет рядом, когда она вернется домой.

– Ты должен извиниться, – прошептала Юля, склонившись к маленькому ушку.

Деть тяжело вздохнул – упрямый ослик – и поднялся. Подошел к ее величеству, склонил голову, прижал ладонь к сердцу.

– Прошу меня простить за неподобающее поведение, мать Эллиана.

– Обнимите его, – прошептала еле слышно Юля, глазами указывая на Совенка.

Ее величество испуганно моргнула, но поднялась, неловко обняла малыша, привлекая к себе. Осторожно, точно Аль мог укусить, провела рукой по жестким волосам.

– Вы правда волновались? – уткнувшись лицом в платье и оттого глухо, спросил малыш.

Маска на лице седьмой матери пошла трещинами, и сквозь растерянность и настороженность проглянула нежность.

– Да, милый, очень, – проговорила женщина. Уже не стесняясь, она прижала к себе худенькое тельце.

И Аль поверил ей.

– Простите, – прошептал он на этот раз вполне искренне, отодвинулся, заглянул в лицо седьмой матери, и та подарила ему растроганную улыбку:

– Я больше не сержусь, правда. Главное, что ты нашелся. И я буду очень рада, если ты станешь забегать ко мне.

Она потрепала его по голове, на поцелуй не решилась, но предложила:

– Не хочешь глянуть новую книжку? Я оставила ее для тебя на кресле.

Совенок хотел. Да и скучно ему было сидеть за столом с двумя взрослыми тетями.

– Иди-иди, – кивнула Юля. Еще и Филь задал какие-то легенды... И вот такая учеба после такого дня?!

– У меня сейчас много времени, – словно извиняясь, сказала ее величество, глядя сквозь Юлю и добавляя с горечью: – Слишком много. Вы ведь не знаете наших обычаев? Я считаюсь матерью чужих детей, из которых только Альгар еще ребенок. Остальные уже взрослые или почти взрослые.

Юля сокрушенно соглашалась, подталкивая к откровенности.

– Не знаю, зачем я вам это рассказываю, – расстроено удивлялась Седьмая, – я ведь ритуал два раза пыталась пройти. Не получается. Целители меня проверяли. Говорят, проблема не с телом, а с головой, мол, не готова носить ребенка, вот и сопротивляюсь. Но как же не готова, когда я этого так хочу!

На взгляд постороннего человека, ее величество панически боялась детей. Но когда это мешало беременности? – рассуждала Юля, сочувственно кивая. Здесь, однако, это не работало. Вынь да положь им готовность к беременности у той, кто ни разу не носил ребенка! Бред.

Впрочем, ее величество движется в правильном направлении. Аль – отзывчивый ребенок. Немного ласки, и он научит ее любить детей.

– Знаете, мне тут вспомнился один обычай. Примитивный, конечно, но и племя, в котором он существовал, тоже было примитивным. Женщины, которые не могли забеременеть, брали живого скорпиона – такое насекомое размером с ладонь, – помещали его в кожаный мешочек и носили под грудью на животе. Скорпион шевелился, и это шевеление под сердцем помогало телу привыкнуть к мысли о ребенке.

– Какой простой и одновременно глубокий обычай, – задумчиво проговорила ее величество. – Спасибо, я обязательно воспользуюсь вашим советом. Бесконечно рада была познакомиться.

И седьмая мать встала, явно торопясь прямо сейчас отправиться на собственноручный отлов скорпиона.

Юля прокляла свой длинный язык – источник информации сбегал.

– Буду рада, если поможет. И последний вопрос...

Ее величество удивленно развернулась – она явно не привыкла, чтобы ее останавливали, но сдержанно улыбнулась:

– Конечно.

– Кто такая ассара?

– Ах, это. – Эллиана выдержала паузу. – Точного слова в вашем языке нет. Самое близкое к нему понятие – наставница или учительница. Хотя нет, наставница – ближе. До вечера, ассара.

Хлопнула дверь, и Юля осталась в покоях с Совенком одна. Вот и поговорили...

Совенок, высунув кончик языка, сосредоточенно рассматривал книжку. Юля села рядом на подлокотник кресла, заглядывая ему через плечо. Видя ее интерес, деть начал вслух переводить историю о путешественнике, попавшем в череду штормов. Эдакий местный Конюхов – один и на утлом суденышке.

– Аль, а сколько тебе лет? – поинтересовалась Юля, поймав себя на ощущении, что слушает беглую речь отнюдь не пятилетнего малыша. Это же не просто читать, еще и переводить, пусть и своими словами, но с листа.

– Четырнадцать, – пожал плечами Совенок.

– Четырнадцать, – эхом повторила девушка, мозги офигели и запросили дополнительной информации.

– А до скольких здесь живут?

Оказалось, жизнь в этом мире отмерялась щедрее, чем на Земле – почти до двухсот лет, и совершеннолетие наступало в тридцать. Пятый его почти достиг, Совенку – еще ждать и ждать. Юля по местным законам считалась подростком – забавный казус, но вряд ли стоило рассчитывать на снисхождение и ограниченную ответственность. Для иномирцев, как и для животных, здесь явно существовал свой калькулятор – год за два.

– Мне пятьдесят два, – пробормотала потрясенно Юля.

– Сколько вам? – осведомились у нее из-за спины. Господин Четвертый обладал не только хорошим слухом, но еще и отвратительной способностью подкрадываться бесшумно, как ниндзя. Стука двери слышно не было или он прошел сквозь стену?

– Двадцать шесть, если вам это интересно, – огрызнулась Юля, расстроенная проблемами со слухом.

– Вижу, что это интересно вам, – парировал его высочество, усаживаясь на соседний подлокотник. Кресло угрожающе закрипело, однако троякую нагрузку выдержало.

– Вы действительно так долго живете?

– Двести – это долго? – искренне удивился мужчина.

Юля не ответила. О чем можно говорить с тем, кто не знает, каково это – жить до семидесяти? Кто только в тридцать умнеет настолько, чтобы стать полноправным членом общества.

– А жениться у нас с двадцати шести можно, – зачем-то добавил Филь.

Умнеть в тридцать, а жениться без мозгов в двадцать шесть. «Прекрасное» общество: справедливое и гуманное», – думала Юля, пытаясь смириться с тем, что кто-то в двадцать шесть – еще ребенок, а не взрослая тетя. Жизнь несправедлива!

– Раз уж мы разобрались с возрастом, перейдем к делу. – Его высочество достал из кармана тряпчатый мешочек, вытряхнул на ладонь мыслевик и шесть мелких камушков. – Присаживайтесь, Юлия, – махнул он на мягкий пуфик.

– Может, не стоит? – засомневалась девушка. Вживлять в себя иномирские технологии было... боязно.

– Забыли о нашей договоренности? – вскинул брови Фильярг.

– Забудешь тут, – проворчала Юля.

– Тогда могу предположить, что вы трусите? – издевательски вежливо осведомился мужчина.

– Я? – вспыхнула Юля. Она встала, гордо продефилировала до пуфика, уселась, не забыв выпрямить спину. Задержала дыхание, приготовившись к жуткой боли.

Фильярг не спешил. Он встал со спины, пробежался пальцами по виску, щеке, спустился ниже. Остановился в районе многострадального горла. Юля уже устала не дышать, а его высочество так и не приступил к вживлению.

– Что вы делаете? – спросила она сипло, потому как волна тепла окутала кожу, прошла сотней тончайших иголочек, вызывая иррациональное желание замурчать.

– Убираю следы недоразумения, – невозмутимо ответил убийца-целитель.

Это он про следы пальцев на шее, догадалась Юля. Не стоило. Первые пять минут она еще пугалась своего отражения в зеркале – жертва маньяка, – потом привыкла.

– Мне не мешают, – запротестовала она.

– Зато мне – да, – не согласился мужчина. От шеи он перешел к голове, пропустил пряди между пальцев, похвалил: – У вас прекрасные волосы.

Волосы Юле от мамы достались шикарные: черные с шоколадным отливом на солнце, густые, волнистые, от дождя вившиеся мелким бесом. Девчонки завидовали – на выпускном Юля была нарасхват: точеная фигурка, симпатичное лицо, легкий нрав. И на свидание ее тогда позвали аж трое, только не до гулянок тогда было – экзамены, поступление, а потом и вовсе забыла о личной жизни. Можно сказать, последние полгода почувствовала себя женщиной – в салон сходила, сделала коррекцию бровей, пилинг и даже на массаж записалась. Но не дошла.

Чужие пальцы мягко прошли по затылку, коснулись шишки, и Юля зашипела.

– И это тоже уберем.

Волна тепла окутала голову, и тело среагировало, расслабляясь. Стон наслаждения Юля смогла поймать в последний момент. Прикусила губу, затыкая рот. А его высочество и не думал останавливаться. Убрал на одну сторону волосы, открывая доступ к правому уху, принявшись бережно, но сильно проминать каждую точку, ласково оглаживая, почти интимно – Юля прикрыла глаза, пытаясь удержать себя в руках. Кто там говорил, что ухо – это эрогенная зона? Как же он был прав. Причем сплошная.

Нет, надо взять себя в руки, пока они еще ей подчиняются. Прибить взметнувшихся в животе бабочек. Сурово напомнить, что за спиной – маньяк. Воссоздать в памяти образ его жертвы – залитую кровью кофту, синяки на шее. И предложить повторить. Она не знает, что выведет его из себя в следующий раз. Так стоит ли ему доверять?

– Скажите-ка, Ю-лия, – ухо уже не сопротивлялось, пребывая полностью во власти ласкающих его пальцев, – не вы ли причина сегодняшних беспорядков в башне седьмой жены?

– А? – выдавила из себя Юля. Мозг уже дошел до состояния желе и среагировал только на цифру «семь».

Его высочество укоризненно вздохнул. Он ждал чистосердечного.

– Мой третий брат сейчас замещает отсутствующего во дворце отца. Знаете, что он ненавидит больше всего после водорослей в своей тарелке?

Юля не знала, как и не знала, что Третий не в ладах с водорослями. Она вообще подозревала, что его высочество осведомлен обо всем и сейчас просто издевается.

– Насекомых, – просветил ее принц. – Мерзких, разбегающихся по углам и прячущихся в щелях насекомых, многие из которых весьма и весьма ядовиты. Кстати, вы не в курсе, зачем седьмой жене они вдруг понадобились? Да еще и в таком количестве?

Юля догадывалась, но если Седьмая решила устроить кастинг – ее право. А Третий... переживет как-нибудь. Не барышня падать в обморок при виде паука. Надо когда-нибудь начинать бороться со своими фобиями, к тому же еще и принцем называется.

Она, конечно, тоже хороша. Полезла с глупыми советами. И к кому? К той, которая может отдать приказ собрать во дворце насекомых со всей страны, если уже этого не сделала. Следующий раз будет знать, кому и что советовать. А то проснется ночью с перерезанным горлом, вот тогда будет «ой».

– Почему бы вам не спросить у нее самой? – с самым честным видом хлопнула она глазами.

– Ю-лия, – устало вздохнули у нее за спиной, кожу на мочке уха прошила огненная игла, девушка дернулась, зашипела, но ее мягко удержали за плечи.

– Тише, сейчас все пройдет. – Его высочество подул на пострадавшее ухо.

Контраст от холодного воздуха был восхитительным, и Юля упрямо, до зубовного скрежета, сжала челюсти. Она – кремень. «Кремень, я сказала!» В жизни многое нужно попробовать, но растекаться лужицей у ног маньяка... НИ-КО-ГДА!

– Я рад, что вы помогли Альгару стать ближе с седьмой матерью, – пальцы продолжали распалать и без того разгоряченную кожу, – моему шестому брату приходится нелегко, он очень одинок, и Эллиане тоже непросто во дворце. Но, Юлия, – очередной укол, на этот раз девушка ощутила, как запекшуюся кожу волнующе коснулись мужские губы, – прошу, – голос склонившегося к ней Фильярга щекотал, возбуждая, – не переходите черту. Даже я не могу защитить вас от всего.

– Я поняла, – сквозь зубы вымолвила Юля, попросив: – Нельзя ли побыстрее?

– Вам не нравится? – очень искренне удивился его высочество.

Нравится, и даже очень. Причем все. Даже само вживание казалось не таким уж болезненным, но не признаваться же в этом варвару. Юля, конечно, все реже называла так его высочество, но душевное равновесие требовало жертв. Приходилось идти против истины. А так – он варвар, и считаться с ним не нужно.

– Нет, – процедила девушка, обещая себе статус на всех страничках «женщина – кремень». Вот вернется и сразу поставит. А потом купит бутылку шампанского, чтобы отпраздновать или залить горе, смотря как пойдет. И его высочество тут ни при чем. Просто у нее давно не было мужчины, а у некоторых просто удивительно нежные для варвара пальцы.

Про черту его высочество «понятно» намекнул – Юля и так чувствовала себя как на минном поле, теперь ей еще и снайпер будет мерещиться под кустом. Лучше бы обозначил предел – и дышать стало бы легче. Существовал, конечно, вариант – никуда не лезть и ни с кем не разговаривать, но на практике он был невыполним. За Совенком Юля полезет даже в пасть к дракону.

Его высочество явно обиделся на Юлину неблагодарность и процедуру вживания закончил ускоренными темпами – без поцелуев. И потому Юля чувствовала себя чуточку обделенной и одновременно гордилась собой – кремень!

В комнате между тем наблюдалось оживление. Хлопала дверь, кто-то тихо разговаривал, что-то шелестело. Было жутко любопытно, но повернуться Юля не могла.

– Все, – наконец устало выдохнул Фильярг, отодвигаясь. – Настройка простая. Активация прикосновением. Если будет сильно

болеть голова – приходите, помогу.

Юля фыркнула – прийти в комнату к его высочеству за таблеткой от головной боли? И с большой долей вероятности остаться до утра? На трезвую голову – точно нет.

Она встала, повернулась, задрала подбородок, чтобы встретить потемневший мужской взгляд. Неосознанно облизала губы, и глаза мужчины прикипели к ним. А рука уже тянулась поправить волосы, грудь лезла вперед, тело норовило принять позу посимпатичней. Короче, бунт.

Юля выругалась, напомнив, кого дурное тело с не менее дурным сердцем пытаются соблазнить. Варвар не станет играть. Прижмет к стенке, задерет платье и будет чувствовать себя правым – ведь сама дала повод. От нарисовавшейся картинки жар бросился в лицо. И взгляд его высочества сделался таким понимающим... и довольным.

Нет, Юля еще не готова идти до конца.

– Благодарю, запомню, – плеснула она арктического холода в голос.

Фильярг удивленно вскинул брови, однако комментировать не стал, перейдя к официальной части:

– Сейчас вас проводят в комнату и помогут подготовиться. Вечером прием в честь Шестого, ваше присутствие не обсуждается.

Не обсуждается так не обсуждается.

– Вижу, вы настолько поразили седьмую жену, что она прислала дары.

Принц кивнул на двух служанок, парочкой шоколадных зайчиков застывших около двери. В руках каждая держала по шкатулке. Его высочество открыл их по очереди, сунул туда свой любопытный нос, захмыкал еще более задумчиво и вынес вердикт:

– Удивительная щедрость. – Добавив: – Вам понравится.

Совенка тоже готовили к приему, и Юля клятвенно обещала вернуться как можно раньше. Хитрый деть, пользуясь присутствием брата, выторговал на завтра посещение загона с вальшгасами и разрешение покататься. Юля представила себя на ящерице, содрогнулась и изобразила энтузиазм. Кататься так кататься.

Вообще, эти ящерицы были весьма популярны. Их изображения встречались на каждом шагу. Когтистые силуэты вплетались в деревянные украшения на спинках диванов, обвивали собой

светящиеся шары, присутствовали в вышивке на ковре, были на каменных барельефах. Вот завтра она с этой местной достопримечательностью и познакомится нос к носу.

Когда Юля со служанками вышла в коридор, оказалось, что во дворце включили освещение. И то, что днем виделось барельефом или колонной, теперь светилося желтым, белым, зеленым и даже красным светом. И если в оформлении местные дизайнеры были сдержанны – камень с разной степенью обработанности, колонны, изредка вазы с картинами, – то в освещении не сдерживали себя ничем. Внутренние покои дворца сияли, точно хорошо оборудованный ночной клуб, разве что не подмигивали лампочками.

В коридоре служанки повернули налево, потом направо, спустились на пару ступеней вниз и почти сразу остановились, выжидающе глядя на девушку. Юля, спохватившись, активировала мыслевик.

– Ваша комната, госпожа ассара.

Перевод накладывался на слова практически без задержки, надо было только сосредоточиться, отключить внешний слух и воспринимать мыслеречь.

– Спасибо.

Перед тем как войти, Юля внимательно оглядела дверь, запоминая витиеватый узор и веночек в правом углу. Не хватало ей заблудиться на обратном пути.

Служанки оставили дары на столике, передали благодарность от хозяйки и с поклоном удалились.

– Меня зовут Зарьяна, госпожа ассара, – представилась выделенная Юле служанка. – Я помогу вам переодеться, – махнула она рукой в сторону стоящей посередине комнаты вешалки с платьем.

Юля задумчиво обошла по кругу изделие местной промышленности. Что сказать... Тяжелая ткань темно-синего цвета с серебряными вставками. Однозначно не платье служанки, но до королевского наряда далеко.

– Одеваемся, – скомандовала Юля, прижимая ладонь к виску – тупая боль ввинтилась под кожу. Расплата за использование мыслевики была не слишком приятной, но вытерпеть можно.

Платье село на Юлю как влитое. Зарьяна восхищенно ахала, выпаливая комплименты со скоростью бота. Сразу видно – не первое

поколение в услужении. Спросить бы еще о столь сильном различии во внешности хозяев и слуг, размышляла Юля, усаживаясь на пуф перед зеркалом, но вопрос будет не слишком этичен. А если их завоевали сероволосые? И шоколадные зайцы все еще борются за независимость? Нарваться на повстанцев будет фееричным завершением этого приключения.

Наконец дошла очередь до подарка, и Зарьяна с придыханием достала две небольшие баночки. Одна – омолаживающее средство для кожи, вторая – для волос.

Юля с сомнением оглядела дары – иномирская косметика доверия не внушала.

– Не волнуйтесь, госпожа, вам понравится результат, – заверила ее служанка.

Примерно через полчаса Юля глядела в зеркало на диву. Вот сейчас от нее не отказалось бы ни одно модельное агентство, невзирая на метр с кепкой рост. Кожа выглядела ухоженно – тысяч на сто долларов косметических процедур. Ни единой рытвинки, пятнышка – только сияние и бархатистость. Подтянулись скулы. Исчезли мелкие морщинки. Губы стали пухлее. Волосы сделались плотнее, толще и послушнее, перестав пушиться и обретя салонную гладкость, а еще они едва заметно мерцали. Юля безоговорочно влюбилась в эти чудосредства, пусть эффект от них был временный – зато какой!

Впрочем, красоту ей пообещали почти на год. Была, правда, одна особенность – эффект тускнел на солнечном свете и проявлял себя при магическом освещении. Словом, настоящий макияж клубной дивы.

Глава 7

В парадный зал Юля входила не без волнения. Все-таки чужой мир, светский прием, вдобавок новая обувь – кроссовки отстоять не удалось. Пришлось согласиться на местный вариант: мягкий кожаный носок, пришитый к деревянной платформе. Оказалось все не так страшно, как выглядело. Дерево каким-то образом принимало форму стопы, превращаясь в аналог ортопедических стелек.

Зал, где происходило, так сказать, отстаивание народа перед приемом, был огромным, с высоким потолком, на котором изображено звездное небо – ни одного знакомого созвездия Юля так и не нашла. На стенах, погруженных в тень, плясали алые пятна, отчего создавалось впечатление, что разгуливающую по залу праздную толпу окружают вражеские костры. Почему вражеские? Потому что время от времени по залу проносился тревожный рокот барабанов. Толпа застывала, одобрительно прислушивалась и продолжала дефилировать. Иногда кто-то из гостей щелкал пальцами, и тогда к нему из темноты потолка спускался поднос, на котором стояли бокалы и наколотые на палочки закуски – канапе.

Юля старалась не глазеть, но голова сама крутилась по сторонам. Посмотреть было на что и на кого. Будь она мужиком – ослепла бы, а жюри конкурса красоты, проходи он здесь, повесилось бы в полном составе, выбирая победительницу. Одна к одной. Ухоженные, идеальные, сияющие. Днем – обычные тетки, видела она их в коридоре кверху попой, зато ночью – глаз не отвести. И не пользуются ведь декоративной косметикой – никаких теней, помад или румян. Исключительно магическое подчеркивание естественной красоты.

Юля не сразу поняла, что ее смущает на этом празднике. Женщины. Ведущие себя свободно, смеющиеся и даже флиртующие! В гареме подобное вряд ли имело бы место. Там женщину прятали, не разрешая веселиться с чужими мужчинами. Неужели ее догадка неверна или у местных неправильный гарем?

Чужое неприятие царапнуло спину, и Юля обернулась – так и есть, уже знакомый дядюшка со свитой. Смотрит так, точно она у него честь украла. Нагло врет – ничего не крада и красть не собиралась.

Юля неспешно поправила волосы – сползший рукав приоткрыл браслет, который она демонстративно покрутила. Дядя вызов не принял, сдулся, побледнел и предпочел слинять в сторону.

Рокот барабанов снова ворвался в гул голосов.

– Что это? – спросила Юля у Совенка.

– Тапунские барабаны, – пояснил Аль. – Сегодня день высадки. В летописях говорится, что когда наши предки достигли земли, то в первую ночь их окружили вражеские костры и отовсюду звучали барабаны.

Все-таки завоевание, догадалась Юля. А тапуны, выходит, местные «шоколадные зайцы».

– Этот день всегда так празднуют, – продолжал Аль, – с барабанами, кострами и танцами.

– И давно это было? – поинтересовалась девушка.

– Очень, – кивнул деть и смутился, – только я не помню когда.

Мимо проплыла ее величество. Дружелюбно улыбнулась, словно невзначай огладив себя по животу. Юля улыбнулась в ответ, поправила волосы, и они разошлись со взаимным удовольствием. Ее величество с кем-то там живым под платьем, Юля – с внешностью неземной феи.

Потом Аль заметил знакомого в толпе и отпросился на минутку.

– Ю-лия Никольская, – провозгласили сбоку, стоило ей остаться одной, – я угадал?

Как будто в зале была еще одна иномирянка со столь приметными волосами... Темно-серые шевелюры здесь еще встречались, а вот жгучие брюнетки со светлой кожей – нет.

Девушка повернулась, разглядывая мужчину. Теперь, когда глаз адаптировался к местным особенностям, перестав воспринимать всех на одно лицо, Юля начала замечать родственные черты семейки Альгара. И сейчас перед ней стоял явно кто-то из братьев.

– Ваше высочество, – присела она в реверансе.

Мужчина удивленно вскинул брови, одобрительно прищурился.

– А вы умеете произвести впечатление, Ю-лия. – Он так же, как и Четвертый, коверкал ее имя, разделяя на два слога. – Только у нас принято приветствовать поклоном, положив руку на сердце. Хотя ваш вариант мне нравится больше, – улыбнулся он и тут же продемонстрировал поклон. – Разрешите представиться – третий принц Харт. Можете звать меня принц Харт или ваше высочество.

Он щелкнул пальцами, и рядом с ними опустился поднос.

– Бокал вина?

Юля с сомнением покосилась на угольно-черную жидкость. Из чего, интересно, они ее гонят? Больше похоже на нефть.

– Благодарю, но нет.

Его высочество одобрительно улыбнулся, взмахом руки отправив поднос обратно. Юля нахмурилась – ее проверяют? Тут же захотелось напиться, исключительно из чувства противоречия. Сердце кольнуло от дурного предчувствия, уж больно холодно-оценивающим был взгляд принца.

– Скажите, ваше высочество, меня все еще в чем-то обвиняют?

Принц Харт вздохнул, нашел глазами ее величество, снова вздохнул и медленно покачал головой.

– Насколько мне известно, нет.

Юля просияла. Как чувствовала – Четвертый скрывает правду. Обвинение с нее снято, значит, завтра она может отправиться домой.

Хотела поделиться радостью с Третьим, но тут среди толпы мелькнула крайне приметная и очень знакомая короткостриженная макушка. Юля вытянула шею – без сомнения, это был «русский». И если завтра она вернется домой, у нее последний шанс попытаться товарища.

Аль был увлечен беседой с высоким мужчиной, и Юля сочла возможным отлучиться.

– Прекрасная новость, благодарю. Я рада, что все разрешилось, а сейчас прошу меня извинить, срочные дела. Было очень приятно познакомиться, – выпалила девушка на одном дыхании и, не дав собеседнику возможности ответить, круто развернулась, вставая на след «русского». Третий остался в одиночестве с круглыми от удивления глазами.

– Простите, извините, разрешите.

Как назло, в этой стороне зала плотность сероволосых возрастала, впрочем, не плотнее, чем на Невском, когда одни торопятся, вторые фотографируют, третьи слушают гида, четвертые остановились купить мороженое. Юля протискивалась, извинялась, лавировала, высматривая цель. «Русский» был важнее, а местное общество посудачит о наглой иномирянке, оттоптаных ногах, прерванной беседе и забудет.

«Русский» же, как кролик с часами, был неуловим. То он совсем рядом, то мелькал в десяти метрах от девушки. Наконец она заметила, как мужчина шагнул к стене, прямо в «костер», и пропал. Вопиющая наглость! За ним такая красавица бежит, а он пропадает! – разозлилась Юля, направляясь к месту исчезновения. Секрет оказался прост – в стене находилась дверь.

Она стояла в слабо освещенной галерее, ее дальний конец тонул в полумраке. Никого. «Русского» точно корова языком слизала. Только картины со сценами из местной истории разделяли растерянность девушки. И что делать? Она нерешительно прошла вперед. Прислушалась. Бесполезно. В тишине раздавался лишь звук ее шагов. Похоже, отсюда можно было открыть портал, чем поганец и воспользовался, нагло сбежав.

– Могу я полюбопытствовать?

Юля вздрогнула, сердце испуганно скакнуло, затрепыхавшись в горле. Она резко обернулась. Третий стоял у нее за спиной, смотря заинтересованно и чуточку лукаво. Девушка выдохнула, проклиная дурацкую привычку обоих братьев бесшумно подкрадываться.

– Что вы здесь делаете?

Говорить правду не хотелось. Юля раздумывала недолго, да и подсказка висела прямо перед носом.

– У вас прекрасная живопись. Очень необычная манера.

Действительно необычная – задний план размыт, зато передний прописан до мельчайших деталей.

– Увлекаетесь?

– Немного, – честно призналась Юля.

– Тогда позвольте провести небольшую экскурсию, – предложил мужчина.

Девушка нижней частью спины ощутила, что второго «ой, у меня дела» ей точно не простят. Пришлось соглашаться. Его высочество, словно боясь, что она сбежит, положил ее ладонь себе на локоть, и они чинной парочкой двинулись по галерее. В тишине дошли до известной его высочеству точки и развернулись. Видимо, это было начало осмотра, так как ближайшая к ним картина ярко светилась из темноты. На ней в одиночестве красовался величественный, импозантный мужчина средних лет в боевом доспехе. Характерный окрас волос и черты лица намекали на знакомых Юле потомков.

– Наш предок и первый правитель эсхарата, его величество Листраг Великий. Пять кораблей с его сторонниками на борту нашли неизвестные земли и высадились здесь тысячу четыреста двадцать лет тому назад.

На следующей картине художник эту самую высадку и запечатлел.

– И откуда он сбежал?

– С чего вы решили, что сбежал? – удивленно переспросил его высочество.

Юля пожала плечами.

– Вы сами сказали, что земли неизведанные, значит, разведки не было. Не знаю, как у вас, а у нас в экспедицию не берут детей, да и женщин стараются тоже. – Она кивнула на сходящих по трапу людей. – И вы упомянули про сторонников. Так обычно говорят о тех, кто участвовал в заговоре либо был в партии, разделяя взгляды патрона. Рискну предположить, что ваш предок попытался захватить власть или его обвинили в заговоре, и он был вынужден бежать. Пять кораблей... Он был знатен и богат. Вероятно, близок к трону.

Тишину галереи разорвали редкие хлопки.

– Браво. Приятно осознавать, что Шестой в надежных руках.

Юля решила не заострять вопрос с Совенком. Пока он под присмотром, а завтра девушка передаст Аля Седьмой. Сердце кольнуло, но Юля приказала себе не раскисать. Нечего на чужих детей рот раскрывать, да и кто мешает самой выйти замуж и родить собственного?

– Костры тапунов, – они перешли к следующей картине, – первая стычка.

Группа чернокожих людей с копьями и луками против мечей. Магией, как успела заметить Юля, владели обе стороны.

– А это карта Асмаса.

Его высочество замер напротив большой, изображенной прямо на стене карты островов. Барельеф был выполнен искусно – со всеми бухтами, горами, реками и даже болотами.

Юля принялась считать, но Харт опередил:

– Тридцать два острова от мелких до крупных, разделенных на восемь тэоратов, и восемь вулканов: три надземных, пять подземных.

Его высочество умолк, выжидательно глядя на Юлю, предоставив ей самой сделать вывод.

– Восемь тэоратов и восемь вулканов.

Она взгляделась в карту, где прерывистой линией были отмечены границы. Не зря принц упомянул вулканы. Точно есть какая-то связь...

– Не мучьтесь, – сжалился над ней Харт, – вы не из магического мира, вам сложно понять, как сильно мы завязаны на магии. Да, вы были правы, мой предок бежал с Большой земли, и тысяча четыреста двадцать лет назад вступил в бой за право жить на Асмасе. Его люди были искусными воинами, но у местных было преимущество в численности, к тому же они проводили большую часть жизни, сражаясь друг с другом. Видите ли, тапуны поклоняются предкам. Если соплеменника убивают, его относят в специальную хижину, притаскивают туда еду, выпивку, а чтобы окончательно умиловать дух умершего, тапуны мстят, уничтожая любого из племени убийцы. Если враг силен, то его внутренности поедаются. Теперь вы понимаете, почему эта война никогда не заканчивалась? И стоило одному из людей Листрага случайно прикончить местного, как запускалась цепочка бесконечных убийств.

Так «шоколадные зайцы» – каннибалы? – похолодела Юля. Воевали друг с другом и поедали врагов? «Милые» создания, а с виду и не скажешь...

– Вы побледнели, – проявил наблюдательность его высочество, – не бойтесь, их кровожадные привычки в прошлом. Некоторые обычаи, увы, – Харт вздохнул, – даже мы не в силах искоренить, но войны на Асмасе нет давно, как и давно здесь никого не едят.

– Это извержение вулкана Ирьяханга.

Художник изобразил вулкан на фоне ночного неба. Конусообразная гора едва угадывалась в темноте, только ярко-алым языком светилась огненная лава, изливающаяся из жерла.

– Наш мир, Ю-лия, водный. Большая часть поверхности покрыта водой. Есть два крупных материка и множество островов. Как правило, это горные массивы, оставшиеся от ушедших под воду земель. Потому вулканы здесь не редкость. И если бы не они – это было бы чудное место. Теплая зима, жаркое лето, короткий сезон дождей. Внутренние моря богаты рыбой. Есть ледники, которые питают реки и дают пресную воду. Есть железная руда, мы даже свириллум здесь добываем.

– Но вулканы все портят, – подвела итог Юля.

– Вы правы. Их активность не угасает, а извержения, особенно подводные, приносят цунами. Тапуны научились их предсказывать и уходить вглубь островов. Наша родовая магия – огонь. И когда моему предку удалось остановить извержение Ирьяханга, тапуны признали его божеством и верховным правителем. Был заключен договор, по которому мы защищаем Асмас от вулканов, а тапуны живут по нашим законам и признают власть ракханов над собой.

И они перешли к другой картине, где группа чернокожих стояла на коленях перед его величеством, держа в руках дары, а его величество зачитывал текст со свитка.

– Вы можете остановить вулкан? – потрясенно спросила Юля. – Но как? Я имею в виду, что невозможно справиться с такой силой. Особенно если это взрывное извержение.

– Вы предлагаете мне открыть вам тщательно охраняемый семейный секрет и рассказать, как именно мы управляем лавовыми потоками?

Под ироничным взглядом Третьего Юля смутилась. Привыкла, понимаешь ли, к доступности информации, а здесь ей не Гугл. Тут излишне любопытный нос вполне могут и отчекрыжить.

– Вулкан – не шутка, Ю-лия. Именно потому каждого из Столпов тщательно готовят к его роли. Ведь ошибка будет стоить тысяч жизней. Все крупные города, – его высочество кивнул в сторону карты, – расположены на побережье. Много поселений находится рядом с вулканами. Мы держим этот мир своей силой.

– И Шестой? – тихо спросила Юля.

– И Шестой, – подтвердил Харт, – если пройдет посвящение. Как бы вам ни казалось со стороны, мы не жестоки. Жестокостью будет отправить в Огненные пещеры неподготовленного.

– А часто они у вас просыпаются? – поинтересовалась Юля, пребывая под впечатлением от слишком реалистичного изображения извержения вулкана. Не хотелось думать, что художник его с натуры рисовал. С другой стороны, живут на Земле рядом с Этной, привыкли, наверное.

– Каждому хоть раз, но выпадет шанс применить свои знания на практике, – с очень горькой усмешкой ответил Третий.

– А король? Правитель? Как его выбирают из восьми?

– Король... – задумчиво протянул Харт, тряхнул головой, соглашаясь: – Пусть будет король. После того как самый младший получит одобрение огня, мы встретимся вместе в пещере Истины. Там и произойдет выбор. Огонь сам решит, кто будет им править. Не всегда это бывает сильнейший. Огонь любит силу, но уважает стойкость, храбрость и ум.

В целом все ясно, подумала Юля. Семь братьев-принцев и один король держат вулканы запечатанными, местное население относится к ним как к богам, ну или высшей расе, потому как сероволосые избавили их от землетрясений и цунами. Справедливый симбиоз. Остается только вопрос преемственности власти и жизнеспособности системы.

– И что? Никому из восьми не приходило в голову оспорить решение огня? Самому стать правителем?

– Вы умеете задавать вопросы, Ю-лия. – Третий подарил ей оценивающий взгляд. – Пытались, конечно, только не главная ветвь, а побочная. Видите ли, ритуал связывает нас в единую цепь. Это необходимо для быстрой передачи силы. Если кто-то из братьев не сможет подавить извержение, он заимствует силу у остальных. С их согласия, конечно. А вот правитель может осушить нас всех, именно потому его практически невозможно убить. Практически для этого придется уничтожить всех восьмерых одновременно. Да и после уничтожения главной ветви вулканы никуда не денутся, их все равно надо будет кому-то сдерживать. А хватит ли сил у боковой ветви – еще вопрос. В тот раз все закончилось двойным извержением, цунами и одним ушедшим под воду островом. Повезло, что в центральной ветви выжило трое. Они смогли остановить извержение, а потом восстановили ветвь.

Пять вулканов рядом – как связка гранат. Рванула одна – рванули остальные, если вовремя не остановить. Как вообще до прихода сероволосых выживали «шоколадные зайцы», Юля не бралась даже представить. С этой точки зрения им повезло, а то, что попали в услужение, – плата за безопасность.

– Сложно, – вздохнула Юля, пытаясь уложить в голове пазл из вулканов, принцев и короля.

– Не пытайтесь с ходу понять то, что мы выстраивали тысячу четыреста двадцать лет, – снисходительно улыбнулся Третий, – лучше

ответьте, какую награду желаете получить.

– Награду? – удивилась Юля. Поворот был неожиданным. От камеры до ордена, или что там полагается местным героям.

– Вы не прошли мимо чужого ребенка, приютили, помогли вернуть домой. Столь милосердный поступок нуждается в награде.

– «Никогда ничего не просите, особенно у тех, кто сильнее вас», – процитировала Юля свой любимый роман «Мастер и Маргарита», – а если серьезно: ваши деньги у нас ничего не стоят. Сомневаюсь, что смогу продать без вопросов свириллум. В камнях я ничего не понимаю. Все остальное работает при помощи магии, которой в нашем мире нет. Простите, принц Харт, но я заберу самое ценное, что вы сможете дать, – воспоминания.

Его высочество тяжело вздохнул, посмотрел сурово, словно Юля отвергла предложение руки и сердца.

– Вы твердо намерены вернуться? – осведомился он прокурорским тоном.

Юля взглянула удивленно. С чего такие сложности? Обвинения с нее сняты, от награды она отказалась, а Совенок...

– Я была бы счастлива, если бы Аль время от времени смог навещать меня, – ответила Юля, – но остаться – нет. В моем мире есть обязательства, которые вынуждают меня вернуться.

– Я услышал вас, Ю-лия, – недовольно дернул уголком рта его высочество, – и нам пора. Скоро начнется прием.

Принц развернулся и двинулся в сторону парадного зала, ухитряясь даже спиной выражать неодобрение. Девушка пожалала плечами – и чего он разозлился? Совенка безумно жаль, но она – чужой человек, вдобавок из другого мира. Неужели нельзя найти кого-то из своих? Тем более для Столпа, будущей опоры... Она решительно не понимала местных. Рассказывают красиво, а на деле... Ненавистный наставник, который фактически загубил воспитание принца. Довел до побега. Нелогично все, еще эти странные намеки на возможность остаться. В каком статусе? Наставницы? Няни? Восьмой жены? – содрогнулась от мыслей Юля.

Третьего она догнала у дверей. Оказалось, начало приема уже объявили, и последние представители высшего общества неспешно втягивались в арочный проем. С шепотками и настороженными взглядами их пропустили вперед, и вдвоем с Хартом Юля вошла в

столовую, больше напоминающую богато украшенный ресторан-амфитеатр. Три желоба, заполненные стекающей вниз водой, делили зал на сектора, в центре, подсвеченный огнями, мерцал небольшой бассейн с островом посередине. Над желобами ажурными силуэтами возвышались мостики, щедро декорированные живыми цветами. Столы располагались на ярусах, между которыми пролегли для удобства узкие проходы-пандусы. В свою очередь, ярусы полукругом спускались к центру, где находился длинный вытянутый стол для избранных. Там, лицом к менее родовитым, и восседали самые сливки общества.

К ужасу Юли, его высочество повел ее именно к центральному столу. Пройти под сотней взглядов-прицелов, перебраться по мостику на островок и не упасть в воду было непросто, но она справилась. Перевела дух, убедилась, что приклеенная к губам улыбка не слетела, а Третий уже вел ее к пустому месту между Совенком и – какого черта?! – Фильяргом. Вот кого сейчас Юля хотела видеть меньше всего. При одном только взгляде на Четвертого правое ухо томительно заныло, а в животе встрепенулись бабочки.

Этот мужчина вызывал странные, противоречивые чувства. Она помнила клинок, разрезающий ей горло. Жесткий допрос и безжалостные глаза. Но тело реагировало на близость, как мороженое на солнце. Мозги ненавидели, а сердце трепетало. Маньячка, поставила себе диагноз Юля. Дожила до двадцати шести, а мозгов как у пятнадцатилетней. Фанатеть от того, кто ее убил... Не пациент, а находка для психиатра. Неужели она из тех, кто вечная жертва и любит страдать? Нет и еще раз нет. Завтра домой, а варвар пусть остается в прошлом, как и ее ненормальная тяга к этому опасному мужчине.

– Ты где была?

– Вы не надели мой подарок? Не понравилось?

Это прозвучало с двух сторон, стоило ей занять место в президиуме, то есть за столом. Третий отправился председательствовать, сев между седьмой матерью и незнакомым Юле юношей.

– Мне показали картины и рассказали вашу историю, – тихо ответила Совенку Юля.

– Простите, я не могу принять столь дорогой подарок, – это уже она сказала Четвертому. «Зайчик-каннибал» действительно пытался всучить ей диадему, но Юля отказалась – не привыкла носить подобное. А если потеряет? Чем расплачиваться станет? Теперь оказывается, что это был подарок. Но его высочество сам виноват – надо было вручить лично, а не оставлять на столике.

– Учту на будущее, – нейтрально-вежливо ответил Фильярг.

Юля задумалась. С чего такая щедрость? Совесть проснулась? Стыдно стало? Нет, только ребенок может поверить в подобное. Ему что-то от нее надо... Спросить напрямую? И выслушать про «наглость с налетом грубости»? Долбаный этикет. Не знаешь уже, дышать или нет, чтобы не оплошать.

Как хорошо, что седьмая мать ее накормила. Юля с благодарностью покосилась в ее сторону. Вкушать под прицелами взглядов местного общества – только несварение зарабатывать, вдобавок новое лицо в президиуме привлекало к себе повышенный интерес.

Третий выступил – усиленный магией голос разнесся по всему залу – с краткой речью, суть которой сводилась к тому, что досадный инцидент полностью исчерпан, виновные найдены и наказаны, а эсхарат сегодня рад сообщить...

– Прошу поприветствовать, – его высочество жестом указал на Юлю, – ассара шестого Столпа Асмаса – Юлия Никольская.

Юля встала, поклонилась, чувствуя себя по-идиотски. Вдвойне по-идиотски, так как общество, дружно шурша платьями и отодвигая стулья, скопировало ее поклон.

Глава 8

На Земле прозвучали бы аплодисменты, здесь битьем же ладоней не баловались. Раскланялись и заняли свои места.

И что это было? – спросила у себя Юля. Дань вежливости? Признание ее заслуг? Или что-то большее, чем просто знакомство: «Знакомьтесь, Алиса, это Пудинг. Пудинг, это Алиса».

Юля бросила взгляд по сторонам. Официальная часть закончилась. Публика приступила к еде и застольной беседе. Мыслевик работал на полную нагрузку, вылавливая слова соседей и мешая их в колоде. Выходило неопишное «Цены снова... опять шторм... вот такую поймал... холодно сегодня... слышали... такая хорошенькая». Юля потеряла висок, искренне желая всем заткнуться.

– Здорово, правда? – восторженно спросил Совенок, щедро накладывая себе чего-то зеленого. – У меня теперь ассара. Поеду в академию – обзавидуются все.

– Альгар, – одернул его Четвертый, – принцу не пристало прятаться за спиной ассары. Тебе нужно всего достигать самому. – И тут же заботливо поинтересовался: – Вы почему ничего не едите, Ю-лия?

– Видите ли, ваше высочество, – медленно произнесла девушка, – меня лишает аппетита мысль, что вы отложите мое возвращение домой. Не отрицайте – все обвинения с меня сняты. Ваш брат даже награду предлагал, – сдала она Третьего.

– И что вы выбрали? – живо заинтересовался Фильярг.

Юля задумалась. А ведь действительно было одно, что стоило попросить.

– Вы так быстро... – запнулась она, подбирая слово, – вернули Аля домой, что забыли его подарки.

А ведь она выбирала их, тратила деньги. Неприятно думать, что они остались брошенными на скамейке.

– Вы о том странном гладком предмете с вещами? Это не награда. К тому же его забрали, проверили и доставили в комнаты его высочества. Возможно, наше знакомство, Ю-лия, началось не слишком хорошо, но я не теряю надежды убедить вас, что мы не звери.

– Забавно, – хмыкнула девушка, смотря, как Четвертый выкладывает на ее тарелку кусочки чего-то красного, политого белым соусом, – но я никогда не считала вас зверьми. Просто мы разные, ваше высочество, и, боюсь, мне никогда вас не понять. А непонимание – страшная вещь.

– Я помню, вы просили держаться от вас подальше, – понизив голос до интимного шепота, проговорил Фильярг, – но я за вас отвечаю, так что придется смириться с моим присутствием.

Вот как, прикусила губу Юля. Надсмотрщик, значит. Ну-ну.

– Кстати, почему именно вы? У вас так много родственников, – обвела она рукой зал, – можно сказать, слишком много.

– О да, – согласился Филь, – много. Но шестая мать из рода моей матери. С Альгаром мы родственники не только по отцу, но и по матерям.

Видимо, это что-то значило для Совенка. Юле оставалось же принять тот факт, что именно Четвертый отвечает за Шестого, а значит, и за нее. А еще Четвертый ловко сменил тему, не ответив на поставленный вопрос. Сердце кольнуло дурное предчувствие. Если так, тряхнула головой девушка, они еще пожалеют о своем решении. Она вернется домой, даже если для этого придется разнести дворец.

На приеме Юля с Совенком не задержались. Деть быстро наелся, заскучал, потом начал зевать, и девушка вспомнила о расписании дня. Вдобавок голова болела все сильнее, и непонятно, был ли тому виной мыслевик или богатый на впечатления день, но Юля с сожалением была вынуждена прервать рассказ Фильярга. Она с удовольствием бы послушала еще – его высочество как раз перешел к истории Первозданной империи, но сил терпеть больше не было. Их отпустили.

Как в тумане Юля добралась до покоев Совенка. Помогла умыться сонному детю, уложила в кровать, побаловала засыпающего ребенка сказкой, поправила одеяло, поцеловала в щечку, потом в лобик. Полюбовалась сопящим чудом. Сердце дрогнуло, напоминая, что завтра она оставит Совенка. И не помогли здравые рассуждения, что такая привязанность ненормальна. Боль потери ввинчивалась под лопатку, перехватывая дыхание, билась в висок. И Юля осталась, села на пол рядом с кроватью, взяв детскую ладошку в свою руку. Прикрыла на секунду глаза.

Она проснулась от того, что шею скрутила боль. Встала, разминая. Кажется, она проспала пару часов и надо возвращаться к себе. Юля бросила последний взгляд на сладко спящего Совенка, запрещая себе будить ребенка поцелуем.

Девушка вышла в пустой коридор, засомневалась – куда дальше? Убедила себя повернуть налево. Потом направо. Увидев знакомые ступеньки, взбодрилась и уже смело толкнула дверь с веночком в углу узора.

Юля шагнула в темноту, и сомнение заставило замедлить шаг. А если ошиблась? И вместо своей комнаты вломилась в чужую? Вдруг этих дверей с веночком много? Скучное освещение от ночника не позволяло опознать покои, и девушка замерла в нерешительности.

«Так, Юля, не тормози, – одернула она себя сердито, – ты оставила кроссовки около кровати. Единственные, японка мать, в этом мире кроссовки. Так иди и проверь».

На цыпочках, не дыша, она двинулась в сторону, где, по ее представлению, должна была находиться спальня. Шаг, еще шаг... Легкий шорох справа заставил шарахнуться в сторону, налететь на какую-то мебель, ойкнуть, а потом ее снесло в сторону, впечатало в стену горячим телом, заблокировало, а шеи знакомо коснулся холод лезвия.

– Свет, – скомандовали над ухом.

Юля моргнула, щурясь. Над ухом хмыкнули, а потом издевательски протянули:

– И почему я не удивлен? Мне говорили, что женщины вашего мира смелы и бесстрашны, но я не знал, что настолько.

Лезвие ножа было убрано, а вот Четвертый убираться не спешил. Он был обнажен по пояс и стоял слишком близко, чтобы это можно было игнорировать. Воздуха вдруг стало резко не хватать, Юля прерывисто вздохнула. Тело у Четвертого было великолепным, сразу видно – он не просиживал дни в кабинете. Шрам-ожог над левой грудью и еще один косой на ребрах намекали, что жизнь принцев не так сладка, как кажется. И руки зачесались – дотронуться, ощутить, как под пальцами перекачиваются упругие мышцы.

– Так насколько вы бесстрашны, Ю-лия? – спросил Фильярг, явно вкладывая иной смысл в свой вопрос, потому как одна его рука зарылась в волосы девушки, а вторая прочертила дорожку от виска к

подбородку. Осознание, что она в комнате одна с полуголым мужчиной, взбудрило не хуже энергетика. Сон слетел кубарем. Юля пришла в себя, прибила бабочек, от которых внизу живота уже разлилось приятное томление, а руки спрятала за спину – от греха подальше.

– Я не к вам, я мимо проходила, – собственный голос звучал хрипло и незнакомо, – ошиблась дверью.

– Какая... – пауза, и палец очертил границу ее губ, – приятная ошибка.

Ей ожидаемо не поверили. То есть его высочество на сто процентов уверен, что она добровольно среди ночи заявила в его спальню. Вот же... контуженный. Неужели непонятно, что девушка не врет?

– Я так рад, – склонился он ниже, и легкая паника накрыла Юлю.

– Филь... – начала девушка, но продолжить ей не дали, закрыв рот поцелуем.

Его высочество целовался так, что на какое-то время Юля потеряла связь с реальностью. От него слегка пахло алкоголем и мятой. Руки действовали уверенно, обнимая, лаская. И девушка вынуждена была уцепиться за его плечи, чтобы не упасть – в ногах наблюдалась слабость. А мысли невольно скакнули на бывшего, сравнивая. Хотя как можно соотносить железо с пластилином? Бывший был мягким, податливым, нежным и аккуратным, а Юле порой хотелось ощутить безоговорочную уверенность, самой стать нежной и слабой. Не думать за двоих. Не решать самой. Но не здесь и не с этим мужчиной. Сердце заныло, требуя остаться. Ему было плевать на доводы разума, пришлось напомнить, что она понятия не имеет о местных обычаях. И проведенная вместе ночь вполне может означать замужество без права покинуть мужа.

Юля его оттолкнула, и мужчина среагировал чутко, отодвинулся, вглядываясь в ее глаза. Радужка его глаз потеплела, заливаясь золотом. И это окончательно отрезвило.

– Неужели во дворце закончились женщины, которых ты еще не пробовал, Филь?

В слабо освещенной спальне, встрепанный и с желтыми глазами, его высочество удивительно напоминал филина. Крайне злого и недовольного.

Он моргнул, усмехаясь.

– Ревнуешь, Лия?

Девушка зашипела недовольно:

– Не дождешься.

Его высочество отстранился, окинул Юлю насмешливым взглядом и вынес вердикт:

– Трусишка. Твоя комната направо. Считаю до трех, если останешься, – он наклонился, горячий шепот оплавил кожу, – я тебя не отпущу. Раз...

Юля дрогнула, приходя в себя и выныривая из сладкого дурмана под именем «Его высочество Четвертый Великолепный».

«Два» ударило в спину, когда она неслась в сторону двери, «три» осталось от нее отрезанным. Сердце билось как сумасшедшее, ноги не держали, и Юля прислонилась к прохладной каменной стене, чтобы не упасть.

Выдохнула, приходя в себя. Внутри разрасталась паника. Она только что обозвала его высочество кобелем! Доигралась. Нет чтобы пощечину дать. На крайний случай взвизгнуть, обозвать нахалом, но кобелем!

«Да, Юля Андреевна, – сказала она себе, глядя в залитый синей подсветкой пустой коридор, – нельзя тебе во дворец. Как пить дать опозоришься».

То, что ее отпустили и не поволокли в темницу, можно списать лишь на смятение его высочества. Настолько понравилось? – засомневалась Юля. Но принц не выглядел зеленым юнцом, чтобы впадать в эйфорию от одного поцелуя, да и целовался так – сердце сладко заныло, – что мысль о кобеле казалась самой верной.

Пронесло, решила она, отлипая от стены.

Юля кинула последний взгляд на проклятую дверь и шагнула в сторону. Замерла, вернулась, моргнула, ущипнула себя за ладонь, но чертов венчик так и не появился. Дверь выглядела совершенно незнакомо.

– Кобель, – заявила она уже с полной уверенностью.

В собственную спальню крадась как по минному полю и, только увидев кроссовки, выдохнула с облегчением – добралась. Она сняла платье, нырнула под одеяло, поворочалась – сердце после потрясения

никак не хотело успокаиваться. С мыслью о наказании за оскорбление королевской крови Юля и задремала.

Четвертый стоял на коленях, и Юля любовалась склоненной сероволосой головой. Грудь наполняла радость власти. Ладонь сжала подлокотник. Трон? Она шевельнула головой, ощущая давящую тяжесть. Корона?

– Ю-лия, – с опасной интонацией проговорили сбоку.

Юля дернулась, успевая заметить лезвие в руках Третьего и занесенный меч. Горло рвануло болью.

– Юля! – Крик ворвался в сон. Ее трясли за плечи. – Проснись! Сколько можно спать?

Совенок не церемонился, чуть ли не прыгая сверху, но Юля была лишь рада. Первым делом ощупала горло – фух, целое. Потом заметила «зайчика-каннибала».

– Госпожа ассара, вам пора вставать. Седьмая мать ждет вас на завтрак.

– Неужели? – зевнула Юля. Хотелось уточнить: и в каком виде? Жареном или вареном? И не поделится ли уважаемая тапуна семейным рецептом?

– А знаешь где? – спросил с затаенным восторгом Совенок и сам же ответил, победно расправив плечи: – В Плавающих садах!

Юля припомнила, что сады относились к местным достопримечательностям и входили в культурную программу. Придется идти.

– Раз в Плавающих садах, – поднялась она с кряхтением, – тогда пойдем.

Зарьяна округлила глаза, недовольно поджав губы. Делать выбор в пользу садов, по ее мнению, было кощунством.

И что они так носятся с этими величествами? – размышляла Юля, приводя себя в порядок. Была бы единственная – еще ладно, а так – одна из восьми.

Зеркало отразило чуть помятую физиономию – никакого блеска и гламурности. Дурацкая косметика, решила Юля. Какой смысл вести жизнь вампира и появляться на людях во всей красе только после заката? Впрочем, она придиралась. После вчерашнего чудо-крема кожа

посвежела и выглядела упругой и ровной. Волосы тоже сохранили гладкость. А то, что гламур пропал...

– Ты хотела убивать своей красотой? – спросила Юля у отражения и добавила: – Страшная женщина.

Со смотровой площадки открывался чудный вид на заросшее озеро: множество островов, гигантские листья на поверхности, кувшинки и еще какие-то красно-желто-зеленые водоросли. Все это богатство накрывал огромный прозрачный купол. «Зимой всегда закрывают», – пояснил Совенок. Среди листвы проглядывали крыши беседок, виднелись колонны ротонд, слышался шум водопада. А еще здесь стаями носились разноцветные птицы, на мелководье плескались какие-то животные.

Аль потянул дальше, не давая насладиться подробностями.

– По дороге насмотришься, – проворчал он, добавляя со взрослой интонацией: – Мы опаздываем.

Ах да, вспомнила Юля. Они опаздывают на завтрак к королеве, вот еще одно неудобство проживания во дворце. Королева ей понравилась, но рисковать – Юля потеряла горло – не стоило.

Плавающие сады надо было переименовать в сады плавающих мостов. Когда они, спустившись по лестнице, очутились на берегу, из воды с шумом всплыл мост, закачался, стряхивая воду. Аль смело шагнул на мокрую поверхность очередного чуда магического прогресса, нетерпеливо махнул рукой, и Юля присоединилась.

– Ларговый остров, – скомандовал Альгар, и мост без всякого предупреждения ринулся вперед – Юля едва успела схватиться за перила, чтобы не упасть. Они беззвучно скользили по воде, как нож по маслу. Лишь иногда, на поворотах, огибая очередной остров, мост наклонялся, и тогда вода вспучивалась по краям, пугая брызгами.

Из прибрежных кустов взлетали невиданные птицы. Юля успевала заметить, как по пути их движения, между ярко-алых водяных цветов, ныряли какие-то животные, гревшиеся на гигантских листьях. Еще здесь одуряюще пахло цветами и древесной смолой. Над водой носились крупные стрекозы. С жужжанием маневрировали темно-зеленые жуки. Мост обогнул группу деревьев, стоящих корнями в воде, пронесся мимо темного валуна – тот шевельнулся, и над водой показалась голова на длинной шее. Через пару минут мост уткнулся в

берег небольшого круглого островка – от песчаного пляжа вглубь шла вымощенная камнем дорожка, сквозь кусты виднелись белые колонны.

Это была странная беседка круглой формы – без крыши, с белыми колоннами вместо стен, полом, заваленным подушками, и низким столиком, уставленным блюдами с едой.

– Доброе утро, Альгар. Доброе утро, ассара моего сына.

Ее величество ласково улыбнулась и даже привстала с подушек, выражая радость от встречи. Из слуг Юля заметила лишь пожилую женщину, которая ловко наполнила чашки горячим травяным отваром, стоило им выбрать себе по паре подушек вместо стульев.

После взаимных приветствий и пожеланий ее величество лукаво улыбнулась и спросила:

– Скажите, Юлия, вы готовы к небольшому путешествию?

Девушка удивленно вскинула брови и честно призналась:

– С вами – да.

Вряд ли ей что-то грозило в присутствии будущей матери седьмого наследника.

– Мне нравится ваша смелость, – одобрительно кивнула ее величество, махнула рукой, командуя: – Вниз.

Беседка дрогнула, чашки на столе зазвенели, Совенок восторженно ухнул, а потом остров начал неспешно погружаться в воду. С верхушек деревьев, истошно вереща, сорвались птицы, и Юля проводила их завистливым взглядом, а вода уже подбиралась к порогу беседки. Очень хотелось вскочить, залезть куда повыше, хоть на эту колонну, но под внимательным взглядом ее величества она осталась на месте, жестко подавляя панику. Только тарелку с едой отставила в сторону – топиться лучше на голодный желудок.

Нервируя, вода поплескалась около порога и начала вырастать прозрачной стеной за колоннами беседки.

– Плавающие сады, – ее величество изящно пригубила свой отвар, – называются так потому, что умеют плавать не только по воде, но и под водой.

Юля сжала руки, заставляя себя успокоиться и ругаться исключительно мысленно. Предупредить никто и не подумал. «Топись, Юлия Андреевна, на здоровье. А мы посмотрим, как весело ты будешь паниковать».

Вода уже закрывала потолок, вокруг потемнело, и в воздухе зажглись световые шары.

– Красиво, правда? – Седьмая махнула в сторону водяной стены.

Юля разжала крепко стиснутые зубы, улыбнулась и кивнула.

– Очень.

А главное – никакой видимой преграды между ней и водой. Застрелиться, как круто!

Совенок набил полный рот розовых квадратиков, вскочил и рванул к стене. Остров как раз закончил погружение, и вокруг них темно-серебристой гранью колыхалась вода. Сумрачными силуэтами проплывали рыбы. Изгибались плетистые водоросли. А потом в гости приплыл зверь. Темное вытянутое тело с лапами вместо лап напоминало выдру. Аль восторженно замычал, размахивая руками. Зверь заинтересованно завис напротив, оценив представление – голокожий прыгающий двуногий.

– Это лафр, – пояснила ее величество, – милый зверь. Мы не держим в садах никого опасного.

Юля кивнула, потянулась к кружке и глотнула отвар, искренне надеясь, что туда добавили чего-нибудь успокоительного.

– Вот теперь мы можем поговорить, Юлия, – улыбнулась Седьмая, и девушка бросила на нее удивленный взгляд, отмечая изменения: на лице ее величества царила безмятежность, а поза стала расслабленной.

Вольготно разлегшаяся на подушках женщина ничем не напоминала собранную и величественную королеву, и Юля начала понимать, зачем нужны погружающиеся острова. Вода, похоже, экранировала магию, и здесь можно было не опасаться прослушки и наблюдения. Острова служили местом для секретных бесед и укромных встреч. И сейчас у Юли было свидание с королевой... Она втянула воздух, ощущая, как запахло интригой. Служанка и та исчезла, вернувшись на плавучий мост.

– Спрашивайте, – разрешила ее величество.

Хотелось спросить о столь многом, что девушка растерялась и брякнула первое пришедшее в голову:

– А остальные жены тоже живут во дворце?

– Жены? – вскинула брови королева.

– Да, с первой по пятую, – проямлила Юля, ругая свой длинный язык. Ну кто спрашивает женщину о других женах ее мужа? Идиотка!

– Ах, вы об этом, – напряженно улыбнулась Эллиана, – понимаю, для вас это странно. В вашем мире принято иметь много жен?

Юля озадаченно моргнула – разговор шел куда-то не туда.

– У нас есть страны, где можно иметь несколько жен, – ответила осторожно.

– Какой ужас, – искренне возмутилась ее величество, – бедные женщины! Делить мужчину с кем-то еще.

Похоже, глаза у Юли стали совсем круглыми, потому как Седьмая нервно рассмеялась.

– Вы решили, что... Ох, даже не хочу представлять, что вы подумали. Нет, у его величества только одна жена.

Между слов читалось – «и это я».

– А как же?..

– Разве бывшая жена обязана жить с мужем? – Ее величество недовольно покачала головой, огорченная недогадливостью гостьи. – Ее долг перед страной заканчивается, когда ребенку исполняется пятнадцать и он отправляется на обучение в академию. После этого она вольна делать все, что хочет. Многие роды желают принять в свою семью мать наследника, поэтому большинство выходят замуж второй раз. Ведь единственный долг матери и жены правителя – родить ребенка. А брак... – ее величество вздохнула, – может быть расторгнут сразу после рождения, если на то будет желание женщины. Если нет – его величество может сохранить отношения до малого совершеннолетия наследника.

Юля непонимающе нахмурилась.

– Пятнадцать лет, – напомнила ей Седьмая, бросив взгляд на Совенка, добавила: – Альгару исполнится ровно столько через три месяца.

То есть через три месяца малыш покинет дворец, отправившись в непонятную академию, где с него будут три шкуры драть? – осознала Юля. Сердце болезненно сжалось. В голове закрутились картинки – одна страшнее другой. А ведь он такой еще маленький... А его оставят одного, без поддержки. Изверги!

– Юля, не переживайте так, – ее величество бросила обеспокоенный взгляд на девушку, – это лучшая академия на островах, все принцы ее оканчивают. Мужчинам надо взрослеть, иначе они теряют себя.

Девушка моргнула, отгоняя от себя страшные картинки и усилием воли возвращая мысли к многодетному отцу-производителю.

– Получается, его величество восемь раз женится и восемь разводится? А с кем он остается в итоге?

– Вы очень добры, Юля, – мягко улыбнулась Седьмая, – раз беспокоитесь о том, кто будет скрашивать старость его величества. У нас нет закона на этот счет. Если кто-то из жен решает дождаться своего короля, он может жениться снова. Его долг перед страной будет исполнен, и дальше он живет так, как пожелает.

После такого количества нелюбимых женщин и навязанных браков неудивительно, если их величества предпочитают одинокую старость, подумала Юля. Но если одна из них запала в сердце... Ужасное самопожертвование – развестись с любимой, чтобы жениться на другой. И как эти женщины соглашаются? Шестая вон умерла при родах.

– Вы не боитесь? – спросила, поддавшись порыву, Юля.

– Боюсь, – честно призналась королева, – но я сильная, так что справлюсь. Я не такая слабая, как Шестая. Знаете, мы ведь с Фальгой родные сестры. Его величество должен был выбрать старшую – меня, но ему понравилась Фаль. Я ревновала, злилась, а потом узнала, что Фаль запретили проходить ритуал. У нее всегда было слабое здоровье, она вообще не должна была участвовать в отборе, но его величество был настойчив. Правда, он запретил сестре проходить ритуал. Только она всегда была упрямницей. А когда узнал, было уже поздно – Фаль носила ребенка под сердцем. Его величество сильно переживал и долго не женился. Мне кажется, ему до сих пор больно видеть меня – мы с сестрой очень похожи.

Откровенность королевы топила, и Юля чувствовала себя так, будто вода хлынула внутрь, преодолев барьер. Выйти замуж за того, кто любил и до сих пор любит твою умершую сестру? «Санта-Барбара» отдыхает. Но наследник для правящей семьи – вопрос выживания, а не прихоть.

– Вы очень хорошая, – сказала Юля искренне, – уверена, его величество оценит вас. Пусть не полюбит, но уважать будет.

– Спасибо, ассара.

Глаза ее величества заблестели, и она отвернулась, пряча слезы.

– Вы совсем ничего не едите, – спохватилась Седьмая, вспомнив о роли хозяйки, – прошу, попробуйте хоть что-нибудь. Мы оскорбим главного повара, если вернем полные тарелки.

Обижать того, кто мастерски владеет ножом и сковородкой, Юля не желала и поэтому принялась за еду.

Глава 9

Смешной зверек уплыл, и Аль вернулся. Потянулся за пирожным, но Юля успела перехватить его руку.

– Сначала поешь нормально, а то на одних сладостях быстро потолстеешь.

Совенок недоверчиво фыркнул, потрянул серой шевелюрой, но согласился съесть оладий и овощную запеканку.

Момент был упущен, а Юле так хотелось спросить про ассару и свое возвращение, но не станешь же говорить о таком при ребенке. Он и так болезненно реагирует на любой намек об ее уходе.

Следующие четверть часа Юля с ее величеством усиленно кормили Совенка, потом они любовались приплывшей стаей разноцветных рыб, а когда крупная тень накрыла беседку, королева кивнула наверх:

– Ихран.

Все дружно задрали голову. Над ними неспешно и величаво проплывал некто, напоминающий гигантскую черепаху.

Когда на столе почти не осталось еды, остров начал медленно всплывать. Вода откатывалась, уступая место воздуху и солнцу. И Юля выдохнула с облегчением – пусть под водой было красиво, на земле все же привычнее.

– Вам пора, – намекнула королева, – было очень приятно с вами встретиться, Юлия. Да пребудет с вами милость Девятиликого.

– Мне тоже, – улыбнулась девушка. Вот не была бы седьмая мать королевой, они вполне могли подружиться, а так дурацкий этикет, на который приходилось оглядываться обеим, портил все.

На обратном пути они причалили чуть в стороне от лестницы, и, пока шли, деть с восторгом носился за стрекозами, набрал каких-то камней, подарил Юле половинку ореховой скорлупы, выглядевшей как ограненный черный кристалл.

А в комнате их уже ждали, причем с нетерпением. Выяснилось, что лучшее время для прогулки на ящерицах – утренние часы. Вдобавок Четвертый решил устроить не просто прогулку, а массовый заезд высшего общества Асмаса, куда они сейчас и опаздывали. Юлю в

три пары рук вытряхнули из одежды, запихнули в костюм для верховой езды и сопроводили до портала, который вывел их в вольеры.

Юля, проклиная Четвертого, мрачно рассматривала толпу человек в сорок, бодро, с шуточками и смешками, рассаживающуюся по вальшгасам. Доверия не вызывали ни длинные, покрытые костяными наростами ящерицы, ни их всадники, привычно устраивающиеся в седлах. Они-то привыкшие, а она? И зачем, спрашивается, столько свидетелей? Других объектов поржать нет?

– Госпожа ассара, – к ним подошел мужчина, одетый в темно-синий комбинезон, – прошу, ваша очередь. Не волнуйтесь, его высочество поедет с опытным мастером. Он будет в полной безопасности.

Юле тоже не помешал бы опытный инструктор, но животное могло нести лишь одного взрослого.

Темно-серая ящерица, метра три длиной, из которых метр составлял мощный хвост, вызывала желание держаться от нее подальше. Так и представлялось, как Юля кубарем летит из седла, попадая под хвост, ломающий ей кости.

– Вы не бойтесь, госпожа ассара, Ветерок у нас умница.

Ветерок повернула к ней вытянутую морду, облизала ее тонким розовым языком, мигнула желтыми водянистыми глазищами, как показалось Юле, с насмешкой, взрыла песок когтями передней лапы. Девушка попятилась. Она и лошадей-то боялась, а уж эту страхолюдину, которую даже погладить нормально нельзя – кожа хуже наждачки, – и подавно.

– Вы, главное, перчатки не снимайте, спину не выпрямляйте, в седле лучше полулежать, опираясь локтями вот на эти подставки, видите? А ноги – вот сюда.

«Сюда» напоминало по виду два деревянных короба, закрывающих ноги до бедра.

Юля убито кивнула. Кто бы сомневался, что ездить на этой твари нужно не по-людски.

– И лицо берегите, – инструктировал ее мужчина, – низко не наклоняйтесь, кожу обдерете. Давайте я вам помогу.

Юля огляделась. Конечно, все уже в седлах, ждут только ее. Твою же! Отказаться бы, да внутри подняла голову гордость. Она –

землянка, причем русская, а русскую женщину какой-то там ящерицей не испугаешь.

– Ну здравствуй, Ветерок.

Она протянула руку в перчатке, вальшгас облизал свой нос, на руку никак не среагировав. В желтых глазах читалось зримое превосходство.

– Госпожа ассара, – умоляюще проговорил мужчина, и Юля подчинилась судьбе.

Взгромоздилась в седло, уместилась в позе прячущегося от пуль всадника, намотав себе на руку ремень. Управление было простым: у седла присутствовал плоский руль, ремнями связанный с телом вальшгаса. Хочешь направо – дави правую палку от себя, налево – левую. Остановка – обе палки на себя, вперед – давить или стучать ящерице по шее. Ремень – экстренная остановка, когда больше ничего не работает.

– Не волнуйтесь, – мужчина застегнул страховочный пояс вокруг ее талии, – можете ничего не делать, Ветерок сама пойдет.

Пусть идет. Какое управление?! Юле бы удержаться в седле и дожить до обеда.

Раздался густой звук, и они плотной толпой двинулись по дороге. Вальшгасы бежали, низко наклонив головы к земле. Некоторые, повинуясь воле всадников, вырывались вперед, ловко лавируя между остальными. Как и говорил инструктор, Ветерок бежала вместе со всеми. Приноровившись к ее плавному ходу, к выбрасываемым в стороны лапам и поняв, что ездить на ящерице не так уж и страшно, Юля расслабилась и даже начала замечать красоту окружающего их пейзажа. Они въезжали в горы, справа и слева поднимались скалы, густо поросшие низким темно-багровым кустарником. Впереди ехал Совенок, за его спиной на двойном седле восседал пожилой мужчина. Изредка до Юли доносились восторженные возгласы детей. Хоть кому-то хорошо.

– Все в порядке, Ю-лия? – с ней поравнялся Четвертый и польстил: – Вы отлично держитесь для первого раза.

– Надеюсь, вы учтете мой минимальный опыт и выберете простой маршрут? – ворчливо осведомилась девушка.

– Не волнуйтесь, – на нее с насмешкой глянули желтые глаза, – мы доберемся лишь до плато Забвения. Это невысоко.

И Четвертый стукнул ящерицу по плоской голове между глаз, заставляя ускорить ход.

До плато? Юля похолодела. Нет, он сказал «невысоко». Паниковать рано. Вдруг до плато ведет нормальная дорога?

Но тут серая лента из вальшгасов резко свернула в сторону, пропадая из виду. Юля завертела головой, подняла взгляд – японка мать! Вот теперь можно паниковать! Дороги не было. Ящерицы ползли прямо по скалам.

– Стоять! – гаркнула она, пытаясь остановить Ветерка, но та даже мордой не повела и, резко ускорившись, вспрыгнула на ближайшую скалу. Юля от страха дернула ремень, Ветерок недовольно зашипела, извернувшись, намереваясь цапнуть наездницу и разом опровергая свой мирный и послушный нрав. Остановиться она и не подумала.

– Стой, зараза!

«От меня решили избавиться», – пронеслось в голове девушки, руки налились слабостью. Ветерок, ощутив отсутствие контроля, ударилась во все тяжкие. Юля даже глаза закрыла, чтобы не видеть совершенно отвесные скалы, по которым они ползли. Все силы уходили на то, чтобы держаться. «Не дождетесь!» – Пальцы упрямо цеплялись за седло. Сердце замирало от каждого вывалившегося из-под когтей твари камешка. Вниз смотреть было нельзя, ясно же – грохнешься, костей не соберешь. А то, что они поднялись высоко, было понятно по усилившемуся ветру, который норовил оторвать от скалы.

Ругать тупую тварь Юля устала, да и бессмысленно было – если та ошибется, рухнут вдвоем.

– Милая, не умаялась? – Она решила сменить тактику, открыв по такому случаю глаза.

Господи, лучше бы не открывала. Вид, конечно, потрясающий, но не когда висишь, прижавшись к спине ящерицы, а внизу метров пятьдесят пропасти. И стало понятно назначение деревянных колодок для ног – чтобы не содрать кожу об острые камни при подъеме.

– Передохнем, дорогая?

Докатилась – разговаривает с ездовой ящерицей! Еще и вокруг ни души. Высшее общество провалилось в полном составе, и на этой скале Юля была одна в компании с вальшгасом. А тот и вправду решил

передохнуть. Устроился на узком карнизе. Прикрыл глаза, намереваясь задремать.

Вот здорово! – разозлилась девушка. Сначала затащила неизвестно куда, а теперь дрыхнуть собралась, тварь! Хотела пнуть или стукнуть ее по макушке, как над головой раздались мужские голоса. Знакомые такие...

– Как успехи с ассарой?

Третий:

– Я решаю этот вопрос.

А вот и Четвертый:

– К драгоценностям она равнодушна, власть ее скорее пугает, чем прельщает, а мужчины...

– Я в курсе, что ты не смог удержать ее ночью. Теряешь хватку, брат.

– Просто не хотел пугать, – возразил Четвертый, и Юля ощутила, как румянцем вспыхивают щеки, а внутри поднимается злость.

– И когда ты скажешь, что мы ее не отпустим и она должна будет остаться с Шестым?

– Не торопи меня, – огрызнулся Четвертый, – думаешь, легко понять, что творится в голове у этой женщины? Я ищу подход.

– Поторопись, брат. Мне не нравится, что эта женщина начинает слишком много для тебя значить. Смотри, не увлекись всерьез.

И Третий хлопнул по макушке своего вальшгаса. Фильярг остался один. Он зло поджал губы. «Поторопись!» Легко сказать. Он вспомнил поцелуй, упрямый взгляд, прячущий за решимостью страх. Эту женщину хотелось узнать, она манила, как спрятанная в ворохе бумаги конфета. Если бы не спешка, он стал бы неторопливо, наслаждаясь вожделением, разворачивать обертку. Потом так же, не торопясь, попробовал бы ее на вкус, пробуждая страсть и заставляя раскрыться. Эту женщину хотелось приручить, а не сломить. Но Третий прав, на игры нет времени. И все же... Он вспомнил их поцелуй, волну желания, поднявшуюся в теле. И покачал головой... Все складывалось как нельзя некстати.

Некоторое время Юля прислушивалась – не раздастся ли еще чей-нибудь голос, но вокруг лишь гудел ветер, да задорно чирикала какая-то птица. Внутри нарастал яростный холод. Крепло желание кого-

нибудь убить. Нет, конкретно хотелось прибить Четвертого, но после того, как он вернет ее домой.

Сволочь! Так и знала, что ему верить нельзя. Обвинение в похищении... покровительство... прием... Вся эта лапша активно вешалась на уши с единственной целью – подсластить пилюлю. Похоже, с самого начала ее никто не собирался отпускать домой.

Юля с расстройства долбанула кулаком по ближайшему, до чего дотянулась. Ветерок, не ожидавшая такой подставы по затылку, подпрыгнула, недовольно зашипела и сорвалась с места. Девушка охнула, судорожно вцепляясь в седло, перед лицом промелькнула выглаженная ветром скала, а справа, между двух белоснежных пиков, синей полосой блеснуло море. После они вывернули на плато, оказавшееся буквально в паре метров над карнизом.

Здесь было красиво. Под изумительно синим небом раскинули игольчатые ветви хвойники, камни покрывал разноцветный мох, создавая видимость полотна авангардиста. У дальнего края белым песком улеглось облако. И все было бы прекрасно, даже Ветерок не портила пейзаж, если бы не аристократия, группками рассредоточившаяся по плато. И мысли в голове сразу закрутились отнюдь не гуманные.

Сюда бы бомбу, мечтала Юля, желательнее резиновую. Запустить, и пусть скачет и скачет, давя. И начать с Четвертого или с Третьего. А лучше с обоих.

Вальшгас, завидев своих, прибавил ход, активнее перебирая лапами.

– Юля, – закричал, размахивая руками деть, – ты где была? Я боялся, что ты потерялась.

Она и потерялась, причем весьма удачно. Всегда бы так «теряться», чтобы не чувствовать себя в конце полной дурой.

– С вами все в порядке? – с заботой осведомился главный по дурам.

Юля скрипнула зубами. Нет, в целом все неплохо. Она жива. На горы насмотрелась на десять жизней вперед, получила незабываемые – до поседевших волос – впечатления от езды. Стерла пломбы на зубах, сдерживая ор. Эхо в горах разносится далеко, а русской нецензурщине она местных лордов научит в другой раз. Но главное – появилась какая-то определенность. Не надо больше гадать: прорываться с боем,

сбегать под покровом ночи или торжественно, с оркестром и цветами, отбывать домой. Ясно, что цветов и оркестра не будет. Остался один лишь вопрос – зачем принцам иномирный наставник? Но с этим можно разобраться и дома, лежа на диване и поедая мороженое. В тепле и безопасности у нее будет время проанализировать мотивы и поступки их высочеств, а сейчас надо действовать.

– Благодарю, – растянула она губы в улыбке, не смотря Филю в глаза. Еще прочитает там лишнее. – Не скажу, что мне понравилось, но это было... запоминающимся.

А впереди еще спуск... Нет, лучше пешком. Или пусть ее стукнут по голове чем-нибудь тяжелым, привяжут к Ветерку и транспортируют вниз.

– Я рад, Ю-лия, – поклонился его высочество, – но вы зря переживали. Вальшгасы очень аккуратны и никогда не причинят вред наезднику.

Юля с сомнением покосилась на длинную морду и... не поверила.

Фильярг лично отстегнул ремень, помог спуститься, и Юле пришлось ухватиться за протянутую руку. От горячего прикосновения встрепенулась память, подбросив сцену с поцелуем, но была жестко послана далеко и надолго. Какие, к черту, поцелуи, если за них придется расплачиваться свободой, здоровьем и спокойствием близких? Что подумает мама, когда она не вернется домой? Желание стукнуть его высочество сделалось невыносимым. Внутренности раздирала боль, и Юля поспешила отойти, чтобы не выдать себя раньше времени.

– Юля! Смотри, там море! – Деть взобрался на край скалы, раскинул руки.

Девушка охнула, бросилась было оттащить его от края, но сопровождающий принца успокаивающе положил ей ладонь на плечо.

– Не бойтесь, госпожа ассара, не свалится. Мы – дети гор, а его высочество – их любимый ребенок. Вот как проснется огонь в крови, он станет хозяином.

Смотреть, как деть балансирует на краю пропасти, и оставаться на месте было непросто, но Юля справилась. Ее величество права – мальчикам надо взрослеть. И если Совенок должен будет повелевать вулканами, пусть привыкает к горам и их захватывающей дух высоте.

Рядом с Совенком Юля и осталась, старательно избегая обоих высочеств. Малыш словно оттягивал боль на себя, и та стала глуше, спрятавшись где-то под сердцем.

Они гуляли по плато, деть разыскивал красивые камни, их сопровождающий, мастер Ифрас, рассказывал о находках занятные легенды. Затем они караулили около обнаруженной норы, ожидая, когда оттуда покажет рыжий нос симпатичный зверек. Считали носящихся в воздухе быстрых птах. Искали похожие на животных облака. Победил мастер Ифрас, найдя сразу трех драконов. А потом их позвали к столу.

Скатерти были постелены прямо на воздух. Юля специально заглянула – столов не наблюдалось, и при этом ничего не падало с метровой высоты. Аристократия неспешно фланировала вокруг воздушного шведского стола, накладывала себе еду на тарелки – напитки разливал слуга – и безостановочно трындела, то есть культурно общалась.

Мысль о бомбе стала навязчивей, особенно когда рядом остановился Третий.

– Ю-лия, вы подумали над моим вопросом? Неужели вам ничего не хочется для себя?

Хочется. Ручной пулемет и парочку гранат. Третьего в заложники, чтобы открыл портал домой.

– Пытаетесь извиниться? – вскинула брови девушка. Она нацелилась на квадратный бутерброд с розовым паштетом и подцепила тот вилкой.

– А должен? – прищурился Харт.

Бутерброд проявил самоволие, соскользнув в паре сантиметров от тарелки. Его высочество тут же среагировал – протянул руку, и вредный кусок хлеба воспарил, плюхнувшись к Юле на тарелку.

– Нет, – покачала головой девушка, – вы ничего мне не должны, как и я вам. Впрочем, мне любопытно. Вчера вы представили меня ассарой. Кто это?

– Разве вам не рассказали? – весьма правдоподобно удивился Харт. – В вашем языке нет точного перевода. Ближайшее – наставник.

Угу, наставник. Настолько ценный, что ему пудрят мозги и не хотят отпускать домой.

– Благодарю, – улыбнулась Юля и даже приняла стакан с соком. И даже не выплеснула его в рожу Третьему. Впору было менять будущий статус с «Кремень» на «Леди дзен».

Злость придала сил, и вниз спускаться было не так уж страшно. Ветерок решила проявить осмотрительность, выбирая для спуска пологие склоны, а не сгая с отвесных скал. К тому же в толпе спускаться было спокойнее, да и паниковать взрослой тете в присутствии ребенка несолидно. Потому Юля крепче стискивала зубы, шипела, зажмуривалась на самых опасных участках, но в целом держалась молодцом. И даже не послала Четвертого, когда тот предложил повторить прогулку.

После катания Юля хотела вернуться к себе – надо было обдумать дальнейшие действия, но Совенок затащил ее в местный зоопарк. И она не смогла ему отказать. Да и лишний час ничего бы не решил.

Четвертый открыл для них портал и пожелал удачного отдыха. Юля мысленно пожелала ему сдохнуть. На том и разошлись.

Они прошли под арочным проходом, где им приветливо кивнул сотрудник в рабочем комбинезоне, углубились под сень деревьев, идя по вымощенной камнем дорожке. Зоопарк больше напоминал ухоженный парк. Немного напрягало лишь то, что никаких заборов или клеток видно не было, но Юля решила, что они просто до них не дошли.

Из кустов внезапно выскочила пара собак или волков – до метра в холке, жесткая шерсть, иголками торчащая на загривке, острые уши и короткие пушистые хвосты. Длинные морды были опущены к земле, звери явно кого-то выслеживали. Юля оцепенела. В голове промелькнуло сразу несколько мыслей – если бросятся, то куда деваться ей? Направо дерево повыше будет, зато налево удобнее.

Звери обогнули ее, пройдя буквально в полуметре, и потрусили дальше. На остановившихся людей им было глубоко начхать. Хвосты и те не дернулись.

Собаки, решила Юля. Непривычно, правда, что домашние животные разгуливают по зоопарку, да и вид у них... диковат.

– Шальяры, – с восторгом прошептал деть, – на охоту вышли. Пошли посмотрим, кого они выслеживают. – И он потянул ее за рукав.

– Погоди. – Юля притормозила Совенка. Неужели не собаки? Тогда кто? По коже морозом прошло понимание, что встреченные

звери скорее относятся к волкам, чем к собакам. Тогда почему они отреагировали столь равнодушно? Непонятно.

– А мы им не мешаем? – спросила она с сомнением, не горя желанием выяснять подробности охоты.

– Не-а, – протянул Аль, – они привычные. На людей не обращают внимания.

– А если обратят? – заинтересовалась девушка. – Могут же поранить.

– Как? – фыркнул деть. – На нас защита, они ее не пробьют.

Защита? То есть если какая-то тварь решит подзакусить человеком, она обломает об него зубы, поняла Юля. Успокаивает, но не полностью. А потом в голову пришла следующая догадка, и немедленно расхотелось идти дальше.

– погоди, у вас все звери гуляют просто так?

– Конечно, – озадачился деть, – разве у вас нет?

– Не совсем, – не стала вдаваться в подробности Юля, бросая настороженные взгляды по сторонам. В голове разом промелькнули кадры из «Юрского периода», и прогулка перестала казаться невинной.

– Не хочешь смотреть охоту, пойдем к лойсам. Тебе понравится, – предложил Аль, заметив, что она напряглась.

И снова этот выбор. С одной стороны – деть спокоен и явно бывал здесь не один раз, с другой – кто знает, насколько защита работает. Но и паниковать без причины не хотелось. И Юля согласилась испытать на себе нрав лойсов.

Они ей понравились. Парнокопытные животные серо-желтой окраски спокойно паслись на лужайке. Лойсы подпускали к себе, брали из рук траву, лишь гладить не позволяли, отступая от протянутой руки.

Юля успокоилась и позволила вести себя дальше. Животных в парке было много, в основном, конечно, не хищники. По скалам ползали мелкие родственники вальшгасов. В траве мелькали грызуны. По веткам деревьев порхали птицы. Гладь озера величаво рассекали местные лебеди розового окраса. Юле с Альгаром удалось разглядеть в кустах семейку пугливых животных, похожих на диких свиней. Но были и совсем странные звери, ничем не напоминавшие земных. Большинство, завидев посетителей, убиралось с дороги. Нападать никто не спешил, и Юлю это вполне устраивало.

В комнаты они вернулись, когда день клонился к закату. Усталый деть прошел в спальню, растянулся на кровати. Юля подошла, поцеловала Совенка в лоб, накинула одеяло. Сердце сдавило болью при мысли о том, что она собиралась сделать.

– Я к себе, – шепнула девушка, голос дрогнул.

– Ага, – сонно зевнул малыш, ничего не заметив, – до ужина.

Девушка вышла, кинула прощальный взгляд на Альгара. Ей так хотелось навсегда запечатлеть в памяти курносый носик, густые серые волосы и желто-карие круглые глазенки. Возвращаться она не планировала.

Как в тумане Юля добралась до своей комнаты. На диване ждал сюрприз – вычищенная одежда. Родные джинсы, кофта – от всего этого повеяло домом, аж слезы на глаза навернулись. Девушка быстро переоделась, и собственная одежда, точно доспех, придала ей сил. Пусть высочества идут лесом с их планами. Она будет сбегать столько раз, сколько понадобится, пока им не надоест ее ловить.

Взгляд зацепился за скорлупу ореха, которую она оставила на столике. Рука сама потянулась ее взять, и холод скорлупы проник под кожу, пополз выше, впиваясь в сердце. Совенок... Как он без нее? Ему так одиноко без мамы, а все эти многочисленные дяди и братья ничего не смыслят в воспитании, только и умеют, что орать и наказывать. А он такой слабый, маленький и глупый...

Нет, она не может остаться. Мама не переживет ее исчезновения.

Внутри билось, раздирая на две части.

Совенок.

Мама.

Совенок.

Колючками разрасталась боль. Оба родных человека боролись внутри нее друг с другом.

Она не могла уйти, не могла остаться. Господи, как больно делать выбор. Сердце колотилось, норовя выскочить наружу. Мир застилала слезы. Юля заметалась от порога и обратно. Боль жгла в каждой клетке тела, силы таяли, еще немного – и она упадет. «Это конец», – мелькнула мысль.

– Тише.

Юля дернулась, высвобождаясь из объятий, но ее поймали, крепко прижали к груди.

– Куда собралась, глупая?

Она ударила его локтем, потом кулаком, но державший ее мужчина не подумал отстраниться. Только зашипел, перехватил руки, спеленав в объятии.

– Успокойся, все будет хорошо.

– Неужели?

Услышав голос Третьего, Юля притихла.

– И что будет хорошо? – спросил с сарказмом его высочество. – Я вижу доведенную до приступа ассару. И хочу услышать, как ты намерен это исправить.

Глава 10

– Я все исправлю, – упрямо повторил Фильярг, крепче прижимая Юлю к груди.

– Раньше надо было выяснять, есть у нее значимый человек, способный уравновесить влияние Шестого, или нет. Сейчас уже не важно, кто это – мужчина, ребенок, друг или родитель. Главное, что их противостояние ее убивает.

– Сам вижу, – процедил Четвертый, – потому и настроил браслет не только на защиту. Но я проверял – она жила одна: ни детей, ни мужчины. Из обязательств, которые упоминались, только работа, но никакое дело не пересилит влияние Альгара. А семья... Скажи, разве нормальная семья позволит женщине жить одной? У нее точно никого не было.

– Уверен? – вскинул брови Харт. – Мне вот кажется, нам не доверяли и потому не делились сведениями. К тому же кто знает, может, у них принято позволять женщинам жить одним.

– Идиотский мир. – Фильярг выругался. Он поднял Юлю на руки, отнес на диван. Озабоченно положил ладонь на левую грудь, выравнивая работу сердца.

Девушка прерывисто вздохнула и прикрыла глаза. После приступа накатила слабость, сил не осталось даже возразить и обозвать самих принцев идиотами. Нормальная у нее семья. И женщина не инвалид, чтобы нуждаться в присмотре и опеке.

– Кому-то надо взрослеть, братишка, и оценивать других не только со своей позиции. Уверен, нашей гостье тоже многое кажется странным. Так что ты намерен делать? Она вот-вот потеряет сознание.

Когда говорят, что ты потеряешь сознание, тяжело сопротивляться. Вот и Юля не стала. Расслабилась, отключаясь.

Очнулась она, точно вынырнув из проруби. Встрепенулась – не проспала ли? Юля открыла глаза, села, бросив взгляд на стоящие на комодe часы. Было пять утра. Такая рань, зевнула девушка и только потом заметила, что лежит в кровати не одна. Рядом, на месте, где обычно спал бывший, лежал Четвертый. Его высочество был в одежде, только обувь снял, глаза прикрыты, грудь мерно вздымалась.

После сна мозг соображал туго. Она дома. Дома? Пощупала покрывало, провела рукой по тумбочке, ущипнула себя. Точно дома. Но что здесь делает Филь? Или его выгнали из дворца? Вот был бы приколот – бездомный принц. Нет, к себе она его не пустит, пусть не мечтает.

Юля потерла лоб, призывая мозги сосредоточиться. Какой только бред не приходит в голову в пять утра! Что там было последним из вчерашнего? Зоопарк? Нет, что-то еще...

– Как вы себя чувствуете? – спросил Фильярг, не открывая глаз.

От неожиданности Юля подскочила, схватилась за сердце. Мужчина среагировал мгновенно: оказался рядом и попытался пристроить ладонь на левую грудь. Юля отшатнулась, практически полетев кубарем с кровати, но была ухвачена за плечо и втащена обратно.

– Т-ты чего? – испуганно спросила девушка, этикет в родных стенах испарился сам собой. Зато вернулась память, и во рту сразу пересохло. Юля прислушалась к себе – сердце билось ровно, ни намек на вчерашнюю боль.

– У вас что-то болит? – Фильярг снова потянулся лапаты грудь.

– Руки убрал, – процедила девушка, отодвигаясь, – ничего у меня не болит, кроме головы. И нет, – дернулась она от руки, которую тут же протянул к ней мужчина, – уберешься ты, и голова сама пройдет.

Фильярг нахмурился – хамство ему не понравилось, но проглотил его молча. Впрочем, убираться он не спешил, и Юля махнула на него рукой – проблемы надо решать постепенно. Главное, что она дома. На душе было спокойно, сердце билось ровно. На часах пять утра... У нее куча времени, чтобы собраться на работу, а если некоторые будут против... Юля хмыкнула, размышляя, что у нее все же будет шанс проверить, что круче: калаш или фаербол.

Она встала, мужчина последовал за ней. Одет он был просто – в штаны и рубашку, но что-то неуловимое в его облике заставило Юлю вспомнить, что ремонт она осилила только на кухне и в санузле, а вот обои в комнатах старенькие, двери не поменяны, и зеркало в коридоре еще от прабабушки висит – рука не поднимается выкинуть.

Девушка вышла из спальни. Замерла, прислушиваясь – из гостиной донесся дружный гогот. Мужской и детский. Сердце

встрепенулось, она узнала этот смех. Совенок тоже здесь. Надолго ли? Не важно. Главное, рядом.

Тихонько она приоткрыла дверь, с удивлением рассматривая затылки Шестого и Третьего. Парочка угорала над мультфильмом про Ивана и Серого Волка. Повернулась вопросительно к Четвертому.

– Сам удивлен, – развел руками тот. – Альгар заскучал и попросил включить... как его... – Принц щелкнул пальцами, вспоминая.

– Телевизор, – подсказала Юля, восхищаясь – какой талантливый ребенок, один раз показала, а он запомнил.

– Именно, – облегченно улыбнулся Филь, – вот уже три часа не отрываются.

Юля покачала головой. Аль – понятно, но Харт удивил...

Она прошла в ванную привести себя в порядок. Видок был тот еще. Лицо бледное, глаза ошалелые, с лопнувшими сосудами... Пожалуй, на работе в таком виде лучше не появляться. Н-да... начальница убьет за выходной. Каждый больничный та воспринимала личным оскорблением.

Она вышла из ванной и вздрогнула – Четвертый подпирал стену напротив. Мужчина смотрелся в интерьере ее двушки как благородный дог среди трущоб.

Юля вздохнула – как бы повежливее намекнуть, что миссия комплит^[2] и ее можно оставить в покое? Здесь не дворец – принцы не требуются. А вот с адекватными мужчинам, как обычно, напряг.

Она двинулась на кухню. Застряла в задумчивости около кофемашины – дорогой, сразу на две кружки, с капучинатором – подарок любимой тетушки на юбилей. За спиной вздохнули. Эта недосказанность с маячившим около холодильника высочеством уже начала раздражать.

– Кофе будешь? – спросила она, убирая нож в стол от греха подальше. – И сядь уже.

Кухня у нее ни разу не дворцовая, вдвоем не развернешься.

– Юля, понимаю, ты злишься, – его высочеству тоже надоело изображать аристократа, и он перешел на «ты», – и да, я буду кофе.

– Отлично, – напряженно улыбнулась Юля.

Включила машину, проверила воду, зерна. Привычные действия успокаивали ее, сбивая желание настучать его высочеству по голове. На кухне столько всего... искушающего. Сковородка, например.

– И кстати, у нас это нормально – жить одной. И семья у меня, – кружка с громким стуком приземлилась на кухонную тумбу, – совершенно нормальная. Лучшая на свете, понял?

Кружка все же треснула. Юля зашипела, засовывая порезанный палец в рот. Вот же... засада. Одни убытки из-за этого придурка.

– Прости.

Палец у нее изо рта вытащили, подули, поцеловали, и порез затянулся на глазах. А осколки взлетели, отправившись в помойку.

– Я виноват, что не рассказал об ассаре. Ты не говорила, почему стремишься домой. Это из-за брата? Нет? Значит, из-за мамы. Я видел ваши картинки в комнате. Ты на нее очень похожа. Мы оба допустили ошибки, но я обещаю все исправить.

Юля недоверчиво фыркнула и отодвинулась. Злость улеглась. Заботливый принц влиял на нее как сорок капель валерьянки.

– Так что там с ассарой?

Кофе сварился, наполнив кухню ароматом уюта.

Напиток его высочеству Юля сделала под стать своему настроению – черный, крепкий, без сахара. Фильярг принялся, поднял кружку, осторожно пригубил, скривился.

– Что это?

– Отрава, – пожала плечами девушка, садясь напротив и делая глоток из своей кружки.

И зря кривился – она не экономила на зернах. Отличный кофе, свежего помола, неделю назад доставили. Бывший приучил ее к хорошему кофе. Вот странное дело, они давно расстались, а его привычка с ней на всю жизнь.

– Вы мне горло перерезали, я вас отравила. Квиты, – кивнула Юля ошарашенному высочеству поверх кружки. Пусть мелко, но так приятно поймать нервное удивление в вечно невозмутимых глазах. От этого в груди потеплело.

Фильярг закашлялся и расстегнул верхнюю пуговицу на рубашке, переваривая услышанное.

– Тогда зачем пьете то же самое? – спросил недоверчиво. Подержал руку над кружкой, хмурясь сильнее.

– Я же принца травлю, – ухмыльнулась Юля, – думаете, мне понравится ваша темница или встреча с палачом? Уверена, что нет. Так что лучше я сама себе приговор вынесу и исполню.

– Вы настолько любите сама принимать решения? – осуждающе посмотрел на нее Фильярг, еще раз провел рукой над кружкой, добавляя: – Здесь нет отравы. Что-то возбуждающее и стимулирующее, вода плохого качества, но ничего смертельного. Кстати, вам это пить сейчас нельзя.

Его высочество не стал отбирать кружку, та отобралась сама. Взмыла из Юлиных рук, пронеслась по кухне и приземлилась в раковину кверху попой. Юля скрипнула зубами.

– Вы мне не няня, – процедила она, нацелившись на кружку Фильярга.

– Я брат Шестого, вы – член моей семьи, забота о вашем здоровье – моя обязанность. – И его высочество одним махом влил в себя кофе, даже не поморщившись.

Юля моргнула, переваривая сказанное. Когда это она вошла в семью высочеств? Неужели она что-то пропустила, пока валялась без сознания?

– И чтобы развеять ваши сомнения, скажу, что ассар действительно наставник, но не простой, а, скажем так, идеальный. Понимаю, вы не сталкивались с магией, и вам нелегко будет это принять, но придется. Вы связаны с Альгаром, и с каждым днем связь будет только крепнуть.

– Что меня ждет? – тихо спросила Юля. У нее даже мысли не возникло, что Фильярг врет. Внутри что-то отзывалось, подтверждая слова принца.

– Ничего страшного. Займетесь воспитанием Альгара. И никто вам слова не скажет, ведь ассар лучше всех знает сильные и слабые стороны ученика. Вы всегда поймете, если подопечный солгал или ему нужна помощь. Даже когда он вырастет и станет взрослым, вы почувствуете, если Шестому будет грозить опасность. В нашем мире считается огромной удачей, если ребенок встретил своего ассара. Наставник становится вторым отцом, и его слово будет значить больше, чем слово родителя. Ведь ассар никогда не ошибается в том, что касается его подопечного. Шестой, – его высочество поморщился, вздохнул, видно было, что эта тема ему неприятна, – вырос без матери. Думаю, в этом причина того, что его ассар – женщина, а не мужчина. Мы все пытались ему помочь, опекали и жалели, а его воспитатель оказался не слишком порядочным человеком. Долгое время морочил

нам голову тем, что Альгар слаб и не может учиться, как положено Столпу. Мы верили, да и доказательства были... гм, достоверными. А потом появились вы и за один день научили его мысленной речи и плавать, а ведь Шестой панически боялся воды. Понимаете, о чем я?

Юля медленно кивнула. С этой точки зрения она не смотрела на случившееся. Так вот в чем причина ее ненормальной привязанности к ребенку и потребности защитить. И она была права – Совенок был педагогически запущен. Причина в излишней опеке, лени и боязни учителя отвечать за ребенка. Гораздо проще ничего не делать, отговариваясь слабостью воспитанника, чем учить и требовать результат.

– В день полного совершеннолетия принцы правящей ветви проходят ритуал в Огненных пещерах. Мы доказываем, что овладели огнем и можем его подчинить. Права на ошибку нет. Не справился – не вышел живым. И я вынужден сказать вам то, чего не знает Альгар. С тем уровнем подготовки, который он сейчас показывает, ритуал ему не пройти. Дожить до ритуала – и то вопрос. В академии, где его ждут через три месяца, не держат неженков. Мы уже рассматривали вариант исключения из ветви, но тогда Альгар будет вынужден покинуть дворец и на всю жизнь заработает клеймо слабака.

Юля подозревала, что ничего хорошего Совенка с этим клеймом не ждет. Куда ни кинь – всюду клин. С одной стороны, смертельно опасный ритуал, с другой – порицание общества и жалкое существование вместо жизни. Большой вопрос – что лучше для ребенка.

– А если его сюда? – облизала она пересохшие губы. В голове уже крутились варианты, мялась неуверенность – она логист, а ни разу не наставник. Но если иного выхода нет... А с документами можно и за деньги разобраться.

– Юля, вы хоть немного представляете, что такое воспитание огненного мага? – с иронией вскинул брови Фильярг.

Девушка побледнела. К-какого мага? Огненного? Мамочки! А костюм пожарного ей предоставят?

– Простите, не хотел вас пугать. – Его высочество попытался сгладить возникшую неловкость улыбкой. – К тому же первые проблески появятся месяца через три. Вас научат, как с ними справляться.

Хм. Юля взглядом нашла за стеклом шкафчика бутылку мартини – с Восьмого марта осталась. Желание напиться сделалось просто неприличным для пяти утра.

– А если я откажусь?

Выпроводить его высочество и напиться. Прекрасный план, потому как Юля точно была уверена – под царственным взглядом алкоголь в горло не полезет. Да и бокал, скорее всего, постигнет судьба чашки – быть вылитым в раковину.

Его высочество вариант с отказом не оценил. Он проследил за ее взглядом, осуждающе нахмурился и решил отвлечь Юлю местным фольклором.

– Недалеко от дворца, напротив Черного пляжа, есть скала. С ней связана легенда. Давным-давно жил юноша, ассар. Но невеста юноши не захотела принять чужого ребенка, как и делить с ним нареченного. Она требовала, чтобы юноша оставил мальчика. Хотела, чтобы в семье были только их дети. Чтобы юноша ушел работать к ее отцу, а ученика бросил. Но ассар не может покинуть ребенка. Тот юноша любил их обоих с одинаковой силой: как невесту, так и ученика. Когда он плавал в море, сердце от боли и невозможности сделать выбор разорвалось пополам. Он умер, а на месте его разбитого сердца образовалась скала.

Юля сглотнула. Сказка ложь, да в ней намек. Неужели ее ждала судьба несчастного юноши? Жесть.

– Это значит, я не могу бросить Совенка? – тихо спросила она. Юля была не против остаться с Алем, но возможность повторения сердечного приступа напрягала.

– Это значит, что мы решим вашу проблему, вы не будете беспокоиться за маму и сможете спокойно быть с Альгаром.

Звонок в дверь прервал их разговор.

– Что это? – спросил, мгновенно насторожившись, Фильярг.

– Кого-то принесло, – ответила, вставая, Юля.

Полшестого утра... И кто это? У нее дома два состоявшихся мага огня и один потенциальный. Самоубийца?

– Объявился, – нехорошо так прищурился Четвертый, глядя в сторону входной двери, и скомандовал: – Открывайте.

В дверной глазок Юля все же посмотрела. Ошарашенно полюбовалась на ярко-алые розы, за которыми и человека видно не было. Повернула замок, только сейчас подумав о том, как товарищи

попали к ней домой. Адрес, допустим, запомнил Совенок, но дверь? Ах да, у них была сумочка с ее ключами... Надо, кстати, забрать и зарядить мобильник.

– Доброе утро, Юлия Андреевна, – широко улыбнулся «русский», протягивая огромный, роз на пятьдесят, букет. – Это вам.

– Не такое уж и доброе, – не согласилась с ним Юля, но цветы все же взяла. Да и как тут устоять, когда ей в жизни не дарили такого богатства. Еще и запах... Она вдохнула тонкий аромат, прикрыла глаза, наслаждаясь.

– Так вот что вы любите, – задумчиво проговорили у нее за спиной, возвращая к действительности.

Сплошной принцизм, куда ни ступи, раздраженно подумала Юля.

– Раз вы здесь, еще и в компании Четвертого, значит, пришла пора запасного плана, – широко улыбнулся «русский», совершенно не смутившись холодностью приема. Он поднял руку, демонстрируя фирменную коробку с тортом из «Буше». – Предлагаю объявить перемирие и заесть недоразумение сладким, – провозгласил гость с такой завлекательной улыбкой, что Юля невольно им залюбовалась. Была у «русского» некая легкость в общении, которая сразу располагала к себе.

– А я думал, дорогой кузен, ты сдался и решил поработать на рудниках, – едко проговорил Фильярг.

Юля вскинула брови – какие рудники? Неужели «русского» собирались упечь за то, что тот способствовал побегу Аля? Совершенно недемократичный мир. Впрочем, нет. Какое-то равноправие в нем есть, раз кузены наследных принцев отбывают наказание на рудниках.

– За последние сутки я не присел ни разу, – возмутился гость и, не дожидаясь приглашения, прошел в квартиру, разулся, закрыл за собой дверь, демонстрируя навыки бывалого путешественника в этом мире.

Из комнаты выглянул Третий, округлил глаза на букет, кивком поздоровался с кузеном, но тут же снова исчез, притянутый голубым экраном.

Гость оглядел Юлю усталым взглядом, попросив слабым голосом:

– Чаю нальете или сразу к делу?

Какой русский не помнит про «накорми, да баньку истопи».

– Проходите, – посторонилась Юля, пропуская мужчину на кухню, и со словами: – Ваза в гостиной на полу, – «обрадовала» его высочество букетом роз.

Тот не понял. Пришлось впихнуть цветы в руки принца. И головой мотнуть в сторону гостиной. Слуг у нее нет, придется его высочеству поработать ручками.

Фильярг проводил прищуренным взглядом утекшего на кухню кузена. Его появление радовало и одновременно настораживало. Явно не с пустыми руками пришел, и розы здесь ни при чем. Впрочем, главное, чтобы идеи дурного кузена сработали. Лично он чувствовал приближение тупика и не слишком далеко продвинулся в решении проблемы. И почему эта упрямая женщина так сильно вцепилась в семью? Сама же говорила – живет одна, к чему эти сложности? Сказать матери, что уезжает, выходит замуж, он даже готов сыграть роль жениха. Но сердце подсказывало – не все так просто. Фильярг, обжегшись, торопиться не желал. Слишком разные миры – посмотрелся, пока искал Альгара. Еще больше останавливал страх. Он не хотел снова сжимать в объятиях женское тело, напряженно прислушиваясь к неровной работе Юлиного сердца. Каждый пропуск ритма вызывал приступ паники – а если остановится? Но сердце продолжало биться, пусть и прерывисто. И сейчас Фильярг готов был пойти на все, чтобы эта невыносимая, упрямая женщина добровольно согласилась стать ассарой. Он даже готов сотрудничать с кузеном, которого всегда недолюбливал, лишь бы его идеи оказались толковыми.

Фильярг вошел в гостиную, нашел вазу. Под насмешливым взглядом Третьего воткнул туда розы и вернулся.

«Русский» на кухне уже наворачивал круги около кофемашины, хищно принюхиваясь к запаху кофе, и Юля поняла – чай сегодня не в фаворе.

– С молоком? – спросила она.

– А капучино можно? – с надеждой поинтересовался «русский».

– Можно, – кивнула Юля, отмечая про себя, что товарищ глубоко погрузился в систему. Интересно, сколько времени он провел в России? Почему именно здесь? Потому что без вопросов разулся. Потому что не ахал при виде старинного самовара, стоящего на

подоконнике, – наследство от деда. И обращался по имени и отчеству, чего не любили делать иностранные граждане.

– Вы уж простите, Юлия Андреевна, я без приглашения, да еще так рано, но я попробовал найти вас во дворце, а там сказали: вы отбыли вчетвером. Вот я и решил дома проверить. И еще раз простите – забыл представиться.

Он встал, прижал ладонь к сердцу, отрекомендовался:

– Кайлес. Но вы можете звать меня Александром, мне это имя очень нравится.

– Адрес как нашли? – нахмурилась Юля, доставая молоко из холодильника.

Совенок адрес мог только показать, но никак не передать, значит, разузнал сам. И фиг ему, а не Александр. Косить под русского – дурной тон и навевает нехорошие ассоциации.

– Я, Юлия Андреевна, не просто с тортом пришел, а с предложением. А любое предложение требует подготовки.

– Подготовились, значит. – Девушка бросила на Кайлеса многозначительный взгляд, но мужчина намека не понял.

Он расслабленно развалился на стуле, отгородившись тортом. Отличным, кстати. Ей давно хотелось его попробовать, да цена останавливала – усыпанный крупными орехами один к одному, политый венецианской карамелью – сказка для сладкоежек, а не торт.

– И что ты подготовил? – спросил Четвертый, проходя на кухню и присаживаясь за стол.

– Много чего, – довольно улыбнулся Кайлес, не чувствуя опасности. – Вам, Юлия Андреевна, двадцать шесть, не замужем, работаете старшим логистом – это организация перевозок грузов, – пояснил для брата. – Вы – первая и единственная дочь в семье. Есть еще младший брат, призван в местные войска. Из-за болезни матери вынуждены были стать старшей женщиной рода. Заботиться о брате, убирать, готовить, при этом успевая учиться на высший балл.

– И кто же вам столько всего рассказал? – прищурилась Юля, подавляя желание плюнуть в чашку с кофе.

– Есть деньги – есть информация, – пожал плечами «русский». Он принял из Юлиных рук кружку, принохался, сделал глоток и расплылся в блаженной улыбке. – Изумительно!

Фильярг смотрел на него с недоверием, так как его первый опыт с кофе не сложился.

– У нас это называется копаться в грязном белье, – выпалила девушка, гневно сжимая ладони.

Лучше бы сами спросили, она бы рассказала то, что посчитала нужным, чем вот так... за ее спиной. Мысль, что там еще нарыл этот следопыт недоделанный, вызывала острый приступ досады. Еще и эти клятые розы. И торт. Росли, припоминаясь, снежным комом обиды. Юля не злопамятная, но и на память никогда не жаловалась. Гнев закипал, требуя выхода. Искрил желанием взять что-нибудь тяжелое, можно острое или горячее...

– Твою же мать! – выругался по-русски Кайлес, вскакивая со стула и выплескивая остатки кофе на запыхавший календарь, висевший над столом.

Светло-коричневая жидкость стекла по светлым – пара месяцев как поклеенным – обоям. Вонь гари смешалась с ароматом кофе. И вместе с легким облаком дыма в кухне повисла тишина.

– Чем это у вас так вкусно пахнет и одновременно воняет? – осведомился Третий, нарисовываясь на пороге.

Юля вздрогнула, отходя от шока. Она распахнула створку окна, и шум просыпающейся улицы ворвался внутрь.

– Уже ничем, – ответила девушка, рассматривая ладони.

Это она сделала? Бред. Юля проследила бездумным взглядом за ехавшей по улице поливочной машине. Пять утра. Она варит кофе магам огня и поджигает календарь. В том, что это именно она – обои до обидных слез было жаль, – сомнения не было. Просто жар в ладонях пропал одновременно с возгоранием. В такие совпадения Юля не верила.

– Ваша связь еще крепче, чем я думал, – задумчиво проговорил Четвертый, подходя и опираясь рядом о подоконник.

– Я не верю в магию, – ответила Юля глухо.

Радуга блеснула в струе воды. Поливалка проехала, оставляя за собой мокрый след.

– В нее необязательно верить, – сочувственно «подбодрил» Фильярг, – ею нужно уметь пользоваться и контролировать.

«Доктор, у меня выросла третья рука». – «Что вы, пациент, вам это кажется». – «Не знаю, доктор, может, и кажется, но есть тремя

руками стало гораздо удобнее».

Юля невесело усмехнулась своим мыслям. А какие у нее перспективы? Кроме как сдать в Кащенко? Вызвать бригаду и отдаться в руки гренадерски крепких санитаров с добрыми лицами. Заодно и проверить, поможет ли галоперидол справиться с магическими всплесками. Или город лишится-таки своей психиатрической больницы.

Нет, в Кащенко еще успеется. Да и высочество не позволит насладиться больничным покоем. Вот он, стоит рядом... Контролирует – не сиганет ли она на радостях в окно. Пятый этаж, однако...

Глава 11

Фильярг втянул в себя вполне свежий – утро же – воздух, закашлялся, просипел:

– Отвратительно. Как вы еще живы?

– А мы как тараканы, – усмехнулась Юля, – выживаем везде.

– Тогда вы самый прекрасный таракан на свете, – отразил ее усмешку его высочество, подхватил ладонь, развернул, запечатлевая поцелуй на запястье.

От прикосновения мужских губ кожу обожгло. Юля замерла, ощущая, как внутри искорками начинает жечь невидимое пламя. Япона мать! Она теперь ходячий огнемет? Юля вспомнила поливомоечную машину, представила, как откидывает люк на баке, ныряет внутрь, с головой уходя в ледяную воду. Темнота. Холод. Искры погасли. Юля рвано выдохнула – пот потек по спине, точно она километр пробежала. Девушка досчитала до десяти, окончательно успокаиваясь, после чего поймала одобрительный взгляд Четвертого.

– Вы прекрасно справляетесь, Юля. Ни разу не усомнился в вашем самоконтроле.

А вот она сомневалась. Более того, уже представила, как «обрадуется» начальство, когда она воспылает праведным гневом на нерадивого водителя, причем в прямом смысле этого слова. Хм, есть ли у них в офисе огнетушитель?

А как ей по городу передвигаться? Да и вообще жить с внезапно проснувшимся талантом? И главное – это навсегда или она временно подцепила от Совенка умение поджигать? Ведь если она правильно поняла намек его высочества, даром огня ее наградил Аль через связь ассара – подопечный. И, что характерно, никто не обмолвился о таких осложнениях... Жуки, а не высочества. Интересно, еще сюрпризы будут?

– Ю-лия, если у вас остались силы, может, порадуете тем самым, что вынужден был пожертвовать на ваш всплеск мой кузен, – вкрадчиво попросил Третий.

Юля вздохнула – у нее тут проблема мирового масштаба, а этим лишь бы кофе глушить.

– И поздравляю с пробуждением. Немного неожиданно, но огонь всегда чутко реагирует на стресс. Боюсь, вчерашний приступ спровоцировал всплеск.

Неожиданно – не то слово. И опять она последняя узнает об еще одной особенности ассары.

– Нет, брат, это местная черта – торопливость. Видел бы ты, как они носятся по улицам на своих двоих, молчу про эти повозки. Вот и наша ассара поспешила воспринять огонь. – Четвертый сел обратно за стол, покрутил торт, прицениваясь.

– Вы бы тоже торопились, живя в два раза меньше, – не согласилась Юля. Поторопилась она... Еще и виноватой выставили за то, что огонь проснулся. Ничего, она припомнит еще его высочеству, как и «прекрасного таракана». Комплимент сделал... Как же.

И все равно ничего не понятно. Вопросы... сплошные вопросы... Но сначала кофе. Хоть понюхать, чтобы успокоиться. Она вернулась к кофемашине, бросила взгляд на стену, удивленно вскинула брови – календаря не было, как и следов на обоях.

– Если вам дорога картинка... – начал было Кайлес, но Юля его оборвала:

– Забудьте.

Она не станет жалеть о корпоративном календаре, тем более что на работе есть еще один.

Юля поставила две кружки под рожок, нажала кнопку. Успокоительно зажужжала кофемолка. Зерна зашуршали, проваливаясь внутрь машины. Юлины мысли были сейчас как эти зерна – лихорадочно подпрыгивали, суматошно сталкиваясь друг с другом.

Она – маг. Породительница огня! Офигеть! В цирк пойти поработать? Или на шоу магов? А с первого же кастинга прямиком в лабораторию. Вот где всем будет плевать на желания подопытной. Юля давно уяснила – демократия заканчивается там, где начинаются большие деньги или большие проблемы. А огненный маг, свалившийся на голову товарищам в погонах, может принести столько головной боли, что проще придавить его по-тихому.

Кофе закончил вариться, Юля добавила молока в кружку и поставила взбивать пену. Увы, решение одно – чтоб маги этим кофе

подавились – вернуться обратно. Научиться пользоваться тем, что проснулось, и после этого спокойно жить в родном мире.

Вот только мама... После третьего пропущенного звонка на мобильный дома начиналась паника. Мама давно не вмешивалась в жизнь дочери, ей было достаточно знать, что Юля здорова, цела и никуда не пропала. Но если она не отвечала на звонок – а мама звонила регулярно, то... Нет, не думать о последствиях. Слишком свежи в памяти холодные больничные коридоры, запах лекарств и тянущее чувство безнадежности. Девушка прикрыла на мгновение глаза, переживая кольнувшую сердце боль.

– Юля, не переживайте, все не так плохо, как вам кажется, – примиряюще произнес Кайлес. – Понимаю ваши чувства. Сам прекрасно помню свой первый всплеск.

– Ни черта вы не понимаете, – Юля поставила перед мужчиной кружку, запрещая себе вылить ее на голову гостя, – впрочем, я тоже. Как возможно, что я – долбаный маг огня?!

Как будто ей мало быть ассарой? К черту магию. Туда же магов, оккупировавших ее кухню.

– Магия – благо, – не одобрил ее эпитета Третий. Кофе, однако, взял, сделал глоток, блаженно зажмурился и вынес вердикт: – Вкусно.

Фильярг что-то заподозрил. Перехватил кружку у кузена, осторожно попробовал и возмущенно округлил глаза.

– Вы на самом деле пытались меня отравить?

Юля пренебрежительно фыркнула – это же надо было принять классический эспрессо, пусть и двойной, за яд? Неужели был опыт? И мысль вернуться в чужой мир приобрела горький аромат миндаля.

– Что, братец, тебе здесь не рады? – усмехнулся Третий, явно наслаждаясь ситуацией. – Боюсь, нам тоже. Только, госпожа ассара, вам придется смириться с нашим присутствием. Видите ли, Альгар – это семейное, и нам не хотелось бы посвящать в проблему вашей иномирности кого-то еще. Учить будем сами. Хотя бы на начальном этапе, до академии.

Другими словами: клевать вас будут за иномирность, госпожа ассара, регулярно и чувствительно. А уж если совсем до смерти заклевывать станут, мы, конечно, вмешаемся. Ну и учить будем, дабы можно было отмахаться до подхода тяжелой кавалерии.

И на душе сразу сделалось тоскливо, еще и пернатые из высшего общества вспомнились. Юля прям пятой точкой ощутила, что клювы из железа будут. И нет спины, за которой отсидеться можно, потому как ассара – это передовая между Совенком и остальным миром. И если припрет – она за деля горло порвет. Впрочем, Четвертый свою защиту не снимал, так что пока она его не довела до белого каления, можно дышать ровно и ходить без оглядки.

Но если задуматься – любопытный расклад выходит. Слабый наследник, без матери, с непонятым наставником, который – то ли сам, то ли его попросили – еще больше ослабил Шестого. А ведь наверняка были те, кто желал бы выкинуть мальчика из дворца. Юля могла бы поспорить хоть на кофе, что у его величества все невесты в списке согласованы на годы вперед. Лучшие из лучших, сильнейшие из сильнейших и так далее. Да только Шестая весь список нарушила, когда король – каким только местом думал – протацил ее в жены. Получается, мать Совенка подвинула чью-то дочь. Седьмая вон как злилась, когда ее сместили на один пункт, а ведь была та, кого выкинули совсем. «Прости, дочь, ты больше не королевская невеста». Вот уж затаила злобу так затаила. И если Совенка сейчас вышвырнуть из дворца, то бывшая Восьмая вернет свою позицию. И Юля поставила себе мысленную пометку разузнать все о вычеркнутой невесте. Врага, как говорится, лучше знать. Если не в лицо, то по досье или слухам.

Остался еще невыясненным вопрос – зачем братьям так сильно радеть об Але? Вон как вцепились в ассару – из кухни не выгнать. Не хочется ждать рождения еще одного наследника? И тридцать лет до его совершеннолетия? Эдак до трона можно и не дожить.

– Какая честь, – скривилась девушка. – И вы не ответили на мой вопрос: КАК ТАКОЕ ВОЗМОЖНО?

Третий осуждающе – орать он предпочитал сам – покачал головой. Кайлес же со словами:

– Отрезать вам кусочек? – подвинул к девушке торт, отвлекая.

Торт выглядел соблазнительно, нервы обиженно намекнули, что если не мартини, то хоть вкусняшка им положена, иначе они за себя не ручаются, и Юля поставила чай. Подумала и сделала-таки капучино для Фильярга, чтобы царственный таракан не обвинял ее в отравлении.

Внутри что-то потянуло, схватило за шкуру – воображаемо, конечно, – и поволокло в гостиную. Юля приоткрыла дверь и прошла в комнату, подняла выпавший из детской руки пульт, выключила телевизор, достала плед и укрыла Совенка.

Смотреть на того, кто тобой управляет, было странно и пугающе. Она сама посадила ребенка на шею – это правда. Как и то, что любовь к Совенку стала причиной формирования связи ассара – подопечный, а не наоборот. Без любви ничего бы не сложилось, хоть обмагичься. А еще правда заключалась в том, что прогони Юля малыша – и он умрет или будет глубоко несчастен. Да и выбирать, куда им идти вдвоем, – ей и только ей.

Но как же страшно брать на себя ответственность за Шестого!

Она поцеловала малыша в лобик, вздохнула и пошла к трем высочествам. Почему трем? Так отец Кайлеса – родной брат короля, и кузен, выходит, тоже принц.

Ее возвращение встретили понимающими взглядами, а Четвертый решил продолжить информационную обработку.

– Как я говорил, ассар – идеальный наставник. – В голосе Фильярга слышалась благодарность, он сразу понял, для кого готовится еще один кофе. – Первые полгода – период сближения. Вы начнете улавливать эмоции подопечного, он – ваши. Не все подряд, только сильные. Будете чувствовать его потребности. Сможете влиять, брать на себя часть боли, смягчать ее.

Его высочество замолчал, нахмурился, потом признался:

– Простите, Юля, мне сложно объяснить то, что я и сам не до конца понимаю. Думаю, вы со временем во всем разберетесь. Ваша интуиция станет лучшим помощником. Что касается магии... Как вы понимаете, невозможно научить тому, чего не знаешь сам. В истории есть упоминание о том, как ассар обрел талант к рисованию, когда его подопечный оказался художником. Но чаще всего меняется вектор магии. Ваш случай... гм, сложнее.

Юля и сама понимала, что сложнее. С нуля взрослую тетю... Ох и намучаются высочества. Они еще не поняли, на что подписались.

– Но мы справимся, – проявил оптимизм Фильярг. – И опережая ваш вопрос: чем ближе совершеннолетие, тем слабее связь. Когда Альгар вырастет, ваше влияние ослабнет до минимума. Вот и все. –

Его высочество развел руки, показывая, что тузов в рукавах не спрятал и выложил все как на духу.

Юля сделала вид, что поверила, и поставила перед Четвертым кофе. Себе же налила чай, достала тарелки, ложки, доверила кузену порезать торт. Некоторое время на кухне стояла тишина. Высочества вкушали иномирный десерт, Юля заедала стресс. Первый кусочек, который она по привычке попросила – вот совсем небольшой, – незаметно исчез с тарелки. На языке осталась тягучая сладость, нервы требовали еще, и она потянулась за добавкой.

– Все хорошо и понятно, – проговорила она, накладывая себе торт. Подумала, отложила один кусочек для Совенка, а оставшееся разделила на три части. Уж больно хищно взирали на торт мужчины. Собрались сладкоежки... – Но у меня работа, семья. Я не могу все бросить в один момент. Какие будут предложения?

Это она еще об оплате не заикалась, а ведь тамошними тугриками за квартиру не заплатишь и хлеба на них не купишь.

Кузен их высочеств отодвинул от себя тарелку, покаянно вздохнул и проговорил:

– Юлия Андреевна, я хотел извиниться, у меня и в мыслях не было вас обидеть, только помочь. Просто ваша знакомая, Лидия Сергеевна, оказалась столь разговорчивой особой, что мне было неловко ее прерывать.

Юля стиснула зубы, выругавшись про себя. «Повезло» ему нарваться именно на Лидию Сергеевну. Соседка по лестничной площадке была прекрасной женщиной и сильно помогла им, когда мама болела, но с возрастом страсть к разговорам приобрела пугающие размеры, и сейчас старушка легко могла заткнуть за пояс любого блогера. Вопрос – ответ, вопрос – ответ, и все в форме монолога. Останавливало ее речь только бегство собеседника. Обычно это выглядело так:

– А еще в новостях говорили...

– Ой, Лидия Сергеевна, так рада была вас видеть.

– А ты видела, что в магазинах творят? Последнюю шкуру снимают.

– Да-да, всего хорошего. Простите, спешу.

Старушка, не утруждаясь, выдавала часовой спич. И если кузен их высочеств не сбежал, значит, сейчас он знал о жизни Юли и ее семьи

больше, чем она сама, потому как некоторые вещи можно разглядеть только со стороны.

– А надо было прервать, – жестко заявила Юля. – И к каким выводам вас подтолкнул сбор информации у соседей?

Ничем иным это не было, пусть не прикрывается благими намерениями.

– Вот, – Кайлес торжественно достал из кармана несколько сложенных листов напечатанного текста, – ваш контракт на работу.

Юля разладила листы, вчиталась в двуязычный английский и русский текст.

– Новая Зеландия? – вскинула она потрясенный взгляд на Кайлеса. – Вы шутите?

– Ни капли, – помотал тот головой. – Десять часов разницы, дорогие звонки. К тому же линия побережья схожа с нашей. Вы будете записывать видео, через Фильярга отправлять телефон мне, а я обеспечу вам полное прикрытие. Таким же образом будете получать ответ. Время от времени сможете выходить на связь отсюда.

Юля вздернула брови и кинула оценивающий взгляд на мужчину.

– А вы подготовились.

Кайлес горделиво вздернул подбородок, приосанился:

– Ничего выдающегося, Юлия Андреевна. У меня здесь бизнес уже несколько лет. Небольшой, но вполне прибыльный. На жизнь хватает. А с Новой Зеландией мы действительно подпишем контракт на поставку сырья, и человека я там найму, чтобы следил за поставками.

– Но это буду не я, – понятиливо кивнула девушка.

Однако кузен удивил. Контракт соорудил, легенду продумал. И она почти готова согласиться...

Кайлес полез в карман пиджака, достал визитку, пододвинул к девушке. Юля прочитала название компании, прыснула, поймала умоляющий взгляд мужчины и прикусила губу, сдерживая смех, однако было поздно. Его высочество тоже заинтересовался квадратиком картона, отобрал, покрутил, но прочитать не смог. Мыслевик работал только с речью.

– Что здесь написано? – спросил он требовательно.

Юля опустила глаза, не желая сдавать Кайлеса. Третий хлопнул кузена по плечу:

– Хвастайся, что ты здесь наворотил, пока я не передумал и не отправил тебя на рудники прямо отсюда.

Кайлес тяжело вздохнул, нервно дернул плечами и попытался выкрутиться:

– Ничего особенного. Всего лишь небольшая компания «Асмас Интернешнл».

В кухне повисла напряженная тишина.

Ага, небольшая компания с очень гордым названием. Юля оценила вытянутые лица высочеств и грозовым штормом потемневшие глаза Третьего. Кайлеса надо было срочно спасать. Пока он единственный, кто понимал, что просто так она на иммиграцию не согласится.

– А чем вы занимаетесь, если не секрет?

– Не секрет. – Кайлес встрепнулся, вспомнил, зачем они здесь собрались, расцвел обворожительной улыбкой и проговорил, избегая взглядом братьев: – У меня небольшой цех по производству косметики. Дорогой, натуральной и элитной.

Юля прищурилась, пытаясь разгадать, в чем подвох. Косметика, да еще и элитная, с производством в России? Но почему?

– Не мучьтесь, – рассмеялся мужчина, заметив ее сосредоточенный вид, – все дело в магии. Перед отправкой товара я улучшаю состав с помощью заклинаний.

Юля представила, как кузен тайком пробирается на склад, нейтрализует сторожа и обрабатывает каждую коробку заклинанием перед отправкой. Сотрудники небось давно косточки перемывают странному поведению начальства.

Однако удивил Кайлес, ничего не скажешь. И судя по всему, в шоке пребывала не только она.

– Ты торгуешь косметикой? – ледяным тоном поинтересовался Фильярг.

– Произвожу, – поправил Кайлес, сник и признал: – Но торгую тоже. Зато я оплачиваю все свои расходы и смогу платить ассаре зарплату в местных деньгах. Или ты хочешь, чтобы она работала даром?

– Ассара – не работа, – гневно спорил его высочество, – это дар. Мы бы обеспечили ей достойное существование и без твоего, – он брезгливо поджал губы, – контракта.

Юля только головой покачала... Считать работу чем-то низким... Одним словом, принц великолепный, уверенный, что еда появляется на столе сама по себе. А женщине достаточно того, что ей соблаговолит купить мужчина. И получит ассара вместо денег какие-нибудь побрякушки. Вот их ей есть и предложат.

– Скажите, а Столп – тоже дар? – поинтересовалась Юля, размазывая остатки венецианской карамели по тарелке.

– Конечно, – удостоили ее царственным кивком.

– Бедняги, – сочувственно вздохнула Юля, – даже на карманные расходы денег нет.

– Почему нет? – оскорбился Третий, вдруг остро восприняв вопрос собственных денег.

– Как же... Вы – Столпы. Вас же всем обеспечивает корона, зачем вам деньги?

Четвертый закашлялся, а Третий коротко расхохотался.

– Ю-лия, не хотите пойти ко мне в помощники? Я бы ваши слова написал на двери приемной министерства финансов. А то развелось последнее время столько любителей получить денег от короны...

И Третий потянулся за добавкой.

– Мне денег от вас и не надо, – начала было девушка, но Кайлес умоляюще замотал головой, выхватил из рук Юли контракт, перевернул страницу, ткнул куда-то в середину. При этом смотрел он как побитый жизнью четырехлапый бродяга, которому она проспорила сахарную кость.

Под этим взглядом Юля сдалась и вчиталась в текст. В горле внезапно пересохло, пришлось тянуться за чаем. Она отпила и снова вернулась к цифрам. Проверила валюту, периодичность выплат. Контракт явно составлял профессионал – учтено было все: аванс, отпускные, больничный. И как ни смотри в текст, а получать она должна будет десять тысяч евро ежемесячно. Еще и бонусы полагались за выполнение плана. Не зарплата, а сплошной коммунизм. И очень хотелось спросить – не потребуется ли убить кого-нибудь за такие деньги?

Она подняла взгляд от бумаг – Кайлес смотрел выжидающе – нет, она ему точно что-то должна. А внутри в цунами собирались сомнения. Не платят такие деньги за легкую работу, даже за

нормальную, от слова «совсем». Юля сомневалась, что элитные проститутки и то столько получают.

– Не знаю, – проговорила она, пытаясь облечь суматошные мысли в слова.

– Юлия Андреевна, – Кайлес вдруг подался вперед, ладонью накрыл ее руку, глаза его замерцали знакомыми желтыми огоньками, а голос сделался низким, обволакивающим, – это прекрасная возможность, верьте мне.

«Верьте мне», – эхом отдалось в ее голове, а рука сама потянулась за ручкой, которую мужчина секундой ранее достал из кармана.

Раздался тихий, но такой знакомый шелест. Юля поймала взгляд расширившихся от ужаса глаз кузена, ручка со стуком упала на стол, а лезвие меча замерло у горла Кайлеса.

Глава 12

Юля оцепенела. Разом накатили страх и воспоминание. Последнее пришло особенно ярким, да таким, что кожа зажглась и вернулась фантомная боль, а в голове крутилась единственная и совершенно дурацкая мысль – отмывается ли кровь с обоев.

Третий выразительно кашлянул, и кашель волшебным образом подействовал на Четвертого. Мужчина, чуть помедлив, тем самым испытывая нервы кузена, убрал меч за спину в невидимые ножны. Юля вскинула брови, осознавая, что все время этот невозможный придурак разгуливал у нее по квартире с мечом за спиной. А она собиралась его сковородкой огреть. И девушка прерывисто выдохнула, рядом начал дышать бледный до синевы Кайлес.

– Еще раз применишь к ассаре свои фокусы, – с замораживающим спокойствием проговорил Фильярг, – и я отрежу тебе твою дурную башку. Понял?

Кузен говорить не мог, только кивнул. Вид у него был пришибленный, а еще он старательно отводил от девушки взгляд.

– Простите, Ю-лия, за эту семейную сцену, – поморщился Харт, – некоторые, к сожалению, думают, если им достался сильный дар, то они могут его применять ко всем подряд.

То есть Кайлес сейчас воздействовал на нее ментально, догадалась Юля. Зашибись. Очень хотелось спросить: «А так можно?» И еще уточнить – нет ли подобного таланта у Совенка, а то нехорошо, если всякие дяди на нее влиять смогут. Не один он такой одаренный...

Зато теперь было понятно, как без документов и денег Кайлес смог не просто прижиться в России, но еще и организовать свой бизнес. Интересно, оболваненных им тетенок можно пересчитать по пальцам или там счет на сотню пошел? И зря она на Лидию Сергеевну ругалась. Тут любая не устоит, выдав все тайны, в том числе и государственные.

– Не переживайте, я усилю защиту. – Фильярг поднял Юлину руку, обхватил пальцами браслет, и тот отозвался теплом, а мужчина заверил: – Теперь на вас не смогут воздействовать.

Великолепно... А раньше так нельзя было сделать? Или всем очень удобно иметь под рукой ассару, которой можно в любой момент задурить мозги? И ведь пытались – Юля припомнила подробности допроса, – но не получилось почему-то. Видно, ее мозги поддаются лишь сильному воздействию. Но поддаются же...

– Я о другом переживаю, – призналась она честно, потеряв горло. Что поделать, она девушка впечатлительная. Другая бы уже забыла, а вот Юля не могла избавиться от страха снова ощутить холод лезвия на коже.

– Вы о том досадном инциденте? – оживился Кайлес, стряхивая с себя побитость, точно пес отряхивает воду с шерсти. – Я видел все собственными глазами и смею вас заверить, что это была случайность. Если бы мой брат хотел вас убить, – он кашлянул, покосился на Фильярга, – он бы это сделал. Его подвела уверенность в том, что никто не станет дергаться, когда... хм, ну вы поняли.

Юля поняла. Лишь сумасшедшая ассара будет резать себе горло о приставленный к нему меч, когда ее позвал подопечный.

– Мы не знали, кто вы, – мягко улыбаясь, подтвердил Третий, – и я все еще жду вашего решения о награде.

– Здесь достаточно. – Юля кивнула на контракт, Кайлес просиял и даже ростом стал выше, расправив плечи. Судя по скорости возрождения из пепла, получать подобные взбучки ему было не впервой.

– Только... – начала было она, но мужчина ее перебил.

– Ничего не говорите, – замахал на нее руками Кайлес, вытащил из кармана кулон на цепочке, протянул ей.

Юля заворуженно уставилась на мерцающий камень в оправе лап вальшгаса.

– Это вам. Портальный камень настроен на перемещение к межмировым вратам, а уже там он сработает ключом и отправит вас прямо домой.

Юля непонимающе вскинула брови. Ей дают ключ к свободе? Просто так и в личное пользование? Без долгих согласований? И она в любой момент может вернуться? Вот психанет, поцапается с Седьмой, и здравствуй родная квартира?

Она приняла кулон и любовно огладила камень. Кайлес не зря столько времени прожил в ее мире. Понял, как важен для местных

женщин хотя бы призрак свободы и сколько уверенности он добавляет.

Адью, пернатые! У нее теперь есть путь к отступлению. И нечего обвинять ее в трусости. Это будет стратегическим бегством, а вот через полгода-год, когда магия станет для нее чем-то привычным, тогда она с удовольствием объяснит пернатым, что не у всех должно быть оперение определенного цвета, а белая ворона – необязательно дура.

Высочествам инициатива кузена прилась не по душе, они нахмурились. Фильярг неодобрительно покачал головой, и Юля поскорее нацепила кулон на шею, чтобы не отобрали.

– И на сколько перемещений хватит заряда? – деловито уточнила она, уже прикидывая, что им с Совенком надо сделать в первую очередь, потому как деть становился собой только здесь, в ее мире. И хотелось не просто учить, а еще развлекать и дарить счастливое детство вне забот дворца.

Кайлес пожевал губу, прикидывая, а высочества напряглись еще больше.

– На сорок обратных перемещений примерно, – проговорил он, и девушка сникла – каждый день не походишь, – но я выдам новый, как только исчерпаете заряд.

Судя по убийственному взгляду Третьего, очередная авантюра кузена – выпустить ассару из-под контроля – дорого ему обойдется.

– Вы еще не весь контракт изучили, – умоляюще произнес Кайлес, намекая, что главный козырь притаился ближе к концу.

И хотя доверия к гипнотизеру у Юли поубавилось, она все же вчиталась в текст. Обязанности были перечислены стандартные для логиста: подготовка груза, оформление экспорта, букровка на судно. Сбор документов для таможни. Проверка погрузки. Переговоры с линиями и поиск дешевых фрахтов. Словом, обычная рутина, единственное отличие было в местопребывании логиста – Новая Зеландия. Впрочем, причина тоже была указана – следовало не просто принимать груз, а лично пинать поставщиков, отслеживать сроки, проверять визуально качество сырья. Пожалуй, геморрой тянул-таки если не на десять тысяч, то на приличную сумму.

А вот дополнительное соглашение относилось только к ней. «Наниматель обязуется произвести или оплатить необходимые

лечебные процедуры для Татьяны Федоровны Никольской и продолжить лечение до полного выздоровления».

Воздуха вдруг стало резко не хватать, в глазах защипало, а в голове закрутились образы из прошлого. Первый приступ. Хмурые лица врачей «скорой». Больничная палата. Похудевшая и осунувшаяся, но старающаяся улыбаться мама. Главврач, пригласивший их в свой кабинет, и сложный диагноз, который мужчина перефразировал двумя словами: больное сердце.

– И, милые мои, от вас и только от вас будет зависеть, сколько проживет ваша мама. Будете волновать, нагружать работой – ее сердце долго не выдержит. Так что старайтесь свою маму ничем не огорчать.

Они и старались. Отец сам ходил по магазинам, Юля научилась готовить, убирать, проверяла уроки брата, потом стала посещать школьные собрания. Заговор – только хорошие новости – они втроем дружно поддерживали уже много лет.

И вот теперь – неужели все закончится?

– Ю-лия, что случилось? Вы плачете? – с тревогой спросил Харт, а Фильярг просто развернул ее со стулом, пересадил к себе на колени, обнял крепко-крепко, и она уткнулась лицом в его рубашку, выплескивая страхи прошлых лет. Внутри распускалась невидимая пружина, исчезала тяжесть с плеч. Оказывается, она и забыла, каково это – дышать полной грудью.

Мужские руки обнимали сильно, но нежно, даря защиту, и от осознания, что она оказалась в крепости его рук, слезы потекли сплошным ручьем, смывая тревоги последних лет. И был у этих слез привкус радости, а не горечи.

– Юля, что случилось? – Сонный, тоненький голос с беспокойством прозвучал у порога, и девушка ахнула про себя – Совенок! Как она могла забыть, что они теперь связаны?

Она отвернулась от широкой груди Фильярга, шмыгнула носом, торопливо вытирая рукавом лицо. Кайлес по-джентльменски поделился с ней носовым платком.

– Прости, мой хороший, ничего страшного, просто дурные воспоминания. – Юля попыталась улыбнуться, дабы не пугать ребенка, но слезы, точно вода сквозь прорванную плотину, продолжали течь по щекам.

Юля перехватила убийственный взгляд Третьего в сторону кузена. Кажется, Кайлеса сейчас обвинят во всех смертных грехах и прикопают где-нибудь в лесу. Надо его спасать, потому как кузен ей должен, и она не только про десять тысяч евро ежемесячно.

Юля вытерла слезы, схватила ручку, предвосхищая гневную отповедь, которой собрался разразиться Харт, и поставила размашистую подпись под контрактом. Плевать на детали и подводные камни. Главное, что излечение мамы будет до полного выздоровления. Остальное не важно.

– Все, – шмыгнула она носом, подпихивая контракт в сторону Кайлеса, и сползла с колен Фильярга.

Кузен бумагу подхватил и чуть ли не расцеловал.

– Что «все»? – не понял Третий. – Это окончательное согласие? – спросил он, недоверчиво разглядывая прижатый к груди кузена контракт.

– Да, – кивнула девушка, и Харт расслабился. Тревожная морщинка на лбу разгладилась, и мужчина вернул себе привычно отстраненное выражение лица.

– Ты остаешься? – подскочил Альгар, улыбнувшись во всю ширину рта. В карих глазах заплескалась чистая радость, но тут же подернулась сонной пеленой. Малыш зевнул.

Юля последовала его примеру. Дальше все зевали по очереди, последним сдался Харт, чем заработал злорадные взгляды братьев.

– Пойду я, – решил Совенок, зевнул напоследок и потопал досыпать.

– Вашу связь впору объявлять опасной для общества, – недовольно высказался Харт, снова зевнув.

– Да, Юлия Андреевна, такого зевуна побили, – потянулся, наслаждаясь моментом, Кайлес.

Юля удивленно вскинула брови.

– О! – встрепенулся мужчина: – Вы не знаете, я расскажу.

Лицо у Третьего при словах кузена сделалось кислее испорченного молока.

– Как вы догадываетесь, с развлечениями в академии туго. Одно из самых простых и любимых – соревнование зевунов. Они бывают парными, но чаще развлекаются группой. Выбранный либо вызвавшийся должен заставить зевать остальных. Магию применять

запрещено. Кто выдержал и не зевнул – получает звание зевуна. Моего брата за все годы не удалось никому побить. Кроме вас, конечно.

Юля испытала приступ гордости, который не омрачила даже ехидная улыбка Кайлеса. Соревнование зевунов... Запомним.

– Странный у вас мир, – мрачно заметил Третий, и лицо у него было в тот момент такое, словно он всеми силами пытался сдержаться и не зевнуть, – верите бумаге больше, чем людям.

– Нормальный у нас мир, без магии. Я же ваш не критикую, – возмутилась Юля.

– Простите, – растер ладонями лицо Харт, – наверное, в самом деле устал. Все время забываю, что магии у вас нет. Но вне зависимости от того, что вам предложил кузен, я заверяю, мы обеспечим вам достойное существование. Кроме того, от вас потребуется принести магическую клятву его величеству. Ничего невыполнимого – вы обязуетесь не причинять вреда правящей ветви. И касательно ваших перемещений, – Третий неодобрительно покосился на кузена, – надеюсь, вы поймете, если я попрошу не совершать их без предупреждения. Мы не против коротких визитов, но будем возражать, если вы станете исчезать, никого не поставив в известность.

«Вот так, товарищ Юля, – мрачно размышляла девушка, – свободу вроде как дали, но тут же посадили под замок».

И лукавил его высочество, когда предлагал верить ему на слово. Она, значит, верит им на слово, а в ответ: «Принесите-ка клятву, госпожа ассара», да не простую, а магическую. И что там с побочками? Вот пошлет она в сердцах Фильярга и будет валяться с удушением? Нет-нет, такое «счастье» ей без надобности. Предложили верить на слово? Вот слово она и даст, без всяких магических клятв.

– А если... – не сдержалась Юля. Надо же было оценить размеры камеры. Вдруг ее допекут настолько, что придется схватить Совенка в охапку и удрать по-английски.

– Никаких «если», – жестко отрезал Третий. – Скрыться вы не сможете. Не хочу вас пугать, но наказывать вас по отдельности нет возможности, сейчас вы единое целое, значит, и за проступки будете отвечать вдвоем.

Веселенькая перспектива. То есть если она проштрафится, наказывать за грехи взрослой тети будут ребенка? Лицо запекло от

гнева.

– А не пойти ли вам... – начала она резко, но Кайлес предупреждающе кашлянул.

– Брат, она права, ты ломаешь железо, – примиряюще произнес он, делая Юле знаки глазами. – Предлагаю обсудить это позже. Обещаю, что смогу обеспечить им защиту здесь.

Третий фыркнул, пробормотав что-то про рудники и оболтусов.

– Через три месяца Альгар отбудет в академию, – задумчиво произнес Фильярг, – первые полгода курсантам запрещено покидать территорию. Даже если захотите взять Шестого с собой – не сможете. Точнее, сможете, – очередной острый взгляд в сторону Кайлеса, – но это принесет нешуточные проблемы. Надеюсь, вы понимаете, что такое нарушение дисциплины?

Юля понимала, как и понимала то, что в эти полгода у новичков ожидается пробуждение дара. Будет весело находиться среди школоты, которая не просто пошлет, а еще и огнем в спину плюнет. Надо бы купить защитный костюм... Хотя огонь не единственная проблема. А если она нарвется на менталиста? Или кто там у них еще бывает? Маг воды? То есть не просто огнем плюнут, еще кукарекнуть заставят и водой обольют. Жесть.

– Мне тоже прикажете там сидеть? – спросила она зло. – И в качестве кого?

Фильярг снисходительно улыбнулся.

– Ассары, конечно. Но вы сможете покидать территорию по выходным. Рядом есть чудный городок. Рекомендую для прогулок и посещения торговых лавок. И не волнуйтесь, вам будет чем заняться. – Четвертый подарил многообещающий взгляд. – Я попрошу хорошего знакомого организовать ваше обучение, вдобавок в академии одна из лучших библиотек. Раз вам предстоит провести как минимум десять лет в нашем мире, в ваших же интересах изучить его.

«То есть занятий и парты не избежать, – кисло подумала Юля. – Засада. С другой стороны, академия звучит лучше, чем дворец».

– Тогда рекомендую на сегодня закончить. – Юля оценила сонный вид Третьего – восемь часов разницы все-таки – и предложила: – Идите-ка... спать – кровать большая, вдвоем поместитесь, а мне на работу собираться надо.

– На какую работу? – мигом подобрался Третий.

Юля прям пятой точкой ощутила надвигающуюся угрозу – визит в офис трех высочеств.

Юля вздохнула и спокойно, как ребенку, объяснила:

– Моя работа, на которую я хожу пять раз в неделю. И на которой должна буду отработать две недели до увольнения.

Сейчас точно будет буря или куча гадостей. Ей предложат послать работу, она пошлет Харта, и придется их разливать водой.

– Юлия Андреевна, могу я сопроводить вас в офис и решить вопрос с увольнением за один день? – Кузен скорчил просительную рожицу.

Юля закатила глаза. Даже если она откажется, Кайлес увяжется следом и будет всю дорогу нудеть о долге ассары, о потраченном зря времени и напоминать, что контракт подписан и с утра она уже работает новозеландским логистом.

– Можете, – скрипнула зубами девушка, уже видя афишу сегодняшнего дня: «Только сегодня и только один раз в офисе ожидается представление единственного в мире менталиста. Незванный товарищ без вашего желания и совершенно бесплатно запудрит вам мозги. Качество гарантируется».

– У нас в бухгалтерии пятеро работают, – добавила Юля мстительно.

Не женщины, а монстры. Главбух так вообще налоговыми инспекторами питается.

– Я справлюсь, – приторно-сладко улыбнулся Кайлес и мечтательно прикрыл глаза. – Люблю женщин.

– А главный по персоналу – мужчина. – Юля попробовала сбить романтический настрой, а то складывалось ощущение, что кузен планировал без боя брать бухгалтерию в полном составе.

– Не переживайте, Юлия Андреевна, для моего дара пол не имеет значения, просто женщины – это личное.

– Мы уже поняли, – ледяным тоном произнес Третий, отчего Кайлес вздрогнул, сжался, теряя настрой донжуана.

Он бросил виноватый взгляд на братьев:

– Простите, увлекся. Можете не волноваться. Заберем трудовую книжку, и домой.

– Домой? – вскинул брови Четвертый, и от его пронизывающего взгляда Юле стало нехорошо.

– Вы же сами сказали – не сбегу. Следилок на меня повесили, да? – дернула плечом девушка. – Так что спите спокойно. Решим вопрос и вернемся.

Когда она забирала одежду из спальни, оба высочества уже спали. Зрелище – мужчины в ее кровати – было столь непривычным, что Юля невольно замедлила шаг. Четвертый во сне выглядел моложе, растеряв всю свою суровость, Третий так и не смог избавиться от морщины государственных забот. Даже во сне о чем-то переживал, поджимая губы. Ощувив ее взгляд, Фильярг пошевелился, и Юлю вымело из спальни. Она прижала ладони к вспыхнувшим щекам – еще решат, что она за ними подглядывала. Стыд-то какой!

Кайлес устроился в ее мире не просто хорошо, а очень хорошо. И это было ясно по изящному «порше» серо-кремового цвета, припаркованному около ее парадной. Юля погладила капот, восхищенно заглянула в салон, и как-то сразу отпал вопрос: не разорится ли контора, выплачивая столь высокую зарплату логисту?

– Прошу. – Кайлес распахнул перед ней дверцу, бросил взгляд на наручные часы и подмигнул. – Часов пять у нас есть. Успеем.

Так и подмывало спросить: «Что именно?», но с менталистом, еще и с ловеласом, не успеешь оглянуться, как окажешься на свидании.

– Кайлес, могу я вас кое о чем спросить?

Юля заняла место рядом с водителем. Тело, ощутив под собой комфортное кожаное сиденье, расслабилось, но девушка запретила себе привыкать к хорошему. Ее ждут скалы и ящерицы, ну еще телепорты, от которых желудок подпрыгивает и просится наружу.

– Всегда к услугам прекрасной дамы, – расплылся в улыбке Кайлес, потянулся лично пристегнуть ремень, но Юля не позволила, да и на очарование не повелась – привыкла уже к манере общения кузена.

– Вчера у меня был приступ... – Она замолчала, подбирая слова.

– Когда вы не смогли сделать выбор между прошлой жизнью и будущей, – посерьезнел мужчина. – Я в курсе. Мне рассказали. И что вы хотели узнать?

– Совенок, то есть Альгар, он тоже почувствовал боль?

– Он первый тревогу и поднял, – «порше» мягко тронулся с места, выворачивая со двора и серой кошкой врываясь в поток машин, – потом уже сработал ваш браслет. Не волнуйтесь, к нему вызвали

дежурного менталиста, и тот наложил блок. Предвижу ваш вопрос, Юлия Андреевна. Да, блокировка связи ассара с подопечным возможна. Более того, это обыденное дело. Вы же понимаете, что взрослые люди должны иметь... мм... зону уединения, и не все эмоции, – на лице Кайлеса промелькнула хитрая улыбка, – стоит доносить до детей. Но вам надо знать, что частая и длительная блокировка отрицательно влияет на развитие подопечного. За остальное не переживайте. Научитесь и будете, когда вам удобно, отсекал свои эмоции от Альгара.

Юля бросила полный благодарности взгляд на мужчину. И как он ухитряется ответить сразу на несколько вопросов? Теперь ее жизнь точно будет легче. И можно будет поплакать в одиночестве, не беспокоясь, что ее слезы затронут Совенка.

Она бездумно смотрела на проносящийся за окном автомобиля утренний город. На спешащих по своим делам прохожих. Мысли были далеко, в другом мире, в неведомой академии, во дворце. Мыслями владели переживания: за Седьмую с насекомым на животе под платьем, за тапунов – борются ли они еще за независимость или смирились со своим подневольным положением, за незнакомого ей величество. Новый мир все сильнее проникал в сердце, маня и обещая новые чудеса. Отсюда, из салона «порше», даже скачки на ящерицах не казались такими уж страшными.

Глава 13

Юля достала мобильник – время подбиралось к девяти, скоро они домчатся до офиса, и там уж точно будет не до личных звонков, но и говорить в присутствии чужого человека не хотелось. С другой стороны, если вспомнить слова Фильярга о том, что ассар входит в семью наравне с отцом и матерью ребенка, то что получается? Мозги офигели, но выдали-таки подтверждение, что вся эта безумная, помноженная на восемь семейка – ее новые родственники, включая сволочного дядюшку. Пальцы сдавили корпус телефона, и Юля с трудом заставила себя их разжать. Япона мама! Это сколько счастья-то привалило! И ведь каждая сволочь... гм, то есть разлюбезный родственник не сочтет за труд поучить чему-нибудь новенькую и ускорить вхождение в семью.

– Что-то не так? – заботливо осведомились слева.

– Вы меня читаете? – с подозрением спросила Юля. Влиять-то ему запретили, а вот считывать ее – нет.

– Как можно?! – оскорбленно взвился кузен. – Только легкий шлейф ваших бесподобных эмоций.

И он демонстративно втянул носом воздух.

– Прекратите! – рявкнула Юля, ощущая себя в одной машине с маньяком. И вообще... пусть бухгалтерию обнюхивает. Там все дамы бальзаковского возраста. Стесняться не станут – сразу ударят в глаз.

– Не могу, – повинился кузен, – но не беспокойтесь, ваши мысли мне недоступны, а эмоции – всего лишь часть моего дара.

Маме Юля все-таки позвонила. Что теперь стесняться, когда «шлейф ее эмоций» доступен окружающим.

Та ответила быстро, точно ждала звонка, и после дежурных фраз Юля осторожно приступила к сути дела.

– Мам, тут такое дело, мне предложили кое-что интересное и даже взяли, то есть я прошла собеседование, – Юля запнулась, вспомнив нестандартный прием на работу, – но, наверное, придется отказаться. Работа не здесь, требуется переезд в другую страну.

Мама ответила не сразу, осмысливая. Потом спросила:

– Платят-то хорошо?

– В несколько раз больше, чем сейчас, – вот здесь можно было не врать, – по работе ничего сложного – мой профиль, только шире по обязанностям и интереснее.

И снова полуправда. Работа не по профилю, зато гораздо увлекательней прошлой, впрочем, и настолько же хлопотней, но Юля никогда не боялась браться за сложное.

– Так в чем дело? – удивилась Татьяна Федоровна. – Поезжай. Мир посмотришь, денег заработаешь.

– А как же ты? – тихо спросила Юля.

– Глупости, – рассердилась Татьяна Федоровна, – нашла о чем думать. Скоро Сережка из армии вернется, мне одного его за глаза и за уши хватит. На работу устроить, невесту приличную найти. И хорошо, что уедешь – за тебя душа спокойна будет, что пристроила. Пусть не замуж, но хотя бы на хорошую работу. Не вздумай упускать шанс, поняла?

Юля молча кивала, ощущая, как на глаза наворачиваются слезы.

– А что далеко – это не страшно. Будешь звонить, видео отправлять. Сейчас с этим проблем нет. Мне достаточно знать, что жива, здорова и все хорошо.

– Спасибо, мам, – Юля шмыгнула носом.

– И реветь не смей. Это всего лишь работа. Соскучишься – приедешь. Или мы с отцом к тебе соберемся. Где работать-то предлагают?

– Новая Зеландия, – вздохнула Юля, и Татьяна Федоровна согласилась:

– Далекое, но я слышала, там безопасно, много наших, хороший климат и один из самых высоких уровней жизни. Так что не думай – устраивайся.

У мамы все просто – есть шанс, надо за него хвататься, а сомнениями потом мучиться будешь.

– Я заеду к тебе сегодня, хорошо? После обеда, только вещи с работы заберу. Я сегодня увольняюсь.

– Быстро ты, – в голосе Татьяны Федоровны читалось подозрение, – небось уже и визу получила, и билет взяла.

– Прости, но вчера все окончательно подтвердили. Не хотела зря дергать.

– Да я и не сержусь, только рада. За цветы не переживай – отец заедет и заберет. Когда вылетаешь?

Юля прикинула свои планы.

– Через пять дней. Надо еще документы из визового центра получить.

– Хорошо. Тогда до встречи.

Юля нажала отбой, сморгнула набежавшие слезы. Было морально тяжело – она никогда надолго не расставалась с матерью, всегда была на связи, часто заезжала в гости. Но внутри поднимала голову взрослая женщина, которая хотела жить своей жизнью, строить счастье, и эта часть Юли сейчас лучилась довольством.

Да и не собиралась она долго обманывать мать. Вот устроится, освоится настолько, чтобы небрежно сказать: «Мам, магия – такая ерунда, честное слово. Инкотермс^[3] в вузе заучивать сложнее было. А тут раз – и светляк. А так – огонек, и никакой зажигалки не надо. Правда, удобно? Не понимаю, что они с ней так носятся. Я ею за пару месяцев овладела». Вот тогда все и расскажет.

– Вы хотите заехать после работы к маме? – спросил Кайлес.

Девушка вздрогнула – задумалась и забыла, с кем едет в машине.

– Могу я...

– Нет! – отрезала Юля.

– Хотите, дам слово, что не стану воздействовать? – вкрадчиво поинтересовался его высочество. – И вы не сможете отказать – мне требуется оценить состояние пациентки, найти подход...

– Хорошо, – скрипнула зубами Юля. Менталисты, конечно, страшные люди, но маму лечить надо. – Только никаких воздействий.

– Обещаю, – поклялся мужчина.

В офис логистической компании «БалтБестЛогистик» Кайлес входил с гостевым пропуском и букетом алых роз в руках. Пропуск был оформлен на Александра Сергеевича Калесского. Да-да, у менталиста, его высочества и гражданина чужого мира, имелся обычный российский паспорт.

Покупка роз объяснялась особенностями работы.

– Понимаете, Юлия Андреевна, – Кайлес остановился в холле у зеркала, оценил свой внешний вид, остался доволен и двинулся к лестнице, – когда вы в привычной обстановке, в полном равновесии, уровень вашей природной защиты высок, и пробить его довольно

сложно. Но стоит выбить почву из-под ног – удивить, напугать, как защита идет трещинами, а большего мне и не требуется.

Перед дверью родного офиса Юля притормозила, чувствуя себя троянским конем, потом махнула рукой на угрызения совести – надо доверять профессионалам.

– Бухгалтерия где? – шепотом спросил Кайлес, игнорируя заинтригованный взгляд Верочки и внушительную грудь, которую девушка выложила на ресепшен.

– Третья дверь направо, – указала Юля и... отправилась к себе. Что-то внутри подсказывало, что сейчас она будет только мешать.

Поздоровалась с коллегами, перекинулась парой слов с Олегом – тот фонтанировал эмоциями о футбольном матче и углубилась в работу. Открыла почту, начала пролистывать, отвечать, пометать срочные дела. Через десять минут поняла, что делает не то. Достала флешку, скинула на нее личный хлам, который накопился на компе. Отсортировала и удалила нерабочие письма, почистила кэш. Написала фарэвел^[4] коллегам и оставила висеть в черновиках. Затем заполнила заявление на увольнение, положила на стол, под клавиатуру. Потом занялась разбором стола и тумбочки. И вроде как оставляла только нужное, а начала разбирать – столько мусора. И бумаги были безжалостно отправлены в корзину.

– Доброе утро, Юля. – На пороге кабинета нарисовалась Альбина. – С чего такая активность с утра?

– Надоело, – честно призналась девушка, – хочу разгрести завал.

– Полезное желание, – согласилась начальница, – только про работу не забывай.

С таким начальством-то? – усмехнулась про себя Юля.

Отдельной кучкой она сложила то, что следовало забрать домой: пара сувенирных фигурок от коллег, подарки от клиентов, кактус, кружка. Вроде ничего не забыла.

Внутри колелось любопытство, подмывало пойти и проверить, жива ли бухгалтерия. За Леонида Юрьевича девушка была спокойна. Коммерческий директор, он же директор по кадрам, мужик основательный и серьезный. И тут можно было ожидать завывания сирен: полиции, бригады из психушки – как карта ляжет, а может, всех разом, включая пожарных, Росгвардию и МЧС. Все же менталист – нешуточная угроза для безопасности страны.

– Юлия Андреевна, вы уже собрались?

О, вспомнишь, он и появится. Дверь распахнулась, явив чуть потрепанного, но вполне живого Кайлеса. Девушка отвела взгляд от отпечатка губной помады на воротнике рубашки – не ее это дело, и подробности ей не нужны. В руках чудо магического произвола держало трудовую книжку, обмахиваясь ею на манер веера.

– Простите, а вы кто? – тут же сделала стойку Альбина, и Кайлес мигом преобразился.

Гибкой, игривой походкой приблизился к женщине, по пути шлепнув трудовую Юле на стол. Девушка поймала краем глаза налившиеся желтым мерцанием зрачки мужчины и замерла, прилипнув к стулу.

– Такая красавица, – мурлыкнул Кайлес. Мурчащий тембр был до мурашек непохож на человеческий голос, и на ум скорее приходили прекрасные и опасные фейри. Только здесь офис, а не холм на зачарованной поляне.

– П-п-простите? – проблеяла начальница, бледнея и одновременно покрываясь красными пятнами.

– Не извиняйтесь, не стоит, – величественно кивнул этот совершенно незнакомый Юле Кайлес.

Девушка хотела остановить ненормального – что творит, поганец, – даже рот открыла, но воздух в комнате загустел и стал напоминать сладкую патоку. Он обволакивал, лишал силы воли, погружая в вязкое нечто. И в этой вязкости тонули слова, желания... мысли и те пробивались с трудом. Страшно не было, больно тоже. Вспомнился мультик про Смешариков, где Ньюша с восторгом спрашивала у Черного ловеласа: придет ли он за ней, когда она вырастет. Вот сейчас Юля чувствовала себя выросшей Ньюшей, за которой пришли. Хотелось растечься лужицей, губы давно уже были растянуты в улыбке, грудь вздымалась часто-часто, а мысли бродили, словно ей снова пятнадцать и ее позвали на первое свидание. В голове, кроме сердечек, сладкого тумана и совершенных глупостей, не присутствовало ни единой здравости.

– Мои красавицы, – пропел Кайлес, кружа по комнате. Затем он наткнулся на замершего у окна Олега и поправил себя: – И красавцы.

– А ты почему еще здесь? – Злой шепот оторвал ее от сердечек, дал под зад единорогам, разогнал розовый туман и вернул в

реальность. – Живо вон из комнаты, – страшно прошипел заклинатель бандерлогов.

Юля возражать не стала. Одного взгляда на коллег, застывших с дурацкими улыбками на лицах и остановившимися взглядами было достаточно, чтобы возжелать ускоренным способом самоудалиться из дурдома.

Юля отправила прощальное письмо, проверила, что бумажка с паролем и именем пользователя не слетела и висит на мониторе, вытащила из-под стола коробку, сунула туда туфли и личный хлам. Руки тряслись, как у алкоголика, сердце колотилось в горле, а в голове билось злое: «Чтоб я еще раз связалась с менталистом!»

– Мои дорогие, – урчал Кайлес в человеческом обличье, заговаривая бандерлогов, а те, послушные, таращились и улыбались. И вот эти дебилские улыбки были страшнее всего.

Юля усилием воли приказала себе не слушать и не смотреть. На выпавшую фигурку дракона она махнула рукой – тут самой бы уцелеть. Девушка бросилась из комнаты, проскочила холл, вылетела на лестничную площадку, перевела дух, ощущая, как по спине противно стекает пот. И только потом вспомнила, что трудовая книжка так и осталась лежать на столе, а с ней остались сумка и куртка. В руках была лишь коробка с почти ненужным хламом. Юля нервно хихикнула, прислонилась к холодному стеклу окна лбом, продолжая тихо смеяться, – готовый пациент для психбольницы.

– Юлия Андреевна.

Ее осторожно тронули за плечо, и Юля вздрогнула, а тело точно электрическим разрядом прошило. Истеричный смех смолк, перестав сотрясать плечи нервной дрожью. Зато при звуке знакомого голоса вернулся страх, а следом – наконец-то! – адреналин жаркой волной прокатился по венам, оттесняя мозги с поля битвы.

– Я вам не они, слышите? Не бандерлоги.

– Кто? – ошарашенно переспросил Кайлес.

Юля отвернулась от окна. Затем она посмотрела в глаза монстра, но чудовище выглядело привычно и даже чуточку смущенно. В руках мужчина держал ее сумочку, куртку и... трудовую. Юля с ненавистью взглянула на голубую книжку – причину всех бед.

– Не смейте! – выпалила она, шалея от собственной храбрости. – Ни касаться, ни нюхать, ни красавицей называть.

– Все-таки напугал, – погрузнел менталист.

– Что вы вообще устроили?! – взвилась Юля, мысленно выкапывая топор войны. – Вам одной бухгалтерии было мало? Маньяк! Какого вы в наш отдел приперлись? Зачем?

– Ради вас же старался, – Кайлес прижал ее сумочку к груди, смотря с детской обидой взглядом кристально честного человека, – чтобы никто не заподозрил ничего странного в увольнении. Я не стал бы копать. И если вы переживаете за ваших коллег, то напрасно. С ними все будет в порядке.

Честно, это уже перебор. Хотелось схватить придурка за шею и хорошенько потрясти. Хотя что там трясти? Ясно же, что мозгов нет. Устроил цирк на выезде. И она хороша... Могла бы попробовать просто договориться. Наплести что-нибудь, уволили бы одним днем. Никто бы не умер от ее увольнения. Дура!

Умоляющий вид укротителя бандерлогов действовал успокаивающе, и Юля уже более трезво посмотрела на ситуацию. Или это опять на нее влияют?

– Как вам удалось обойти защиту? – потрясла она браслетом перед лицом Кайлеса.

Тот отвел взгляд. Сначала поискал ответ за Юлиной спиной, а потом тяжело вздохнул и признался:

– Мой дар несколько сильнее, чем считается.

Юля моргнула, переваривая. Вот так «стесняшка» Кайлес. Пока остальные считают его неумехой-придурком, он апгрейдил не только свой бизнес, но и уровень дара. И наверняка на земных женщинах натренировался, скотина.

Видно, взгляд у Юли сделался особенно недобрым, потому как у мужчины нервно дернулся кадык. Кайлес отступил и очень проникновенно попросил:

– Умоляю, давайте оставим это между нами. Я вам честно все расскажу, – он обвел взглядом широкий лестничный пролет – бизнес-центры на Петроградской стороне были большей частью переделаны из особняков, – но только не здесь. Я после траты сил помираю с голода. Вы не против перекусить? И я ваши вещи забрал. – Он с примиряющей улыбкой протянул ей сумку с курткой.

Вещи Юля забрала. Не оставлять же личную собственность двуногой змеюке. Она пропустила Кайлеса вперед, жестом указав на

выход. Так и выдвинулись. Кайлес легкой танцующей походкой на пару шагов впереди, следом Юля с тяжелым, исполненным подозрения взглядом надзирателя колонии.

Новость, что менталист может обходить защиту браслета, была неприятной и, что уж говорить, удручающей. Но если она настучит на Кайлеса, кто вылечит маму? Кто станет платить зарплату в рублях, следить за оплатой коммунальных платежей, отчислять пенсионные, в конце концов. Налоги тоже никто не отменял, даже если она принесет бумагу, что временно переехала жить и работать в другой мир.

Юля представила себе лица тетенок из налоговой и хихикнула – а было бы забавно на это посмотреть. Идущий впереди мужчина сбился с шага, тревожно оглянулся, и на сердце потеплело. Да, менталист. Да, придурок. Но придурок почти родной, и она с ним связана.

Да и сразу было понятно, почему Кайлес в нее вцепился. Менталисту нужна была легализация. На родине не считали изготовление и продажу косметики серьезным делом и, похоже, требовали заняться чем-то достойным. На благо отечества, например, поработать, а не только на себя и свои удовольствия. Но Кайлес был категорически против – ему и на Земле хорошо. Потому и искал, как бы двух зайцев убить – и бизнес сохранить, и авторитет в родном мире восстановить. А тут ассара подвернулась, еще и из любимого мира. Как было не вцепиться в нее всеми зубами? А хватка у Кайлеса была бульдожьей. Вон какую деятельность развел. Готов весь город загипнотизировать, лишь бы заполучить ассару.

К Юлиному удивлению, менталист повел ее в «Теремок».

– Люблю ваши блины, – пояснил застенчиво.

Девушка фыркнула: какой стеснительный, и не скажешь, что пятнадцать минут назад целый офис плясал под его дудку. И как относиться к такому? Вроде и бояться надо, третьей дорогой обходить, а он сидит напротив и, закатывая от восторга глаза, поедает третий блин с красной рыбой. Бред и сюр.

– Точно ничего не будете? – в пятый раз спросил Кайлес.

Юля покачала головой, потягивая клюквенный морс – от кофе с трудом, но отказалась, а мартини или коньяк тут не подавали.

– Юлия Андреевна, – пожиратель бандерлогов наконец насытился, отодвинул от себя пустую тарелку и нацелился на чашку с кофе, – я

понимаю, что вышел за рамки. И нет мне прощения. А давайте вы меня накажете? – оживился мужчина, подаваясь вперед. Судя по блеску в глазах, наказание он предпочитал с переходом в горизонтальную плоскость.

А вот Юля предпочитала трудотерапию.

– Рудники? – предложила она.

Кайлес закашлялся, выплевывая кофе.

– И вы туда же, – бросил он укоризненно, вытираясь салфеткой. – Предупреждаю: я лучше мозгами работаю. Мне физический труд противопоказан.

– А мне вот кажется, что очень даже показан. Но давайте оставим вопрос с наказанием. Случай непростой, да и возраст у вас... – прошлась по нему Юля оценивающим взглядом. – Пороть поздно, стыдить бесполезно.

Кайлес нервно сглотнул. Почесал кончик носа и предложил с надеждой:

– Может, я дам слово?

Детский сад, покачала головой Юля. Еще бы извиниться предложил. Все же излишнее внимание решительно портит любого мужчину.

– Слово вы дадите, и не простое, а магическое. Поклянетесь, что больше не будете воздействовать без моего согласия. И все остальное, что пообещали, исполните. Про слежку здесь забудьте. Хотя бы дома я хочу дышать свободно, это понятно?

Кайлес нахмурился. Уже прикидывал, кто страшнее: Юля или братья.

– Иначе мне придется порадовать его величество тем, что любимый племянничек может стать угрозой для незыблемости власти и трона.

Мужчина посерел лицом и нервно дернул, расстегивая, воротник рубашки.

– Как? – выдохнул он, и Юля прицельно выплеснула остатки морса прямо в полыхнувшие желтым глаза. Менталист заморгал, точно вытащенный на яркий свет филин.

– Это последнее предупреждение, – спокойно произнесла девушка, игнорируя ошарашенные взгляды посетителей. Хорошо еще на камеру никто не снимал – а то стала бы звездой Инстаграма. – Еще

одна такая выходка, и я разорву все наши соглашения. Я не стану вашей игрушкой даже ради здоровья матери. Понятно?

Она, конечно, не верила в то, что кузен вынашивает планы по захвату власти, еще и растит себе армию из влюбленных женщин, но надо было как-то приструнить поганца.

Кайлес потянулся за салфетками. Вытер мокрое лицо, а затем сердито их скомкал.

– Никто и не собирался делать вас игрушкой, – проговорил он возмущенно, порывисто пригладил волосы, – и ваши домыслы про трон просто смешны.

Вот только озабоченный вид говорил об обратном. Кайлес боялся, действительно боялся, что его величество, прознав о потенциале племянника, возьмется за него всерьез. И тогда прощай свобода, женщины и Земля.

– Докажите, и мы вместе посмеемся над моей глупостью, – предложила Юля.

Кайлес увесисто, точно кирпич бросил, вздохнул. Круглые глаза округлились еще больше. Сейчас его сложно было принять за человека, и девушка забеспокоилась.

– Хорошо, – принял он решение, – будет вам клятва и все обязательства.

Он лукаво улыбнулся, оттаивая и возвращая себе привычный образ.

– Не могу отказать красивой женщине.

У Юли возникло ощущение, что этот раунд она проиграла. Для менталиста она так и осталась «красивой женщиной», а не ассарой. И над этим придется поработать.

– Могу я предложить это в качестве компенсации?

Кусочек пластика продефилировал между тарелок к Юле.

– Взятка? – вскинула брови девушка, рассматривая безымянную карту VISA известного банка.

– Что вы, конечно нет! – притворно возмутился Кайлес. – Я – честный бизнесмен и взятки не даю.

– В России? Не смешите, – покачала головой Юля. Хотя... этот может. Сверкнет своими желтыми глазищами, и товарищи из инспекции подпишут разрешение без всяких согласований. Какая

экономия денег и времени. Юля впервые с уважением и без мата оценила талант иноземного бизнесмена.

– Вы бы и не взяли, – сокрушенно заметил его высочество и пояснил: – Это аванс. К нему прилагается один бесплатный совет. Традиция принятия в семью требует ответного дара. Вам стоит запастись подарками перед возвращением во дворец.

Выходит, она была права и ее собираются включить в ряды местного «дурдома». Сомнительная перспектива, но отказаться нельзя – Совенок расстроится.

– Выбор подарков, – медленно проговорила Юля, – требует времени. И мне тоже нужно прийти в себя, – поправить душевное равновесие, принять если не мартини, то ванну с солью, – да и с Альгаром хочется побыть без лишних ушей.

Мужчина понимающе спросил:

– На сколько хотите задержаться?

– Пять дней, включая этот.

Кайлес недовольно нахмурился, побарабанил пальцами по столу, размышляя, но все же согласился:

– Хорошо, я дам рекомендацию, что вам требуется время для укрепления связи с подопечным. Мне, конечно, не поверят, но другого специалиста у них под рукой нет. Пять не обещаю, но три точно выиграем. А теперь предлагаю заняться приятным. – И Кайлес улыбнулся с самым порочным видом, еще и губы облизал, отчего идущая с подносом к соседнему столику тетечка споткнулась, чудом удержавшись от падения.

Юля не стала гадать, что задумал товарищ, – сам расскажет. Да и бесполезно пытаться понять, что в голове у того, кто регулярно залезает в головы к другим.

– Как же так, Юлия Андреевна, – расстроено проговорил Кайлес, обескураженный ее холодностью, – неужели вам не нравится шопинг?

– С вами? – оценивающе склонила голову набок девушка. А что... Это может оказаться забавным. – Почему бы и нет.

Клятву ей буднично принесли в машине. Проговорили стандартный, как она поняла, набор фраз. Не одной ей хотелось обезопасить себя от менталиста, раз существовал разработанный вариант. Тепло обожгло лицо – вот и весь эффект.

– Теперь вас поразит молния, если нарушите клятву? – поинтересовалась девушка. Надо же выяснить перспективы собственной магической кабалы.

– Жестокая вы женщина, Юлия Андреевна, – не оценил ее юмора менталист, – молнии, удушения и испепеления в прошлом. Теперь клятвopеcтyпника настигает паралич, и владелец клятвы должен его снять, а затем перенаправить преступника в суд.

А может и не снять, поняла девушка. И даже не знаешь, что лучше: мгновенная смерть или паралич длиной в жизнь. Спорная гуманность.

– Я хотела уточнить еще одну вещь.

Раз у них зашел теоретический разговор и закончились метания стаканчиков с морсом, можно попытаться Кайлеса вопросами.

– Вот вы сегодня убедили всех в офисе, что я уволилась по закону и с отработкой, а что будет завтра?

– Интересный вопрос, – оживился Кайлес, выруливая к Неве и направляясь через Троицкий мост в сторону центра. В окне мелькнул шпиль Петропавловской крепости, а потом показалась волнистая гладь реки.

– Ученые до сих спорят о времени воздействия ментальной магии, потому как силой тут не измеришь. Менталистика – тонкая наука. Чуть передавишь – и выжжешь человеку мозги. Сила же измеряется в количестве удерживаемых одновременно объектов. Что касается самого вопроса – завтра ваши коллеги будут думать точно так же, как и сегодня. Это свойство человеческой психики: мы предпочитаем верить в то, что помним, и не любим копаться в прошлом. Потому навязанные воспоминания практически сразу вплетаются в настоящие, и без помощи специалиста человеку не отличить подделку.

Юля ощутила, как мороз прошелся по коже – страшно даже думать о том, что собственная жизнь может оказаться выдумкой. И вот с этим жутким типом она собирается отправиться по магазинам?

– И вы не просто так уволились, а ушли из-за домогательств директора фирмы.

Смысл фразы дошел до девушки не сразу – они успели потолкаться в пробке до Марсова поля.

– Что? – выдохнула Юля, остро желая вернуться и добавить к морсу стаканчик горячего кофе.

— Люди сильнее всего верят в чужие грехи, — пожал плечами Кайлес.

Глава 14

Вот тебе, думала девушка, рецепт идеального ментального воздействия: ошарашить, сбить с толку, испугать, потом смешать грязное белье с низменными фантазиями, приправить страхом и вожделением – и готов коктейль для внушения. Со стороны кажется, чего уж проще для удачной жизни – воздействуй, манипулируй и переделывай окружающих под себя, а копнешь глубже – всему своя цена. И на душе так погано.

– Что-то случилось? – осторожно уточнили слева. Почувствовал, гад, ее эмоции и то, как она злится.

– Если вы переживаете за коллег, зря – вы с ними больше не увидите.

Зато она будет жить, зная, что хороший человек, семьянин и вообще большая умница был несправедливо обвинен. И как ему работать? А ей как спать? Вряд ли со спокойной душой.

Юля скрипнула зубами, пытаясь не сорваться и не наговорить лишнего.

– Я так понимаю, мне придется вернуться и все исправить? – расстроенно спросил Кайлес.

Юля кивнула, крепче сжимая губы и удерживая рвущуюся наружу отповедь. Если не дурак – сам поймет, а если дурак – чтение морали не поможет. А эмоции, которые бурлят внутри, он и так прекрасно считывает. Так что... вдох-выдох, и успокаиваемся.

И если совсем успокоиться, то человек сделал свою работу, и сделал ее хорошо – вон, до сих пор бледность на лице. Сделал так, как его учили. А мало ли что ей не понравилось... Надо было заранее обсудить детали.

Можно было оставить все как есть, но нечто внутри, появившееся после встречи с Совенком, требовало не копить долгов в этом мире.

– Не считите за каприз, – попросила Юля, – я была бы крайне признательна.

– Не сочту. Это я не рассчитал, что люди, с которыми вы отработали несколько лет, не могут быть чужими. Надо было выбрать другую модель. Вас устроит, если я изменю сценарий? Скажем, вам

стало плохо, он подхватил, и это восприняли неверно. Люди часто ошибаются в подобных случаях. Инцидент никак не будет связан с вашим увольнением.

– Отличный вариант, спасибо! – с чувством поблагодарила Юля.

– Это вам спасибо, что на этот раз обошлись без водной аргументации, – поддел он ее.

Девушка смутилась, откашлялась.

– Хотя вы действовали совершенно верно, – невозмутимо заметил Кайлес и пояснил: – Видите ли, Юлия Андреевна, любое оружие обоюдоостро. Как мы любим работать с эмоциями, так и на нас влияет неожиданная ситуация. Совет на будущее – хотите избежать внушения, работайте быстро и на опережение. Вот как со мной.

– Учту, – кивнула девушка, искренне надеясь, что до очередной водной войны дело не дойдет. Но совет был ценен – Кайлес явно знал, с кем ей придется столкнуться в будущем.

– И не надо стесняться, Юлия Андреевна. Теперь мы семья. Я предпочту услышать, что вам не нравится, чем гадать о причине вашего недовольства.

– Можете не считывать, тогда и гадать не придется, – не удержалась от замечания Юля. Находиться рядом с ходячим детектором эмоций было неловко.

– А мне от вас никуда не деться, Юлия Андреевна. Я могу поставить щит от чужих, но отгородиться от тех, кто мне нравится, не в силах.

И как это воспринимать? – озадачилась Юля. Она ему нравится как женщина, как ассара, как будущая родственница или как гарант его бизнеса здесь? Скорее, последнее, хотя первого никто не отменял, только дай повод – с радостью осчастливит и ускачет в поисках нового объекта внимания.

Машина промчалась по Невскому проспекту, удачно попав в зеленую волну светофоров. Заехала в паркинг «Галереи». Понедельник, середина буднего дня, но, судя по забитости, сюда весь город съехался за покупками.

– Дадите совет, какой подарок выбрать? – спросила Юля, выходя из машины.

– Здесь я вам не советчик, – развел руками мужчина и смущенно почесал кончик носа. – Видите ли, я вспоминаю о дарах в несколько

иных ситуациях, поэтому у меня не было возможности оценить, насколько они понравились.

Ясно. Дарил, чтобы загладить вину за очередной проступок. И в гневе получал своим подарком по голове, а потому выбирал исключительно мягкое и не травмирующее.

– Подушками отдаривались? – любопытствовала Юля.

– И почему я сам до этого не додумался?! – сокрушенно воскликнул Кайлес, потянулся к голове, потер кожу над ухом, потом озорно улыбнулся. – В следующий раз обязательно. Тогда посмотрим, что он сделает. – И с предвкушением злорадно оскалился.

После такого откровения Юля всерьез задумалась – не купить ли подушек самой. Например, с видами Питера. Вдруг его величество настолько несдержан, что ей тоже прилетит подарком.

– А его величество, он... – Юля замялась, подбирая слова.

– Совершенно не стоит ваших переживаний. Подарите хоть леденец на палочке – без разницы. Главное вы уже сделали – согласились стать ассарой, остальное – пустая формальность. Я привел вас сюда, чтобы вы купили вещи для себя. Фильярг прав – из академии сбежать непросто. Так что подумайте заранее о том, к чему привыкли и что не сможете заменить. Начните с себя, а подарки купим по пути.

Юля моргнула, обдумывая. Похоже, сейчас они говорили о разных людях, и, похоже, зря она переживает о подарках. Наличие межмировых врат означало и межмировую торговлю. И вряд ли его величество можно было чем-то удивить, но попытаться стоило, хотя бы из принципа «Знай наших».

– Нет, леденец не вариант, – решила она твердо.

И что подарить тому, у кого во владении целое королевство? Что понравится облеченному властью мужчине? Нечто серьезное, солидное и стимулирующее работу мозга. Мысленный список начал пополняться. Горький шоколад, коньяк, виски, кофе – Юля еще не знала как, но обязательно угостит его величество настоящим кофе, кубинские сигары. Гаджеты, увы, отпадают, хотя и заманчиво подарить планшет вместе с солнечной батареей для зарядки.

Вдохновленное лицо девушки заставило Кайлеса расщедриться еще на один совет:

– Ничего технологичного. Видите ли, у нашего правителя существует твердое правило касательно иномирных технологий: если мы можем это повторить – завозим, нет – нечего дразнить и подсаживать на покупки.

Планшет из списка был вычеркнут, как и кофеварка. Ничего, она и туркой обойдется. Как бы еще достать зеленые зерна кофе – вдруг приживутся? И она оценивающе посмотрела на Кайлеса. Почему бы не сделать их сотрудничество еще более выгодным?

– Юлия Андреевна, даже не думайте.

Она гневно прищурилась.

– Не сердитесь, просто я уже прошел через это. Знали бы вы, чего мне стоило достать чертовы какао-бобы. Но один из моих... гм, уважаемых дядей заведует отделом допуска. Без его разрешения вы ничего не привезете, не внедрите и не продадите. Только личное пользование. – Кайлес достал из кармана солнцезащитные очки, принявшись раздраженно их протирать бумажным платком.

Как-то сразу стало ясно, что с этим отделом, а конкретнее, с его начальником у Кайлеса отношения не задались. И вот не для него ли собирается купить подушек товарищ менталист?

– Понятно, – протянула Юля, останавливаясь у магазина нижнего белья.

Магазин был дорогим и цепляющим – Кайлес сразу поплыл, уставившись голодным взглядом на кружевную роскошь манекена. Юля хмыкнула: личное пользование и подарки. Вот с этого и начнет. И дядю не забудем. А то какао-бобы ему не понравились. Небось сырыми их пробовал. А подарок его величеству она все-таки сделает. Ритуал ритуалом, но само действие никто не отменял.

Вернулись они к обеду. Кайлес по пути рассказывал о своих мытарствах в России. Особо его потрясло то, что при каждом знакомстве его норовили усадить за стол отметить встречу.

– Понимаете, Юлия Андреевна, у вас потрясающе гостеприимный народ, хотя традиция наносить вред своему здоровью – ужасна. Но главное, что вы уникальны в принятии чужаков. Знаете, что мне сказали? Нас... мм, наплевать, что ты менталист, главное, что человек хороший. И вот за это мы сейчас с тобой и выпьем.

– Выпили? – рассмеялась Юля. Приключения менталиста в России впору было отдельной книжкой издавать. Натерпелся он,

конечно, зато какой опыт приобрел.

– Честно, это последнее, что я помню, – признался Кайлес и попросил: – Только брату не говорите, он уверен, что, выпив, я разболтаю все государственные секреты.

– Кому вы нужны, – махнула рукой девушка, – даже если разболтаете, максимум окажетесь в одной палате с товарищем с альфы Центавра, Лениным и Наполеоном. До каких только фантазий наши граждане не допиваются!

– Знаю, – очень серьезно поведал Кайлес, – я сначала сильно переживал: почему мой друг видит зеленых человечков, а я нет. Думал, проблемы со зрением, потом оказалось, что с выпивкой – мало пью. Но больше пить не смог, ушел. Я как раз с Настенькой познакомился, чудеснейшая женщина... – И взгляд Кайлеса затуманился приятными воспоминаниями.

Вот так, смеясь, они вошли в квартиру. Юля забрала пакеты и унесла их в спальню. Совенок еще спал, а хмурый Фильярг сидел на кухне. Третьего в квартире не было.

Юле достался изучающий взгляд, кузену – раздраженный. И было понятно, что шопинг они устроили зря и вкусняшек тоже купили напрасно. Недовольного их опозданием товарища не соблазнили ни пармезан с бри, ни фаршированный маринованный перчик, да он даже на одуряющий запах хамона не повелся. Непробиваемый! – плюнула в сердцах Юля. Подумаешь, проснулась спящая красавица в одиночестве и решила, что ее бросили.

– Успешно? – поинтересовался Фильярг, даже не посмотрев на еду.

– Вполне. – Юля с гордостью помахала голубой книжицей. Можно сказать, из пасти Каа вырвала.

– Позвольте. – Кайлес убрал трудовую в карман пиджака, заверив: – Оформим в лучшем виде, хотя у вас сейчас все... как это... электронно! Бумажки потом заполните, мне обещали прислать образец.

– Раз все в порядке, предлагаю вернуться, – холодом окатил их высочество.

Юля замерла, бросила умоляющий взгляд на Кайлеса. Тот кашлянул.

– Фильярг, можно тебя на пару слов? – И мотнул головой в сторону спальни.

Мужчины уединились, а Юля, нервничая, принялась мерить шагами кухню. А если откажет? Она даже с мамой повидаться не успела. Вот же... высокородная зараза. Только о себе и думает! Еще и завесу поставили – из-за двери не доносилось ни звука, как она ни прислушивалась, прокравшись по коридору.

Братья вышли минут через десять, когда девушка уже извелась от ожидания. Кайлес бледный, но вдохновленный, а вот Фильярга точно целиком в лед погрузили, и взгляд у него был, как у чудовища, которому она обещала вернуть Аленький цветочек, а теперь просит отсрочку.

– Три дня, – выдавил из себя Филь, развернулся и вышел, хлопнув входной дверью так, что с потолка посыпалась штукатурка.

Кажется, настолько грубо с почтенной сталинкой еще никто не обращался. Юля даже проверила, не появилось ли трещины на стене над дверью.

– Простите его, Юлия Андреевна.

А вот Кайлес ничем не мучился и потому активно поглощал купленные разносолы, соорудив себе бутерброд сразу из двух видов сыра и ветчины.

– По закону вы принадлежите Шестому...

Юля приподняла брови – ничего себе заявление. В коридоре промелькнула сонная физиономия Совенка, хлопнула дверь ванной, и Кайлес поторопился закончить не предназначенную для ушей ребенка тему:

– ...но как несовершеннолетний он принадлежит вам – вот такой парадокс. Четвертый же взял вас под опеку по личной инициативе и теперь бесится, что вас могут передать кому-то еще.

– Кому? – испугалась Юля. Четвертый хоть и был сволочью, но вроде как сволочью знакомой, и менять его на кого-то еще не хотелось. – И не надо меня никому передавать. Я как-нибудь сама.

– Ох, Юлия Андреевна, – Кайлес отложил в сторону недоеденный бутерброд, – этого разговора я и боялся. В нашем мире женщина не может быть «сама», – передразнил он ее и пояснил: – Женщина слабее мужчины, ее магия менее стабильна, подвержена лунным циклам, и потому без поддержки семьи и рода ей не выжить. У нас каждая

женщина принадлежит либо мужу, либо отцу, либо старшему родственнику. Взрослый сын тоже может взять опеку над матерью.

– Япона мать, – с чувством выругалась Юля, впервые начиная осознавать глубину ямы, в которую ее заманил Кролик. Угроздило же попасть в мир махрового патриархата. Она не сможет быть «женщина, твое место вон там, стоять и рта не открывать». Хотя на приеме в честь Шестого женщины вели себя вполне привольно. Никто им рты не затыкал, место не указывал, может, эта принадлежность – чистая формальность? Как было в Европе, когда женщины не могли голосовать или распоряжаться имуществом и получать образование?

– Я не справлюсь, – покачала головой Юля. Начнет качать права и закончит где-нибудь в камере.

– Справитесь. – Кайлес успокаивающе похлопал ее по руке. – Ради Альгара вы изменитесь. Только, умоляю, никаких феминистских революций. Его величество крайне нервно относится к новшествам из другого мира. И, боюсь, в этом случае даже бегство домой вас не спасет.

Юля побледнела.

– Найдут, – подтвердил ее опасения Кайлес. – Вы даже не представляете... хотя нет, вспомните вашу новогоднюю елку. Вспомнили? Вот сейчас вы увешаны заклинаниями, как эта самая ель. Даже если захотите – снять не получится. Фильярг у нас мастер, а Харт, честно вам признаюсь, параноик.

После слов Кайлеса Юля некоторое время переживала, вглядывалась в отражение в зеркале, пытаясь найти следы заклинаний, но зрение упорно отказывалось демонстрировать иномирные технологии слежки. Юля попереживала, потом махнула рукой и... смирилась. Зато маньяков теперь можно не бояться. Девушку с такой защитой им лучше обходить стороной.

К Татьяне Федоровне они отправились втроем. Купили торт, конфет, набрали сыра, фруктов, сока. От покупки алкоголя Юля отказалась – ей нельзя, маме тоже, Кайлес за рулем.

Отец был на работе, Татьяна Федоровна сама открыла дверь. Обилие гостей ее удивило, Юля начала было заготовленную речь, но Совенок вмешался.

– Собака! – радостно воскликнул он и ринулся прямо в обуви, но бдительная Юля перехватила детя за шиворот.

Аль за секунду избавился от кроссовок и помчался тискать любимца семьи – английского кокер-спаниеля по кличке Чарльз.

– Привет, мам. – Юля проследила, как поладившая друг с другом парочка скрылась в большой комнате. – Ничего, что я не одна? Это...

– Татьяна Федоровна, – склонился в поклоне Кайлес, приложился к ручке смутившейся женщины, – разрешите представиться, Александр, друг вашей дочери. – И через многозначительную паузу, за которую Юля готова была его прибить, а ошарашенная мама впечатлилась еще больше, добавил: – Очень хороший друг. А вот этот любитель собак – мой племянник Альберт, но все мы зовем его Аль. Видите ли, – мужчина сделал скорбное лицо, – его мать умерла, и мы нянчимся с ним по очереди.

Сердце Татьяны Федоровны было покорено и галантным мужчиной, и сиротой-ребенком.

– Что же мы стоим? Проходите, – засуетилась женщина, приглашая гостей в большую комнату, где вовсю шла активная возня.

Совенок был счастлив, Чарльз тоже, и Юля с огорчением подумала о том, что, если им разрешат привести собаку во дворец, забрать ее в академию точно не получится. Или все же спросить у Фильярга?

Когда они расположились за наскоро накрытым столом и Татьяна Федоровна закончила расспросы о новой работе и переезде, а Юля – объяснять, как пользоваться планшетом, который привезла из дома, Кайлес словно невзначай завел разговор о себе. Юля слушала и поражалась. С его слов, менталист был молодым, прогрессивным врачом, который практиковал нетрадиционные методы лечения в рамках традиционной медицины. И даже мог произвести точную диагностику по одному лишь пульсу, без всяких анализов. Сложное название болезни Татьяны Федоровны он ухитрился произнести без запинки. Та была впечатлена. Юля тоже и украдкой показала большой палец «доктору».

– Татьяна Федоровна, я был бы очень признателен, если бы вы стали моей пациенткой. Понимаете, ваш случай – первый в моей практике. И если я добьюсь успеха, то смогу закончить докторскую диссертацию.

Дальше шли имена светил медицины, которые помогали в работе, сложные исследования, названия журналов, где якобы ждут не

дождутся его статей, а он – какая досада – никак не может определиться с главным направлением. И вот она – его подарок судьбы со сложным диагнозом. Словом, то, что требуется молодому, амбициозному доктору, чтобы добиться Нобелевской премии.

– Вы ведь поможете мне? – спросил Кайлес, проникновенно глядя в глаза.

Татьяна Федоровна смущенно кивнула.

«И зачем только ему внушение, – думала Юля, внимательно следя за менталистом, но глаза у того ни разу не полыхнули золотом, – если он словами настолько качественно пудрит мозги, что согласишься на все: отдать квартиру, выйти замуж и пойти лечиться в качестве подопытного кролика».

– Людочка, что у меня со временем?

У молодого доктора был не только замах на Нобелевку, но и личный ассистент.

– Завтра. Совещание, потом встреча с коллегами из Германии?

«Ему бы Хлестакова играть, – Юля залюбовалась вдохновенным лицом Кайлеса, – такой актерский талант пропадает. Полные залы бы собирал».

– Перенесите встречу и освободите время с двух до трех часов дня. Благодарю, вы – чудо, Людочка.

Существовала ли Людочка на самом деле, Юля выяснять не стала. Главное, чтобы был толк. Но Кайлес обещал, если не справится сам, пригласить друга. Тот был настоящим целителем и точно сможет помочь.

У Юли же на завтра были выстроены другие планы. Совенка хотелось побаловать в лучших кондитерских города, выгулять по всем паркам, укатать на каруселях, сводить в самые интересные музеи. Магазины, правда, тоже придется включить в программу, а еще обязательно составить список покупок. Что-то можно будет заказать с доставкой на дом, но не все. С ума сойти – полгода невыездная... Она не на работу собирается, а точно в кругосветку, когда корабль шесть месяцев не будет приставать к берегу.

Купить ноут. Накачать книги, мультики, фильмы, взять к нему пауэрбанк – на пару зарядок хватит, а потом отправлять вместе с телефоном Кайлесу. И фильмы подобрать вдохновляющие, например, «Король говорит» или «Остров Ним». Совенку срочно нужно поверить

в себя, а уже после придут и сила, и упорство, и успех. Да, успех им обязательно нужен. Пусть крошечный, но чтобы оценили все: от его величества до последнего тапуна.

На следующий день позвонила довольная мама. Известная клиника, любезный доктор лично встретил у входа, провел в кабинет.

– Неофициально, ты же понимаешь. Там такие деньги за прием, – с придыханием рассказывала Татьяна Федоровна, делясь впечатлениями. – Представляешь, у него вся стена в грамотах. Молодой, а уже такой ученый. Он меня каким-то японским аппаратом лечил. Не знаю, стоит ли надеяться, но мне после первого раза легче стало. Так надоело дома сидеть, хочется пойти и работать, как все нормальные люди. Спасибо тебе, дочь, за отличного врача. Ты бы присмотрелась к нему. Он, конечно, помешан на работе, но хороший мужик, заботливый, и специалист отличный.

Тут Юля была с ней согласна: менталистом Кайлес был одним из лучших. А вот с остальным... Она, конечно, с него глаз не спустит, но исключительно из чувства самосохранения. А связывать с такой личную жизнь... Юля мысленно сплюнула через плечо.

Следом позвонил расстроенный Кайлес и сказал, что без помощи не справится. «Не сработали грамоты», – подумала Юля. Состояние он стабилизировал, но для полного излечения требовался профессиональный целитель. Жаль. Юля так рассчитывала узнать о полном исцелении мамы до отъезда, но стабилизация – уже хорошо.

Отпущенные три дня пролетели одним мгновением. Совенок полностью оттаял, превратившись в обычного пацана. Его заразительный смех звучал по много раз на дню, он больше не пугался своих ошибок, не боялся того, что Юля исчезнет или откажется от него. В его поступках стало гораздо больше уверенности, и девушке делали комплименты о том, какой умный и не по годам развитый у нее ребенок.

– Вот вы где. – Кайлес неожиданно нарисовался у них за спиной, с любопытством обозрел детскую площадку и разыгрывающееся на ней военное действо.

Понаблюдав за носящимися по деревянному кораблю пацанами с игрушечными пистолетами и автоматами, спросил:

– И кто побеждает?

Юля пожала плечами. Вначале она пыталась следить за детьми, но две команды быстро перемешались, и сейчас каждый по-рэмбовски сражался сам за себя. Хотя нет, Аль организовал вокруг себя трех ребят постарше, они засели на верхней палубе и вполне успешно держали оборону.

– Не бойтесь, что ему настолько понравится здесь, что он откажется возвращаться?

Юля помедлила с ответом, сняла солнцезащитные очки, повертела их в руках, потом повернулась к мужчине.

– Вы же возвращаетесь, – указала она на очевидное и спросила: – У вас были каникулы в детстве?

Кайлес тоже не стал спешить с ответом, помолчал, потом уточнил:

– Вас же не я интересую, а Шестой?

Девушка кивнула. Мужчина принялся объяснять:

– Столпы учат по другой, чем остальные ветви, программе. И нет, привычных вашему пониманию каникул у них нет, но Шестой – исключение. Ему позволялось и в то же время запрещалось многое. Как бы объяснить... Его величество хотел, чтобы сын остался наследником, но он сильно боялся того, что тот растет слабым и не переживет ритуал. Отсюда все противоречия в его воспитании. Я понимаю вашу жалость, мне и самому жаль парнишку, но сейчас вы оказываете ему, как у вас говорят, медвежью услугу. До первых проблесков осталось мало времени, Альгару понадобится много сил, чтобы удержать пламя под контролем, у него нет времени на игры.

«Да-да, нет времени на любовь, на игры, на простое человеческое общение, – зло подумала Юля, – а потом психика не выдерживает, и будет не всплеск пламени, а сразу ураган злобы и ненависти на весь мир. Сначала надо примириться с собой, а потом уже учиться чему-то новому». Чувствуется, с таким подходом ее ждет много жарких споров в академии. Пусть только попробуют загубить Шестого, которого она с таким трудом выцарапала из скорлупы.

– Юля, мы победили! – Раскрасневшийся, довольный и улыбающийся Совенок соскользнул вниз по трубе, ловко вскочил на ноги, подбежал к девушке. – Я проверил твою тактику «Один в поле не воин». Вчетвером мы действительно были сильнее. И мне понравилось командовать.

Юля усмехнулась – кому не понравится? Но главное, что даже старшие дети слушались Шестого, а это означало неплохие задатки командира.

– Отлично, молодец. Теперь твой забег на время. Готов?

Деть отдал ей пистолет, кивнул, и девушка запустила секундомер на мобильнике.

– Марш!

Малыш сорвался с места, обезьянкой взлетел по канату, на руках прошелся по перекладине, перепрыгнул на кольца, раскачался, проходя спортивную трассу для подростков и взрослых. Юля вспомнила, как переживала и контролировала его первые разы, потом уверилась в силах Совенка – парень оказался довольно сильным и ловким для своих сверстников. И вот зря его величество переживал, честное слово.

– Простите, Юлия Андреевна, беру свои слова назад, – поклонился Кайлес, прижав ладонь к груди, и добавил: – Приятно смотреть, как работает ассара. Но с прискорбием вынужден напомнить, что сегодня ваш последний вечер в этом мире.

Да, она помнила. Вчера заехала к родителям, попрощалась. Утром они с Совенком посетили центр скалолазания – прекрасное место для преодоления себя. И Юле пришлось подавать личный пример – карабкаться на самый верх, приказав поджилкам забыть о страхе. Потом был финальный забег по магазинам, и вот сейчас они расслаблялись на детской площадке рядом с домом. Было до боли жаль того, что они не успели сделать, но они обязательно вернуться...

Юля вздохнула, соглашаясь:

– Да, я помню. Хорошо. Дайте нам еще полчаса, и мы пойдем.

Дома она отдала Кайлесу ключи, обговорила оплату коммунальных услуг, комнатные цветы забрал отец – без них подоконники казались голыми. Да и квартира в целом предчувствовала свое запустение: у стены стоял приготовленный багаж, холодильник был пуст и отключен, вещи с полок перекочевали в чемоданы, и было ощущение, что новый мир уже ждет за порогом. Пора было возвращаться...

Глава 15

Снаружи бесновался ветер, бросая в окна злые шквалы мокрого снега. Меж низких туч прорывались острые лучи солнца, подсвечивая лохматую круговерть.

Фильярг стоял у панорамного окна, глядя на негодование природы. В Асмас пришла зима. С дождями, мокрым снегом, который таял, не долетая до земли, с холодными ветрами и серым от плотных туч небом. Через месяц праздник Зимнего солнца: все оденутся в белое, молодежь отправится на вершины к ледникам, чтобы привезти оттуда куски прозрачного льда, из которых мастера изготовят скульптуры. Вечером ледяные статуи оживят при помощи световиков, и лед будет искриться, играя в разноцветных лучах. Перед балом его величество с советниками выберет победителя. Интересно, в этот год первым снова станет мастер Йохо-Лайн? Или прорвется кто-то из молодых?

Фильярг любил зимний праздник, несмотря на холод и слякоть. Любил за изящество ледяных статуй, за таинственность бала, где надо было продержаться до полуночи и остаться неузнанным. За каток, в который водные маги превращали пруд дворцового парка. За отсутствие липкой жары и надоедливых насекомых.

В этом году он ждал праздник еще с большим нетерпением. У «нетерпения» было странное имя, непривычно темные волосы, боевой характер и зеленые, как воды озера Альхык, глаза. А еще «нетерпение» обещало нелегкие дни во дворце. Для всех и в первую очередь для него.

В душе шевельнулось предвкушение – он хотел этих сложностей, хотел вновь прикоснуться к волосам, ощутить их мягкость, шелковистость, жаждал впиться в податливые губы, вжать в себя женское тело. Пугающе быстро ему стало не хватать ассары. Мужчина стиснул ладони, проклиная кузена, уговорившего дать ей отсрочку и отпустить девушку на целых три дня.

Сквозь тучу прорвался золотистый луч солнца, а Фильяргу вспомнилась задорная улыбка ассары. Как легко и свободно она могла расхохотаться, а в следующий момент оцетиниться колючками,

дохнуть холодом, точно как та снежинка, которую порывом ветра метнуло в стекло. И Фильяргу захотелось поймать ледяную колючку в ладонь, согреть дыханием, окутать теплом.

Свободная, независимая, сильная и одновременно слабая. Как сильно Юля отличалась от знакомых ему женщин! И пусть он не простил, но хотя бы начал понимать, отчего кузен так стремился улизнуть в чужой мир.

Женщины Асмаса не были забитыми или необразованными. Его величество заботился о том, чтобы девочек учили, воспитывая их достойными хозяйками и матерями. Но зависимость от мужчин, от их умения поглощать избыточную магическую энергию наложила свой отпечаток на поведение женщин. Они никогда не забывали, что случится, если останутся одни.

Фильярг воспринимал женскую слабость как данность, но мир ассары заставил взглянуть на это иначе. Излишки опасны, их забирают мужчины. Это просто и естественно. Но как объяснить эту естественность той, кто не верит в магию? Как заставить принять свой дар?

Фильярг вспомнил первый всплеск ассары, ошарашенно-испуганный взгляд и тихое «Я не верю в магию». Так ведь и не поверила, предпочла сделать вид, что ничего не случилось, стряхнула чужеродную силу, точно воду, и через час уже и не вспоминала о ней. Упрямица! С ней будет непросто.

Мужчина тяжело вздохнул, осознавая, насколько будет непросто, но другой вариант был еще хуже. Лучше уж потерпеть сумасбродство ассары, тем более что споры с ней обещали быть забавными, чем выкидывать Шестого из дворца и освободить место для бывшей восьмой жены.

Так повелось, что жен для его величества избирал Малый совет. Хорошо, что хоть на Большой совет столь деликатное дело не выносили. Понимали, что кроме государственности и рождения сильных наследников должны присутствовать и личные симпатии — спать с женами предстояло не советникам, а королю. И потому список кандидатов носил только рекомендательный характер, а окончательное решение принимал его величество.

Вокруг списка разгорались настоящие баталии. Советники ревниво следили за тем, чтобы из одного рода было не больше двух

невест, не желая допускать чрезмерного усиления чьей-либо семьи. Фильярг мог припомнить всего пару случаев из истории, когда его величество шел наперекор воле совета, протаскивая в список своих кандидаток. Одним из них был его отец. Шестая столь внезапно и стремительно нарушила установленный порядок, что никто не успел среагировать. В один день Ликсея из рода Шахтанов оказалась вычеркнута из списка.

Фильярг тогда учился в академии, и до него доходили лишь слухи о потрясениях дворца. Шахтаны подавали петиции, жалобы, шли на прямой подкуп – бесполезно, его величеству просто стукнуло в голову редкое для королей чувство под названием «любовь».

Потом неудачные роды, закончившиеся смертью Шестой. Ребенок чудом выжил. Первые годы Фильяргу было не до младшего брата. Выпуск из академии, практика, обучение у наставника отнимали все время. В редкие визиты во дворец он встречал постаревшего от горя отца, и в сердце невольно рождалась злость на мелкого – мог ведь и не появляться на свет. Отец хотел отпустить Шестую, так как знал, что ритуал ее убьет, но супруга оказалась упрямницей. Фильярг воскресил в памяти хрупкую, невысокую женщину и в который раз поразился – сколько внутренней силы было в этом слабом теле. И кажется, Шестой унаследовал от матери именно это упрямство. По крайней мере, он не только выжил, но и смог прижиться во дворце.

Да и в сердце Фильярга младший брат занял свое место. Упрямый, открытый, непокорный – настоящий сын огня. Чаще всего его хотелось прибить, а уж сколько жалоб Четвертый выслушал от воспитателей, которые в последнее время сменялись один за другим... Но чувство вины перед младшим заставляло терпеть его выходки, стойко переносить бурные фантазии, отсекая самые опасные. Огненная бездна, никогда не думал, что воспитывать детей столь сложно! Но после предательства он опасался полностью доверять брата чужому человеку. Хватило ему и одного раза.

С Третьим Фильярг сблизился как раз из-за Альгара. Харт сам пришел к нему после очередной «случайной» травмы Шестого, принес истеричный доклад воспитателя с требованием оградить слабого ребенка от всего, иначе он, воспитатель, отказывался нести ответственность за жизнь и здоровье наследника. И в конце

неизменная рекомендация: вычеркнуть ребенка из списка Столпов, тем самым сохранив ему жизнь.

Фильярг, морщась, прочитал опус – ничего нового там не содержалось, но серьезный вид Харта требовал проявить уважение к писанине.

– Что? Тоже считаешь, что Шестой неспособен пройти ритуал? – спросил Филь иронично, подавляя злость. Слабый брат заставлял и себя ощущать слабым.

– Я не провидец, чтобы это знать, – пожал плечами Третий, – зато точно могу сказать, что Жансар иначе, чем мы, видит воспитание Альгара.

– Что ты хочешь этим сказать? – напрягся Фильярг. Жансар был приставлен к Альгару с того момента, как последний перестал нуждаться в услугах кормилицы. И для обвинений требовалась серьезная причина. Все-таки ближний круг...

Третий тоже это понимал, а потому выложил доклады своих соглядатаев, расписку о покупке трехэтажного дома в столице – неплохое приобретение для воспитателя, – оформленной на дальнего родственника. Потом шла выкладка по травмам и болезням Шестого, свидетельства слуг о странностях в поведении Жансара: «То кутает в десять одежек, то решает укрепить здоровье, выгоняя голым под дождь». И ведь не придерешься – закалка нужна, но не спонтанная, без подготовки. По отдельности все выглядело нормальным, но собранное вместе... Фильярг выругался. Пламя ему в зад, кажется, они прохлопали заговор у себя под носом.

– И последнее, – усмехнулся Третий, – род Жансара, как ты знаешь, не отличается богатством или родовитостью, а потому они нашли себе покровителей. Лет сорок, как тесно дружат домами. Догадайся с кем?

– Шахтаны, – выдохнул Фильярг, сжимая кулаки. Да-а-а, вот кто был искренне заинтересован в том, чтобы Шестого выкинули из дворца.

Жансара взяли в тот же день. Ментальный допрос – со смертником не церемонились – вскрыл мозги и всю правду. Воспитатель планировал добиться удаления ребенка из дворца, а если не сработает – устроить смерть. Последнее, правда, оставлял на крайний случай, за гибель наследника его по головке не погладили бы.

И как ловко ухитрялся пудрить мозги! Дети огня практически не болели, но пройдоха Жансар расшатал организм Шестого до такого состояния, что тот начал болеть, как обычный ребенок.

Вот только имя заказчика назвать не успел – клятва была из старых, традиционных, и вызвала мгновенную остановку сердца. Третий чуть сам себя не загрыз от разочарования – без доказательств Шахтаны выходили сухими из воды. Было там что-то еще, о чем Харт не поведал даже Фильяргу, только процедил сквозь зубы, что бывшая «невестушка» войдет в спальню отца через его труп. Фильярг настаивать на подробностях не стал, мысленно встав рядом с братом. В подобных вопросах он безоговорочно доверял Третьему.

С тех пор воспитатели у Шестого долго не задерживались. Кого-то пугала ответственность, кто-то боялся повторить судьбу Жансара, и слухов вокруг ребенка становилось все больше. Даже среди слуг мало кто верил, что он выдержит ритуал и станет Столпом.

А тут такой подарок – ассара. Пусть женщина, пусть из другого мира, но с ней Шестой ожил, поверил в себя, а с ним начали верить и остальные. Третий сменил гнев на милость и даже не назначил кузену «порку» за вольное использование названия государства. О чем только тот думал, называя производство какой-то там косметики «Асмас Интернешнл»? Отец будет в ярости, если узнает.

Фильярг мельком подумал о том, как его величество может отреагировать на ассару. И тут же успокоил себя – отец давно прислушивался к мнению третьего сына, прислушается и в этот раз. А Третий не меньше его самого понимает ценность ассары.

Хорошо, что мелкий скоро уезжает в академию, защита курсантов там на уровне, но здесь, во дворце... Фильярг нахмурился. Мысль, что Шахтаны могли не успокоиться даже после смерти исполнителя, портила настроение. Злость взметнулась колючками ярости и опала ледяной решимостью. Надо пересмотреть собственные планы и не выпускать ассару из вида. И для начала перестроить жилой этаж так, чтобы, получив сигнал тревоги, не мчаться сломя голову до ее комнаты. Решено. Он поселит ее рядом с собой. Мысль оказалась приятной, тягуче сладкой, и он снова прокрутил ее в голове. Рядом. С собой.

– И что заставило моего брата сиять, точно ледяная статуя на солнце? – спросил Третий, вставая рядом. Подкрадывающиеся шаги

брата Фильярг услышал издалека, но прогонять накатившую сладость не стал, вот и попался.

– Что или кто? – уточнил Харт, иронично приподнимая бровь. – Дай угадаю. Возвращение отца? Появление на свет племянника? Или визит такийских пиратов?

Фильярг сжал зубы. Умеют же некоторые... портить настроение.

– Неужели наша маленькая проблема с именем Юля? – «удивился» брат, но Фильярг игру не поддержал. Женщина – не тема для шуток.

Харт посерьезнел, вспомнив, видимо, о стопке жалоб, и поинтересовался со вздохом:

– Что думаешь делать? Кроме присмотра, конечно.

– Не мешать, – ответил Фильярг кратко, развернулся и ушел, оставив Третьего одного. С некоторых пор ему не хотелось обсуждать ассару в присутствии других.

Харт фыркнул вслед – подумаешь, какой чувствительный стал. Надо брать ситуацию под контроль, пока этот нервный не испортил что-нибудь. Например, сменить комнату, поселив ассару рядом. Отличный вариант. Пусть будет под боком. Днем вряд ли кто-нибудь решится навредить ассаре, а ночью он за ней присмотрит. Поймал свое отражение в окне, растерянно изучил появившуюся на губах улыбку и раздраженно стер, нахмурившись, – одного нервного и чувствительного вполне достаточно для башни принцев.

– Ваше высочество, – почтительно обратились к нему.

– Иду, – вздохнул Харт, с неохотой отводя взгляд от прорезавшего темные тучи золотистого луча. Ассара ассарой, а работу никто не отменял.

Четвертый спустился вниз, прошел в тренировочный зал, переоделся. Кивнул мастеру, показывая, что готов к поединку. С наслаждением вдохнул ароматы железа, пота и кожи. Голову наконец отпустило, и мысли перестали скакать испуганными огоньками. Он поднял мечи, уже зная, что победит.

Фильярга всегда привлекало военное дело. Нравился азартный дух схватки, горячая кровь боя, крики врагов и пьянящее чувство победы. С особым удовольствием он гонял контрабандистов по Лихтанскому морю, чистил Нижний портовый город от разведшейся там швали, участвовал во всех значимых боях в академии, заслужив

славу опытного и непобедимого бойца. Провел несколько лет в морском патруле, дослужился до звания капитана и собственного корабля, за личные заслуги был награжден именным клинком. Его уважали и знали патрули, его боялись контрабандисты, ему прочили трон и великое будущее, но быть королем Фильярг не хотел. Насмотрелся на чередующихся жен, которые не делали отца счастливее, и каждый последующий ребенок все больше воспринимался им как долг, а не как родное дитя. И все же отец их своему любил...

Шесть единокровных братьев были похожи и одновременно разительно отличались друг от друга. Один отец, огненный дар и разные матери накладывали свой отпечаток на характеры.

Первый, например, обожал возиться в мастерских. Все время что-то придумывал, конструировал, не чурался знаться с рабочими, даже с материка зазвал к себе пару мастеров. Перестроил в своем тэорате добычу свириллума, что-то там усовершенствовав — Фильярг не вдавался в подробности. Третий регулярно делился жалобами жителей на творящееся в лабораториях его высочества непотребство. Взрывы, пожары, резкие запахи сильно беспокоили достопочтенных граждан, но польза государству перекрывала уровень недовольства, и его величество велел не мешать увлечению наследника.

Фильярг почти не знал Первого, как и старших двух сестер. Когда он родился, они уже жили отдельно своими семьями, наведываясь во дворец лишь по большим праздникам.

А вот Второго застать успел, как и наслушаться рассказов о похождениях старшего брата. С рождения тот отличался тягой к путешествиям, доводя няnek и мать до истерик регулярными исчезновениями. Ох и намучился с ним двор. Десяток бессонных ночей, проведенных в поисках ребенка, сплотили придворных. Шебутного мальчишку отслеживали все, от магов до стражей, передавая по цепочке, но Второй набрался опыта и просто так не давался. Дело дошло до того, что придворные написали петицию, его величество чувство юмора оценил и наказал нерадивых нянь, но следилку все же на ребенка поставил.

После совершеннолетия и ритуала Фильярг искренне полагал, что Второго они больше не увидят. Так и вышло. Старший брат удрал из страны, и не абы с кем, а с такийскими пиратами. Его величество в

гневе пообещал лично выпороть наследника, когда тот появится во дворце, но силой возвращать сына не стал. Фильярг тогда, помнится, подумал, что отец, несмотря на вечную занятость, по-своему их любит и не мешает жить хотя бы до коронации.

Второй вернулся сам, и не один, а с красавицей-женой. Страх перед трудными родами беременной супруги заставил Второго вспомнить родные корни. Вот тут отец и проявил власть, прижав непокорного сына. Пришлось Второму в ускоренном порядке жениться на избраннице по обычаям Асмаса, наследовать Второй тэорат, чем был крайне недоволен выдворенный оттуда родной дядюшка. Но традиция есть традиция: женился – изволь принимать правление.

Огреб, конечно, Второй по самые огненные пещеры. И за женитьбу без разрешения, и за беременность супруги без ритуала, а главное – за самовольство и попытку выбрать свою судьбу. Повезло – супруга оказалась с сильным даром и была беременна мальчиком. Ритуал провели в усеченном виде – на усиление способностей малыша. Однако риск оставался, и его величество лично отправился контролировать роды, опасаясь осложнений. Вчера вестник доставил сообщение, что роды прошли успешно, и вскоре стоило ждать возвращения отца домой.

Из всех Столпов Третий больше всего подходил на роль правителя. Власть, интриги, сбор и анализ информации, политика, отношения и манипуляции были для него родной стихией. Учась в академии, Харт был уважаем не только курсантами, но и преподавателями. Ходили слухи, что сам ректор считался с его мнением. Третий начал с командира отряда, потом курса, а к окончанию стал лидером всех курсантов. К чести Харта, властью он не злоупотреблял, в издевательствах замечен не был. Его привлекала чистая власть, без извращений. Нравилось разгадывать чужие помыслы, решать сложные управленческие задачи и, пока цинизм не въелся под кожу, помогать людям. Как, например, с ассарой. Та еще заноза, но он пошел ей навстречу, ввел в ближний круг, устроил нормальный переезд, позволив решить домашние дела, и собирался ходатайствовать перед отцом за девушку.

Пятый же, по словам Третьего, был не человек, а медуза – куда ни ткни, везде как податливое желе. Сама услужливость и воспитанность со старшими родственниками, сплошь хвалебные отзывы из академии,

отличные оценки и высший балл по дисциплине. Фильярг списал бы неприязнь Третьего на чутье конкурента, но стоило Пятому появиться во дворце, как Шестой норовил испариться с глаз старшего брата. И вот чутью Шестого Фильярг доверял больше, чем отзываю учителей. Сам он к Пятому особо не присматривался – хватало и своих дел, да и смысла в присмотре не было – сильнейшего выберет огонь, а он точно не будет смотреть табель успеваемости.

«Будет забавно, – подумал Фильярг, заканчивая поединок с мастером, – если слабейший в итоге станет сильнейшим. Кажется, именно так выразился кузен. Но этого знаменательного события еще ждать и ждать, а уж сколько работы потом предстоит...» Фильярг протер мечи, убрал, скинул рубашку и отправился принимать душ. Надо было срочно заняться подготовкой к возвращению Шестого и ассары.

Глава 16

Асмас встретил недружелюбно. Если в Питере окончание весны ознаменовалось теплой и сухой погодой, то здесь была поздняя осень или зима. Дул пронизывающий холодный ветер, низкие тяжелые тучи периодически «радовали» мелким дождем вместе с мокрым снегом. Юля потеряла мигом озябшие пальцы, накинула капюшон пальто, осмотрела площадку перед порталными воротами, поджала губы... И где красная дорожка? Оркестр? На крайний случай делегация встречающих с хлебом-солью. Что, даже арестовывать не будут?

На площади, окруженной с трех сторон каменным парапетом, было разочаровывающе пусто. Их не ждали. На мгновение мелькнула искушающая мысль – вернуться обратно, но Кайлес, выкинув последний чемодан, деактивировал портал. Поежился – господин позер вырядился в неизменный костюм и теперь мерз, подтанцовывая.

– Вот мы и дома, – произнес он с нездоровым энтузиазмом. Кайлес потер ладони, улыбнулся, являя собой полный диссонанс с окружающей серостью.

Юля радость его высочества не разделяла. Она оглядела багаж и поняла, что в ком-то проснулся хомяк, сразу прикинула число рабочих рук. Три раза ходить придется. В башню принцев портал открыть нельзя.

– Прошу, – подставил ей локоть Кайлес, – я вас провожу. Не волнуйтесь, багаж доставят сразу в вашу комнату.

– Спасибо, брат, дальше мы сами.

Пустота дрогнула, оживая пятью силуэтами. А вот и встречающие товарищи сочли нужным нарисоваться, подумала Юля, ощущая знакомое раздражение: вроде не слепая и не глухая, а стоящего в метре от нее человека заметить не может. И зачем было сидеть в засаде? Неужели хотели убедиться, что она не привела с собой отряд автоматчиков с крайне недружественными намерениями? Перестраховщики...

– Привет, Альгар. Добрый день, Юлия. – Фильярг шагнул к ней, ухватил за ладонь, потянул к губам, обжег кожу запястья поцелуем. Еще и подмигнул, поймав ошарашенный взгляд девушки. Он

наклонился ближе, согревая висок горячим шепотом: – Я подготовился к вашему возвращению.

Юля моргнула, приходя в себя. Это намек, что его высочество изучил земные варианты соблазнения? И когда только успел? А главное, из какого источника черпал информацию?

– Плохо подготовились, – усмехнулась Юля, отодвигаясь от него. Нет, в самом деле. У нее наполеоновские планы по поступлению Совенка в академию, по адаптации и приручению непонятного зверя по кличке «магия». А вот поцелуев в этих планах не наблюдается.

Его высочество непонимающе вскинул брови.

– Красная дорожка, оркестр, плакат «Добро пожаловать, дорогая ассара», – пошутила Юля, с удовольствием смотря на вытягивающееся лицо Фильярга.

Мужчина сориентировался быстро.

– Плакат, значит, – повторил он, пробуя новое слово на вкус. Улыбнулся, а в глазах промелькнуло что-то темное, и Юля напряглась, успев пожалеть о длине собственного языка. С огнем же играет!

В спину дохнуло теплом, причем ощутимо горячим. Совенок восторженно ухнул, смотря в ту сторону, Кайлес же, наоборот, побледнел и сделал шаг назад, а вот Четвертый выглядел настолько довольным, что впору было думать о поспешном бегстве. По каменным плитам заскользили блики света, камерную тишину порталной площадки пререзали остро-писклявые – камнем по стеклу – голоса:

– До-о-обро-о-о.

Юля обреченно – сама нарвалась – обернулась. На фоне темно-серой стены дворца огненные фигурки размером с ладонь смотрелись нереально ярко. Точно костер взяли, разделили на сгустки пламени, придали им форму человеческих тел и подвесили в воздухе. Фигурки танцевали, кривлялись, прыгали, но исправно тянули слова, переходя практически на ультразвук:

– По-о-ожало-о-овать, до-о-оро-о-огая.

– Хватит, – взмолилась Юля.

Кайлес не выдержал первым и заткнул уши. Спутники Фильярга отступили, и только Совенок взирал на огненных человечков с детским восторгом.

Его высочество взмахнул рукой, и на площадь рухнула тишина. Огненные певуны свернулись в яркие точки, чтобы затем исчезнуть.

– Вам не понравился мой «плакат»? – спросил Фильярг с деланным огорчением.

Юля замешкалась. Здравый смысл подсказывал, что честно объяснить Четвертому, насколько он не прав, будет не слишком... политкорректно. Да и сама виновата – нечего было его провоцировать. Будем считать это уроком. И никаких больше шуточек, а то домой вернется седой.

– Это было... впечатляюще, – пробормотала Юля и хотела добавить, что в гробу она видела такие плакаты, но вместо этого спросила: – И кто это?

– Духи огня, – пояснил слегка разочарованный Фильярг. Он явно ждал другую реакцию, но высказывать недовольство не стал, перейдя к деловой части: – Раз мы разобрались с «плакатом», предлагаю оценить ваши комнаты. Я решил, что вам удобнее жить с Альгаром, поэтому подобрал новые покои. Надеюсь, что вам понравится. Прошу. – И он активировал портал в ближайшее к башне принцев помещение.

Юля попрощалась с Кайлесом, и кузен их высочеств обещал заглянуть перед отбытием, чтобы еще раз обговорить детали.

– Будьте осторожны, – пожелал напоследок менталист, сжимая ее ладонь.

Юля кивнула – будет, если получится, конечно. В последнее время она все чаще ловила себя на странных порывах: купить десять порций мороженого, посмотреть мультики, потискать чужую собаку, пошутить с Фильяргом. Последнее, как оказалось, было самым опасным.

– Кто такие духи огня? – спросила она шепотом у Совенка, когда они шли по коридору за Фильяргом.

Следом, на расстоянии трех шагов, двигались безмолвные и безымянные сопровождающие. И было непонятно, что нервировало больше – эскорт или спина его высочества. Почему-то спокойно смотреть на спину не получалось, в голову лезла всякая дурь, и Юля решила отвлечься, спросив первое, что пришло ей в голову.

– Если позволите, отвечу я. – Слух у Фильярга был отличным, как и реакция. Поворот, шаг – и вот он идет рядом. – Альгар, тебе тоже полезно будет послушать. Огонь как стихия не имеет разума, однако,

если наполнить его человеческой магией, можно не только подчинить своей воле, но и передать частицу памяти. Сильный маг годами поддерживает связь с одушевленным огнем. Для него достаточно мысленного приказа, чтобы духи исполнили волю. Альгар, тебе еще предстоит создать и подчинить духов. Юлия, вы тоже можете попробовать, но только в стенах академии. Здесь у нас нет настолько защищенного места.

Честно, она не огорчилась. Ее пугал и простой огонь, который внезапно срывался с рук, что уж говорить про одушевленный.

Комнаты им с Совенком выделили шикарные. Две спальни – ее и Альгара, обе с собственными ванными комнатами и гардеробными, просторная гостиная, небольшая уютная столовая с балконом, классная комната и кабинет для ассары. А еще здесь был потрясающий вид из панорамного окна гостиной. Он был иной, чем Юля привыкла наблюдать. Оказывается, вокруг дворца располагались не только горы. У здания существовала и другая сторона, с видом на раскрывающуюся долину, озеро и широкую реку. По обоим берегам реки пестрели крыши крупного города, а дальше, на самом горизонте, синело, сливаясь с небом, море.

– Таркас, – прокомментировал Фильярг, видя ее интерес, – столица Асмаса. Хотите, я организую вам прогулку по городу? Через три дня как раз Большой базар. Вам понравится. Заодно купите себе что-нибудь.

Юля хотела, вот только с учетом ее последних желаний – пара килограммов местных сладостей точно окажутся среди этих покупок. Придется брать взбунтовавшуюся психику под жесткий контроль, иначе эти взрывы быстро отложатся там, где не надо.

– Скажите, Фильярг, а какие требования к поступлению?

Его высочество непонимающе нахмурился.

– Экзамены в академию, – пояснила Юля, – нормативы, проверка знаний. Что требуется?

Оказалось, что ничего. В академию брали просто так и, ужас, даже без ЕГЭ. Кросс и тот сдавать не надо было. Единственное условие – принадлежность к расе ракханов. Ах да, еще и пол. Мальчики учились отдельно от девочек.

– Вы же понимаете, Юлия, оставлять мага необученным нельзя. Поэтому берут всех, а дальше, после раскрытия дара, идет отбор. Если

у мальчика проявляется стихия, он остается на весь срок в академии. Менталисты отправляются на материк – там есть специализированные заведения. Универсалы – те, у кого не проснулась ни одна из стихий, идут в другие учебные заведения. Целители тоже могут выбрать себе что-то иное для учебы – у нас широкий выбор училищ. И конечно, огненный факультет у нас самый сильный во всем Шайрате. К нам приезжают учиться огненные маги со всех стран, а наши водники, воздушники и маги земли отправляются на стажировку в другие академии с нужной специализацией.

«Отличная» перспектива, подумала Юля. Берут всех, а дальше? Отсев? Выбраковка слабых, тех, кто не смог справиться с даром?

– А если дар не раскрылся? – уточнила она худший вариант.

– Я слышал о таких случаях, но аутомагическое заболевание – редкость.

– Ауто... что? – уточнила Юля.

– Состояние, когда организм отвергает магию, принимая ее за вирус, – пояснил Четвертый.

Юля моргнула, переваривая информацию. То есть про вирусы здесь знают, значит, медицина на уровне. Отсутствие магии считают заболеванием. Интересный расклад.

– И все-таки вернемся к академии. К чему мне готовить Альгара?

Его высочество проводил задумчивым взглядом слуг, заносящих чемоданы в Юлину комнату. Девушка ухватила краем глаза торчащий из одного чемодана кусочек алой ткани. Нахмурилась, так как четко помнила, что закрывала все аккуратно, а вещи по привычке упаковывала в пакеты. Неужели вскрывали для проверки? Да ФСБ отдыхает в сравнении с местной паранойей.

Фильярг проследил за ее взглядом и словно невзначай изменил положение, закрывая собой слуг.

– Вам нужно научить Альгара не бояться. Это... – пауза, тень воспоминаний, – самое главное. Не страшиться, быть сильным и уверенным в себе.

Юля не считала страх чем-то постыдным. Иногда он просто необходим, как сохраняющий жизнь, но подавлять страх – полезный навык.

– И что такого страшного у вас ожидается в ближайшие дни? – поинтересовалась она. Надо же на чем-то тренироваться.

Его высочество выдал ответ мгновенно:

– Такийские пираты. Их визит по случаю рождения наследника у Второго запланирован на завтра.

Юлино воображение нарисовало капитана Джека Воробья, одетого в кимоно и с катаной в руках. Крики чаек, пиратский флаг и изящный бриг на якоре.

– Подходит. Включите нас в список встречающих. У вас ведь запланированы подобные мероприятия?

Фильярг посмотрел на нее так, словно она миллион попросила.

– Уверены?

После такого вопроса и красноречивого взгляда сомнения не просто зашевелились, а встали в строй и ринулись в атаку. Мозг ушел в активную оборону, мол, мне надо и знать ничего не желаю.

– Вы ведь позаботитесь о нашей безопасности? – хлопнула Юля глазками. Судя по ответному взгляду, «сумма» выросла до двух миллионов.

– Хорошо, – процедил его высочество, успев уже пожалеть о своем предложении, – а пока располагайтесь и отдыхайте.

Отдохнули они неплохо. Юля запретила слугам раскладывать вещи и занялась этим сама. Альгар последовал ее примеру, чем вызвал волну перешептываний и неодобрительных взглядов тапунов, но против решения ассары: «Молодец, давай сам. В академии слуг не будет», – возражать не посмели, хотя и смотрели жалостливо, так и норовя подхватить, помочь, сделать все самим. Пришлось срочно придумывать жалельщикам занятие: «А деть-то у нас некормленный. Ужин принесете?» – и выдворять их из покоев.

С ужином принесло и Седьмую. Юля поймала себя на мысли, что эта женщина начинает у нее ассоциироваться с едой. Есть стол, уставленный потрясающими блюдами, есть Седьмая с душевными разговорами.

Ее величество пришла с подарком. Украдкой она достала стеклянную баночку из рукава и, пока Совенок увлеченно шуршал чем-то в комнате – половина багажа была его, протянула ее Юле.

– Не знаю, есть ли у вас такое, но на всякий случай с собой захватила, – понизила Седьмая голос до интимного шепота, – удаляет волосы, если они не нужны.

Местный крем-депилятор, догадалась Юля.

– И надолго хватает? – спросила она, уже предвкушая ответ: навсегда. Но реальность, как обычно, обманула. Эффект длился примерно месяц, а если закрепить магически – хватало недель на восемь, но и на том спасибо.

Подарок требовал ответного дара, и Юля не без сомнений достала фирменный пакет. Замешкалась, соображая, как бы повежливее его вручить. Опыта дарения эротического белья коронованным особам у нее не было. Да и не настолько они с Седьмой близки, чтобы быть уверенной, что за дерзкий подарок ей не отрубят голову.

Вариант рухнуть на колени и на китайский манер вопить: «Прошу, отрубите мне голову, ваше величество», – она отмела как провокационный. Еще воспримут как руководство к действию.

Остановилась на нейтральном:

– Не считите за дерзость, если не подойдет или не понравится, просто выкиньте.

Седьмая заинтригованно полезла в пакет. Достала первый комплект, округлила глаза на фотографию на коробке, мило покраснела, воровато оглянулась на лестницу, ведущую вверх, в спальни, и спрятала обратно. Она бросила испытующий взгляд на Юлю, но та ответила спокойно, словно каждый день дарила кружевные стринги королеве и ничего странного в этом не видела.

Ее величество откашлялась, открыла рот, затем закрыла, но все же взяла эмоции под контроль и поблагодарила:

– Спасибо.

Юля искренне понадеялась, что реакция его величества будет такой же... либеральной. Кстати о короле.

– Его величество вернулся?

Седьмая встрепенулась, покосилась на пакет, покраснела еще больше, однако ответила ровно:

– Вернулся. Если вы переживаете, то не стоит. Он в курсе и призовет вас, когда разберется с делами.

Юля не сдержала внутренний смехок: ага, знаем. Запись на аудиенцию у секретаря за месяц. Хотите раньше – платите мзду. Впрочем, она не торопилась. И скорее переживала, успеет ли его величество остыть после подарков его супруге.

Остаток вечера прошел плодотворно. Юля с Совенком играли в «Шакала». Игра была про сокровища и пиратов – самая подходящая

тема, чтобы подготовить ребенка к завтрашнему испытанию. Вот только услышав вопрос о таких пиратах, деть стал белым как полотно, а на предложение встретиться закусил губу, опустил голову и глухо ответил:

– Нет.

Юля внутренне ощутила жесткость этого «нет». Вздохнула – вот и первый взбрык подопечного – и поинтересовалась:

– Мне кажется, Второй смог найти с ними общий язык. Почему бы и тебе не попробовать?

Она не стала говорить, как полезно для правителя уметь договариваться, не бояться встречаться лицом к лицу с любыми, даже с самыми проблемными подданными. Выдерживать от оскорблений до проклятий и уметь отвечать. Для ребенка это не аргумент. Ему не важно будущее, гораздо больше его волнует здесь и сейчас.

Юля нервно побарабанила пальцами по столику. Совенок надулся и молчал, смотря в пол. Вот он, тот самый момент в воспитании, когда не знаешь то ли надавить, то ли пойти на поводу у ребенка.

– И что же такого страшного в этих пиратах, что ты испугался? – спросила она бодро.

Аль помолчал, потом все же ответил, продолжая глядеть в пол:

– Я не за себя.

Юля почувствовала, что дальше расспрашивать бесполезно, надо приводить аргументы. Будь на самом деле пираты такими страшными, разве приняли бы их в королевстве? Стал бы Четвертый разрешать завтрашний визит? Конечно нет. А вот что вложили в голову Шестому – большой вопрос.

– Посмотри на меня, – попросила она ласково и, когда Совенок, насупившись, поднял взгляд, спросила: – Разве с этим, – потрясла Юля ставшим видимым в этом мире браслетом, – мне может что-то грозить? Или твой брат позволит меня обидеть? Ты ему не веришь?

На лице Альгара промелькнула тень сомнений. Брату он верил, но страх все еще жил в карих глазах.

– Люди часто преувеличивают опасность. А страхам лучше смотреть в лицо. Так что завтра будем учиться ими командовать, договорились? И только представь, как будет гордиться отец таким храбрым сыном, – выдвинула Юля решающий аргумент.

Понравиться отцу Совенку хотелось, и он кивнул, соглашаясь.

Потом они поднялись на второй этаж — им достались двухуровневые покои, Юля помогла детю помыться, уложила спать, долго сидела рядом, глядя по волосам и рассказывая сказку. На душе было тревожно, там дружно прохаживались сомнения — а правильно ли она поступает? И когда Совенок заснул, Юля тихонько выскользнула из комнат и замерла напротив соседней двери. В голове зазвучал голос Четвертого: «Я решил, что удобнее устроить свои покои рядом с вашими. Надеюсь, вы придете ко мне по всякому поводу и в любое время. Поверьте, проще ответить на ваши вопросы, чем тушить пламя ваших поступков».

Легко сказать «придете». А если время позднее и она стучится в мужские покои? А если от этого мужчины в животе начинает гореть пламя?

Дверь распахнулась, явив за собой Четвертого. Принц был одет в домашние штаны, а накинутая на плечи рубашка не скрывала великолепного торса.

— Вы так громко думаете у меня под дверью, — произнес Фильярг недовольно, — что невозможно заснуть. Проходите. — Он посторонился, пропуская ее внутрь.

Гостиная тонула в полумраке, и недостаток света добавлял нервозности, превращая деловой визит непонятно во что. Юля сделала пару шагов от двери, замерла в нерешительности. Присутствие мужчины ощущалось остро, до дрожи в коленках, до стука ускорившего ритм сердца, а понимание — провоцирует ведь — лишь добавляло накала. Во рту пересохло, смелость куда-то испарилась, и Юле захотелось исчезнуть, но путь к отступлению был перекрыт. Она подумала со злостью, что могла и утром задать свои вопросы. Нет, клюнуло, помчалась.

— Вы что-то хотели?

Голос прозвучал прямо над ухом, Юля вздрогнула — Четвертый оказался слишком близко для разгулявшегося воображения. С трудом, но удалось вспомнить, зачем она сюда пришла. Пришлось жестко напомнить себе про их с Совенком обоюдную связь — нечего ребенку транслировать состояние «девочка-лето» — и привести-таки расползшиеся мозги в рабочее состояние.

— Пираты, — голос ее подвел, она откашлялась, прогоняя хрипоту, — что в них такого страшного?

– Пираты, – протянул Фильярг, обнимая и притягивая Юлю к себе, потом положил подбородок ей на плечо, – рад, что в вас проснулось благоразумие и вы спросили, а не ринулись сломя голову завтра на корабль.

Вот сейчас ей захотелось пнуть кое-кого в живот, а потом ринуться-таки на корабль. Ее точно принимают за маленькую девочку, а не за взрослую самостоятельную ассару.

– Не злитесь, – он верно оценил реакцию напрягшегося тела, – я только порадовался, что в вас не ошибся. А пираты...

Не размыкая объятий, он развернул девушку к себе, приподнял подбородок, очертил линию губ, наклонился, и Юля затаила дыхание, предвкушая и одновременно боясь поцелуя. Но вместо поцелуя его высочество решил ее попугать. Приблизил губы к щеке, зашептал, ухитряясь даже шепот сделать соблазнительным:

– Говорят, они насилуют всех женщин в захваченных городах, а ту, которая решится взойти на борт, отдают на потеху команде.

Отделить соблазнение от информации было нелегко, но прикушенная губа и большой шанс завтра выглядеть дурой помогли.

– Бедняги, – «искренне» пожалела пиратов Юля. Искренность далась ей с трудом, но она того стоила.

Фильярг отстранился, круглые глаза увеличились еще больше, и его высочество стал напоминать разбуженного филина. Он явно ждал чего угодно, но только не жалости.

– Ну как же, – сочла нужным пояснить Юля, – это же всех женщин надо... мм... оприходовать. И молодых, и старых, молчу про страшных. Да и город ведь не сто человек и не двести. А в команде их сколько? Утомляются небось больше, чем за весь штурм. А раненые тоже участвуют?

– Хватит! – гаркнул Четвертый, размыкая объятия. Он провел рукой по волосам, взъерошивая. Выдохнул и уже спокойно произнес:

– Я понял, пиратами вас не испугать.

– Вы сами дали нужные сведения, – пожала плечами девушка, – вряд ли пираты просто так прибыли поздравить Второго. Он явно им не чужой. Да и его величество не стал бы принимать разбойников и насильников. А слухи чаще всего преувеличивают реальное положение вещей.

– Вы правы, – нехотя подтвердил Фильярг, – слухи сильно преувеличены.

– Прекрасно, – просияла Юля, обогнула мужчину и, взявшись за ручку двери, обернулась, дабы пожелать его высочеству спокойной ночи.

Но уйти ей не дали, развернули за плечи, прижали спиной к двери. Четвертый навис сверху, заключив девушку в капкан рук. Он наклонился в своей излюбленной манере, окатывая ароматом дикого апельсина и миндаля, и спросил провокационно:

– Неужели вас совсем не пугает завтрашний... визит?

В скобках читалось «быть изнасилованной». Рука его высочества поползла вниз, нацеливаясь на мягкую часть тела, вторая зарылась в волосах, а губы снова оказались искушающе близко. Контраст между жаром мужского тела и прохладой дерева лишь добавлял остроты ощущений. И Юля мельком подумала, что еще немного и она согласится на все. И на поцелуй, и на продолжение, потому как Фильярг не просто окружал, он словно жидкий огонь проникал под кожу, заставляя тело пылать. Собственная реакция на мужчину вызывала восторг и так же дико пугала.

– Меня больше пугаете вы, – призналась она честно, и его высочество понял. Вздохнул, целомудренно коснулся губами лба и сам открыл дверь, позволяя ей сбежать.

С горящими щеками и полным хаосом в мыслях Юля выскочила в коридор. Перевела дух, думая об одном: «Чтоб я еще раз!..» И дело даже не в мужчине, а в том, как он на нее влияет. Очень не хотелось уподобляться гулящей кошке, у которой мысли только об одном. А ведь у нее работа, подопечный на руках, да и блокировка не освоена. Как там в песне: «Первым делом самолеты», а всякие высочества потом.

Девушка повернулась в сторону своей двери и замерла, наткнувшись на гипнотизирующий взгляд Третьего.

На их этаже было всего три двери, и вот около третьей Харт и стоял, буравя девушку пристальным взглядом.

– Добрый вечер, Юля. Вижу, вы уже осваиваетесь.

По лицу его высочества мелькнула тень недовольства, но тут же пропала. Взгляд потеплел, а голос стал мягче.

– Мне бы очень хотелось стать вашим другом. Помните, Юля, моя дверь открыта для вас в любое время суток, а сердце – для любой вашей проблемы.

Юля моргнула. Слов у нее не было, как и ответа. Очень не хотелось ошибиться – вдруг его высочество на самом деле предлагает дружбу, а она тут со своей подозрительностью, но «дверь, сердце и любое время» наводили на определенные мысли.

Третий реакции не дождался, понимающе кивнул и напомнил:

– Мои покои рядом. Доброй ночи, Юля.

Мягко закрылась дверь. Коридор опустел, но ощущение, что Третий и Четвертый стоят рядом, не сводя взгляда, никуда не делось. Юля могла поклясться, что от излучающей напряжение пустоты у нее волосы встают дыбом.

К себе она не вошла, влетела. Закрыла дверь и пожалела, что на ней нет замка. Лицо горело, душу раздирали противоречия. Что чувствует мышь, оказавшись между двух котов? Что думает лиса, когда справа и слева лежит по куску сыра? По венам бежал дикий коктейль из сладкого предвкушения, острой злости, упрямства «Еще посмотрим, кто кого» и тянущего внизу живота желания – как давно у нее не было мужчины.

Глава 17

Фильярг постоял около двери, прислушиваясь. Хлопнула дверь покоев брата, раздался нервно-взбешенный цокот каблучков и раздраженный бум – ассара ушла к себе. Умопомрачительная женщина. Непокорная, острая и столь же притягательная.

Пиратов она, видите ли, не боится. На проснувшуюся магию ей плевать. А вот вальшгаса испугалась, хотя даже дети знают, что вальшгасы не агрессивны и никогда не нападают на людей.

Смелость ассары стала удачей. Он весь вечер думал, как проверить стабильность дара и не напугать ее. Идея спровоцировать пришла сразу, едва он понял, кто стоит за дверью. Пусть гости были лояльны к короне – Второй много сделал для упрочнения отношений Такии с Асмасом, – но сгоревший корабль расстроит кого угодно. Потому Фильярг не собирался тащить нестабильную ассару на судно, а решил расшатать дар, заставить выплеснуться. Не удалось. Девчонка по крепости напоминала свириллум, а дар... После того единственного всплеска он его больше не чувствовал. Если бы сам не видел, то не поверил бы, что в этой женщине живет огонь. И это была еще одна загадка ассары.

А взять, например, отношение к нему. Ее желание пахло калейской пряностью, в его руках она была податливой и мягкой, точно морская губка, а в следующий момент могла стать песком и утечь сквозь пальцы. Но торопиться не стоило. Для ассары сейчас важнее поддержка. Как там сказал Третий: «Мне бы хотелось стать вашим другом». Нет, другом он стать не сможет – слишком велико искушение. А все остальное... Пламя покажет. Эта женщина притягивала слишком сильно, чтобы оставить ее в покое.

Однако каков сын калкалоса! Знал ведь, что брат ничего не спрашивает просто так, но посчитал вопрос о новых покоях для Шестого не стоящим внимания. И вот результат. Поселился рядом, еще и дверь прорубил. Рабочие едва успели закончить все до заселения. В собственных комнатах до сих пор чувствовался запах краски.

И зачем брату было менять одни из лучших покоев в башне? Решил присмотреть за ассарой? Не доверяет своим людям или знает

что-то? Нет, вряд ли. На присмотр у Харта нет времени, а подозрения он давно бы выложил ему. Что тогда? Догадка заставила выругаться, и он еле удержался от того, чтобы выскочить в коридор, вломиться к брату и потребовать объяснений. Останавливало одно – Харт вряд ли ответит, скорее, пошлет в Огненные пещеры прогуляться.

– Зря ты так, братец, – проговорил он, щурясь, – я не отступлюсь от этой женщины.

Утро прошло в рутинных делах: завтрак, сборы. За ними пришли, когда Юля заканчивала одевать Совенка.

– Эфан, – представился солидный мужчина, в чьих волосах уже проглядывала первая седина, – буду сопровождать вас в порт.

Юля с интересом оглядела новое лицо. Аристократов здесь было опознать очень просто – светлая кожа, серые волосы и карие с желтизной глаза.

Эфан в долгу не остался. С изумлением оглядел ее наряд – широкая юбка-брюки, теплый, под горло, свитер и парка длиной по колено. С покупками подходящих вещей пришлось помучиться. Никаких джинсов, шорт или коротких платьев. Наряды были куплены исключительно в пол, а немногочисленные брюки выбирались приличной ширины. На плечи она приобрела парочку болеро. Словом, тот еще головняк выбора между приличиями и удобством.

В магазине продавщица, видя ее мучения, сочувственно спросила: «В Арабские Эмираты замуж собрались?» «Работать», – скривившись, ответила Юля. Вспомнила пернатое высшее общество и сочла, что догадка недалеко от истины. В купальнике там точно не походишь.

Девочки в магазине прониклись ее бедой и наташили юбок, блузок и платьев строгого покроя. Конечно, можно было понадеяться на помощь их высочеств, но полностью зависеть от благосклонности царственных особ Юле не хотелось. Да и благодаря щедрости Кайлеса в финансах она была не ограничена.

Утром кузен их высочеств забежал на пять минут. Чмокнул в щеку, пообещал ничего не напутать и набрать нужные эсэмэски, которые Юля ему написала заранее. Забрал первую порцию фоток: «Я в отеле. Все супер, хоть от моря и далеко. Даже не третья линия», еще раз подтвердил, что будет платить за квартиру, а пятьдесят тысяч отправлять маме на счет. По поводу суммы они долго спорили, Юля

хотела больше, но Кайлес отговаривал: «Ваша мама может что-нибудь заподозрить, все-таки жалование логиста, пусть и в богатой стране, не будет составлять миллион». Пришлось согласиться на пятьдесят.

И вот теперь они ехали в крытой повозке по городу, Юля едва успевала вертеть головой, впитывая культуру чужого мира. По выложенной плитами мостовой их бодро тащила пара копытных. У животных была белая короткая, густая шерсть, массивный круп, длинная шея и солидный хвост. Добавить черных полос, и будет практически зебра. Вот только зубки у этих «зебр» были совсем не как у травоядных, да и сетка на морде намекала, что руки совать к ним не стоит.

Первыми от дворца вокруг озера располагались усадьбы с высокими коваными заборами и особняками. И только когда повозка завернула к реке, потянулись городские кварталы. Дома в столице были каменными, двух-трехэтажными, с плоскими крышами, и почти на каждой был разбит сад. Смотрелось это забавно, точно у домов выросли густые волосы. На многих крышах были видны скамейки, беседки и даже фонтаны. Зато в домах отсутствовали балконы и окна были узкими, точно бойницы.

Центральная дорога шла вдоль реки, и можно было, с одной стороны, любоваться кружевными мостами и снующими по воде симпатичными, но странными лодочками – без весел и паруса. С другой, глаз радовали разноцветные – здесь не скупилась на краски – стены домов.

– Как странно, что пираты прибыли приветствовать Второго, – проговорила Юля, провожая взглядом площадь, на которой вода из пустоты текла в круглую чашу.

– Ничего странного в этом нет, – пожал плечами Эфан, – слышал, он многого достиг, даже корабль под свою руку получил. А в одном сражении и вовсе спас шариха.

Юля удивленно вскинула брови, услышав незнакомое слово.

– Шарих – это как адмирал флота у вас, большой чин, – пояснил мужчина.

Если аж адмирал, покивала головой Юля, тогда, конечно, понятно, откуда такая взаимная любовь.

– А его величество не побоялся отпустить сына с такой, – слово «плохую» проглотила, – компанией?

Действительно странно. Насколько она поняла – гибель любого наследника ослабляет цепочку, и королю в случае потери сына придется срочно заниматься изготовлением нового. А тут, можно сказать, наплевательское отношение.

Совенок, до этого безучастно смотревший в окно, наострил ушки.

– Понимаю ваше удивление, госпожа ассара, но наши наследники стоят дороже, чем такийские пираты, пусть их и считают лучшими на Западном побережье. Так что компания самая подходящая, чтобы проверить силу после ритуала.

Нет, она точно ничего не понимает в здешнем воспитании. Сбежать с пиратами – это нормально, а в другой мир – скандал. Или дело в том, что Второй удрал после ритуала? Прямо вечная присказка школоты «Вот будет мне восемнадцать...» – и сразу все само делается, деньги на выпить, погулять и покурить появятся, а дома никому не надо будет утром вставать на работу, и можно будет гулять до полуночи...

Здесь «восемнадцать» заменял ритуал. Прошел, выжил – гуляй на все четыре стороны до коронации. О жизни наследников особо не переживали, исходя из позиции «позволил себя убить – значит, слабак», а со слабаками, как уже поняла Юля, не церемонились. И вообще, девиз местных «Огонь любит сильных». Непонятно, правда, что тогда делать слабым? Тихо курить в сторонке? Не всем же повезло родиться горой мышц. Хотя тот же Третий не выглядел бойцом ММА. Зато Четвертый... Внутри жаром полыхнуло воспоминание о прошлой ночи, и Юля торопливо отвернула зардевшее лицо к окну, чтобы охладиться.

– У Второго мать – магиня ветра, – продолжал рассказывать их сопровождающий, и Юля порадовалась, что дядька попался словоохотливый, – отсюда и страсть к путешествиям. Он с детства был таким. Даже из академии ухитрялся в самоволку уходить. Один раз на спор удрал с полностью заблокированной территории. Преподаватели долго вытрясали, как ему это удалось, но Второй так и не сознался.

Юля с подозрением покосилась на Совенка, так и есть – глазки блестят, рот приоткрыт. Впитывает, поганец, «героический» опыт прошлых поколений.

– А почему вернулся? – переключила Юля разговор на более безопасную тему. До ритуала еще полно времени, Шестой подрастает, Седьмой в проекте. Гулять и гулять.

– Так женился наш принц, встретил ту, что его заякорила. А когда супруга в положении оказалась, сами боги повелели вернуться. – Дядька умолк, покосившись на Альгара.

Юля была ему благодарна. Роды и беременность – не та тема, о которой стоило говорить при Совенке.

– И что? Его величество просто так взял и простил? – поинтересовалась она.

– Простил, но не сразу, – усмехнулся Эфан, – Второй не дурак, подготовился. Даров, говорили, привез полкорабля, соглашение о мире и ненападении сроком на десять лет. Жена опять же красавица и сильный маг воды.

– И ничего, что чужая?

– А вы присмотритесь ко двору, – посоветовал мужчина, – раньше на материк ездили, брали из своих, а теперь моду завели привозить жен из такой зад... гм, дальних стран, что диву даешься. Не удивлюсь, если из тапунов себе супружниц выбирать начнут. – И он рассерженно умолк.

А Юля задумалась о вывертах птичьего общества. Странное у них понятие об аристократизме. Похоже, из-за того что почти все высадившиеся на острова принадлежали к аристократии, деление пошло по расовому признаку. А так как женщина здесь принадлежность, а не полноценный человек, то не зазорно брать в семью чужачку, лишь бы сила да красота со здоровьем были при ней. И титул, тут Юля готова была спорить на что угодно, наследовался только мужчинами. А если вспомнить многочисленность королевского рода, то саму аристократию можно было поделить на две категории: родственники короля и неудачники.

В окно пахнуло морем, усилились крики птиц, народу стало в разы больше, вдоль дороги выстроились пирамиды ящиков, бочек и прочих грузов.

– Не украдут? – полюбопытствовала Юля.

– Только если хозяин сэкономит на защите.

Вот она – польза магии, подумала с уважением девушка. И охрана не нужна, заклинание наложил – груз в безопасности. Удобно.

Повозка остановилась напротив белоснежного красавца. Никаких «Черных жемчужин», черепов и прочих атрибутов. Пять мачт, на которых сейчас были спущены паруса, высокий борт с ни разу не скромной надписью «Повелитель», поражающая длина. Юля слышала о крупных пятимачтовых барках, но такое чудо видела впервые. Около трапа находилась пара матросов, одетых в белые с зелеными полосками куртки и штаны, которая лениво гоняла любопытных мальчишек. Народ толпился, но на приличном расстоянии, опасаясь подходить. Ах да, вспомнила Юля, изнасилованные города.

– Да-а-а, – протянул, не сдержавшись, Эфан. Он крикнул, поднес ладонь к глазам, оглядывая корабль.

Совенок выразил эмоции иначе – крепко, до боли, вцепившись в ее ладонь.

– Все хорошо, – шепнула Юля.

Второй вон вернулся целым и невредимым, даже жену себе привез.

– Юля, Альгар.

Они обернулись. К ним шел Четвертый, и сердце девушки дрогнуло, ускорив свой ритм. Но взметнувшиеся бабочки были жестко прибиты, и Фильяргу достались лишь намек на улыбку и «Доброе утро».

После возвращения из другого мира оба высочества перестали коверкать ее имя, все больше используя короткий вариант. А она и не возражала.

– Рад, что вы уже здесь. Приятной экскурсии, – пожелал им принц и позвал Альгара: – Брат, пойдем.

Совенок вздохнул, но Юлину руку отпустил, зашагав следом за Четвертым по трапу. Юля проводила их растерянным взглядом, повернулась вопросительно к Эфану.

– Простите, госпожа ассара, – тот почесал кончик носа, – забыл предупредить, на встречу женщины не допускаются, но мы с вами можем прогуляться по кораблю, если вы не против.

Даже если она случаем забыла, что женщина здесь не человек, ей живо об этом напомнили бы.

– Идемте, – удрученно согласилась Юля, начиная мечтать о революции. Необязательно кардинальной, но хоть на капельку изменившей бы общественное мнение. С другой стороны, встречаться

с его величеством прямо сейчас не хотелось, а Совенок... Не зря она ему на ночь рассказывала о путешествии Синдбада, умышленно не отвечая на вопросы, потому как знала: детское любопытство – та сила, которая переборет любой страх.

Эфан, обрадовавшись, засыпал ее сведениями о «Повелителе». И быстроходный, и устойчивый – на борта наложены особые заклинания. Пять мачт, прямые паруса, только на корме косые.

– А заметили вон ту штуку на корме? На бочку похожа? Это нагнетатель воздуха. Позволяет сохранить ход даже в штиль, только скорость от использования накопителя зависит. А они жуть какие дорогие. На носу рогатину видите? Это преобразователь. Можно встречный или боковой ветер менять и на паруса с нужной стороны направлять.

То есть парус парусом, но в то же время продвинутый вариант. Вместо изобретения двигателя здесь решили обуздать ветер, направляя его в нужную сторону. Интересный подход, главное, экологичный.

В целом все идеально чисто, доски надраены, отполированный руками штурвал вызывал желание подержаться за него, и Юле восхищаться бы изяществом и красотой, но внутри грызло переживание за Совенка.

Они обошли лишь три четверти – внутрь ее уже не пустили – корабля, когда Эфана окликнул кто-то из знакомых, и Юля на какое-то время осталась предоставлена сама себе. Только что безлюдная – для гостей ее расчистили – палуба ожила.

– О! Баба! – раздалось за спиной нарочито громко – вдруг жертва грязных домогательств глухая.

– Ладная такая, – концерт по заявкам набирал обороты, – личико что надо.

– С лица воду не пить, ты на сиськи глянь, – вступил в спор знаток, – а идет как... Чисто корвет «Рассветный» среди шхер.

С корветом ее еще не сравнивали. Юля прикусила губу, дабы не засмеяться и не испортить представление.

– Я бы такую красотулю, да в койку...

– Неделю бы не выпускал, – мечтательно вздохнул «знаток».

Так, все. Сейчас Эфан примчится ее «спасать», а она так и не узнает, откуда грязные слухи о товарищах весельчаках.

Юля обернулась, окидывая насмешливым взглядом пятерку матросов, и сделала удивленное лицо. Вздернула брови, скопировала их интонацию:

– О! Мужики! Никак пираты?

В ответных взглядах читался спектр эмоций от «Кто еще тут может быть?» до «Дура, с визгом унеслась с палубы!».

Юля прошла по ним оценивающим взглядом. Мужики были что надо... Загорелые, в явно неуставных жилетах на голые, жилистые тела. На улице легкий минус, но морским товарищам на холод было наплевать.

– Настоящие морские волки, я погляжу...

«Волки» предупреждающе помрачнели, уловив насмешку, но отреагировать не успели. Вопрос сам собой прыгнул Юле на язык.

– Мужики, я все понимаю, но с каких пор в пираты по внешности отбирают?

На Земле всю пятерку с руками отхватил бы модельный бизнес, а шрамы сделали бы их еще популярнее. И если одного-двух красавцев можно было посчитать совпадением, то пятикратный эстетический экстаз – уже перебор.

Вот только сейчас кого-то будут убивать... Юля явно ухитрилась наступить на самую большую пиратскую мозоль, потому как во взглядах моряков читалась откровенная ненависть. Запоздало проснувшийся инстинкт самосохранения отсоветовал посылать товарищей смотреться в зеркало. Еще и намекнул, что пора искать пути отступления, потому как чиркнуть ножиком по горлу – дело трех секунд.

– Братцы, заживем, я достал!

Численный перевес увеличился еще на одну особь. Появившийся слева матрос скользнул по Юле удивленным взглядом и тут же забыл о девушке. Было видно, что его прямо-таки распирало от счастья. Одна улыбка – Голливуд отдыхает, – и парни расслабились, а обстановка перестала быть остро враждебной. Вот сейчас бы появиться Эфану...

– Капитан на палубе!

Вопль прозвучал неожиданно для всех. Юля перевела дух – вряд ли ее будут убивать при капитане, а матросы вытянулись по стойке «смирно», взгляды сделались преданно-стеклянными. У Юли шевельнулось злорадство – кого-то эти поганцы все же боятся.

– Так-так, – мягко прошелестели справа.

Юля повернулась, изобразила вежливый поклон – как-никак этикет, но капитан, невысокий и какой-то хрупкий, не обратил на нее внимания.

– А проверьте-ка, боцман, этих, – ткнул он пальцем в шестерку парней, и бесстрашные морские волки посерели от страха.

Юля по-новому взглянула на капитана. За его спиной мрачно-недовольной фигурой в черном плаще стоял Четвертый. И на фоне принца капитан явно проигрывал, но команда боялась именно этого смазливового хлюпика.

И тут левый карман парки оттянула тяжесть. Юля дернулась проверить, но замерла. На нее умоляюще смотрело шесть пар глаз. Она перевела взгляд на Фильярга, в пристальном взгляде его высочества так и читался вопрос: «Какого вы здесь делаете в компании с пиратами, Юлия?»

А глаза пиратов между тем сделались как у побитых псов – еще чуть-чуть и слезу пустят. Юля представила, как достает из кармана явно запрещенную дрянью, как обвиняет парней, а те уходят в отказ. Вот нужен ей этот дипломатический скандал? Ни разу. Еще и выслушивать от Четвертого, потом от Третьего... Честное слово, много родственников, пусть и чужих, – сплошная головная боль.

– Юля! – Совенок налетел вихрем, обхватил, вжимаясь лицом в живот, и она торопливо погладила детей по жестким волосам.

– Идем, – увлекла Юля ребенка – смотреть на шмон матросов желания не было. Черт с ними, выкинет подброшенное по дороге.

– Госпожа ассара. – Эфан появился очень «вовремя», наткнулся на взгляд Четвертого, нервно сглотнул, побледнел и принялся зачем-то ощупывать Юлю. Та еле отбилась.

– Все со мной хорошо.

– Точно? – переспросил мужчина, кося глазом на принца. – Прошу прощения, я так виноват. Отвлекся. Мне обещали, что к вам никто не подойдет...

Они и не собирались. Вышли встретить «контрабандиста» и не смогли пройти мимо. Решили развлечься, теперь вот развлекаться придется ей. Самое обидное – ответ на свой вопрос она так и не получила.

– Точно, – подтвердила Юля и попросила: – Идемте домой.

Ей еще на мусорку надо. Интересно, здесь нет отдельного сбора мусора?

Совенок, переволновавшись за ассару, вцепился в ладонь с такой силой, что у девушки заболели пальцы. Зато детё выглядел довольным – похоже, кое-кому больше повезло с пиратами, и Юле хотелось скорее узнать подробности.

Они уже подходили к трапу, когда содержимое кармана слабо шевельнулось. Она похолодела, запнулась, и Эфан заботливо поддержал:

– Осторожнее.

– Да-да, конечно, – согласилась Юля, поспешно застегивая карман на молнию, пока пиратский подкидыш не решил показаться на белый свет.

Помойка отменялась. Потом ей в голову пришла «замечательная» мысль, что тварь может быть ядовитой, а она ее во дворец тащит. И что делать? Выкинуть по дороге? И как это проделать незаметно? Успокоила она себя тем, что матрос ей в карман тварь голыми руками совал и остался после этого жив.

А на пристани ждал еще один сюрприз.

– Это вам. – Матрос «почетного караула» с поклоном вручил ей огромную – две ладони шириной – раковину.

Юля бы отказалась, но в створке белел клочок бумаги, который она поспешно прикрыла рукой. Шпионский абсурд набирал обороты. А главное – как она будет оправдываться перед Четвертым?

Глава 18

Подзатыльник прилетел неожиданно, и Шрак, сосредоточенный на отъезде высоких гостей, увернуться не успел.

– За что? – зашипел он, потирая затылок. Приложившая его рука была тяжелой.

– Бабе! Подсунуть! – выплюнул Старшой и добавил: – Хватило же ума!

– Так пойді пожалуйся капитану. Он быстро справедливость восстановит, – предложил Шрак, предварительно отскочив на безопасное расстояние.

Старшой презрительно хмыкнул и ответил прицельным плевком.

– Как будто там был кто-то еще, – проворчал Шрак, оттирая с плеча слюну меткого товарища, – сам знаешь, у капитана глаз до дна видит, а скинуть я не успевал.

– А надо было, – вздохнул тот, кого называли Старшим, потом спросил: – Ты хоть понял, чудо морское, кому подбросил?

– Так бабе же, – пожал плечами Шрак, – одной из жен ихних.

– Жен, – протянул Старшой, свесился через борт, отыскал фигурку в ярко-голубой куртке до колен, которая как раз садилась в повозку, скривился, – жен, к твоему сведению, местные на встречи не таскают, разрешения подняться на борт не просят. Ты заметил, с кем она пришла?

– С мужиком.

Старшой мученически закатил глаза, потянулся дать новый подзатыльник, но прикинул расстояние и руку опустил.

– Червь ты гальюнний, – ограничился он словесным внушением, – она пришла с одним, потом обнималась с ребенком, а сейчас уезжает с другим. И брачной вязи на запястье я не заметил. О чем это говорит?

– Так я о том и талдычу, – обрадовался Шрак, почуявший возможность хоть как-то оправдаться, – ребенок это ее.

– Это Шестой, пресноводный недоумок. Были бы мозги, помнил бы, что о нем рассказывал Виртан. Мать у него умерла родами, так что эта баба никак не может быть его матерью. А судя по тому, как ее

опекают сухопутные, сомневаюсь, что девчонке удастся выбраться из дворца...

И он огорченно сплюнул вниз. Похоже, облом.

В повозке пришлось потесниться – Фильярг неожиданно составил им компанию. Юля помянула его высочество нехорошим словом – нюх у него, что ли, на ее неприятности? Под пристальным взглядом мужчины хотелось выпрыгнуть из повозки или... сознаться в том, что у нее в одном кармане «свинья» от пиратов, в другом записка от них же. Но она сидела с милым лицом, строя из себя Мату Хари, а внутри все обмирало от страха, ведь в карманах по «гранате», и неизвестно, что там с чекой – вылезет или пронесет. Еще сложнее оказалось не ерзать, не тянуться к молнии, не грызть ногти, не кусать губы... Словом, тяжела жизнь шпиона.

Помойка отменялась, чтение полученного послания тоже, как минимум до дворца.

– А меня капитан похвалил! – Совенок весь светился, и Юля мгновенно отбросила собственные проблемы. Гордость за подопечного заставила ощутить себя педагогом с большой буквы.

– Какой ты молодец! – Успех надо было закрепить. – И за что такие милости?

– Я спросил: правда ли, что на корабле галюн всегда ставят на носу и почему?

Юля кашлянула, поймала насмешку в глазах Четвертого. Вскипела. Пусть про галюн, но спросил – не постеснялся. Впрочем, статус себе понизила до «курицы-наседки».

– И что ответил капитан? – не среагировала девушка на насмешку.

– Он сказал, у меня пытливый ум, и повелел отвести на нос. Ответ приказал найти самому, дав подсказку, что все зависит от хода корабля. И я догадался. – Альгара почти разрывало от гордости. – Все потому, что корабль идет галсами, а не прямо по ветру. Отсюда и галюн.

– Шестой действительно молодец. – От неожиданной похвалы Фильярга опешили все – Юля больше всех, так как считала, что старший брат вообще не способен на похвалу. – И капитану Фарраю он понравился. Отец остался доволен, просил передать вам свою благодарность, Юля.

«Интересно, – подумала девушка, – если я прямо сейчас признаюсь, благодарности его величества хватит покрыть стговор с пиратами?»

И сама же отмела это предложение – не стоит рисковать. Благодарность уже вынесли, а выговор – нет. Да и первые дни важны для репутации. А какая репутация после такого?!

– Передайте его величеству, что заслуги Альгара принадлежат только ему.

Фильярг вскинул брови, принимая ответ. Вот так. Пусть знает – халявы ей не надо.

– Юля, – Фильярг придержал ее за руку на выходе из портала, – я хотел бы вас видеть сегодня за ужином вместе с Альгаром. Смотрю, вы предпочли собственные наряды, но прошу к ужину выбрать платье из присланного.

Мысли Юли были полностью поглощены тем, что активно шебаршилось в кармане, а потому смысл фразы до нее дошел не сразу.

– Присланного? – переспросила она.

– Вам утром доставили наряды, – терпеливо пояснил его высочество. И Юля припомнила оживленный марш тапунов, пока они завтракали в столовой. Вот только шкафы девушка не проверила. Н-да... Незачет.

– Обязательно что-нибудь подберу, спасибо за заботу, – пообещала она, поблагодарив его.

Юля бы сейчас что угодно наобещала Четвертому, лишь бы отвязаться. Последние полчаса пиратской «свинье» наскучило сидеть в кармане, и она активно скреблась, заставляя девушку обливаться холодным потом. «И что тебе не хватает, сволочь? – думала Юля, стараясь не ерзать на сиденье. – Щель для воздуха есть. Все остальное – извини, по прибытии. Попробуешь нагадить – удавлю».

Она плотно закрыла дверь в комнаты, еще и стулом подперла, пока деть бегал по этажам, пристраивая ракушку. Достала записку, развернула, застонала от бессилия. Нет, а что она хотела, когда ей Эфан название судна читал? Надеюсь, это был такийский язык, а с ракханским все будет по-другому? Что ей в мозг не просто перевод загрузили, а еще и алфавит с грамматикой туда доставили? Наивность...

И вот не хотела, а без Совенка никуда.

– Альгар, можно тебя на секунду? Прочтешь?

Деть, наморщив лоб, записку прочитал, причем сначала про себя, потом вслух – достойная смена у Третьего растет.

– «В пять у Большого фонтана». Тебя кто-то пригласил? – спросил он, хмурясь. Еще и Четвертого за пояс заткнет.

– Это шутка, – невесело улыбнулась Юля, – но, боюсь, несмешная.

Ага, в пять у фонтана, в семь ужин. Плотный график.

Дальше была практически подготовка к антитеррористической операции. Уходить наверх Альгар отказался, лишь отступил к ступеням лестницы, пообещав, если что, вальшгасом на второй этаж и закрыться у себя в комнате.

Юля потянула молнию на кармане, растопырила, заглянула – темно. На ум приходила корзина с коброй, и лезть голой рукой категорически не хотелось, так что Совенок по ее просьбе принес перчатки. Она медленно засунула руку в карман, ощущая себя идиоткой. Юля нащупала кого-то скрутившегося в твердый шар, обхватила пальцами. Шар дрогнул, фыркнул, она чуть не выпустила его из пальцев, но все же вытащила пиратскую «свинью» на свет.

– Подложили так подложили, – пробормотала Юля, разглядывая небольшое, темно-серого цвета, в жестком панцире животное.

Шар стал медленно раскручиваться, сначала показался крошечный черный пятачок – Юля затаила дыхание, и шар осмелел. Следом из центра вынырнула острая мордочка, покрытая серой кожей, темные глазки, ушки-локаторы, и последними показались крошечные, с розовыми пяточками лапки и внушительными для такого тела коготками. «Свинка» взмахнула ими в воздухе, качнулась и вдруг сладко – до алого язычка и белых зубок – зевнула.

– Какая прелесть, – искренне восхитилась Юля. Она опустила живность на столик, та ловко перевернулась, принявшись обнюхивать новое место.

– Что это? – спросил Альгар, успевший близко подобраться, несмотря на запрет.

– Ты не знаешь? – удивилась девушка, и деть покачал головой.

Юля задумалась. Что за экзотическую «свинью» в панцире им подложили, если даже Совенок о ней ничего не слышал?

– Нужна информация, – вздохнула она и предложила: – Идем в библиотеку?

Пиратку, как называли подкидыша, поместили в коробку, оставив внутри плошку с водой. Закрыли в учебной комнате, сами отправились в библиотеку. Добирались на своих двоих, так как царство книг входило в перечень запрещенных к перемещению зон. Зато на пространстве здесь не экономили. Уносились вверх полки с книгами, сквозь огромный купол на пол падали солнечные лучи, вдоль шкафов плавали световые шары, подсвечивая корешки. Мягкие кресла с подставками для ног, стулья и столы были щедро разбросаны по залу, а еще здесь стояла оглушительная тишина.

Юля растерянно оглядела бесконечные книжные полки – и как здесь найти нужное? Вдобавок человеку, который не умеет читать.

– Аль, могу я доверить тебе секрет? – склонилась она к детю.

– Безусловно, – солидно кивнул ребенок, явно кому-то подражая.

– Я не умею читать по-ракхански.

Совенок посмотрел на нее удивленно.

– Конечно, не умеешь. Все чужаки не умеют. Что в этом секретного?

– Но ты мне поможешь? Научишь читать? Только так, чтобы об этом никто не узнал, хорошо?

Альгар согласился не сразу. Сначала он обдумал предложение – Юля умилилась появившейся серьезности ребенка, – затем кивнул:

– Хорошо. Тогда возьмем еще и букварь.

Девушка похвалила себя – учительство способствует повышению уровня самооценки и еще больше сблизит ее с Совенком.

С книгами им все же помогли. Словно из пустоты появился сухонький старичок, быстро выпросил о проблеме, предупредил о соблюдении тишины и отправил за стол, куда сами собой начали падать с полок книги про животных. Большинство было оснащено магическими картинками – это когда вальшгас на рисунке не просто вырастает в объемную фигуру, а еще и шипит, точно живой.

Юля проглядывала картинки, Аль читал вслух подписи к некоторым из них, демонстрируя самых интересных. Местное зверье здесь слабо напоминало земное, хоть и встречались похожие экземпляры.

– Нашел! – воскликнул Аль.

Юля отложила свою книгу, заглянула через плечо – действительно Пиратка.

Совенок зачитал:

– Нутилус панцирный. Ареал проживания – южные и центральные части. Всеяден, но предпочитает фрукты и живых насекомых. Для приманивания самок использует жидкость из подхвостовых желез. Из-за редкого вещества, содержащегося в ней, находится на грани исчезновения. Для людей вещество является мощным природным афродизиаком. Действует только на мужчин, усиливает активность, позволяя приласкать десяток женщин за одну ночь.

– Достаточно, – скрипнула зубами Юля, отбирая книгу у подопечного.

Удружили пираты, ничего не скажешь. Афродизиаком им, видите ли, понадобился. Своих силенок не хватает? Ах да, изнасилованные города. Такие «подвиги» точно требуют подпитки, чтоб у них там все отсохло. Интересно, кого они собрались впечатлять в Асмасе? Или решили пойти на берег к девочкам, а там надо репутацию поддержать и всех девиц в борделе перепробовать. Детский сад в тельняшках. Хотя нет, вместо тельняшек тут жилеты.

– Юль, там еще было написано, что получить жидкость очень просто, надо лишь загнуть нутилусу хвост вверх. А еще животное запрещено держать дома, – погрустнел Аль.

– Ничего никому мы погибать не будем, – отрезала Юля. Обойдутся горе-любовники собственными силами. А Пиратка оказалась Пиратом... Занятно.

– А что значит приласкать женщину? – внезапно спросил деть, когда Юля уже понадеялась, что пронесло.

И ответить правду нельзя, ведь непонятно, говорят ли местные о сексе. И не ответить нельзя, так как честность – главный аргумент доверия.

– Тебе нравится, когда я глажу тебя по волосам, чешу спинку?

Совенок кивнул.

– Так и мужчинам нравится гладить женщин. А некоторым хочется перегладить как можно больше.

Безудержный секс приводит к бо-о-ольшим проблемам со здоровьем. И надо бы намекнуть товарищам, насколько сильно они не

правы.

– Вот и пьют всякую гадость, чтобы хватило сил на всю ночь. Но на этих дядей лучше не равняться. Помнишь, я рассказывала про принцессу, рыцаря и дракона? Так вот эти дяди не нашли свою принцессу, оттого и маются дурью.

Еще и других вовлекают. Это надо же – природный афродизиак подкинуть в карман!

– А-а-а, – понимающе кивнул Аль, – это как Четвертый тебя гладит, когда думает, что я не вижу.

– Что? – вспыхнула Юля, и сверху громыхнуло: «Тишина!»

– Ничего он меня не гладит, – прошипела она, понизив голос, – тебе показалось.

– И не показалось, – заупрямился деть, – Четвертый – хороший.

– Пусть хороший, – не стала спорить Юля, – но у нас с тобой сейчас запрещенная живность в комнатах. Подумай, что сделает этот «хороший», когда узнает об этом.

К себе они возвращались молча, каждый думал о своем. Совенок нес под мышкой букварь, но Юля чувствовала, что до занятий они сегодня не доберутся.

Так и становишься заговорщиком, размышляла она. Сначала прячешь у себя запрещенную живность, вступаешь в сговор с гражданами иного государства, а там и до антиправительственной деятельности недалеко. Интересно, есть ли здесь статья за экстремизм? И не погорячилась ли она с посылом морских товарищей в пешее сухопутное путешествие? Понятно, что не просила ничего подбрасывать. Но вряд ли нутилус стоит копейки, и если сравнивать с той же виагрой – совсем не копейки. И не получится ли так, что, уйдя в отказ, она навлечет на себя еще большие неприятности? Это как на Земле – подбросили наркоту, ты ее случайно уничтожил, а деньги вернуть все равно должен.

Юля представила демонстрацию протеста под окнами с лозунгами «Вернуть нутилуса!». Нет, пираты не идиоты, открыто действовать не станут, но отравить жизнь могут попытаться.

Идти на поклон к высочествам и жаловаться им не хотелось. Потому как «поклон» будет иллюстрацией к их картине мира о слабой и беспомощной женщине, а Юле хотелось... пусть будет – доказать. На собственном примере продемонстрировать, что женщина может

решить все сама. Ладно, почти все. И пока угрозы Совенку нет – она не станет обращаться за помощью.

В голове кусочек за кусочком складывался план. Пиратке, оказавшейся Пиратом, все же придется поработать...

Для начала Юля раздобыла фрукты. Выловила в коридоре на их этаже слугу и озадачила тем, что его высочеству для здорового питания требуются свежие фрукты, и поскорее. С фруктами принесли обед или к обеду присовокупили фрукты. К счастью, Седьмая не почтила на этот раз их своим царским присутствием. Пусть Юлю снедало любопытство – пришлись ли стринги ко двору, но она была слишком взвинчена, чтобы поддерживать светский разговор.

Пирата накормили. Сделали гнездо из порванного платка и бумажных нарезок. Но это временное решение. Живности нужна нормальная клетка.

Юля достала пластиковую пробирку из набора «Юный химик», который был куплен Алё «на вырост». Обожравшийся фруктов зверек сладко дрых, и девушка сомневалась, что он сейчас в состоянии свернуться в шар – с таким-то раздувшимся животом. Прежние хозяева, похоже, не слишком заботились о кормежке животного – уж больно голодно он набрасывался на еду.

Железа была одна и находилась примерно в середине хвоста. Юля подставила пробирку, отогнула хвост – внутрь ударила молочно-белая струя, и комнату наполнил аромат забродивших яблок. Чистый сидр, подумала девушка, принюхиваясь. Зверек всхрапнул, но так и не проснулся, только перевернулся на другой бок.

Первый этап завершен, мысленно поставила галочку Юля, затыкая пробирку крышкой. Теперь осталась сушая мелочь – выбраться в город и обменять пробирку на разрешение оставить Пирата себе. Отдавать этим растяпам в жилетах вымирающее животное не хотелось. Пробирку отдавать тоже, но это она решит на месте.

Около двери в комнаты Третьего Юля притормозила, запоздало подумав, что принца там может не быть. Однако повезло, на стук послышался звук шагов, дверь открылась, и Третий удивленно вскинул брови.

– Что-то случилось, Юля?

– Нет-нет, ничего. У меня к вам просьба. Если вы не слишком заняты, можете выделить нам сопровождающего? Я кое-что забыла взять из дому, хотела пройтись по магазинам и купить.

– По магазинам, – понимающе кивнул его высочество и неожиданно предложил: – А давайте я сам составлю вам компанию.

Идея прогуляться по городу мгновенно превратилась в квест – избежать ареста, сбросить хвост и не провалить явку. Надо ли говорить, что пробирка в кармане, казалось, жгла кожу даже сквозь ткань.

– Прекрасная идея, – Юля искренне надеялась, что улыбка смогла перебить кислое выражение лица, – но мне неудобно отрывать вас от дел.

– Я только буду рад отдохнуть, тем более в такой прекрасной компании. – И мужчина одарил ее многозначительным взглядом.

Чувство, что она в шаге от провала, заставляло нервничать, ронять вещи, путать завязки. Местная одежда и так была непроста, а сейчас казалась верхом издевательства. Но все же юбка со сложным поясом ей покорилась. Жилет, блузка, подбитая мехом накидка с капюшоном – Юля решила максимально не выделяться из толпы местных. Волосы убрала в кичку.

– Есть пожелания, куда бы вы хотели отправиться? – уточнил его высочество, занимая в повозке место напротив.

Юля пожала плечами, а вот Совенок неожиданно пришел ей на помощь:

– Думаю, площадь Большого фонтана подойдет. Слышал, там есть какие угодно лавки.

Третий возражать не стал. Они остановились за пару улиц до площади. Юля старательно вертела головой, выискивая охрану его высочества, но никого подозрительного не заметила. Вспомнила, что с их отношением к Столпам охраны может и не быть.

Харт быстро провел мастер-класс по местным деньгам. Дальше она под его руководством купила сладостей – засахаренных фруктов на палочках. Потом были крошечные булочки, умопомрачительно пахнущие чем-то сладким. Около уличных магов-иллюзионистов они зависли надолго. И Юля спорила до хрипоты, что их телевизионные шоу круче, потому что не просвечивают, еще и с озвучкой.

В небольшой кафешке она пили горячий пряно-острый напиток со взбитым кремом и говорили обо всем. Даже о пиратах.

– Вижу, вы заметили их примечательную внешность, – принялся рассказывать Третий. – Эта история началась давно. В морях Такийского архипелага обитают очень интересные и весьма опасные существа – посмотрите потом картинки, впечатляет, знаете ли. Такийцы им поклоняются, почитают за младших братьев, приносят жертвы, отдавая десятую часть улова. Взамен ульхи не трогают их корабли, разрешая ходить по внутренним морям и ловить рыбу. Но тело смертельно или тяжело больного человека является для них чем-то вроде наркотика. Если такой человек оказывается на борту, ульхи обязательно атакуют. Напав и отведав наркотик, впадают в транс и убивают всех подряд. Были случаи, когда целые команды погибали из-за одного больного. Тогда и появилась традиция – выходить в море лишь молодым и здоровым. Ну а красота... Такийцы верят, что симпатичная внешность – своего рода оберег от ульхов. Поэтому в жен берут самых красивых женщин.

– Так они на самом деле пираты? – спросила Юля, пребывая в шоке от верований товарищей с «Повелителя». То есть внешность плейбоев – результат длительной селекции. С другой стороны, Европа вон сколько лет своих красавиц на кострах сжигала, и результат до сих пор... гм, проблема налицо. Почему бы не быть и обратному процессу?

– Конечно, они ведь крадут женщин, – пожал плечами Харт.

Юля спорить не стала. Какая разница, что воровать: женщин, золото, товары – и на кого нападать. Зато теперь понятно, что слухи об изнасилованных городах – защита от похищений. Ведь если объявить горожанам, что в порт пришел корабль с красавчиками и объявлен набор жен – это сколько дур сбежится... А так в страхе по подвалам сидеть будут.

Они вышли под вечернее небо, и Совенок успел шепнуть, что пора. Адреналин хлестнул по нервам, заставляя остро ощутить вкус авантюры.

Да что со мной происходит? – рассердилась девушка. С каких пор она ведет себя словно ребенок? Юля поймала взгляд Аля, в котором, точно в зеркале, отражались эмоции, что овладели ею. И холод осознания, что она попала в ловушку связи ассар – подопечный,

пополз мурашками по спине. Зато мозги наконец вспомнили, сколько им лет и кто тут старший. Спихватились и признали, что позволили ввязать себя в дурацкую затею.

«Да-а-а, – мысленно протянула Юля, – довоспитывалась настолько, что сама впала в детство. И что дальше? Казаки-разбойники? Грабеж местных садов и уход в ночное? И не пора ли вместо платьев покупать машинки, джинсы и футболку с «Алисой»?

И Юля с ужасом поняла, что на самом деле хочет такую футболку. Япона мать! Ни одного приличного слова в голове!

И если уж быть последовательной, то желание выяснить правду, как и помощь вымирающему виду «виагры», в сегодняшней вылазке отнюдь не главное. Верховодит всем жажда приключений – чем круче, тем лучше. Ну а причина столь странных для взрослой тетеньки желаний стояла рядом и с восторгом воплощала в жизнь план по облапошиванию старшего брата.

– Харт, давай отпустим Юлю пройтись по магазинам, а ты отведешь меня в зоолавку. Вон она, на той стороне.

Маленький махинатор! – восхитилась Юля. Но жаловаться можно было только на себя. Сама придумала, сама сделала. Совенок лишь оказал посильную помощь, да активно транслировал желания. И ведь не обвинишь его в этом. Надо срочно поговорить с Четвертым о занятиях и блокировке.

– Отличная идея, – поддержал Третий и спросил: – Вам полчаса хватит? Мы подождем вас здесь. – Он кивнул на яркую вывеску, на которой были изображены животные и птицы.

На площадь она все же пошла, хотя бы ради поддержания легенды. Полюбовалась на фонтан – действительно большой. Струи воды заворачивались вокруг оси, изображая гигантский водяной волчок. Прохожих от брызг защищал невидимый воздушный щит, присутствие которого выдавали капли, стекающие вниз. А еще в завораживающих в своем движении водяных струях блестели солнечные лучи, хвостом жар-птицы мелькала радуга. Мимо равнодушно ходили люди, никто не стоял в немом восхищении около этого чуда, никто не фотографировал и не делал селфи. Юля пообещала себе прийти сюда еще раз, чтобы исправить чудовищную несправедливость.

– По-о-одайте милость, добрая госпожа, – гнусаво протянули у самых ног.

Девушка опустила взгляд. Рядом с ней на коленях стоял настоящий бродяжка – в рваной рубашке, черной повязке на глазу, грязных штанах.

К попрошайкам у Юли было сложное отношение, но милостыню она все же давала, когда интуиция шептала, что беда у человека настоящая, а не придуманная ради наживы. Здесь интуиция не шептала, а вопила, что этот человек больше смахивает на пирата, а не на нищего.

– И что хочешь, уважаемый? – спросила она, заломив бровь. Взгляд прошелся по толпе, выцепив еще пару знакомых смазливых рож. Прикрытие было идеальным, а главное – не вызывало подозрений. И можно было спокойно поговорить.

Нищий понял, что раскрыт, и заискивающе заулыбался.

– Так нам свое вернуть, чужого не надо.

Слышать из уст пирата «чужого не надо» было смешно.

– У нас говорят: что упало, то пропало, – пожала плечами Юля.

– Так это, – облизал губы мужчина, – зачем тогда пришла?

Вопрос был справедлив.

– Любопытство замучило, зачем молодым мужикам такая экзотика.

Действительно интересно зачем. Проблем со здоровьем у них точно нет, не для борделя же им в самом деле живая «виагра»!

– Дура, – сплюнул на мостовую пират, – не для себя, для капитана.

Юля вскинула брови – неожиданно.

– И это не то, о чем ты подумала, – засопел, покраснев, «бродяга», – ульхами он целованный, поняла? Алкоголь на него не действует. А у него день рождения завтра. Ну сама посуди, какой праздник, если даже напиться не можешь? Вот и хотели сделать сюрприз. – И пират с тоской глянул в сторону порта.

Юля зависла, обдумывая. Неужели команда решила спить капитана? Причем тайком. Занятные у них подарки... Но сама уже смирилась с ситуацией.

– То есть на него эта дрянь как алкоголь действует?

– Дошло, – проворчал мужчина. – Меня, кстати, Старшой кличут.

– Юля, – машинально представилась девушка.

– А ты, я смотрю, неместная, – заинтересовался он.

– Не твое дело, – отрезала Юля. Вот только связей среди пиратов ей не хватает... Хотя если Второй с ними дружен...

– Ладно, должен будешь, – протянула она пробирку. – Крышка просто вытаскивается, как пробка.

Старшой тут же потянул ее на себя, вытащил, принялся и расплылся в блаженной улыбке.

– Оно! Вот спасибо! А с тобой приятно иметь дело. Не заносчивая, как остальные ду... шевные ваши женщины. Про долг не забуду, обращайся.

И сдернул с шеи веревку с когтем какого-то животного.

– Любому из наших отдай – не откажет.

Юля приняла коготь, зажала в ладони и поспешила попрощаться. По пути заглянула в какую-то лавку, купила что-то непонятное, попросила завернуть в бумагу. Их высочеств застала за разглядыванием гигантской многоножки, дрыхнувшей в стеклянном аквариуме.

Третий встретил ее острым инквизиторским взглядом, от которого в Юлиной голове заполошно заметались мысли о провале. Но сдачу явок у нее не попросили, на славянский шкаф не намекнули, и она сделала вид, что все хорошо, и вот, например, многоножка гораздо больше заслуживает внимания, чем какая-то мелкая жертва пиратских махинаций.

Глава 19

Третий при прощании проникновенно заглянул Юле в глаза и выразился в том духе, что более приятной прогулки в столь интересной компании у него давно не было. Врал, конечно, решила девушка, однако ответными благодарностями поделилась. Радость от успешного завершения дела дарила ощущение крыльев за спиной. И кажется, с благодарностью Юля переборщила, потому как Харт удивленно вскинул брови, кинул на нее озадаченный взгляд. Пришлось срочно закругляться. Пожелала приятного вечера и удалилась – Совенок за спиной пританцовывал от нетерпения.

– Ну что? – накинуся он, стоило закрыть дверь.

– Все в порядке, пробирку отдала, Пирата возвращать не надо, – отчиталась она, и Аль, издав восторженный возглас, заскакал на радостях по гостиной. Юля продержалась в стороне секунды три.

Умаявшись, они рухнули вдвоем на диван.

– Мы ведь его никому не отдадим? – вдруг спросил Совенок.

– Боюсь, не отдать не получится, – ответил Четвертый.

Юля подскочила, с ужасом смотря на стоящего на пороге классной комнаты его высочества. В руках он держал нутилуса, почесывая брюшко впавшему в нирвану от ласки зверьку. Юля нервно сглотнула.

– Госпожа ассара, – от официального тона желудок сжался, и девушке стало нехорошо, – думаю, к вашему обучению стоит добавить уроки по законам Асмаса. Тогда вы были бы в курсе, что содержание нутилуса карается до трех лет рудников.

Трех лет! Юля вяло подумала о том, что обычных тюрем у них нет, раз всех преступников отправляют на рудники. Что же... у нее будет еще шанс проверить условия местных исправительных работ на собственной шкуре.

И кажется, сегодня Третий с Четвертым поменялись местами. Харт был сама любезность на прогулке, забыв про обычный официоз, зато от Фильярга так и тянуло холодом. Этот застывший взгляд и точно высеченное из мрамора лицо вызывали желание испариться.

– Я беру полную ответственность на себя. – Аль встал перед братом. Юле были видны его расправленные плечи, бесстрашно вздернутая голова, упрямо сжатые кулаки. Кажется, кто-то решился на прямое противостояние с братом.

– Возьмешь, – согласился Четвертый, и Юля тут же возмутилась:

– У вас и несовершеннолетних на рудники отправляют?

– При чем здесь рудники? – непонимающе переспросил Фильярг.

– Не знаю, при чем у вас постоянно эти рудники, – начала злиться Юля, как всегда бывало, когда речь заходила о Совенке, – но в этом деле вины Альгара нет. Более того, он хотел спасти вымирающее животное.

– Альгар, к себе, – приказал Фильярг. Мальчик бросил вопросительный взгляд на Юлю, и та кивнула.

Недовольный отсылком Совенок медленно, нога за ногу, стал подниматься по лестнице.

– Быстрее! – поторопил Четвертый, дождался, пока наверху хлопнет дверь, и только тогда продолжил.

– Юля, – шагнул он к ней, навис, подавляя своим немаленьким ростом, и ей пришлось приложить усилие, чтобы остаться на месте, – не хотите рассказать, почему, зайдя к вам перед ужином...

«Ужин!» – мысленно охнула она.

– ...я нашел запрещенного к содержанию нутилуса? Не желаете поделиться, как вам удалось разжиться этой редкостью? Господин Фаргус уже год ищет подобный экземпляр в пару к самочке.

– Мм... нет, – мотнула головой девушка, не желая сдавать ни себя, ни пиратов.

– Жаль, – неодобрительно вздохнул Четвертый, но настаивать на ответе не стал, как и грозить пытками на допросе. – Тогда, с вашего позволения, я отнесу несостоявшееся тюремное заключение господину Фаргусу.

«То есть Фаргусу можно, а мне нельзя?» – возмутилась про себя Юля, уловив главное – заключение и рудники отменяются.

– И не смотрите на меня так, словно я у вас последний ужин отбираю, – поморщился его высочество, – я верю, вы не станете использовать нутилуса для наживы, но не стоит вводить в искушение других.

«Ах да, слуги», – запоздало сообразила девушка.

– Вы правы, не стоит, – признала правоту принца.

– Я договорюсь с господином Фаргусом, чтобы вы смогли навещать нутилуса, раз вам так дорога эта зверюшка. И на будущее – в академию брать живность запрещено. Не подводите себя и меня, Юля.

– Постойте, – окликнула она его высочество, когда тот уже был на пороге. Юля облизала пересохшие губы, чувствуя непривычное волнение, и попросила: – Мне нужна ваша помощь.

Действительно нужна. С таким суровым законодательством не хочется попадаться на воровстве яблок из чужих садов, или что там у них растет в садах.

Четвертый окинул ее странным взглядом, зацепился за губы, потом с усилием отвел глаза.

– И в чем же? – спросил он ровным голосом, и Юле вдруг захотелось скомкать эту ровность, разбить официоз, встряхнуть, вызвать любые эмоции – хотя бы гнев, но выбить безразличие из глаз Фильярга.

– Вы обещали заниматься, – пошла она в атаку, – и где занятия? Сами говорили, мне нужно учиться контролировать вашу магию и блокироваться от эмоций Совенка.

– С вами занимаются, Юля. Даже если вам кажется, что это не так. Ваша магия по каким-то причинам уснула, причем столь крепко, что пробудиться ее не получается, а провоцировать всплеск сильным стрессом, – Фильярг прошелся по Юле хищным взглядом, – не хочется. Впрочем, я не теряю надежду перебороть ваше упрямство.

Но провокации все же были, поняла Юля. И вчера вечером ее именно что провоцировали. Ешкин кот! Надеялась, что соблазняли, ан нет – магию будили. Интересно, а просто секс поможет? Представила, как в самый пикантный момент вспыхивает огнем. Зажглась так зажглась... причем вместе с кроватью.

– Не теряйте, – разрешила она, искренне веря, что собственное упрямство не подведет и выйдет победителем из этой схватки. А магия... Прожила она без нее двадцать шесть лет, проживет и дальше. Она не торопится стать магом. Да и магия все равно проявится, когда в Совенке проснется его дар. И будут они по очереди плевать пламенем. Красота... Только огнетушитель подносить успевай.

– Но меня сейчас не столько волнует внутренний огонь, сколько связь с Альгаром. Я знаю, что возможна блокировка, и хотела бы ею овладеть.

– Блокировка? – нахмурился Фильярг, снова оглядел ее, но уже изучающе. – На столь ранних этапах блокировка не рекомендуется, но в вашем случае, – он посмотрел на спящего нутилуса, – она будет полезна. Хорошо, я согласен, приходите после ужина в удобной одежде.

Мысли тут же потекли в иную сторону. Подумалось, что одежда может быть не только удобной, но и привлекательной. Юля тряхнула головой, прогоняя дурость. Она придет учиться, и точка, а все остальное, как говорится, от лукавого.

Когда Четвертый вошел в зал Предвкушения, где собирались на легкий аперитив перед ужином, Третий был уже там. Стоял у окна, наслаждаясь закатом. Как всегда, один, как обычно, с бокалом рубинового. Фильярг взял себе белого, подошел, отсалютовал ему. Третий в ответ едва заметно кивнул. На его лице застыло выражение глубокой задумчивости, и Четвертый забеспокоился, не нащупал ли брат ниточку очередного заговора или заметил тень провокации?

– Ты знаешь, что наша ассара вступила в сговор с такийцами? Более того, передала им некий предмет и обменялась информацией? Не был бы уверен, что она здесь всего лишь два дня, заподозрил бы... – Третий махнул рукой, осушил наполовину бокал, проговорил с досадой: – Эту девчонку можно подозревать бесконечно. Как бесконечно ошибаться в своих подозрениях. Уникальное создание. Впервые встречаю столь честный взгляд, бесхитростное лицо и такие странные поступки... Еще и Альгар ее покрывает. – И он огорченно поджал губы.

– Именно, что ошибаться, брат, – скрыл улыбку Четвертый, ощущая удовлетворение от того, что обошел Харта на его же поле. То, что у такийцев что-то произошло, Фильярг понял сразу. Юля, несмотря на усилия, полностью скрыть тревогу не смогла. И ему с трудом удалось сдержаться и не наброситься на девушку, чтобы вытрясти правду. С сожалением он отпустил ее, бледную, с искусанными губами, домой...

Потому и в комнаты к Шестому зашел пораньше, ведомый тревогой. А дальше, увидев нутилуса, понять правду было несложно. Только о том, что нутилус был осушен, он не знал. Жаль, господин Фаргус будет огорчен, ему теперь ждать месяцев пять до следующей «боевой» готовности самца.

Фильярг подумал, не намекнуть ли брату, что у этой истории точно будет продолжение. И решил, что не стоит. Он еще не успокоился после того, как узнал, с кем Юля отправилась сегодня в город. Зато теперь знает зачем.

Мысль, что Третьего позвали ради встречи с пиратами, была вкуснее любимого иллойского, которое специально для него доставляли с материка. И можно было лишь восхищаться смелостью ассары, прокрутившей такое под носом у Харта. Понимала ли она до конца последствия? Вряд ли.

Поразительная способность влипать в неприятности и заслуживающая уважения – выкручиваться из них. Но насколько проще было бы договориться с женщиной. На крайний случай выпорол бы обоих для вразумления. А с этой что делать? Не отправлять ее, в самом деле, в тюрьму?! А пороть... Мысли вдруг свернули с призывания ассары к порядку на более приятные вещи. Если не пороть, а слегла отшлепать?

– Не удивлен, то есть в курсе. – Реплика Харта выдернула из сладкой фантазии. – Не поделишься?

Фильярг мстительно мотнул головой:

– Так будет неинтересно, брат.

– Пари? – прищурился Третий.

– Почему бы и нет, – пожал плечами Фильярг, думая о том, что это будет занятно, а заодно встряхнет впавший в зимнюю спячку двор, и предложил: – Кто первым догадается о следующих планах нашей драгоценной ассары, получает право проводить с ней свободное время.

– Ревнуешь? – изогнул бровь Харт, а глаза опасно блеснули.

– Всего лишь рационально использую твоё время, брат, – покачал головой Фильярг, – нет смысла нам обоим контролировать и учить ассару. Достаточно одного.

«И этим единственным сегодня буду я», – закончил он мысленно. Потому как именно к нему обратилась за помощью Юля, и этот факт смирял его с пропуском сегодняшней прогулки.

– А ты вырос, младший. Диктуешь очередность... Хорошо, пусть пламя будет свидетелем, – произнес брат ритуальную фразу, и Фильярг успел заметить, как блеснули азартом его глаза. Пари было заключено.

На ужин они все же успели, спасибо Зарьяне. Служанка быстро одела Аля, а когда деятельно ворвалась к девушке в комнату, Юля уже была готова.

– Ну как? – покрутилась она перед застывшей на пороге служанкой, а у той от страха шоколадный цвет кожи стал серым, глаза округлились, рот открылся.

– Вы что это, госпожа, на похороны собрались? – схватила та за сердце.

– Зарьяна, какие похороны? – всплеснула руками Юля.

– Платье белое, – всхлипнув, девушка ткнула пальцем в ее сторону. Юля посмотрела на себя в зеркало. Да, белое. Очень симпатичное и прекрасно село по фигуре.

– Вы, госпожа, здесь чужая, многое не знаете, – поучала ее Зарьяна, доставая из шкафа темно-синий наряд. – Белый – цвет скорби.

– И зачем было его вешать в первых рядах в шкаф? – возмутилась Юля, стаскивая платье. Вот на Земле, например, черный – цвет траура, но носят его не только на похоронах.

– Так смерть внезапна, – пожала плечами девушка, помогая ей переодеться, – потому наряд должен быть под рукой, чтобы сразу уважение к покойнику проявить.

Юля вспомнила трепетное отношение тапунов к умершим и спорить не стала. Синее так синее. Зато волосы ей уложили в высокую прическу, закрепили хитрой заколкой. Юля с удовольствием полюбовалась собственным сияющим видом – да здравствует вечернее преобразование – и поспешила на ужин.

Слуга проводил их до двери, открыл ее – за порогом лежала темнота, лишь внизу, под ногами, бежали огоньки, указывая направление.

– Зал Доверия, – восхищенно выдохнул Совенок, вцепляясь Юле в руку. А той сразу вспомнились родные квесты-страшилки.

– Надеюсь, здесь никто не станет хватать за ноги, – пробормотала она, останавливаясь около последнего огонька. Дальше царила тьма, и соваться туда без фонарика не хотелось.

– Нет, Юля, здесь никто за ноги не хватает, – раздался из темноты голос Фильярга, – но ваша идея мне понравилась. Идите на мой голос.

Руку вперед она все же выставила. Ее тут же обхватили сильные пальцы, потянули за собой, Совенок паровозиком втянулся следом.

– Садитесь.

Ориентироваться в темноте было жутко неудобно, но она нащупала стол, мягкую скамейку, села и перевела дух. И задумалась: что лучше – ужин в темноте или завтрак под водой? И просто, без вывертов, местные умеют есть?

– Вам повезло, Юля, этот зал используется только для приема важных гостей. И как вы, наверное, догадались, сегодняшний ужин дается в честь такийцев, с которыми вы успели познакомиться.

Вот сейчас Юля была рада, что темнота скрыла вспыхнувшие щеки. Она все еще остро переживала провал с живой «виагрой». Его высочество открыто ржать не стал, но про себя наверняка над ней потешался.

– И что такого особенного в этом месте? – спросила девушка, понижая голос. Окружающий мрак гасил звуки, заставляя чувствовать себя неуверенно, но больше всего напрягала темнота за спиной. Юля с усилием прогнала воображаемых монстров – не маленькая, да и перед Совенком неудобно.

– Мы ждем еще одного приглашенного, а после я вам все расскажу.

– Простите, – раздался звук шагов, пол качнулся, и Третий сел за стол, – задержали дела. Можем отправляться.

Отправляться?! Юля инстинктивно вцепилась в край стола. А пол под ногами снова качнулся, и они куда-то поплыли в темноте. Кажется, вниз. Или все-таки вверх? Она нервно сглотнула, стараясь не поддаваться панике.

– Не бойтесь. – На ее ладонь легли теплые пальцы и успокаивающе погладили.

– Неужели на самом деле боитесь? – Голос Третьего сочился иронией. – После всех ваших лифтов, машин, самолетов и прочих странностей?

– В темноте и в лифте страшно, – возразила она. Особенно когда он застрял между этажами...

– Не бойся, – маленькая ладошка легла на локоть и сжала его, – я тебя защищу.

– Поразительно, – хмыкнул Третий, – обычно ассар защищает подопечного. – Вздыхнул и признался: – С вами все по-другому.

Их летающий стол с диванчиками притормозил, и со стуком из темноты на стол приземлилась тарелка. Одна.

– Фильярг, ты начинаешь, – поторопил Третий.

– Сначала немного истории для Юли, а ты пока можешь начать. – Тарелку переставили.

Юля поймала себя на том, что начинает напоминать тушканчика с огромными такими ушами, который сидит и нервно прислушивается в темноте, пытаясь угадать, что происходит.

– Этот зал возник как забава и одновременно как способ проверки доверия. Не видя друг друга, не смотря в глаза, общаться сложнее, не так ли? Зато можно попытаться навредить или отравить, и потому одно блюдо идет по кругу гостей. А игра... мы пытаемся угадать состав. Если угадали, блюдо заменяют другим, нет – вторая попытка.

– А если никто не догадался и после второй? – полюбопытствовала Юля.

– Зависит от снисходительности распорядителя, но могут и голодными оставить.

«Суровые игры», – подумала девушка. А мужские пальцы между тем спустились к запястью, обхватили его и принялись чертить узоры на коже. И как-то стало понятно, что не только ради политики устраиваются ужины в этом зале.

– Тогда сегодня я – ваше слабое звено, потому как ничего не понимаю в местной кухне.

– Не переживайте, Юля, – подбодрил ее Третий, – голодной мы вас не оставим, правда, Альгар? Ты же не позволишь своей ассаре остаться без ужина? – И, судя по звуку, тарелка была поставлена перед младшим. Старшие и на ужине заставляли брата учиться...

Совенок не подвел, бодро перечислил три ингредиента. Тарелка едва заметно засветилась лимонным цветом – секунд на пять, а потом их снова окутала густая темнота.

– Это значит, что он угадал, но использованных продуктов больше, и теперь наша очередь, – проговорил Четвертый. Он

придвинулся ближе, касаясь ее бедром, и темнота сделала его присутствие остро-волнующим.

– Я помогу вам, – Третий поменялся с Альгаром местами и оказался по соседству, – нельзя, чтобы ассара была слабым звеном, – пояснил его высочество, сознаваясь в грядущем жульничестве.

– И в чем выгода выигрыша? – поинтересовалась девушка, желая понять – стоит ли напрягаться.

– Видите ли, Юля, – мягко усмехнулся Харт, придвигаясь, – победа – это всегда приятно, кроме того, выход из зала Доверия находится наверху, а туда еще подняться надо. Вот сейчас правильный ответ Альгара подарил нам полметра.

Значит, ей не показалось, подумала девушка, столик действительно движется. Правильный ответ – вверх, неверный – вниз. Занятное здесь ранжирование дегустаторов.

– А что будет, если мы проиграем?

Оба высочества синхронно вздохнули, а Совенок высказался:

– Ничего хорошего.

– Еще одна традиция, Юля. Нижний выход когда-то использовался для тех, кто не оправдал доверия, ну или для тех, от кого хотели избавиться. Сейчас там безопасно, но путешествие по подземелью вряд ли можно назвать приятным.

«Веселая» традиция, нервно сглотнула девушка, по-новому оценивая происходящее. И снова этот дурацкий отбор. Победил – изволь на выход, как приличный человек, оказался лузером – добирайся к себе через грязные подвалы. Еще и с антуражем пыточных комнат...

– Это несложно, – Фильярг обнял, завладел правой рукой девушки, – нажмите вот здесь, – он провел ее пальцами по краю стола, и в грудь толкнулась выдвинувшаяся планка.

– Возьмите приборы, – предложил Третий, – когда используете, верните обратно, их заменят на чистые.

Юля нащупала холодный металл то ли вилки, то ли ложки. Все же вилки. Значит, будем пробовать второе. И как теперь этой вилкой себе в темноте глаз не выткнуть? Вот же... местные затейники. Чтоб их поносом пробрало.

– Теперь позвольте помочь.

Четвертый снова завладел ее правой рукой, Третий придвинул тарелку.

– Откройте рот, – скомандовал Фильярг.

Губ девушки коснулось что-то теплое. Она осторожно сняла кусочек, прожевала, проглотила, совершенно не понимая, что съела. Между тем ее руку и не думали отпускать, бессовестно используя.

– Мм... что-то очень знакомое, брат, но боюсь ошибиться, – сказал Фильярг, прожевав свой кусочек. – Попробуй.

И рука Юли сменила «хозяина».

– Ты прав, прямо на кончике языка вертится, – согласился Харт, отведав блюдо.

Юля недовольно поджала губы – что за представление устроили братцы? Помощь зала, ага. А самим ответить статус не позволяет? По подвалам в случае провала идти всем придется. И вроде как цель благородная, а подвох так и чувствуется...

– Вы видите в темноте? – спросила она наугад, больно уж движения братьев были уверенными для «слепых».

– Нечетко, – признался Фильярг, – но видим, да. Ночное зрение – часть тренировок. Начинаем с пары часов, а заканчиваем тремя сутками в полной темноте.

Снова их ритуальные заморочки, поняла Юля, ощутив внутренне, как напрягся Совенок. Ведь ему предстоит такое же «удовольствие»...

– И зачем вам это? – спросила она зло, отстраняясь от Фильярга и отбирая ладонь из рук Харта.

– В Огненных пещерах с осушенным резервом даже крошку света не создашь, а выходить как-то надо, – печально проговорил Третий.

Они помолчали. Мужчины вспоминали свой ритуальный опыт – явно невеселый, Юля пыталась представить три дня в полной темноте и одиночестве и заглушить внутренний голос, который требовал схватить Совенка в охапку и забрать от живодеров.

– А я не боюсь темноты, – вдруг нарочито бодро проговорил Аль, и Юля была ему благодарна за смелость и поддержку. Он словно почувствовал ее сомнения и теперь сигнализировал: «Все в порядке, три дня в темноте меня не пугают». Потрясающий ребенок!

– Раньше его в этот зал и силком было не затащить, – еле слышно прошептал на ухо Фильярг, добавив: – Вот что вы делаете с мужчинами, Юля.

И кажется, он имел в виду не только Совенка.

– Так что у нас с блюдом? – вернул всех на землю Третий.

– Орехи, – выпалила наугад Юля единственное, что смогла хоть как-то идентифицировать.

Тарелка подмигнула лимонным.

– Отлично, – похвалил Третий, добавляя еще два незнакомых ингредиента.

Фильярг разгадал соус, и первое блюдо, засветившись белым, исчезло со стола, а их ощутимо потащило вверх. И ужин начал Юле нравиться.

Дальше пошло веселее. Первую попытку отдавали Алю. Деть справлялся неплохо, ошибался, не без этого, и тогда тарелка мигала малиновым. Потом наступала очередь Юли. Высочествам было плевать на то, что она ничего не смыслит в местной кухне, они наслаждались самим процессом кормления, безбожно подсказывая ответы. Юля тоже получала удовольствие от игры ровно до того момента, пока не услышала:

– Это тапунское национальное блюдо, его надо есть руками.

Она мысленно взвыла... В слабой надежде толкнула край стола, но на выдвинувшейся полочке нащупала пустоту... Сказано – руками, значит, никаких столовых приборов для иномирянки. И ни малейшего понятия о гигиене у местных...

– Но сначала ополоснем руки.

Нет, о гигиене здесь все же слышали... Раздался четырехкратный стук, и по одной чаше с водой приземлилось перед каждым на стол. Юля зашарила по поверхности, но сделать ей что-либо не позволили. Четвертый не только омыл «свою» руку, но коснулся губами каждого пальчика. Третий ограничился водными процедурами. А когда Юля попыталась возмутиться – чувствовать себя куклой было непривычно, да и неудобно, – ее заверили, что исключительно ради пользы дела стараются.

– Над нами только стол его величества, – поделился «радостной» новостью Третий, явно намереваясь за ужином обойти папашу, наплевав на авторитет родителя.

– Если вы разольете воду или уроните еду, начислят штрафные баллы, – добавил Четвертый.

Суровость правил заставила Юлю скрипнуть зубами.

– Меня бы устроило и почетное второе место. – Она высвободила конечности из рук братьев.

Ситуация ее слегка напрягала. Если интерес Четвертого она уловила давно, то Третий нервировал своим вступлением в игру. И что им от нее надо? Переспать? Развлечься? Выиграть женщину у брата? Н-да... Не хотелось бы стать ценным призом для соперничающих братьев. Или товарищи с серьезными намерениями? К чужачке, у которой статус чуть выше гувернантки? Вряд ли. Юля решила быть реалисткой и не торопиться с выводами. Товарищи развлекаются? Значит, ей тоже можно.

– Вас бы устроило, а Альгара? – тут же подловил ее Фильярг.

Увидеть радость победы в глазах Совенка хотелось, обойти его величество... нет. Она до сих пор не знает, простил ли он ей стринги.

– Знаете, кто под нами? – провокационно протянул Третий, наклонившись к самому уху.

От жаркого дыхания, опалившего кожу, девушка вздрогнула, тело напряглось, ощущая близость мужчины... Нет, с этими братьями она точно сойдет с ума.

– Разве вам не хочется... – Юля замерла, не дыша, пока этот искушитель держал паузу, – обойти такойцев?

И отомстить за «виагру»? Она облизала пересохшие губы – братья ее провоцировали, это факт, как и то, что провоцировали, не выходя за рамки ужина. Ни один не позволил себе даже руку положить на ее колено, не говоря о большем. Легкие поцелуи-прикосновения – не в счет. И эта осторожность дарила чувство безопасности.

– Хорошо. Сделаем пиратов.

– Сделаем! – восторженно завопил Аль, но был тут же осажен:

– Не отвлекайся! Тебе помогать не станут.

Юля моргнула, осознавая несправедливость. Ее, взрослую тетю, опекали как маленькую, а малолетнего Совенка заставляли все делать самому... Осознав это, Юля задавила собственное возмущение. Детю полезно, а она... переживет приступ интереса у братьев.

Странное рассыпчатое блюдо, явно крупяное, с добавлением сладких фруктов, Юля ела собственными руками, зато на уборке следов неряшливости высочества отыгрались.

– У вас здесь испачкано. – Палец Харта осторожно снял крупинку с уголка ее губ.

– Вы уронили. – И губы Фильярга коснулись груди, слизывая крошку.

Юля прерывисто вздохнула, выругалась и заставила себя успокоиться. Если так дело пойдет и дальше, она не просто пару крошек уронит, а все блюдо на себя вывернет трясущимися руками.

Десерт встретила как родного. Нервы были в той стадии напряжения, что еще немного и она опрокинет чашку с чем-то сладким и взбитым на головы обоих. Никогда Юля не думала, что кожа на запястье может быть столь чувствительной и одно лишь прикосновение будет выводить ее из душевного равновесия. И ведь не скромная девушка, но темнота, заинтересованность братьев, риск прогулки по подвалам и азарт игры кого угодно раззадорят.

– Вы прекрасно держались, Юля, – проговорил Харт, когда окружающая темнота начала медленно, точно нехотя, сереть.

И стало видно, что висят они в воздухе, одним краем касаясь бежевого камня вертикальной шахты, вторым – зависнув над пропастью. Никаких заграждений за спиной не было – только широкий бортик дивана. Стройные колонны удерживали над головой крышу беседки. А вдоль стен шахты на разной высоте замерли такие же столики.

Они действительно оказались выше всех, лишь еще один столик застыл на одном уровне – его величества. Пиратов они все же сделали.

Глава 20

Фильярг рассеянно прошелся по комнате, остановился напротив темного окна, изучил собственное отражение, поправил ворот рубашки. Задумался – закатать рукава, чтобы вид был более неформальный? Потянулся проверить и почти сразу одернул – ведет себя как пацан на первом свидании. Он собирается учить, а не соблазнять.

Фильярг растер лицо, собираясь с мыслями. Кажется, их шалость за ужином обошлась им дорого. Он и сам не заметил, как увлекся. Темнота, близость женского тела, подрагивающие пальцы в ладони, нежная кожа запястья и сбивающееся на еле слышный вздох дыхание, когда он касался ее губами. Девочка, несмотря на внешнюю суровость, оказалась нежной и страстной. Настолько сладкой, что внутренний огонь ревел, требуя прижать, зацеловать, а потом сделать своей. А как было жарко, когда он облизал, невзирая на протест, испачканные пальчики...

Что говорить о нем, если даже Третьего проняло. И куда делась вечная невозмутимость старшего брата? Фильяргу только и оставалось, что мысленно проклинать внезапно увлекшегося Харта и собственную несдержанность. Мог ведь предположить, что открытая провокация не оставит Третьего равнодушным. И на что тот рассчитывал? Старшинство здесь не работает – в любви каждый сам за себя. Ассару он брату не уступит... Вспомнил их глупый спор, помрачнел, мысленно перебрал своих людей, остановился на трех подходящих. Вот ими завтра он и усилит команду, которая ведет ассару.

Его высочество криво усмехнулся – зацепила его чужачка, и сильно, а ведь он не хотел торопиться. Умом осознавал – положение ассары неустойчиво. Отец до сих пор не подписал указ, тянул, собирая информацию. Фильярг его понимал – сам был против иномирянки, но проволочка злила. Еще и академия впереди. И надо было дожидаться первых результатов, первых пройденных Альгаром тестов. Трезвый расчет требовал не предпринимать ничего, пока не станет ясно, что они останутся в живых. «Ты же понимаешь, – рассуждал сам с собой

принц, – в случае гибели Шестого ассара вряд ли выживет. Слишком сильна эмоциональная привязка. А даже если выживет, то останется со сломанной психикой». Фильярг все прекрасно понимал, но сегодняшний ужин издевательски продемонстрировал, как летят в огонь все установки, когда рядом Юля.

Стук в дверь прервал размышления. Фильярг приказал себе выкинуть из головы лишнее и сосредоточиться на предстоящем уроке. Вот что действительно важно – научить девчонку блокировке, пока она не натворила серьезных дел, поддавшись детским эмоциям Альгара.

Он открыл дверь, нервно сглотнул и едва сдержался, чтобы не захлопнуть ее. Он уже и забыл, какими соблазнительными могут быть иномирные наряды. Фильярг прошелся жадным взглядом по узким штанам из мягкой материи, расстегнутой курточке, обласкал грудь, обтянутую маечкой. Наряд был ярким, прямо-таки кричащим. И реакцию вызывал соответствующую, точно ассара специально его провоцировала...

Мужчина нахмурился. Знала ли девчонка, от чего именно ее сейчас отделяет его выдержка? Вряд ли. И сделал себе мысленную пометку выкинуть из комнаты ассары неподходящую одежду.

Его высочество шагнул ближе, нависая над ней, поймал взгляд удивленно расширившихся глаз, с удовлетворением отмечая, что страха в них больше нет. Он склонился, с удовольствием вдохнул запах и спросил:

– Госпожа ассара пришла развлечься?

Фильярг едва удержался, чтобы не погладить ее по миготавшей румянцем щеке.

– Нет, учиться, – мотнула головой упрямец, еще и губу закусил. Вот только участвовавшее дыхание и расширившиеся зрачки выдавали ее с головой.

– Тогда застегнись, – приказал он жестко, сам отправляясь в ванную – успокаивать нервы.

«И что это было?» – спросила Юля у мужской спины. Про себя, не решившись вслух озвучить недоумение.

Покачала головой. И чем не угодил обычный спортивный костюм? Сам же сказал – удобная одежда. Она и оделась удобно: длинные штаны, кофта, маечка, спортивный лифчик. Оглядела себя, проверяя,

штаны были на месте. И с чего это Филя так перекошило, что аж желваки под кожей заходили? Непонятно.

Кофту девушка застегнула. Прошла в гостиную, устроилась в кресле. Огляделась. Местные аристократы предпочитали украшать помещения светом. Юля насчитала семь разных подсветок. Удачно подобранные, они увеличивали объем комнаты. Ну и светилося здесь все: диваны, картины, пол, вазы на полу. На стенах и потолке световые узоры рисовали переливающиеся картины. Красота.

– Нравится? – поинтересовался Фильярг, входя в комнату.

– Необычно, – согласилась Юля.

– Если хотите, приглашу к вам мастера-осветителя. Сможете ему заказать интерьер по своему выбору.

Комнату-гирлянду Юля хотела, и ей пообещали прислать мастера завтра к обеду.

– А теперь ложитесь. – И высочество указал на свободное пространство перед панорамным окном.

Юля нервно сглотнула, в памяти всплыл ужин, ощущение чужих губ на своей коже. Ложиться не хотелось, но собственная зависимость от эмоций ребенка пугала больше, чем влечение к мужчине, и Юля подчинилась. Легла, вытянулась на теплом полу. Она не знала, как именно отапливался дворец, но полы в комнатах были теплыми, а вот коридоры встречали стылым холодом. Потому так популярны были жилеты среди знати.

– Теперь прикройте глаза и расслабьтесь, – скомандовал Фильярг.

Юля скосила глаза, принц улегся рядом – на расстоянии вытянутой руки.

Сам он был одет в просторные штаны и широкую рубашку и вид имел домашний – с закатанными рукавами, расстегнутым воротом.

– Вы точно сюда заниматься пришли? – вскинул брови этот невозможный мужчина, поворачивая голову и встречая ее изучающий взгляд.

Юля вспыхнула, отругала себя за несдержанность и торопливо отвернулась, прикрыла глаза. Рядом удовлетворенно хмыкнули, и в комнате повисла тишина.

– Я попрошу вас максимально сосредоточиться. – Голос Фильярга звучал усыпляюще ровно, и Юле пришлось приложить усилия, чтобы удержать внимание и не сползти в сон. – Представьте Альгара.

Вспомните как можно больше деталей. С этого и начните. Как движется, как смотрит, как улыбается. Представьте его рядом с вами. Вот он лежит, вы слышите его дыхание. Ощущаете его запах. Видите, как ровно поднимается и опускается грудь. Совенок спит.

Юля едва не потеряла концентрацию, услышав это прозвище из уст Четвертого, но оно, как ни странно, помогло. Она настолько четко представила дитя, лежащего между ней и мужчиной, что могла протянуть руку и...

– Все верно. Попробуйте его коснуться.

Предложение отдавало шизофренией. Что там говорить – именно ею оно и было. Как можно почувствовать созданное воображением?

– Плохо, Юля. Вы настолько мне не доверяете?

Девушка нервно сглотнула – голос Фильярга раздался совсем рядом. Она резко распахнула глаза и вжалась в пол – мужчина завис над ней на вытянутых руках. Между ними оставалось не меньше полуметра пространства, но Юле показалось, что идущее от мужского тела тепло плавит кожу. И захотелось прогнуться, прижаться... Она прикусила губу, отводя взгляд и задерживая дыхание, чтобы успокоить суматошно забившееся сердце. Фильярг прерывисто вздохнул, выпустил воздух сквозь сжатые зубы, откатился и снова исчез из гостиной. Хлопнула дверь, послышался шум льющейся воды.

Юля хихикнула – кажется, кто-то переоценил свои преподавательские способности и теперь вынужден изображать Ихтиандра. Ладно, смысл она уловила, надо попробовать дальше самой.

Девушка села, скрестила ноги, принимая удобную позу. Это пусть Фильярг лежа расслабляется, ей удобно заниматься сидя. Прикрыла глаза. Восстановила образ Совенка. Представила, как он сидит напротив, смотрит своими желто-карими глазенками. Вспомнила, как первый раз он появился у нее на кухне. Мокрые волосенки. Худенькие плечи. Застывшая тревога во взгляде. Такой близкий, такой родной. В глазах защипало. И захотелось обнять малыша, прижать к себе. Она протянула руку, взъерошила ежик жестких и мокрых волос. Испуганно охнула.

– Отлично, Юля, – очень тихо проговорил Фильярг за ее спиной, – у вас получилось.

Получилось что? Вызвать собственную шизофрению? Сердце забилося в бешеном ритме. Юля выдохнула, успокаиваясь. В конце концов, это лишь выверты психики, и ничего больше. Открыла глаза – комната была пустой.

– И чего испугалась? – На плечи легли теплые ладони, погладили. – Продолжай.

Легко сказать, раздраженно подумала девушка. Она слышала пару историй о таком раздвоении сознания – тульпе, когда людям требовалось серьезное лечение, чтобы избавиться от воображаемого друга. А ведь там реализм тоже доходил до тактильных ощущений...

– Верни образ, – ладони сжали плечи, приказывая, и Юля повиновалась, решив идти до конца, – а теперь открой дверь, попроси Совенка за нее удалиться.

Юля охнула, прикусила губу, замотала головой. Закрыть даже воображаемого дитя в комнате было немыслимо.

– Юля, – в голосе Фильярга слышалось усталое раздражение, – вспомни о том, что случилось сегодня. Представь, что вы отправились в город вдвоем, с несовершеннолетним, на встречу с головорезами. И это только начало... На что толкнет тебя связь с Альгаром, даже мне представить сложно.

Юля всхлипнула, признавая правоту Фильярга. Стерла текущие по щекам слезы, воссоздала образа Совенка, и воображение тут же нарисовало умоляющий взгляд желто-карих глаз. Внутренности обожгло от боли.

– Будь сильной. Ради него, ради себя самой, – проникновенно попросил Фильярг.

Юля крепко зажмурилась, мысленно дорисовала дверь за спиной дитя, медленно открыла ее, поместила туда Совенка. Щелкнул замок, и внутри мгновенно поселилась тянущая душу пустота. Юля, уже не сдерживаясь, закрыла лицо ладонями, и горячие слезы хлынули сквозь пальцы.

– Тише, тише, маленькая моя. – Фильярг посадил ее к себе на колени, обнял, укачивая, как ребенка. – Тебе сейчас больно, непривычно одиноко, но, обещаю, это пройдет. Ты привыкнешь оставаться одной. Запомни, Юля, не меньше часа в день, иначе, клянусь, стану дарить куклы...

Девушка не сдержалась, фыркнула, представив Фильярга с куклой в руках.

– ...но сегодня хватит и пятнадцати минут. Видишь, – обрадовался он, – ты уже улыбаешься. Не все так страшно, правда? – И протянул ей носовой платок.

Юля взяла, вытерла слезы. Все действительно оказалось не так уж страшно. Она потихоньку начала ощущать себя прежней взрослой тетей. Тяга к подвигам испарилась, вместо нее пришло смущение – расселась на мужских коленях, еще и обнимать себя позволила.

– Спасибо вам, – поблагодарила она, отстраняясь.

Фильярг понял. Помог подняться, придерживая за плечи, словно не в силах отпустить, легко коснулся губами лба.

– Вам спасибо, ассара, – снова перешел он на официальный тон, – и простите, что заставил плакать. Обещаю, это в последний раз.

– Не извиняйтесь, – качнула она головой, – я все понимаю. Блокировка нужна, вы правы. И если я не справлюсь, – если у нее не хватит духа закрываться от Совенка по часу в день, – я сама попрошу вас купить мне куклу.

– Договорились, – рассмеялся Фильярг, крепко прижал ее к себе и тут же отстранился. – Идемте, я вас провожу, – предложил он и, не дожидаясь согласия, уверенно взял за руку.

Вернувшись, Юля первым делом наведлась к Совенку в спальню. Воображение рисовало жуткие картины собственного предательства – именно так ею ощущалась блокировка, но реальность оказалась мирно сопящей. Деть не проснулся, спокойно пережив все манипуляции, и Юля окончательно успокоилась. Легонько поцеловала Аля в лоб, поправила одеяло и спустилась в гостиную. Постояла у панорамного окна, бездумно глядя на светящийся внизу огнями город, на лунную дорожку, пересекающую гладь озера.

Она восстановила связь, выпустив воображаемого Совенка из комнаты. Душу наполнило привычное тепло, и уже казалось немыслимым снова лишиться этой наполненности.

И как она справится? Юля покачала головой. Отражение ответило тем же. Внутри горечью шевельнулось одиночество. Тянущей болью отозвалась тоска по дому. И захотелось вернуться. Врубить телевизор. Вслушаться в бредовое ток-шоу. Отключить пребывающие в стрессе из-за чужой речи мозги. Поболтать с подругами ни о чем. Поржать над

вечно попадающей в переделки Надькой. Выслушать давно ненужные наставления от мамы и пообещать не возвращаться поздно домой.

Сожаление ядом вползло в душу...

– Самка двуногого червяка! – взрывом ворвалась в мозг чужая речь.

– Калкалос! – подпрыгнула Юля, ощущая, как печаль исчезает, точно тьма при вспышке светошумовой гранаты.

– Ждала кого-то еще? – ревниво осведомились в голове.

Губы девушки расползлись в улыбке. Этот дракон действовал на нее как полбутылки виски на голодный желудок.

– Только тебя, жаба с крыльями, – призналась она честно.

– Выходи давай, лысая личинка.

Юля аж подпрыгнула от волны неконтролируемого восторга. Где-то на горизонте сознания мелькнул уккоризненный облик Четвертого, но вскоре был затерт крылатым силуэтом.

Дракон рисовался. Пролетел на бреющем мимо балкона, сделал пару бочек, потом свечкой взмыл вверх, завершив пилотаж мертвой петлей. Спикировал вниз, в последний момент затормозил и почти аккуратно вцепился когтями в балюстраду балкона. Почти – потому как камень под когтями начал крошиться и трескаться. Ящер вытянул шею, обнюхал девушку, облизнулся, прикрыл желтые с вытянутыми зрачками глаза и вдруг предложил:

– Полетаем, двуногая самка?

Юля беспомощно оглянулась. Она бы с радостью, но...

Но Совенок спит, тут же принялся нашептывать голос искушения, Филь снова в ванной, Третий наверняка занят. Кому помешает ее прогулка сейчас ночью? Никто и не заметит, если она отлучится.

– Только ненадолго, – проговорила она нерешительно.

Здравый смысл боролся с желанием плюнуть на всех и отдаться на волю приключения. Дворец уже воспринимался золотой клеткой, а свобода сидела на перилах и подбадривающе качала головой.

– Звезды не успеют потеплеть, как мы вернемся, – клятвенно заверил ее калкалос, и Юля решилась. Забралась на перила, радуясь, что не успела переодеться. Глянула вниз, на мощеные дорожки парка, в темноте ей показалось, что здесь невысоко, но с колен она вставать не стала. Юля добралась до крыла и замерла в нерешительности, оценивая посадочное место.

– Шевели отростками, личинка, – подбодрил ящер, – или боишься, что уроню? Не трусь, привяжу магией твое хрупкое лысое тельце.

И калкалос вытянул крыло, утыкая край ей в коленки. Какие там полбутылки виски?! Литр водки, не меньше, – именно так ощущала себя Юля. Внутри пузырьками щекоталось предвкушение, адреналином в крови бежал азарт. Держась за крыло, она встала, осторожно наступила в кроссовках на кожистую поверхность, дотянулась до шипастого гребня, подтянулась на коленках по чешуйчатому боку. Бок был теплым, а еще он мерно колыхался в такт дыханию зверя.

– Какая увесистая личинка, – проскрипел ящер, Юля замерла, только потом сообразив, что калкалос шутит.

Она перенесла одну ногу через гребень, устраиваясь между самыми большими шипами. Крепко обхватила тот, который был перед ней.

– Если начнешь падать, – «порадовал» ее ящер, – кричи, поймаю.

– Если уронишь, – предупредила Юля, – тебя закопают.

И они стартовали. Дракон развернулся, распахнул крылья, проваливаясь вниз на пару метров. Юля охнула, вцепившись в гребень. Но выпендриваться ящер не стал. С десятков мощных взмахов – и они вышли на крейсерскую скорость, набрав нужную высоту. Впереди стремительно приближалось пятно огоньков – город, под крылом проносилась мерцающая гладь озера, а за спиной – Юля оглянулась – красно-сизым мигал дворец.

– Красиво как, – выдохнула девушка, не ожидая столь яркой подсветки.

– Это тревога сработала, – меланхолично пояснили у нее в голове, – сейчас сигналки включатся.

И взревело так, словно десяток пароходов заявили свое право подойти одновременно к пристани.

– Япона мать! – выругалась Юля. Теперь не стоило и рассчитывать на то, что их прогулка останется незамеченной.

Когда Четвертый вышел из душа – третий раз за вечер! – то обнаружил в комнате Харта. Брат являл собой замершую около окна

статую. При виде Фильярга он не повернулся, продолжая всматриваться в темноту за окном.

– Мне казалось, ты сегодня собирался научить блокировке нашу драгоценную ассару? – спросил он внезапно.

– И научил, но ты знаешь, как непросто ассару отгородиться от подопечного в первые дни единения, – ответил Фильярг, ощущая, как внутри растет раздражение на внеурочный визит.

– Жаль, – Третий развернулся от окна, активировал браслет связи, – значит, придется действовать иначе.

– Действовать как? – спросил Фильярг, уже понимая, что Третий не просто так появился на ночь глядя в его покои.

– Ты проиграл, братец, – вместо ответа заявил Третий и вдруг ухмыльнулся. – Завтра лично займусь обучением этой... гм, ассары.

В этот момент за окном полыхнуло красно-сизым, а через секунду взвыли сирены. Харт тут же погрузился в общение с охраной дворца.

Фильярг взлетел на второй этаж, нацепил браслет связи, активировал его, лихорадочно вслушиваясь в переговоры:

– Засекли калкалоса?

– Так точно, ваше высочество, уходит в сторону побережья.

– Тревогу снять, двойку чарксов в наблюдение. Вмешиваться только при угрозе жизни...

Фильярг слушал и не понимал, при чем тут Юля. И тут память подкинула ящера, проявившего странный интерес к девушке. Но если Третий поднял в воздух двойку чарксов...

– Жыргхвова задница, – выругался он, мечтая добраться до поганки и придушить, а потом хорошенько отшлепать.

Ни на что не надеясь, его высочество затребовал доклад от своих людей, но доступ в покои ассары он им закрыл, потому ситуацию его команда поймала в завершающей фазе, о чем и доложила, даже попробовала его успокоить: «Вы не переживайте, ваше высочество, она уверенно на нем держалась, сразу не свалится».

У Фильярга возникло острое желание срочно переселиться в соседние покои, чтобы не спускать с девчонки глаз. Вот вернется живой домой, и он сразу займется ее воспитанием.

– Даже не думай, – обернулся на скрип его зубов Третий, – завтра ты не вмешаешься.

Фильярг выругался повторно, но спор есть спор, только уточнил безразлично:

– Как засек?

Третий самодовольно улыбнулся:

– Небольшое предвидение ситуации.

И на этом он удалился. Фильярг успел заметить, что брат продолжает держать открытым канал связи с охраной, значит, будет отслеживать доклады патруля.

– Предвидение, – проворчал Фильярг, уже зная ответ на свой вопрос.

Самый большой вред калкалосы наносили своим любопытством, и потому охранные плетения дворца давно не реагировали на визиты хвостатых, иначе обитателям грозила бы глухота от сирен. Но защитный браслет Юли он сам настроил таким образом, чтобы девушка не могла без надзора покинуть территорию. Вот на тревожный сигнал от браслета защита и сработала. Третий засек визитера чуть раньше, поставив сигналку на балкон. Только даже он не мог предположить, к чему приведет визит, потому как пришел к брату, а не помчался в покои к девушке.

Этот раунд остался за Третьим.

– Ненадолго, – пообещал сам себе Фильярг.

Первый шок от полета прошел, Юля прислушалась к себе – на сердце было спокойно и тихо, значит, Совенок не проснулся, и совесть с ее угрызениями можно было запихнуть поглубже. Если она вернется прямо сейчас – разборка все равно не избежать.

Гуляем так, чтобы было за что страдать, решила Юля твердо. К тому же было жутко любопытно, за что она удостоилась чести натереть мозоль на нижней части спины. То, что ящерицы не допускают к себе абы кого, она уже поняла. Непонятно только, зачем калкалосу чужачка?

Дракон летел ровно, ветер обдувал лицо Юли несоизмеримо слабо по сравнению со скоростью, но холодно не было. Стало понятно, что ее не просто притянули к себе магией, а еще и прикрыли согревающим куполом. И страх исчез окончательно. Настолько, что проснулось чувство прекрасного. Взгляд ласкали луна, редкие облака, сквозь

которые сверкала россыпь звезд, огни внизу и серо-зеленая чешуя под руками, таинственно поблескивающая в лунном свете.

– У тебя имя есть? – спросила Юля, когда огней под крылом стало совсем много: проносились красиво подсвеченные мосты, шпили, крыши с бассейнами, купола, оживленные набережные и река, сплошь забитая лодками, – город выглядел одной праздничной ярмаркой, а впереди, под облаками, темнела широкая полоса моря.

– Вчера звался Аלקхаббаром, – пророкотало у Юли в голове, – а сегодня еще не придумал.

– Как так? – озадачилась она.

– Это у вас, личинки, скучная жизнь. Одно имя, один дом, одна семья. А у меня – весь мир, любое имя, и все драконы поголовно – мои родичи.

Весь мир, любое имя... А чешуйчатый-то – хиппи, догадалась Юля. Занятно. И сразу захотелось сделать доброе дело.

– Как насчет Дракона? Так называют похожих существ в моем мире.

– Дракон? – хмыкнули в голове, и калкалос наклонился, совершая поворотный маневр.

Юля сглотнула – рябая гладь моря вдруг оказалась слишком близко, как и мачта неизвестного судна, над которым они как раз пролетали.

– Драго? – выдавила она из себя новую версию, когда тошнота прошла.

Они внезапно ускорились, метнулись вправо, затем влево, девушка больно стукнулась грудью о шип гребня, глухо вскрикнув от боли.

– Вот прилипчивые блохи! – с восторгом проорал калкалос.

– Где? – завертелась Юля, пытаясь разглядеть, от кого они так рьяно уворачиваются.

И тут она оказалась висящей вниз головой. Внизу равнодушно поблескивала гладь моря, над ней тенями распростерлись крылья, неподвижно зависнув в воздухе. Они не падали – парили, несмотря на попирающую аэродинамические законы позу. Потом ее внимание привлекло движение справа, Юля повернула голову, чтобы

натолкнуться на ошалелый взгляд парня в шлеме и очках, сидящего на похожей на гигантского орла птице.

– Держись! – прокричали с другой стороны, и более быстро сориентировавшийся всадник попытался стащить ее с дракона, но только мазнул рукой по плечу, а дальше мир перестал «висеть», море резко рвануло им навстречу.

Они падали под оглушительный девичий визг. И только у самой воды горизонт поменялся, ящер выровнялся и заскользил над морем в сторону утесов.

Глава 21

Когда летишь вниз со скоростью свободного падения, в ушах собственный крик и свист ветра, мыслей в голове нет. Впрочем, о том, что над ней многотонная туша, которая вмажет ее в воду, Юля подумать успела. Как и зажмуриться и приготовиться к смерти.

– Ну у тебя и голосилка, чуть не оглох, – проворчали в голове, ее дернуло, тело приняло нормальное положение.

– Сдурел?! – гаркнула девушка, ощущая себя гражданским, внезапно оказавшимся на поле боя аккуратно между двух воюющих сторон.

Следующие пять минут, пока они скользили над водой, Юля была занята тем, что училась заново дышать, вспоминала известные ей ругательства, посылая успокоительные эмоции по связи Совенку – потому как чувствовала беспокойство детей, и наслаждалась острым приступом любви к жизни. Настолько острым, что сейчас она была рада даже получить выволочку от Четвертого, как и унижительный подарок – куклу.

Чтоб она еще раз села на этого чешуйчатого осла... И кто только ему права на полеты выдал? Шумахер недоделанный... Чтоб ему до конца жизни ползать, а не летать... А куда смотрят парни на «блохах», тьфу, «орлах»? Если в воздухе нет дорог, это не значит, что каждый может летать так, как ему вздумается...

– Ты повторяешься.

Она так увлеклась, что забыла о пребывающем в голове товарище. С досадой подумала о том, сколько всего надо освоить первоочередного... Вот, например, экранирование мыслей.

– А ты еще раз меня урони, и, может, снова вдохновение придет, – огрызнулась Юля.

Дракон вильнул, вставая набок, и девушка заголосила, вцепляясь в гребень:

– Нет-нет, я пошутила, не надо больше.

– Спокойно, личинка, у Драго все под контролем... Это же так весело – стряхивать блох с хвоста.

Юля могла бы поспорить, но кто ее послушает... Боком они втиснулись в узкий каньон, разбивший высокий берег на две части. Понеслись между отвесных скал, и Юля пригнулась, вжимаясь в дракона, чтобы не задеть головой камень. Вильнули, заворачивая в ответвление. Здесь ширина позволяла встать на полное крыло. Где-то далеко внизу журчала вода, между скал клочками белел туман, а они призраком скользили в чернильной мгле глубокого ущелья. «Блох» заметно не было, и, кажется, их и вовсе потеряли. Вот и хваленые иномирные технологии – Юля с раздражением покосилась на свой браслет.

– Я не понял, что ты там несла, личинка, про ГАИ и полосатый жезл. Этим артефактом кого ловят?

Сложно послать того, кто обосновался в голове. Еще и так, чтоб не обиделся и не скинул вниз. Пришлось объяснять.

– Права, учеба, – грохотало в голове смехом, – меня мамаша из гнезда выкинула – вот и вся учеба, папаша за хвост цапнул, чтоб шустрее махал, считай, права выдал. Тяжело вам, ползающим, без крыльев-то.

По Юлиному мнению, тяжело без мозгов. Без крыльев жить как раз можно.

Они устроились на широком уступе. За спиной темнела скала, внизу шелковистой простыней расстиралось море, разделенное лунной дорожкой на две части. «Блох» видно не было, и от Драго неслись волны самодовольства. Юля сидела привалившись к теплому боку, остро жалея, что куртка осталась во дворце. Дракон был как большая печка, и одна часть тела девушки пребывала в блаженном тепле, зато вторая подмерзала.

– Слышь, самка двуногих, ты решила остаться не только без крыльев, но и без огня? – спросил ящер, когда она уже начала постукивать зубами от холода. Повернул голову, фыркнул, обдавая теплым воздухом, и на Юлины плечи легло, укутывая, драконье крыло, а колени придавило тяжелой башкой.

Искушение было слишком велико, и девушка осторожно провела пальцами по гладкому носу. Дракон смежил веки, пустив от наслаждения из ноздрей пару струек дыма.

– Мой огонь, что хочу, то и делаю, – ответила она, активно почесывая надбровные дуги зверя.

– Глупая трусливая личинка, – не согласился калкалос, – заперла огонь в клетке и спрятала когти? Не думала, что огонь копится и, когда вырвется, сожжет все вокруг?

И почему у Юли складывалось ощущение, что ящери глубоко плевать на «все вокруг», а вот запертый огонь его тревожит, точно судьба близкого родственника?

– И что предлагаешь? – спросила она с раздражением. Прицепились с магией, будто у нее других проблем мало.

– Смотри, самка. – Тонна снисходительности отстранилась, поднялась на лапы, демонстрируя себя.

Сначала в темноте вспыхнула красная искра, постепенно разгораясь в желто-красное пятно, она поползла по дракону. Нет, поправила себя девушка, она ползла внутри дракона от груди вверх, к горлу, меняя цвет чешуи на ало-золотой, чтобы затем выстрелить метров на пятнадцать широкой, ревущей струей пламени.

Юля заслонила, уберегая глаза, но все равно нахваталась зайчиков. Огнемет вышел фееричным, что и говорить, но девушка продолжала пребывать в недоумении – ей сейчас что, предложат поплеваться пламенем?

Предположение отдавало дикостью, как и то, что внутри внезапно отозвалось – загорелось, зажглось, словно дракон будил в ней... Дракона? Цивилизованная часть Юли охнула, возмущенно засуетилась, заново выстраивая барьер между поселившейся внутри чуждостью и собой. Но мир решил иначе.

Калкалос повернул голову, ловя ее взгляд в тиски ярко-желтых с вытянутыми зрачками глаз. Рыкнул, обнажая немаленькие такие клыки. И Юле сразу вспомнилось, что ящеры ни разу не травоядные. А она тут с ним одна на скале... Даже «блох» и тех потравили.

– Личинка, не зли меня.

В янтаре полыхнуло обещание ее сожрать, если Юля все-таки разозлит ящера.

– И что ты хочешь? – В ней всколыхнулась ответная злость. Юля вскочила, сжимая кулаки. – Я не могу плевать огнем, я – не дракон, тьфу, калкалос. Я – человек, понимаешь? – уже не говорила, а орала она, подступая к самой морде и искренне жалея, что морда высоко – не допрыгнуть.

И тут под ногами вымораживающе застрекотало. Ног коснулось что-то омерзительное, в голове пронеслись панические картины гигантских пауков, многоножек и прочих членистоногих. Тело среагировало само, под визг отпрыгивая в сторону и подсвечивая себе прыжок струей огня с двух рук одновременно.

Со всей дури Юля шлепнулась на попу, зашипев от боли. Перед глазами плавали сплошь желтые пятна, но перед тем, как ослепнуть, она все же смогла заметить, как из-под ног рвануло в сторону длинное гибкое тело.

– Где оно? – закрутила она головой, высматривая тварь. В руке Юля сжимала непонятно когда подобранный камень.

– И что огонь нашел в таком трусливом создании? – насмешливо фыркнул ящер. – Еще и столь громком. Знал бы, что так испугаешься лизра, – домой тебе его притащил бы. Слышь, личинка, надоедят двуногие, отвезу на Желтые острова. Поселишься с нурками. Они визжат прямо как ты, когда видят чужаков.

Болтовня калкалоса злила, но эта злость странным образом успокаивала, прогоняя страх. Юля какое-то время посидела, прислушиваясь к шорохам, потом обозвала себя трусихой и пересела под бок к ящеру.

– Доволен? – спросила она устало. Внутри было непривычно спокойно и пусто. Юля чувствовала себя воздушным шариком, который проткнули, выпустив воздух. Неужели напряжение, принимаемое ею за нервозность и стресс, было результатом копящегося внутри огня и все маги вынуждены регулярно пользоваться даром, дабы не взорваться? Неудобно, однако.

– А ты, личинка? – Дракон изогнул длинную шею, и чешуйчатая башка закачалась на одном уровне с ее лицом. – Что думаешь о пламени? О той силе, которая может уничтожить в один миг, но послушна тебе?

Явный восторг в эмоциях чешуйчатого – точно девчонка перед айдолом^[5] – навел Юлю на определенные мысли. Брови недоуменно поползли вверх. Ей повезло нарваться на огнепоклонника? С другой стороны, калкалосы разумны, так почему бы им не одушевлять огонь? И не в этом ли причина сегодняшнего визита? Похоже, ящер смог каким-то образом учуять ее неприятие проснувшегося дара и

возмутился подобным равнодушием, вплоть до похищения и наглядного урока.

– Прости, я не оценила торжественность момента. Слишком все быстро получилось.

Ну да. Лизр под ногами. Собственный испуг. Какие там мысли, когда все на реакциях?

Калкалос разочарованно отвернулся, проворчав про тупых двуногих самок, которые не могут понять столь простых вещей. Юля развеселилась. Ночь, выступ скалы над морем, желтая луна заинтригованно заглядывает к ним сквозь облака, она только что поджарила камень, пусть и неосознанно, с испуга, а разумный ящер пытается затащить ее в секту огнепоклонников. Самая та обстановка для совращения...

– Спасибо тебе, правда, спасибо.

Она прижалась к теплему боку, потом, осмелев, поднялась, дотянулась до морды и коснулась губами прохладного кожаного носа. От калкалоса пришла волна довольного смущения...

Не стоило и надеяться, что высочества не в курсе ее проблемы. Четвертый намекал, что готов перейти к более кардинальным методам по снятию блокировки. А в богатой фантазии братьев у нее уже был шанс убедиться – и девушка поежилась при мысли о завтрашнем дне. Так что калкалосу Юля действительно была благодарна.

– Может, костер запалим? – предложила она, дабы сделать приятное товарищу.

Ящер согласился. Принес старое сухое дерево. Поджигать дрова, естественно, выпала честь Юле. Долго она не могла воссоздать чувство панического страха, которое вызвало всплеск. Калкалос, издеваясь, предлагал отправиться за лизрами. Потом сменил тактику, решив выманивать внутренний огонь на внешний. С надцатой попытки Юле удалось не обжечься и создать на ладони крошечный огонек. А после они молча сидели, смотря на пляшущие языки костра. Юля дремала, укутавшись в крыло, калкалос довольно щурил глаза и вздыхал, думая о чем-то своем, драконьем.

Возвращались они в предрассветных сумерках. Небо на востоке серело, по линии горизонта наливаясь розовым. Зеркально-гладкое море дремало, лениво перекачивая редкие волны, город спал, демонстрируя пустынные улицы и каналы, спал и дворец.

Чувствуя себя татем, Юля прыгнула на балкон. Вздохнула при виде трещин на ограждении, на цыпочках прошла в комнату, ожидая встретить как минимум одну пару гневных глаз, но в гостиной было пусто. Она прокралась наверх, заглянула к спящему Совенку и, не раздеваясь, рухнула на свою постель, мгновенно забывшись сном.

Утро началось чудовищно рано. Юле показалось, что она только закрыла глаза, как по постели заскакал деть, начала хлопать дверьми шкафа Зарьяна, и ее назойливые причитания заползали в уши:

– Вставайте, госпожа. Ее величество оказала честь и разделит с вами трапезу.

Даже сквозь жесткий недосып слова «ее величество» разорвали мозг. Юля застонала – принесло. Закатила себе мысленную пощечину – на плаху захотела, дитя демократии? – соскреблась с кровати, пинком отправив себя под душ.

Она с блаженством стояла под теплыми струями воды, прогоняя из тела ломоту. Обожженную кожу на ладонях пекло, ушибленный зад болел, сорванное от крика горло саднило, но все это было мелочью по сравнению с наполняющим душу счастьем.

– Доброе утро, госпожа магиня, – поздоровалась она сама с собой в зеркале, не удержавшись и подмигнув бледному отражению. Конечно, огонь ей не покорился, но успех приятно грел душу.

До сего дня явных проблем с законом у Юли не было, а потому весь спектр эмоций преступника она испытывала впервые: от глухого отчаяния и равнодушия – пусть наказывают, до пьянящей надежды – а вдруг пронесет? Впрочем, надежда была крошечной. Вряд ли кто-нибудь во дворце не обратил внимания на сработавшую вчера сирену и не поинтересовался причиной тревоги, а уж не заметить дракона с девушкой на спине... Только если охрана разом оглохла и ослепла. Тогда почему ее не встретили утром с разборками по свежим следам? Не поймали на горячем? В голове настойчиво крутились мысли о повинной. Но упрямство пересилило. Она не обещала безвылазно сидеть во дворце или не летать на драконах. Должно у нее быть свободное время, когда подопечный спит или занят своими делами? А уж как она его проводит – никого не касается.

– Дорогая, вы хорошо себя чувствуете? – озабоченно поинтересовалась Седьмая.

Юля вздрогнула, осознав, что потеряла нить разговора, не ответив на вопрос.

– Простите, ваше величество, плохо сегодня спала.

Точнее, спала она отлично, но мало.

– Понимаю, – с сочувствием взглянула на нее королева, – сама первые ночи во дворце не могла сомкнуть глаз. А ведь я пришла доверить вам секрет. – Она заговорщицки понизила голос, и Юля обмерла от страха. Сейчас выяснится, что Седьмая пришла ее предупредить о наказании.

Женщина под села ближе, склонила голову и прошептала:

– Я вчера прошла ритуал.

Седьмая выпрямилась, победно блеснула глазами, и Юля поняла, что на этот раз величеству удалось пройти его до конца. И ни единого слова о драконе... Облегчение затопило ее, тело обмякло, словно из него стержень вынули.

– Поздравляю, – выдавила из себя улыбку Юля. Она дотронулась до руки ее величества и сжала ее. – Я была уверена, что у вас получится.

Она действительно была рада за Седьмую. Пусть у них сложились странные отношения – они продолжали держаться вежливого «вы», и ее величество не позволяла забыть о своем статусе, зато подарки друг другу делали, точно закадычные подруги: косметика, депилятор, эротическое белье... Юля с сожалением подумала, что корона не позволит им подружиться, а жаль...

– Спасибо, – поблагодарила Седьмая, потом покраснела и еле слышно произнесла: – Я сегодня хочу примерить ваши подарки.

Оставалось только пожелать удачи и надеяться, что его величество оценит старания супруги. В крайнем случае, воспримет все с юмором. И не захочет завтра экстренно увидеть ассару...

После завтрака Юля попытала Совенка – не заметил ли он вчера чего-то необычного, но деть только плечами пожал. Тревогу он проспал. Краткий миг испуга за ассару принял за дурной сон, толком не проснувшись. И Юля сделала вывод, что связь имеет свои ограничения. И сама она Аля чувствует острее и четче, чем он ее.

Дальше за Совенком пришел высокий худощавый мужчина со строгим лицом. Выяснилось – учитель. Явно недовольный появлением конкурентки, он бросил на ассару неприязненный взгляд. После

краткого знакомства принялся нудно перечислять, что именно деть пропустил по программе и каким бездарем он останется из-за своего лентяйства. Страдания мужчины Юля слушала минут пять, потом отослала погрузившего Совенка в классную комнату готовиться. Повернулась к учителю – в памяти всплыл вчерашний лизр, и в ладонях закололо. Нет, в ладонях начало покалывать, как только это «чудо» педагогического мира открыло рот, выливая на всех свою нудятину. Но сейчас покалывание сделалось особенно острым.

– Та-а-ак, – протянула она, прищуриваясь. Мужчина нервно сглотнул, побледнел и отступил. – Запомните, уважаемый, что я вам скажу. Дважды повторять не стану. Альгар пропускал занятия, потому как я того пожелала. И легче всего прятаться за ленью ученика. Сложнее заинтересовать и заставить учиться. Не пробовали разбавлять свои нотации чем-нибудь интересным? А то у меня руки так и чешутся оживить вашу учебу. – И она потерла ладони.

Мужчина расширившимися глазами проследил за посыпавшимися на пол искрами. А Юля подумала, что Драго был не прав. Сильнее страха катализировать огонь помогала злость за Совенка. Она бы с радостью выставила этого учителя за дверь, только другого нет, а сама Юля может учить лишь земным наукам, не умея даже книжку на местном прочесть...

– Простите, – мужчина дернул кадыком, склонил голову, – я до конца не верил в разговоры об ассаре. Теперь вижу – глубоко заблуждался.

Юля вздернула брови. А преподаватель не так уж плох, если может признавать свои ошибки.

– И что вас убедило? – поинтересовалась она.

– Ваш просыпающийся дар, – ответил мужчина и пояснил: – Я слышал, вы не из магического мира, а значит, дар мог проснуться только от связи ассар – подопечный. Еще раз простите за недоверие. И если вам нужна будет помощь – обращайтесь. Мои знания в вашем распоряжении.

– Благодарю. Обязательно запомню.

Юля поприсутствовала немного на уроке, но потом ушла, не желая мешать. Преподаватель все время сбивался при взгляде на девушку, бледнел, краснел, заикался, и она сочла нужным удалиться.

Она села с букварем в гостиной, решив попытаться разобраться самой.

– Вы позволите к вам присоединиться? – спросили над ухом.

Юля вздрогнула, выронила книгу, и Третий поднял ее с пола, протянув девушке. Понимающе улыбнулся, глядя в ее настороженные глаза, сел напротив, заложил ногу на ногу. Широко, по-крокодильи улыбнулся и спросил:

– Как вчера погуляли?

Под цепким взглядом сигнализацией взвыло чувство вины – допрыгалась. Сейчас ее раскатают, припомнят все: попытку побега, нападение на птичник и прочая, прочая... Но русские под взглядами не колются. Вот если бы его высочество водочки налил... А так – голыми руками – Юлину совесть не возьмешь.

– П-п-прекрасно погуляли, – ответила она, задирая подбородок. Голос, собака, подвел, зато вид она приняла максимально независимый – хоть сейчас на амбразуру.

Третий вздернул брови и сделался таким довольным, аж сахарным.

– То есть вам все понравилось? Странно, патрульные говорили, вы кричали от страха. Выходит, ошиблись. Это был восторг.

И его высочество подарил испытующий взгляд. Юля нервно сглотнула, еще не понимая, в какую ловушку ее толкают, но что это будет именно ловушка – без сомнений.

– Что же... надо будет пересмотреть ваше расписание. – Довольный Третий откинулся на спинку кресла, принявшись методично вгонять ее в могилу: – Добавим полеты на чарксах, посетим вулкан, потренируемся покорять лаву, заодно научитесь держаться на вальшгасах, введем уроки выживания в джунглях и, конечно, управление кораблем и умение держаться пару часов на воде.

Юля холодела с каждым словом, ощущая, как летит кубарем с чаркса, мотается на спине вальшгаса, жрет какую-то гадость в джунглях... или жрут ее?

Ладони вспотели, болели пальцы, вцепившиеся в книгу. И было ясно, что Третий задался целью извести надоевшую ассару. Очень хотелось спросить – не сдохнуть ли сразу, чтоб не мучиться, но этикет... Долбанный этикет портил весь разговор.

– Мне кажется, вы увлеклись, – подобрала она наконец формулировку.

– Я? – вскинул удивленно брови Третий.

– Хорошо, я тоже, – скрипнула зубами Юля и перешла в наступление: – Но результат того стоил.

– Я так не считаю, – жестко отрезал Третий, – ваша самая очевидная проблема – связь с Альгаром. Вы оказались чересчур восприимчивы. Сколько времени вы вчера потратили на блокировку?

– Пятнадцать минут, – призналась девушка. – Может, меньше.

– Ставьте блок, – приказал Третий и, когда Юля не отреагировала, надавил: – Прямо сейчас и до вечера.

– Но... – возмутилась девушка.

– Альгар в курсе. Ему как раз объясняют возникшую необходимость.

– По-другому нельзя? – вскинулась Юля, чувствуя, как сердце леденеет от страха. Потерять связь с Совенком на полдня? Нет, это слишком жестоко.

– Можно и по-другому, – спокойно согласился Третий, и Юля снова ощутила, как шею сдавливают петля ловушки. – Обычно ассарам не мешают дурить – совместная дурость укрепляет связь, только в отличие от вас ассары – взрослые, опытные маги. Надеюсь, мне не надо объяснять очевидное? – спросил Харт, но все же решил донести «очевидность» до девушки: – Вы не маг, и ваш воспитанник – будущий Столп. Теперь понятно, почему к вам относятся иначе?

– Намекаете, что остальным полет на калкалосе сошел бы с рук? – прищурилась Юля. Дискриминация... да-а-а, это была она.

– Намекаю, что остальных я бы оставил без сладкого, – разозлился Третий. Юля дернулась было согласиться, но Харт добавил: – Суток на трое в карцере.

В карцер не хотелось, и Юля опустила голову, признавая, что в дискриминации есть толк. По крайней мере, ей дали выбор: без сладкого или без связи?

– Напоминаю, наказывать вас будут вместе с Альгаром.

Ошибочка вышла – выбора не было, потому как наказание Аля за собственные прегрешения она не перенесет. И да, это был подлый шантаж – внутри обжигаяще вскинулась злость, а ладони запекло так, что пришлось прикусить губу, дабы не опозориться всплеском

пламени. Третий прав. Она не должна вести себя как подросток, которому гормоны снесли крышу. Иначе Четвертый разорится на куклах или просто запрет ее в комнате.

– Я согласна на блокировку, – проговорила она еле слышно, отвела взгляд. Чувствовать себя душой было неприятно...

– Поверьте, блокировка Альгару не повредит, – Третий смягчился, подсел ближе, взял ее за руку, – он все равно знает, что вы рядом и любите его. А вот если с вами что-нибудь случится... Этого он не переживет.

«Помни, мать, у тебя дети. Ты не имеешь права рисковать собой». Вот теперь Юля полностью осознала смысл столь часто повторяемой отцом фразы. И как бы ни хотелось протестовать, хлопнуть дверью, затопать ногами и послать высочеств в далекое пешее путешествие, лучше от этого не станет.

– Хорошо.

Она прикрыла глаза, воссоздавая облик Совенка и отправляя его за дверь. Выдохнула, физически ощущая нахлынувшее одиночество.

– Умница, – похвалил Третий, сел рядом, и она ощутила, как к ней прижалось мужское бедро. – И что тут у нас?

Книгу у нее из рук забрали. Зашуршали страницами.

– Решили научиться читать? Похвально. Вот этим и займемся.

Что? Юля распахнула глаза, недоверчиво посмотрела на высочество. Он собирается ее учить читать? Лично?

– Какая честь, – пробормотала девушка с иронией.

– Вы слишком напряжены и рассеянны, – посетовал Третий, когда она в очередной раз попыталась отстраниться. Вжалась в угол дивана, чтобы тут же ощутить, как ее ненавязчиво обнимают.

– Вот с этой страницы пробуйте еще раз. – И палец высочества ткнулся в выбранное им слово, а вторая рука придержала книгу, обнимая девушку за талию.

Они уже прошли алфавит, перед Юлей лежал лист с ракханскими буквами и русской транскрипцией. Буквы записывались замечательным способом – ее рукой, но с помощью Харта. Вялые поползновения к свободе и демократии были пресечены фразой: «Так удобно, вы не находите?» Юля не находила, она вообще подозревала, что процесс обучения – очередное наказание, но попытка вспылить и послать высочество хоть к тем же вальшгасам нарывалась на явную

насмешку в глазах Третьего. И вспоминалась угроза Четвертого, и представлялся шкаф, полный кукол. К тому же действия Харта были столь ненавязчивы и сводились к помощи в учебе, что она сомневалась в своих подозрениях...

Но все же этот мужчина подавлял своей волей, выводил из равновесия. Он действовал на нее остро, до мурашек, до стиснутых ладоней, до вспотевшей кожи, заставляя чувствовать себя рядом с ним маленькой девочкой. Окружал, наполнял собой свободное пространство, включая воздух, и Юле казалось, что каждый вдох нес его имя. Она нервничала, напрягалась и никак не могла сосредоточиться – буквы прыгали, играли в подлые прятки, чужой язык не поддавался, представляясь скриптом. Осознание собственной тупости вынуждало крепче сжимать зубы и посылать проклятия на одну высокородную голову.

– Так не пойдет, – решил Харт. Он поднялся, встал позади и положил руки ей на плечи.

– Расслабьтесь, – приказал его высочество, – вы мешаете себе усваивать информацию.

Она бы поспорила, кто тут еще мешает, но дворец, как плесень, начал въедаться в душу, и мысль, что рядом с ней стоит не просто мужчина, а его высочество, не позволяла скинуть руки с плеч. Да и как мужчина Третий был весьма хорош... Его аура притягивала, хотелось подчиниться ему, расслабиться, откинуться на спинку дивана, прикрыть глаза и отдаться во власть сильных и ласковых рук... Но что-то внутри панически тряслось и вопило, что от товарища стоит держаться подальше. Вот странное дело – с калкалосом она влегкую отправилась летать, а Харта опасалась, точно наемного убийцу. А ведь он ее даже пальцем не тронул в отличие от Четвертого. Логика, которая женская... Или интуиция?

– Не стоит так переживать, я вас не съем, – провокационно поддразнили ее, в то время как теплые ладони бережно массировали плечи.

«Не съем, но попробую», – так и читалось между строк. И что это сейчас? Интерес заскучавшего мужчины к иномирянке? Попытка развлечься без обязательств? Вряд ли она сможет потребовать замужество после проведенной ночи... И вряд ли здесь столь

свободные нравы, что птичнику будет все равно, с кем она проводит ночи. Ее не тронут – все достанется Алю. Твою же за ногу...

Запахло горелым, Юля вскочила, стряхивая вспыхнувший букварь на пол. Она все же не сдержалась, выпустив огонь наружу при одной только мысли о ключах Аля птичнике. И сама же разозлилась на собственную несдержанность. А что будет, если Совенку действительно решат причинить вред? Становиться убийцей она не планировала, но внутри кто-то чужой и равнодушный не согласился с ее планами.

Третий среагировал мгновенно – вазу со стола снесло в их сторону, опрокинув на пылающий учебник. Остро завоняло горелой бумагой, еще острее внутри девушки полыхнул стыд.

– Вы не пострадали? – Третий повертел ее во все стороны, разглядывая подпаленное спереди платье. Ухватил за руки, поднес к свету, нахмурился, очерчивая пальцем запястье. – Откуда это?

Юля не сразу поняла, что мужчина говорит об ожогах. Выдрала руки, спрятала за спину и, чувствуя себя партизаном, мотнула головой.

– Так, ерунда. Не стоит вашего внимания.

– Ах, не стоит, – нехорошо так, с приговором, прищурился его высочество и, наклонившись, добавил: – Я смотрю, вы уже решаете, что стоит моего внимания, а что нет.

Под немигающим взглядом Третьего Юля поежилась, ощущая себя преступником-рецидивистом. Дышать стало тяжело, ладони снова закололо, и она бросила взгляд на спасительную лестницу, мечтая сбежать. Отступила, плюнув на приличия, но тихий голос заставил замереть на месте:

– Я настолько вам неприятен?

И что ответить? «Нет, вы – круты, ваше высочество, но у меня от вашей крутости поджилки трясутся и сила воли испаряется. А состояние расплавленного шоколада – непозволительная роскошь для чужачки, вдобавок ассары».

– Не отвечайте, – бросил Третий, через мгновение зло хлопнув дверью и оставив девушку в одиночестве.

Глава 22

Раскаяние нахлынуло с опозданием. Юля прикусила губу, потряхнула головой, кляня себя за трусость. И чем ей не угодил Третий? Вчера он был таким милым на прогулке, так к чему сейчас эта истерия глупой левретки? Испугало упоминание карцера или неудачная шутка про усложнение программы обучения? Нет, не то. Должна же быть причина, по которой она обидела нормального в целом мужика.

Юля пыталась ухватить за хвост неясное чувство, которое вызывал у нее Третий. Неужели ее столь сильно испугала властность Харта? Похоже на то. До этого дня столкновения Юли с властью носили опосредованный характер. И всегда помогала уверенность в том, что закон на ее стороне. А здесь? Законов она не знает и полностью зависит от желаний братьев и их понимания «заботы» об ассаре.

Неприятно, н-да, но поправимо. Подозревала же, что будет нелегко. Так что сейчас мандражировать о пустом? Надо работать и двигаться дальше.

Она сходила в спальню, переоделась, потом прихватила еще одну книжку и с остервенением ринулась на штурм чужого языка. Информация – тоже оружие, а ей позарез нужно им обзавестись.

В дверь постучали, девушка крикнула, чтоб входили. Недовольно оторвалась от страницы, потерла глаза. Текст поддавался с трудом, но Юля была упрямей и продиралась сквозь чужие слова с одержимостью оголодавшего.

– Госпожа ассара, – незнакомый мужчина, одетый в длинную синюю тунику и такого же цвета штаны, приложил руку к груди, поклонился, – меня зовут господин Ахбад, я – целитель. Его высочество прислал меня, чтобы я вас осмотрел. Он обеспокоен вашим состоянием.

«Точно, – Юля покраснела, – хорошего мужика обидела. А он – заботливый, даже целителя прислал».

– Благодарю, мне не нужна ваша помощь, я хорошо себя чувствую.

– Позвольте убедиться, – настоял мужчина.

Она позволила. Целитель, не касаясь, поводил руками вдоль ее тела. Нахмурился. Забрал ладони в свои руки, и по коже потекло тепло, исцеляя ожоги. Потом досталось нижней точке спины и хриплому голосу. Мужчина не пропустил ни единого синяка, но и на этом не успокоился, предложив помощь:

– Вижу, пробудившийся дар доставляет вам неудобства.

Еще какие. Чтоб калкалосу икнулось. Стоит только разозлиться, как она начинает пылать в прямом смысле этого слова. А эмоции – не украшения, так просто в шкатулку не спрячешь, всегда найдется кто-то или что-то, раздражающий до зубовного скрежета. И как себя вести? В целом понятно – не злиться, не раздражаться, но до этой степени просветления ей страдать и страдать, а сдерживать огонь надо прямо сейчас.

– Я помогу. Сядьте, закройте глаза, загляните вглубь себя. Сосредоточьтесь на точке силы, – мужчина положил ее ладонь на солнечное сплетение, – почувствуйте тепло. Теперь представьте это тепло внутри себя. Маленький огонек.

Она представила, благо всю ночь пялилась на костер. Внутри ощутимо зажглось, точно пару стручков горького перца проглотила не жуя.

– Прекрасно, – повеселел господин Ахбад, – а теперь представьте стеклянную лампу и поместите туда огонь. У вас отличное воображение, госпожа ассара. Думаю, вы скоро полностью справитесь с даром.

– Хотелось бы, – вздохнула Юля.

Огонь внутри притих и уютно грел, скрытый за «стеклом». Странное дело – магия. Она ничего особенного не делала: воображала или злилась, а сила реагировала сама – по крайней мере, так казалось. Какой, к чертям, контроль?! Но господину целителю виднее...

– Я бы хотела научиться не только запирать и контролировать, но и управлять.

– Похвальное желание, – одобрил мужчина и предложил: – Поговорите об этом с Третьим или Четвертым, уверен, они буду рады вас обучать.

Юля вспомнила их уроки, щеки обожгло румянцем, она облизала пересохшие губы и попросила:

– А вы не могли бы мне помочь с обучением?

Мужчина озадаченно посмотрел на девушку, почесал подбородок и честно признался:

– Не уверен, что это хорошая идея. Вы – ассара его высочества, чужих к вам не подпускают. Весь двор только о вас и говорит, но за приближение к вам назначено суровое наказание.

Вот об этом она не знала, хотя и удивлялась отсутствию внимания со стороны птичника – Седьмая не в счет. Но принимала эту странность за нежелание общаться с иномирянкой. Вроде как пустое место, но за спиной незримо маячит парочка высочеств, и безнаказанно клюнуть уже нельзя. Этот диссонанс и заставлял держаться на расстоянии – в коридорах изредка мелькал кто-то, но вдали, не приближаясь. А оказывается, все иначе. Ее оградили от знакомств, причем не разбирая – желательных или нет. И как на это реагировать?

Первой среагировала пустота у стены. Она выразительно кашлянула, и целитель буквально вылетел из комнаты, торопливо на ходу прощаясь и обещая заглянуть завтра для контрольной проверки.

Юля осталась одна. Ну как одна... В комнате явно кто-то был, прикрытый невидимостью. Сложив слова целителя с кашляющей пустотой, Юля сделала единственный вывод: к ней приставили охрану. Неясно только – после побега из дворца или раньше?

Девушка прошлась по комнате, изучила потолок и поинтересовалась вслух:

– Так и будем молча мозолить глаза? Или все-таки познакомимся?

Юля била наугад, вытягивая на разговор. Можно было, конечно, промолчать, но товарищи спалились, причем в открытую, и оставить подобное без внимания было нельзя.

– А то неудобно – вы столько времени рядом, а я даже не знаю, как вас зовут.

Тишина длилась долго – Юля уже потеряла надежду и раздумывала, не облить ли стены водой и засыпать мукой, дабы проявить невидимок... Или плюнуть на охрану и оставить их в покое... Но как тогда переодеваться в спальне? Или посещать ванную комнату?

– Госпожа, безмолвные на службе не говорят, – донеслось хрипло из угла.

Отлично, их несколько.

- Но смотрят? – вскинула Юля брови.
- Охраняют, – поправили ее из-за спины.

Все, тушите свет, ее окружают невидимки... А она еще на Третьего себе жаловалась...

С самого утра день не задался. Раздражало все: яркое солнце, сильный ветер, нагнавший к обеду облака. Выводили из себя постные лица придворных, угодливые улыбки, а уж от докладов Фильярга затрясло так, что хотелось кого-нибудь прибить. Он даже знал конкретно кого. В ушах до сих пор звучал тонкий женский крик, перемежаемый испуганным возгласом патрульного: «Они падают! О Деятилий, они падают!» И руки сжимались, а на губах появлялась устрашающая улыбка, заставляя придворных шарахаться в сторону.

Если бы не Третий, он точно бы не сдержался и открутил дурочке голову. Поэтому был даже благодарен старшему брату за взятие на себя воспитания ассары. Однако мысль о том, что Харт сейчас с Юлей, приводила в дикое бешенство. Так сильно он не злился, даже когда один идиот утопил целый корабль из-за собственного гонора.

– Ваше высочество, рапорты с границ, – напомнил о себе секретарь.

Фильярг рыкнул, выныривая из мечтаний, в которых он сжимал тонкое горло, ухватил бумаги, просмотрел – ничего экстраординарного, сплошная рутина – и взмахом руки отправил секретаря прочь. Потом опомнился – он с ума сойдет, если срочно не найдет себе дело. Призвал его обратно, затребовал последние таможенные отчеты, доклады из посольств и сводки происшествий за месяц. Бледный секретарь суматошной птахой метался между кабинетом и министерствами, только успевая стирать пот со лба и подносить самозаписывающиеся кристаллы с документами.

– Вот оно! – Фильярг довольно оскалился, выудив упоминание о двух незарегистрированных партиях табака, обнаруженных в результате рейда по рынку. Если сложить их с нутилусом, которого подбросили такойцы Юле, то выходило, что в городе орудует банда контрабандистов.

Его высочество азартно потер руки. Как кстати появилась эта банда, будет чем отвлечься, а то он уже раз обнаруживал себя в

коридоре, шагающим к комнатам Шестого. Вот Третий повеселился бы, если бы узнал о внезапном помрачении рассудка брата...

Фильярг даже обратился к Девятиликому, моля послать самых отпетых контрабандистов. Таких, чтобы заставили подольше побегать. Активировал браслет связи, вызывая парней, с которыми в свое время работал в морском патруле.

Понимание, что он сбегает от проблемы, заставило поморщиться. «А что я ей скажу? – ярился он сам на себя. Что она не имеет права рисковать собой? Это она и так понимает. Что они не знают последствий пробуждения дара во взрослом человеке? И что больше всего настораживает влияние Альгара, к которому ассара оказалась сильно восприимчива?»

Неужели действительно придется дарить куклу? – думал Фильярг, и воображение рисовало Юлю, одетую в детское короткое платье, с заплетенными косами и куклой в руках. Мотнул головой, прогоняя непотребство. Нет, Третий не допустит впадения ассары в детство. Иначе получится, не она будет учить Шестого, а Шестой потащит ее за собой. В совокупности с даром огня выйдет взрывная смесь.

Но была еще одна причина, от которой хотелось сбежать – хоть на границу, хоть на материк. Как покровитель, он обязан был объяснить ассаре все нюансы ее положения, как мужчина, побывавший в чужом мире, понимал, что Юлю эта правда не обрадует. Зная широту тамошних нравов, он осознавал, что именно свободу земные женщины ценили больше всего.

Сила в мужчинах и женщинах проявляла себя по-разному. В мужчинах магия напоминала собой реку – полноводную, выходящую порой из берегов, иссушающуюся до тоненького ручейка при перерасходе, но постояннодвигающуюся в потоке. В женщинах из-за влияния лунного цикла и эмоциональной нестабильности сила вела себя как гейзер. Копилась в организме, чтобы потом прорваться всплеском. Чего только не пробовали для стабилизации: ежедневные медитации, поглощающие артефакты, постоянные занятия магией, полное опустошение – все оказывало временный эффект, а всплески после таких сдерживаний случались в разы сильнее. И чем выше был эмоциональный фон, тем чаще проявляла себя нестабильность. Обучение приносило слабую пользу, да и как учить тех, у кого магия сегодня три единицы, а завтра десять?

Дошло до того, что всплески стали повсеместно осуждаться обществом. Страдалиц клеймили за несдержанность, учили с помощью боли, наказывая публичной поркой. В моду вошли женская холодность и отрешенность. Считалось, что даже смех вызывает неконтролируемый выброс. Одно время практиковали полную блокировку, но быстро отказались от изуверства – дети у таких женщин рождались без магии.

Потом было замечено, что у семейных пар проблем со всплесками значительно меньше. Ну а дальше вышло в свет гениальное учение профессора Клойя о женской стабилизации мужской энергией. Впервые магическую энергию разделили на два типа: мужской и женский. Разделение было условным – энергия одна, но вот ее течение в организме разнилось. Потом добавили деление на этапы развития: подростковый с развитием дара и спонтанными выбросами энергии как у юношей, так и у девушек, основной – стабильный у мужчин и плохо поддающийся контролю у женщин, и старческий, когда дар затухал вместе с процессами старения в организме.

В учении описывалось исследование семейных пар и подробно доказывалось, что естественный обмен энергией при взаимодействии мужчины и женщины является лучшим способом стабилизации магии, ибо заложен самой природой. Он благотворно влияет как на мужчин, так и на женщин. В остальные периоды развития для стабилизации дара рекомендовалось использовать прикосновения. В учении также строго ограничивался период вступления женщин в основной период, ибо ранние отношения губительно сказывались на несформировавшемся даре.

Первоначально государство пыталось сохранить необходимость обязательных брачных отношений, но было вынуждено смягчиться, сдавая одну позицию за другой. Сначала разрешили повторные браки вдовам и вдовцам, потом разводы. Отменили договорные браки у детей. Но проблема непристроенных девиц осталась. Какая-то оказывалась столь дурна характером, что от нее сбегал третий муж, другая была похожа на мурену – обеспечить каждой желающей мужа был не в силах даже король. И тогда, после долгих дебатов, попытки переворота и бегства части подданных на материк, был создан институт покровительства. Он не подразумевал каких-либо выходящих за рамки приличий отношений между покровителем и подопечной,

обязывая раз в месяц проводить ритуал обмена энергией – достаточно было подержаться часик за руки. Но народ решил иначе. Постепенно, не сразу, общество менялось. И сейчас никого не удивишь тем, что покровитель проводит время в постели подопечной. А некоторые женщины уже не спешили замуж, меняя покровителей в поисках лучшего мужа.

Строгость общества осталась лишь в отношении беременности – тут мог вмешаться и король, обязав провести бракосочетание. Впрочем, Фильярг лично знал некоторых, кого брачные узы не останавливали от заведения подопечных. Мир менялся, менялись и нравы, подстраиваясь под человеческие слабости и потребности.

Окончательно скатиться в пропасть свободных отношений мешало, как ни странно, то, что к ним и подталкивало. Регулярный обмен энергией с партнером через некоторое время образовывал устойчивую связь, фактически закливая супругов друг на друге. Но встречались и исключения. Самой частой причиной для развода служили продолжающиеся магические выбросы у жены. Фильярг с раздражением отметил, что женщины очень ловко переложили свою проблему на мужские плечи. Выплеснула энергию, сожгла полдома, а виноват муж, который не смог стабилизировать состояние супруги.

Когда Фильярг брал покровительство над Юлей, то меньше всего думал о последствиях – магии на тот момент в девушке не было. Какой дар, когда он до последнего сомневался в том, что захваченная землянка – ассара. А потом первый всплеск и неудачный момент для откровенного разговора. Юля не приняла собственную магию, что говорить о покровительстве?!

И как-то быстро ситуация стала проблемой не только девушки, но и Фильярга – ему все труднее стало держать себя в руках в присутствии ассары. Но и торопиться было нельзя, следовало приручить девушку, заставить влюбиться. Только добился он противоположного – влюбился сам, а Юля продолжала его сторониться...

Нет, правда сейчас все испортит. Ценящая независимость – один договор о найме на работу чего стоил – землянка сделает все назло: откажется от покровительства, выберет другого – хоть Третьего. Да и не хочет он, чтобы Юля принимала решение под воздействием обстоятельств. Пусть это было наивно, но Фильярг желал от девушки

чистых, искренних чувств, рожденных без давления извне. А Третий... Лишь добавил остроты в состязание за девушку.

– Тебе от меня никуда не деться, – проговорил вслух Фильярг, и секретарь, перечислявший возможных информаторов, которых следовало допросить, озадаченно умолк.

– Я про главаря контрабандистов, – пояснил Четвертый, костеря свой несдержанный язык.

Перед отбытием в город он связался с охраной проверить, все ли штатно, но начальник группы, замаявшись, признался, что им пришлось открыться. Фильярг выругался – еще одна проблема, которая вызовет лишние вопросы. Они с Третьим и так постарались свести вопросы к минимуму, ограничив доступ скучающих придворных к ассаре. Страшно представить, что наговорили бы Юле местные аристократки... К тому же они так и не нашли сообщников Жансара, и приходилось осторожничать из опасений новых покушений на Шестого или ассару.

И как объяснить это Юле, не испугав? Вот об этом он подумает, хорошенько проветрив мозги, заодно избавится от навязчивого вкуса энергии ассары. Всего лишь раз зацепило первым всплеском, а мышцы живота до сих пор сладко сводит.

Разговаривать с пустотой было непривычно, процесс слегка отдавал шизофренией. А если учесть, что пустота отвечала на три голоса, то шизофрения выходила многоликой и с огоньком.

– Разговаривать вам нельзя, – подытожила она профобязанности охраны, – но показываться можно?

А то так с ума сойти недолго, подозревая в каждом углу по невидимке. И как хорошо было ночью с драконом – никакая охрана за ними точно не успела. Юля бросила тоскливый взгляд на балкон.

– Госпожа, – обладатель хриплого голоса отследил ее взгляд и явно занервничал, – охрана должна быть невидимой, чтобы не мешать.

Как будто о ней можно забыть! – разозлилась девушка.

– И не волнуйтесь, доступ в спальню и комнату омовений для нас закрыт. Мы можем войти только при угрозе жизни.

Хоть что-то, выдохнула Юля. Значит, спальню и ванную ей оставили личной зоной. Прямо праздник какой-то. Внутри зашевелилось злое пламя, взметнулось желание сжечь тут все к

чертовой бабушке. Она стиснула ладони до впившихся в кожу ногтей, успокаиваясь. Такими темпами ей не кукла понадобится, а личный огнетушитель. Интересно, подобный расколбас с ней на всю жизнь? – попыталась оценить ситуацию со стороны лучшая Юлина часть, та самая, которая училась на пятерки, поступила в вуз и всегда тяготела к анализу. Вот и сейчас не дала впасть в панику перед тремя чужими, пусть и невидимыми мужиками.

– Разве мне что-то грозит здесь? – попыталась она оценить риски.

– Госпожа, мы не только вас охраняем, – устало отозвалась пустота справа.

Юля обозвала себя душой – никак не привыкнет к тому, что деть у нее – наследный принц и ему положена охрана, несмотря на малый возраст. А она все о себе, да о себе. Глупая курица! Но вывод напрашивался неприятный... Вспомнились собственные подозрения в отношении бывшей восьмой невесты. Порыв сорваться с места и проверить Совенка прямо сейчас она задавила. Охрана и так на нее насмотрелась, не стоило еще выставлять себя истеричкой.

– Альгару что-то угрожает в его личных покоях? – Вопрос сам слетел у нее с губ.

– Госпожа ассара, вам стоит поговорить об этом с Четвертым или Третьим, они лучше смогут объяснить, чем мы, простые охранники, – отозвался обладатель хриплого голоса.

Все ясно. Товарищи ее послали. И почему у нее такое чувство, что они далеко не простые охранники? Как минимум опытные маги, раз могут столько времени держать щиты невидимости. И зачем высочества ограничили ее общение с птичником? Сплошные странности... Жаль, что целитель сбежал, мог бы стать неплохим источником информации. А безмолвных пытаться бесполезно – не расколются.

Выход один – нужно встретиться с кузенком, и сделать это до отбытия в академию, но сейчас – учеба. Она вернулась к ненавистному тексту. Пока не будет освоена грамота, не будут прочитаны хотя бы базовые книги, Юля не сможет помочь Совенку с образованием. А только моральная поддержка – маловато для ассары. Это она ощущала четко всем своим преподавательским зудом.

– Я хочу знать, кому это принадлежит!

Харт оторвался от изучения увлекательной сводки о ночной деятельности младшего братца. Две разгромленные таверны, один выпотрошенный склад, три поврежденных в результате обыска судна и забитые подозреваемыми камеры. Четвертый точно с цепи сорвался, Харт даже подозревал почему, но пользу для государства не отметить не мог.

Посетитель, не дождавшись должного внимания, навис над столом, предупреждающе засопел, и Харт сдался. Взял в руки странный вытянутый предмет, покрутил в пальцах, а память уже подкидывала варианты, и все, как один, из перечня вещей ассары. Кажется, этот материал назывался пластик...

– Зачем? – спросил он, откладывая предмет в сторону.

– То есть ты знаешь? – прищурился Второй.

Харт вздохнул – старший брат не поленился поднять задницу, притащился из своего тэората, и оставить его без внимания было нельзя, но и сдавать ассару он не планировал. Зато старший, сам того не зная, принес последний кусочек головоломки. Еще бы понять какой...

– Что ты злишься, – протянул миролюбиво Харт, плеснул в бокал хайского крепленого – перегаром от брата несло чувствительно, а судя по красным глазам, он еще и мучился похмельем. Третий спросил: – Разве случилось что-то плохое?

Бокал с вином Ларс выпил в один глоток и уже более доброжелательно посмотрел на свет. Сел в кресло, закинул ногу за ногу и раздраженно, но без агрессии, буркнул:

– Случилось.

Харт принял удобную позу, сложил ладони домиком и вперил в брата внимательный взгляд.

– Эти твари, – выдавил Второй сквозь стиснутые зубы, – ухитрились где-то достать секрецию нутилуса и подмешать в вино Фарраю.

Харт вскинул брови – неожиданно. Интересно, а где сейчас сам нутилус? И каким образом зверек оказался у ассары?

– Он выпил?

– Не выпьешь тут, – помрачнел Второй, – сам знаешь, традиция морей – кубок здоровья от команды ты обязан выпить, хоть умри.

– Но ведь никто не умер? – миролюбиво заметил Харт, в чем-то понимая желание команды споить капитана. Вечные трезвенники, они... гм, раздражают. Особенно когда остальные вполне могут напиться. Здесь и месть, и сочувствие, и желание сделать приятное тому, кто никогда не напивался до потери рассудка.

– Если бы умер, – скрипнул зубами Ларс, под кожей заходили желваки, – они бы у меня всем составом под суд пошли.

– Так чем ты недоволен? – удивился Харт.

В кои-то веки правильно, по-мужски, отметили день рождения господина капитана и рождение наследника у Ларса, а старший братец морду кривит и требует крови. На его месте он бы выписал благодарность ассаре. И Харт задумался – не поощрить ли Юлю за укрепление межнациональных связей? Но быстро вспомнил о незаконности содержания нутилуса, о тюремном заключении за распространение секреты зверька, и мысль о награде была задвинута в самый дальний угол, где уже обитала изрядно зашуганная совесть.

– Тебя бы, малой, ко мне вчера в гости. – В голосе брата зазвенела усталая злость. Харт мысленно поморщился – сколько можно звать его «малым»? Он уже давно вырос, но старший брат упорно продолжал называть то мелким, то малым, не делая скидок на возраст, занимаемую должность и заслуги. – Побегал бы всю ночь по городу, глядишь, размялся бы, а то задница уже квадратной стала от сидения в кресле.

Намек на задницу Харт стерпел. Брату надо было выплеснуть скопившуюся желчь. Ишь как приперло бедного – после бессонной ночи прискакал за возмездием.

– И что искали?

Столица Второго тэората, если он правильно помнил, была не слишком большой, побегать там, конечно, есть где, но не всю ночь.

Ларс посмотрел, прищурившись, подозревая издевательство, но Харт ответил честным и заинтересованным взглядом.

– Женщину, – буркнул он, сдавшись, и признался мрачно: – Фарраю мозги снесло. Не подозревал, что он такой дурной, как выпьет. Чего лыбишься? – стукнул Второй кулаком по столу, чтобы тут же простонать, потирая лоб: – Три драки, пять сломанных носов, четыре выломанные двери, с десятков напуганных до обморока женщин, три загнанных на забор мага.

Второй помолчал и добавил со злорадством:

– Измельчали нынче выпускники, втроем против одного не сдюжили...

Харт был не согласен с таким выводом. Во-первых, капитан Фаррай был не простым такийцем, во-вторых, три выпускника без опыта против одного боевого мага... Он бы поставил на опыт.

– Ты мне пламенем тут не прикрывайся, – внезапно проснулся Второй, ткнул пальцем в трубочку и приказал: – Завтра чтоб владелец этого был у меня.

– Конечно, не переживай, – кивнул Харт, сладко улыбнулся и, незаметно смахивая улику в ящик стола, предложил: – Позвать целителя?

– Обойдусь, – отмахнулся Ларс, и Харт вспомнил, что, по верованиям такийцев, настоящему мужику было почетно страдать от похмелья. Второй много чего от них нахватался, любил и принарядиться в национальный такийский наряд, заплести волосы в десяток косичек, нацепить пояс с ножами и попугать своим видом придворных дам.

– Лучше достань мне этого урода. Придумал тоже... Споить моего лучшего друга. Убью! – Ларс сдвинул край стола, без того красные глаза налились кровью. – Лично придушу мерзавца!

Он встал, не обратив внимания на рухнувший от резкого движения стул. Шагнул к двери, но Харт, точно по озарению, спросил:

– Нашли женщину-то?

– Если бы... Где я ему возьму в Асмасе темноволосую, еще и с зелеными глазами? – И Второй махнул рукой, закрывая дверь.

Харт откинулся на спинку стула, раздраженно побарабанил пальцами по столу. Вот это интуиция! Попахивает врожденным даром, но, судя по тому, что Харт о подобном не слышал, дар тщательно скрывали или он был редкостью даже среди такийцев.

Допустим, Харт знал, где взять темноволосую красавицу с зелеными глазами. Вот только отдавать ее капитану такийцев в его планы не входило, как и сдавать Второму. Надо проследить, чтобы эти двое случайно не встретились. Ларс, несмотря на ветреный характер, прекрасно умел делать выводы. Недаром отец так злился, когда эта надежда аналитики удрал в путешествие.

– И что же вы меня так расстраиваете, госпожа ассара? – пробормотал Харт, не сдержав довольной улыбки.

Давно он так не развлекался. Отличный денек. Сначала младший братец порадовал подвигами, потом старший... А недосказанное было понятно и без слов. И как охрана во главе со Вторым гонялась за пьяным Фарраем, но тот – отличный боец и опытный маг – просто так не дался. Всю ночь они шли по следам его деяний, считая сломанные носы, успокаивая женщин и загнанных на забор магов, про себя проклиная любвеобильного капитана, которому запала в душу зеленоглазая брюнетка. На взгляд Харта – отличный день рождения. Главное, чтобы смог вспомнить утром свои подвиги.

А загадку про нутилуса он, пожалуй, уже решил. Если Четвертый в курсе, то зверек давно отдыхает у смотрителя королевского зоопарка.

Глава 23

Бессонная ночь вырубил Юлю поспать часик днем, но вечером она все равно с трудом соскребла себя с дивана – на прогулку с Совенком. Деть, соскучившись, болтал без умолку, щедро делясь пройденным. Юля поддерживала разговор, как могла. Сочувствовала, восхищалась, задавала наводящие вопросы, сама погружаясь в историю мира, узнавая о географии и биологии. До академии магию преподавать не считали нужным – дар еще не проснулся, зато общеобразовательными предметами пичкали вовсю.

Она осторожно завела разговор о блокировке. Совенок остановился, посмотрел на нее взрослым взглядом и предложил не переживать о пустяках.

– Я уже не маленький, Юль, справлюсь. Только обещай не оставлять, будь всегда рядом, а все остальное – не важно.

И Юля, проглотив горький ком, пообещала.

Не сговариваясь, они завернули в зоопарк. Прошли под аркой и у первого встреченного работника уточнили, где найти начальство. Господин Фаргус был на работе. Собственно, на работе он и жил – обитая в небольшом домике прямо на территории зоопарка. Дверь им открыло лохматое длиннорукое существо, фыркнуло пренебрежительно и удалилось, гордо задрал вверх гибкий хвост.

Главный смотритель брал работу на дом, точнее, он с ней жил. Нутилус обнаружился в гостиной, в обществе парочки пушистых зверьков, напоминающих земных белок. И, судя по довольному виду «виагры», новая компания пришлась ему по душе – товарищи дружно делили на троих миску с орехами.

– Как видите, с вашим питомцем все в порядке, госпожа ассара. Не расскажете, как вам удалось вырвать столь удачный экземпляр из рук контрабандистов? – Мужчина вперил в девушку испытующий взгляд.

– Простите, это не мой секрет, – покачала головой Юля, помня о сложной межнациональной политике.

– Жаль, – пожевал губами Фаргус, – можно было бы воспользоваться этим каналом, чтобы добыть еще зверей.

Юля представила себя договаривающейся с пиратами о новых поставках. Ее сразу вышвырнут за борт или позволят спуститься по трапу? Не важно. Она сама к ним не пойдет. Было немного любопытно, как там прошел день рождения капитана и удалось ли его напоить, но не настолько, чтобы интересоваться этим у Четвертого.

С господином Фаргусом они расстались добрыми друзьями. Аль вдоволь потискал милых лохматых свинок, Юля выслушала лекцию о трудностях содержания нутилуса в неволе и грандиозных планах зрителя на получение потомства. Обещала заглядывать чаще, с чем мужчина нехотя согласился – ему была явно милее компания зверей, чем людей, но против ассары и Шестого возражений он не имел.

В своей спальне под сказку о Змее Горыныче Совенок сладко уснул, Юля вырубилась рядом, сидя на полу и положив голову на кровать.

Проснувшись она оттого, что ее поднимают на руки. Она сонно запротестовала, но Третий посоветовал прекратить маяться дурью, ибо ему не улыбается утром разгибать госпожу ассару.

– Или наша драгоценная хочет массаж? – провокационно мурлыкнул он в ухо.

Массаж в исполнении Третьего? От такого предложения Юля проснулась, замотала головой, и мужчина ответил страдальческим вздохом. Он честно донес ее до спальни, сгрузил на кровать, задержал руку в своей, запечатлев легкий поцелуй на коже. Пожелал огненных снов и удалился.

Сны действительно были огненными. Но сначала девушка помучилась пару часов от бессонницы – разбудил, донес на руках, еще и руку поцеловал – тут любая нервная система офигеет и откажется тормозить. Еще и мысли в голову прибрели всякие... Например, кто донес Третьему про уснувшую ассару? Только невидимки, больше некому. Выходило, что в спальню его высочества у них доступ был...

А потом пришел сон, и снился девушке полет в когтях дракона. Во сне Юля точно знала, дракон – Четвертый, как и то, что атакующий их ящер – Третий. Драконы шипели, били друг друга крыльями, Юлю мотало из стороны в сторону, пока Четвертый не разжал когти и она не полетела с криком вниз. От крика она и проснулась, с облегчением рассматривая знакомый потолок в розовых красках восхода. Юля задышала чаще, успокаивая зашедшееся сердце. Надо заканчивать с

полетами... Или, наоборот, налетаться так, чтобы не бояться и не мучиться кошмарами.

Утром все было успокоительно рутинно: завтрак, учитель и ушедший на занятия Совенок. Юля подцепила первую попавшуюся книгу и уселась в гостиной. Ей казалось, что, приглядевшись, она начинает различать силуэты охраны, но ей хотелось проверить догадку на практике.

– Г-и, нет, г-а. Тьфу, ге.

Слово она мучила минут пять, пока за плечом не раздалось тихое:

– Героический, госпожа ассара. Это слово читается именно так. «Эпос о похождениях славного мага Люмфира и его друга Аххара» – сложное чтение для новичка. Хотите, принесу вам попроще?

Юля хотела. После того как охрана не поленилась и попросила Третьего вернуть уснувшую ассару в постель, она стала более благожелательна к невидимкам. Подумаешь, невидимые, работа у них такая – ненавязчиво охранять. Вот бы еще научиться смотреть сквозь щиты – и она полностью смирится с их пребыванием рядом.

А потом пришел незнакомый придворный и объявил, что его величество готов принять госпожу ассару.

Сердце екнуло, в голове вихрем промчались мысли о неэтичных подарках, и на душе стало тревожно. Юля даже в окно глянула – нет ли на горизонте калкалоса. Не то чтобы она планировала сбежать, но путь отступления лишним не бывает.

Пришлось срочно вызывать служанку и переодеваться. Юля и так бы пошла, но невидимки отсоветовали. Ее взяли под опеку – ненавязчиво, но плотно. И было непонятно: то ли мстили таким образом за ночную прогулку, то ли пытались всеми силами предотвратить новую... С другой стороны, Четвертый куда-то исчез, Третьего отвлекать от государственных дел выбором платья было неловко, так что помощь невидимок – «Вы же не хотите опозорить Шестого домашним нарядом на аудиенции?» – пришлась кстати.

Они и служанку пригнали, и вызнали, сколько времени у нее на подготовку. Оказалось, дворцовый этикет подразумевал пару часов на чистку перьев, а мгновенный вызов был равноценен аресту. Юля как раз и собралась отправиться не мешкая – к аресту, ага. А тут два часа моральной подготовки и тонкий намек, что ареста не будет.

Совенок обеспокоенно предлагал составить компанию, но девушка запретила. Во-первых, занятия, во-вторых, она справится сама. Не станет его величество вредить сыну и высылать ассару из дворца. Максимум нервы потреплет, а это пережить уже можно.

Ровно через два часа за ней явился все тот же придворный. Сначала знакомым маршрутом они двинулись из башни принцев, потом порталом до зимнего сада со стеклянной крышей, а дальше снова на своих двоих, потому как личные покои его величества, где ей будет оказана честь знакомства, тоже являлись свободной зоной от порталных перемещений. Неудобно, зато длительные переходы по дворцовым коридорам не располагали к введению в женскую моду высоких каблуков, чему Юля была несказанно рада.

У нее мелькнула мысль – надо бы попросить Шестого организовать экскурсию. Раньше она не хотела этого делать из боязни столкнуться с птичником, но теперь, когда это проблема птичника – избегать столкновений с ассарой, прогулка обещала быть занятой... Вот освоит Юля грамоту, чтобы читать со скоростью первоклассника, и отправится изучать дворец.

Около высоких дверей с орнаментом, изображавшим вальшгасов, они притормозили. Мужчина жестом указал, что ей туда, и с поклоном удалился.

«Вот и приплыли, Юлечка, – подумала девушка, потянув на себя тяжелую дверь. – Что там: развлечения братцев? Или нотации Третьего? Нет, тут все серьезнее...»

Это был кабинет. Просторный, со столь любимыми здесь панорамными окнами, с рабочим столом, уютным уголком с парой кресел и диваном, внушительным столом для заседаний в центре и гигантской картой Асмаса на стене.

Мужчина в комнате был один, и Юля сомневаться не стала.

– Ваше величество, – присела она в неуклюжем реверансе и только потом сообразила, что надо было поклониться, прижав правую ладонь к левой груди. Тупица!

– Послушного вам огня, госпожа ассара, – едва заметно склонил голову король и снова повернулся к окну. Неплохо они так обменялись приветствиями своих миров.

Юля замерла в нерешительности – никаких распоряжений спина его величества не отдавала, и девушке стало любопытно – что такого

интересного узрел за окном Рельгар Тафар Ангальский, правитель Асмаса, Единственный из восьми, к которому, со слов Совенка, следовало обращаться исключительно «ваше величество» или, на худой конец, «Отец огня» или «Повелитель».

Она подошла и встала рядом.

Вид был знакомым: на город и озеро, вот только из ее окна был доступен лишь кусок воды, часть крыш и парк по берегу. Из кабинета озеро было видно целиком, как и лежащий за ним город. И следовательно, они сейчас где-то в верхней центральной части дворца.

– Зима в этом году ранняя. Уже не помню, когда так же рано шел снег, – недовольно проговорил мужчина.

За окном действительно кружили редкие снежинки, небо было затянуто серыми тучами. Впрочем, снег таял, не долетая до земли.

– А вы представьте сугробы, метель и такой холод, что можно отморозить пальцы, если выйти на улицу без перчаток. Поверьте, ваша зима покажется вам милой и теплой, – выпалила Юля на одном дыхании и замерла, это самое дыхание задержав. Вот хотела держать рот на замке – ни слова без позволения, лишь ответы на вопросы. И пожалуйста... Стрессовая болтливость. Отец, помнится, смеялся, что если Юля встретится с маньяком, то просто заболтает его от страха.

– Сугробы? – хмыкнул его величество без тени раздражения, и девушка тихонько выдохнула – пронесло. – Видел такие на материке, на севере. Вы правы – сущее бедствие для страны.

Юля могла бы поспорить, что иссушающая жара – не меньшее бедствие, но не стала. Их разговор напоминал встречу англичан, которые говорят о погоде всегда и везде, а ей хотелось бы перейти к чему-то конкретному, например к Совенку.

– Все ли вас устраивает, госпожа ассара? – Король соизволил наконец обратить внимание на гостью, повернулся, и на Юлю обрушился тяжелый, придавливающий взгляд истинного монарха.

Девушка ощутила, как голова сама склоняется вниз, тело желает принять верноподданническую позу, а еще лучше страусом – голову в пол, дабы не лицезреть короля.

Юля стиснула – до зубовного скрежета – челюсти и осталась стоять с прямой спиной, взгляд и тот не отвела.

«Ты привыкнешь, – уговаривала она себя, – подумаешь, всего лишь король. У нас перед президентом спину не гнут, так чем король лучше?»

Внешность у его величества была знакомой: как будто смешали Третьего с Четвертым, добавили прожитых лет, прорезали морщинки на коже, утомили государственными заботами глаза и чуть опустили уголки губ.

– Благодарю, – выдавила из себя Юля, и дышать стало чуточку легче, а мысли из спиногнутых вернулись в деловое русло. – Чего мне не хватает, так это информации. Хочется узнать о вашем мире все и сразу, но, увы, это невозможно.

Его величество ответил благосклонным кивком и тут же с королевской руки предложил решение:

– Вижу, вы переживаете о том, что не можете учить Альгара лично. Напрасно. Одно ваше присутствие положительно влияет на моего сына. Его учитель отмечает активность на уроках, быстрое усвоение материала и более высокие, чем раньше, результаты тестов. Но я понимаю, о чем вы говорите, и попрошу Первого прислать настойку, стимулирующую память. В свое время мой сын страдал тем же самым, пытаясь за один год освоить программу нескольких курсов. Последняя разработка вышла настолько удачной, что я сам иногда ею пользуюсь. Из побочного – головная боль, но Четвертый поможет вам с ней справиться.

Юля засомневалась, что творчество Первого отзовется на земном организме только головняком, но кто она такая, чтобы спорить с королем? Уж точно не самоубийца.

– Спасибо, было бы кстати.

Голова сама дернулась вниз, взгляд уткнулся в пол. Решительно этот мужчина действовал на нее как завуч на проштрафившуюся школоту. И это при том, что встреча проходила в положительном ключе. Страшно представить, каков его величество в гневе.

– Хорошо, – кивнул Рельгар и перешел к следующему пункту допроса, то есть программы встречи в верхах: – Вы блокируете связь с моим сыном?

Из вопроса можно было сделать неутешительный вывод: его величество в курсе проблемы впадения ассары в детство и, скорее всего, знает о полете на калкалосе – пропустить иллюминацию дворца

было сложно. Вряд ли было что-то еще, чего он не знал... А как иначе – столько лет на троне.

– Все хорошо, я справлюсь, – пообещала Юля.

Главное – верить самой, а там уж как получится... Пусть все считают, что с калкалосом она сбежала под воздействием детских эмоций Совенка. Сама-то она знала, что с ящером у них сложились приятельские отношения. И отправилась она с ним в полет сугубо добровольно. Это как прыжок с парашютом. Лениво думаешь – было бы здорово, а тут подруливает самолет, инструктор улыбается как родной и парашют протягивает, и неудобно уже отказаться, опять же мечта...

– Не сомневаюсь, – многообещающе подтвердил его величество, и в Юлиных мыслях инструктора увели в наручниках невидимки, самолет зарулили на штрафстоянку, а парашют торжественно сжег Четвертый. Беда...

И вроде бы об основном поговорили, но недосказанность липкой паутиной повисла в воздухе.

– Считаете меня плохим отцом? – вдруг спросил король, а его взгляд сделался испытующе острым.

– Не знаю, я отцом никогда не была, мне не с чем сравнивать, – честно призналась Юля.

Его величество хмыкнул, но морщину на лбу разгладил.

– Смотрю на вас и завидую. Мне бы такую ассару в детстве, – взгляд сделался хищным, – может, и не совершил бы столько ошибок.

Вот это новость, удивилась девушка. Она тут о своих дуростях переживает, а оказывается, его величеству тоже есть о чем сожалеть...

– Я не хотел корону, – Рельгар заложил руки за спину, покачался с пятки на носок, – но отказаться невозможно – выбор огня священен. С первой женой мы были счастливы долгие годы, я ждал, что она примет судьбу и останется верна, но она ушла сразу после ритуала. А после... – его величество скривил лицо, махнул рукой, – вы уже, наверное, знаете, жена выбирается советом, не мной.

Юля слушала, затаив дыхание. Станный приступ откровенности настораживал. И почему их так расслабляет в ее присутствии? Что Седьмую, что короля... Впрочем, вряд ли это была истинная откровенность. Скорее всего, его величество доводил до сведения

ассары то, что считал нужным, не рассчитывая на понимание или сочувствие.

– С Шестой я решил поступить по-своему. Как видите, вышло плохо. А сын... Я хотел отпустить его сразу – подобрал приемную семью, которая собиралась переехать на материк, но сыновья отговорили. Упросили дать шанс, а потом я и сам к нему привязался. Не подходил, тайком – вором – наблюдал издали. Не мог общаться с тем, чью мать я убил. Тянул до последнего и две недели назад подписал указ о высылке Альгара из дворца. Боюсь, мой сын как-то узнал об этом и потому сбежал в ваш мир.

А там, в отчаянии, нашел ассару – продолжила Юля. Теперь понятно, что за странная решимость горела в глазах Совенка, когда она его встретила – ему нечего было терять.

– Сегодня был издан новый указ. Вы официально объявлены ассарой шестого Столпа и матерью Альгара.

– Что?

От шока вопрос вышел далеким от вежливости, но его величество внимания на это не обратил.

– Будь вы ассаром, проблем не возникло бы, но существование ассары наследника не прописано ни в одном протоколе. Потому до внесения изменений мать будет иметь больше прав в принятии решения, чем вы. Уверен, вам захочется что-нибудь поменять в дальнейшем, например наставника.

Юля прищурилась, четко уловив посыл – долой халдеев, даешь бузу! И полномочиями даже наделили – прямо как Купу Купыча Гениального^[6]. И будет она теперь не просто ассарой, а еще и матерью Совенка.

Если Юля правильно поняла местные устои, то мать жене не товарищ, в том смысле, что два эти понятия в семье его величества существуют параллельно. И можно надеяться, что никаких поползновений в ее сторону не будет. Впрочем, и надеяться бесполезно – мужику так приелись жены к седьмому забегу, что он до фавориток вряд ли доживает.

– А кто до этого занимался подбором наставников для Совен... ой, простите, Альгара?

Промелькнувшее выражение в глазах его величества показало, что оговорку он заметил и обязательно припомнит в свое время.

– Пятая мать.

– Хм, – Юля почесал кончик носа, – а где те, кто занимался воспитанием Третьего и Четвертого?

Король ответил удивленным взглядом.

– Если я не ошибаюсь, у них были одни и те же наставники. Но дальше Пятая их заменила для своего сына. Могу уточнить, чем они сейчас занимаются. Вы же хотите их вернуть?

Юля улыбнулась – приятно вести разговор с тем, кто собаку съел на государственных переговорах и ловит мысль собеседника еще до ее озвучивания.

– Вы правы. Времени, конечно, мало, но какой-то задел мы сделаем. Не хочу, чтобы Альгар ощущал себя худшим в академии.

И, судя по одобрительному взгляду, в этом они с его величеством совпадали полностью. Слабый сын для правителя, от силы которого зависят жизни придворных, да и существование самого государства – когда эти вулканы еще уснут, – не просто головная боль, а самая настоящая беда. И пусть никто не рассчитывал, что мальчик получит корону – тут бы выжить после инициации и обучения в академии, – но престиж... Слабак – грязное пятно на репутации. И во власти Юли – хотелось на это надеяться – изменить расклад сил.

– Вы не правы, Юлия Андреевна, – покачал головой его величество, – знания – хорошо, но в академии они не основное. Там моему сыну понадобятся мужество, сила воли и желание справиться с внутренним огнем. Вот в этом вы ему поможете, подчинив собственный дар. Хотя понимаю – человеку с Земли принять магию непросто.

Что-то в его интонации царапнуло, и Юля спросила:

– Вы были на Земле?

– Доводилось, – подтвердил Рельгар. – Обязанность короля хотя бы единожды удостоить визитом миры, с которыми нас связывают порталные врата. Но ваш... – Он недовольно нахмурился, развернулся к окну, выдерживая паузу и, скорее всего, проглатывая матерные слова. А затем начал с истории: – Портал на Землю был проложен отступником Йеридом семьдесят шесть лет тому назад. Увы, преступная гениальность Йерида нам тогда дорого обошлась, а когда мы его прижали, отступник смог уйти, несмотря на блокировку врат. Ученые до сих пор не понимают, как ему удалось пробить

пространство в немагический мир. Все, на что их хватило, – пройти по его следам. Тот город назывался Ленинград, и в то время у вас шла страшная война.

Юля вспомнила стоящие в лесу у трассы на Шлиссельбург скрытые невидимостью врата. Она, Кайлес, Совенок, а еще чемоданы, сумки и куча барахла. С одной стороны – портал из Юлиной квартиры, с другой – врата в чужой мир и проносящиеся мимо легковушки, с гулом проходящие фуры. Занятный такой сюр...

Если сложить слова его величества о войне, Ленинграде, добавить сюда Шлиссельбург с Невским пяточком, за который дрались особенно жестоко, то товарищу отступнику можно лишь посочувствовать – бежал от одних проблем, чтобы нарваться на другие.

– Когда его нашли, он умирал. Ваше оружие, – король неодобрительно пожевал губами, – бесчеловечно жестоко.

Захотелось высказаться – как будто у них иначе, но Юля промолчала. Что она знает об их войнах? Хотя в милосердие этого мира верилось с трудом. Одна их традиция – прогулки по пыточным после ужина – чего стоит... Но магов понять можно – мины, зенитки, бомбы с неба... Подо что они попали? Словом, там было достаточно смертоносного и железного, чтобы заклеить недружелюбный мир от греха подальше.

– Но портал вы не закрыли, – констатировала Юля.

– Не смогли, – развел руками его величество, – но координаты уничтожили. Правда, оказалось, кто-то из поисковой группы не выполнил приказ.

И в немагический мир – экзотика! – потянулись любопытствующие, пощекотать себе нервы, подумала девушка.

– Когда поняли, что происходит, координаты разошлись слишком широко, чтобы можно было что-то запретить. Пришлось назначить хранителя, который отправлял особо ретивых домой, и проводить исследования.

– Кайлес, – догадалась девушка.

– Да, – подтвердил король, – долгие годы мой племянник, – в голосе зазвучало явное неодобрение, – отвечает за ваш мир. Он собрал целую команду последователей, которые пытаются соединить технику с магией.

И снова венценосное неодобрение. На взгляд Юли – совершенно беспочвенное. А почему бы и нет? Соединить, развить, взять лучшее. Позиция величества ясна – «счастлив тот народ, чья история скучна», но на одной скуке прогресс не построишь. С другой стороны – это же перекраивать весь подход, налаживать производство...

– А теперь у него есть ваша поддержка. – И Юле достался испытующий взгляд, от которого так и фонило намеком: не стоит недостойным дарить благосклонность ассары. – Но я впечатлен вашими деловыми качествами. Заключить договор, сделать ассарство работой...

И было непонятно – то ли Юлю похвалили, то ли намекали на очевидную дурость... Но явно констатировали непривычность подхода.

– Только раскройте тайну – почему Совенок?

Юля рассмеялась.

– Никакой тайны. Это первое, что пришло в голову, когда увидела Альгара. Он действительно напоминал совенка – маленький, взъерошенный, с круглыми глазами...

– Хм, – его величество задумчиво потер подбородок, – я видел изображения ваших сов. Хорошо. – Он хлопнул себя по бедру и резко сменил тему: – Ваш дар сейчас активно развивается. Я в курсе, что Четвертый объявил себя вашим покровителем, но мой совет – не торопитесь. Вы, конечно, взрослая женщина и сами можете принимать решения, но мы не знаем, как скажутся отношения с мужчиной для новорожденного дара.

Юля ощутила, как щеки начинают гореть. Нервно сглотнула. О чем это сейчас величество толкует? О сексе? Подумала и сама себе не поверила. Это же средневековье. Король, варвар, магия, драконы. Какой тут может быть секс?!

«Но дети у них прекрасно рождаются», – тут же возразил внутренний голос. Ага, и зачатие в темноте спальни и при полном одеянии... Вспомнился Четвертый, его явная заинтересованность и ловкость, с какой он соблазнял... И очень захотелось спросить в венценосный лоб, как эти самые отношения скажутся на репутации ассары, но его величество не тот человек, с кем стоило обсуждать потенциального любовника... Слуги – не вариант, Кайлес – далеко,

остается Седьмая... Если она, конечно, появится после демонстрации иномирного белья консервативному супругу.

Впрочем, со слов его величества выходило, что для близких отношений в этом мире нужен развитый дар. Облом, однако. Еще и покровительство всплыло. Как чувствовала Юля, что с ним что-то нечисто.

– Простите, я вас смутил? – удивился его величество.

И Юля подумала, что их мир с его развязной открытостью дает превратное представление о себе... А ведь далеко не все столь открыты, как видится со стороны.

– Еще раз извините, если задел ваши чувства.

Его величество, как опытный полководец, менял направление диалога на ходу.

– И в качестве извинений готов исполнить одну вашу просьбу, в пределах разумного.

Глава 24

– Держитесь, Юлия Андреевна, от мужчин подальше, пока не научитесь сигареты без спичек прикуривать, – обратилась Юля к своему отражению в зеркале.

Ухмыльнулась – не ожидала? Она тут испереживалась за репутацию, за моральное падение, а выход, оказывается, рядом. Сплошные плюсы, а не магия.

«Ага, плюсы», – мрачно не согласилось с ней отражение.

Память подкинула картинку с поцелуем. Пришлось согласиться, что Четвертый целовался, как настоящий варвар, – горячо, дико, заводяще, до слабости в ногах и тумана в голове. Бывший по сравнению с ним казался снулой рыбой. А еще, честно признаться, вряд ли она устоит, прояви Фильярг чуть больше напора. Как говорится, я – кремень, я – неприступная крепость... ровно до одного крышесносного поцелуя. Мелькнула мысль попросить в качестве желания магический пояс верности. Для гарантии. А то будет как с тортиком – нельзя, вот нельзя: диета, новое платье, отпуск, а потом бац – и соблазнилась.

Хотя... Если вспомнить последние танцы с бубном, похоже, Четвертый в курсе проблемы. Она не сдержала улыбку – кому-то бегать и бегать в душ, а она не станет торопиться... Мысль о вынужденной сдержанности варвара внезапно оказалась очень приятной, а еще она рождала внутри нестерпимый зуд – пошалить. Теперь-то можно, да? – нетерпеливо подпрыгивал внутри мелкий пакостник, жаждущий мести. За жесткий допрос, за порезанное горло, за ужин в темноте...

Юля плеснула в лицо холодной водой – после встречи немного потряхивало, и напряжение отпускало медленно. Как-то не верилось, что она вживую увидела целого короля! Вот бы сфотографироваться и выложить в Инсте... Мечты-мечты.

С желанием она торопиться не стала, чем заслужила удивленный взгляд. Его величество, похоже, привык, что подданные круглосуточно думают о том, что бы такого попросить у монарха. Разбуди ночью –

сразу озвучат в цифрах, деталях и именах. А тут взяли паузу на раздумья. Но возражать не стал, милостиво отпустив.

Промокнув лицо полотенцем, Юля спустилась вниз – читать.

С лестницы она заметила, что любимый угол дивана занят. Вскинула брови – сюрприз. И ни одна «собака» – ни шоколадная, ни невидимая – ее не предупредила. Внутри зашевелилось неприятное предчувствие...

Но делать нечего – спустилась. Незнакомка, не вставая, оценила, прокалькулировала Юлины параметры и скорчила недовольную гримасу.

– Так это ты теперь Шестая мать? – спросила она брезгливо.

Предчувствие переросло в уверенность.

Ни «здрате, я ваша тетя», ни «доброго дня», ни имени, наконец. Никак Гюрза Гадюковна пожаловала? Как бы Третий с Четвертым ни прятали свою семейку, да только в каждой найдется вот по такому капающему ядом экземпляру...

Юля села напротив, закинула ногу на ногу, откинулась на спинку кресла.

– Вы ошиблись, – ответила девушка спокойно, – я – просто мать, вне списка и вне конкуренции. Не люблю номера.

Красивое, прямо-таки кричащее о благородном происхождении лицо Гюрзы покраснело. Она тряхнула головой, серые с белыми прядями волосы взметнулись живописным водопадом.

– Ты! Смеешь! Отказываться от своего места! – экспрессивно плюнула она словами.

Ураган эмоций, а не женщина, жаль, один негатив, отметила Юля. После встречи с его величеством, перед которой она тряслась кроликом, эта дамочка вызывала легкое недовольство. Не более.

И кого это принесло? Мозг привычно работал в системе многозадачности. Вряд ли из птичника. Тетушку столь сильно не взбудоражило бы появление еще одной матери. А здесь явно задеты чувства. Неужели кто-то из клуба бывших жен? Первая отпадает, остаются со второй по пятую. И если вспомнить, что Пятый еще не достиг совершеннолетия, то, скорее всего, к ней пожаловала на знакомство и размазывание грязи пятая мать.

– У нас, знаете ли, почетно быть первой, а все остальное – так себе результат, – пожала плечами Юля.

Это был хедшот^[7]. У Гюрзы аж глаз задергался, губы побелели, по щекам поползли алые пятна. А Юля подумала, что как бы местные дамочки ни держались за свои номера, но пятая, она и в Африке – пятая.

– Ты! – вскочила Гюрза, выставив вперед палец.

Юля неспешно поднялась. Роста они были одного, весовые категории совпадали, прикинула девушка на случай рукопашной.

– Как смеешь разговаривать в таком тоне?! Ты хоть знаешь, кто я?!

«Угу, и кто мой папа», – мысленно добавила Юля. Знакомый разговор всех мажоров, привыкших прятаться за чьей-нибудь спиной. Нет, прав был Третий, когда берег их птичник от встреч с неуравновешенной ассарой, потому как внутри было не просто тепло, а горячо.

– Вы не представились, – с насмешкой напомнила ей Юля. Она склонила голову, ожидая реакцию... Переходить на «ты» и поддаваться на провокацию не стала. Невидимки, которые в присутствии гостыи снова проглотили свои языки, станут свидетелями, что она держалась в рамках вежливости.

– Перед тобой, – ей продемонстрировали горделиво вздернутую голову, идеальную осанку и властный разворот плеч, – пятая мать.

Дальше был набор воздуха – Гюрза явно собиралась произвести впечатление сложным титулом, но Юле это было уже неинтересно.

– Пятая? – перебила она, оскалившись. – Вы-то мне и нужны.

Гюрза поперхнулась набранным воздухом, вытаращила на Юлю свои желтые глаза.

– Это вы занимались подбором учителей для Альгара? Тогда скажите вашему человеку, что с завтрашнего дня он здесь не работает. Я сама подберу Шестому тех учителей, каких посчитаю нужным.

И нечего шпионам Пятой в их покоях делать...

– Ах ты, дрянь! – У венценосной матери окончательно снесло крышу от расшатывания ее власти. – Опозорить меня перед двором решила?! Да я тебя в уголь сожгу! Запомни, иномирное отродье, мой сын – самый сильный из всех Столпов. Он станет следующим правителем, а твой жырғхвов выродок подохнет на первом же испытании. Никогда сын этой уродины не станет Столпом!

Юля не знала, что пламя бывает черным. Беспросветным, как тьма, и обжигающим, как доменная печь. Что огонь может быть везде – на коже, под кожей, в сердце и шелковыми языками плясать перед глазами. А еще он может быть живым. И быстро среагировать на пронзительный женский визг, на что-то метнувшееся в сторону Юли от Пятой, беззвучно двинувшись на женщину стеной черного пламени.

Крик резко оборвался, и в наступившей тишине было слышно, как с тихим шелестом ползет по полу волна огня. Стало страшно как никогда в жизни, Юля зажмурилась, внутри разлилась леденящая паника, а мысли были все, как одна... похоронные. Хотелось проснуться дома, в постели, а не стоять в чужом дворце и выпускать смертоносную волну пламени.

На талию легли теплые ладони, крепко обняли, прижимая к твердому телу. В шею уткнулись мягкие губы, знакомый аромат окутал, успокаивая.

– Тише, сладкая, тише. Все закончилось. Тебе никто больше не угрожает.

Юля всхлипнула, покачнулась на подкосившихся ногах. Фильярг развернул ее к себе. Приподнял лицо за подбородок, и она зацепилась взглядом за налившуюся золотом радужку глаз, за расширившийся зрачок и свое отражение в нем. А потом ее поцеловали. Жарко. Требовательно. Грубо сминая губы и проникая в рот языком. На глазах у всех – если там кто-то еще остался... Одна ладонь фиксировала затылок, гася малейшее сопротивление. Вторая обнимала за талию, притягивая, вжимая в мужское тело. Чужой язык танцевал во рту, брал штурмом, наказывал, ласкал. Юля плавилась в горячности поцелуя, согреваясь и забывая недавний ужас. Но губы уже болели, воздуха не хватало. Она забилась, пытаясь освободиться. Ее отпустили, чтобы тесно прижать голову к груди и коротко приказать:

– Стул принес.

Зачем стул? – вяло подумала Юля, рвано дыша, как после забега. В комнате полно кресел и целый диван есть. Под щекой сильно билось чужое сердце. Нос щекотала мягкая ткань рубашки. Дернулась, но ее не отпустили, продолжая фиксировать в тесных объятиях-зажимах.

Стукнули ножки по полу. Фильярг потянул ее за собой, усаживая Юлю на колени и продолжая крепко удерживать в руках. Она снова

безрезультатно попыталась освободиться, но тут же притихла от раздавшихся уверенных шагов и прозвучавшего ехидного:

– Так-так. И почему я не удивлен? А ведь только ремонт закончили, н-да. Кто выпустил Шестого? Метнулся обратно. Кому я сказал? Жива, жива твоя драгоценность, и даже не пострадала. Чего не скажешь о других... И если бы кое-кто лучше старался, сам бы ощутил состояние ассары. Работать! Бегом!

Хлопнула дверь.

– Темное пламя, кто бы мог подумать, – с явным удовольствием произнес Третий. – Напомни мне, братец, когда у нас последний раз наблюдалось подобное чудо?

– Правление Четвертой ветви.

– Верно, – щелкнул пальцами Харт, – а Шестая мать у нас из рода Соваш.

– Мать правителя Четвертой ветви ее прабабка, – добавил подробностей Фильярг.

– Кто бы мог подумать, – повторил Харт, – занятный костерок получился... Щедро Шестая сына одарила. Ты почему вернулся? – отвлекся он на кого-то. – Думаешь, мне нужна сейчас охрана с нулевым резервом? Марш обратно в лазарет. И Пятой передайте, как придет в себя, я ее обязательно навещу. Пусть готовится и вещи собирает.

Юля снова дернулась – обниматься с Фильяргом было приятно, как и вдыхать его аромат, но этот хитрюга не просто прижал ее к себе, а еще и глаза ладонью прикрыл. И как тут стерпеть, когда любопытство уже загрызло? Да и неудобно прилюдно сидеть на коленях у мужчины.

– Отпусти, – попросила Юля тихо, и ее нехотя выпустили из объятий, но руки остались лежать на талии, страхуя.

Она огляделась, не узнавая комнату. Складывалось ощущение, что внутренности просто сожрали. Исчезла мебель, обивка стен, потолок темнел серым камнем, по углам испуганно жались световые шары. На полу светлели нетронутые пятна деревянного покрытия: одно круглое, у Юли под ногами, второе, у дальней стены, напоминало кляксу с неровными краями. Двери в столовую не было. От лестницы осталась только верхняя часть. И стало понятно, почему так сокрушался Третий. Уютного ремонта было откровенно жаль.

Харт проследил ее взгляд до кляксы и подтвердил:

– Да-да, Юлия, ваших рук дело. Тройку магов мне опустошили. Едва устояли... Вы следующий раз... – Он пожевал губу, потом махнул рукой. – А лучше без следующего раза. С темным пламенем шутки плохи.

– Не бойся, мы справимся, – шепнул на ухо Фильярг и успокаивающе погладил Юле по руке.

– Придется скорректировать ваше обучение, – посерьезнел Харт, – и охрану подобрать покрепче.

Он обвел расфокусированным взглядом комнату, вздохнул и спросил:

– Ко мне или к брату?

Юле показалось, что она ослышалась. Девушка нервно сглотнула. Под выжидающим и серьезным взглядом Третьего стало неуютно. Да и Фильярг за спиной напрягся, а лежащие на бедрах ладони закаменели.

Захотелось вспылить, послать их – нашли время! Но вспылить означало утратить контроль... Терять же контроль после сегодняшнего было равносильно потере головы...

Комната постепенно наполнялась людьми в темных свободных костюмах, напоминавших по силуэту кимоно. Невидимки решили показаться, дабы не нервировать ассару. А срываться при народе...

– К себе, – процедила Юля. Заерзала бедрами, и ее отпустили, позволив встать.

Харт прошелся по ней оценивающим взглядом, принял скучающий деловой вид.

– К себе не получится. Надо проверить, не нарушилась ли целостность стен, восстановить лестницу. Да и оставлять вас без присмотра на ближайшие сутки нельзя.

– А доверять кому-то из чужих мы не станем, – подтвердил Четвертый, – ты теперь член семьи.

– Но если не можете выбрать, – улыбка на губах Харта стала сладкой, – мы с братом разделим дежурство.

И они обменялись только им понятными взглядами.

Вот сейчас можно и нужно было ругаться, посылать на четыре стороны, но сил не осталось. Ни на ругань, ни на возмущение. Стресс от пережитого медленно, но верно накрывал одеялом равнодушия.

– Шестой? – уточнила Юля.

– Куда вы без Совенка.

Харт поморщился, однако исправляться не стал. Прозвище из чужого мира оказалось заразным. Вот и Третьего зацепило.

– Мои парни слетают наверх, возьмут все, что вам потребуется. И еще, Юля, я прошу вас никому не говорить о том, что здесь произошло.

Другими словами, его высочество желал скрыть будущий дар Шестого. Не хотел раньше времени тревожить птичник. Она вспомнила слова Пятой и согласилась с таким решением. Было глупо полагать, что дамы из клуба бывших жен не желают своим отпрыскам лучшего – стать правителем. А Совенок слишком слаб, чтобы защищаться от нападков. Не убьют, так заклюют.

– Конечно, я согласна, но Пятая...

– Ее я беру на себя, – быстро проговорил Харт, – не переживайте больше из-за этой женщины. Она к вам не подойдет.

Очень хотелось надеяться, что не только не подойдет, но и гадость никакую не сделает.

– Доверяй нам, все будет хорошо.

Теплые руки обняли ее, прижимая. Фильярг легонько прикусил мочку уха, и это на глазах у брата! Юля вспыхнула, вырвалась из объятий. Кажется, кто-то пытается демонстрировать свое и добиться того самого «выбора». Как будто у нее других проблем мало!

Нет, точно мало, потому как теперь ей досталось сразу два недовольных взгляда. Но Харт быстро сменил недовольство на снисходительность, посмотрел на нее, словно на маленькую, а вот брату бросил резкое:

– Торопись.

И тут же переключил внимание Юли на насущные потребности:

– Гард поможет с вещами, просто скажите ему, что взять.

Следующие минуты прошли в мучительных попытках вспомнить, где в шкафу висит самая приличная пижама. Потом, краснея и запинаясь, пришлось просить принести нижнее белье, косметичку, банный халат, полотенце и прочие гигиенические мелочи. Уже спокойно и собранно перечислить вещи Аля.

Гард – средних лет, высокий, подтянутый мужчина – слушал сосредоточенно, ни разу не перебив, точно получал спецзадание.

Потом размеренно повторил все, что наговорила Юля, дождался подтверждающего кивка и двинулся к остаткам лестницы.

Шестого наконец выпустили из классной комнаты, и он с визгом повис на девушке. В глазах вместо страха читался восторг.

– Ты – лучшая! – выпалил он, обнимая ручонками.

Юля слабо кивнула, не разделяя восхищения подопечного. Сбежавший было в объятиях Четвертого страх вернулся. В голове билось истеричное: «Я могла их всех убить!»

К чертям такую магию. Да только магию посылать бесполезно, она вернется, и ответка Юле точно не понравится. Оставался единственный вариант – брать под контроль. А еще внутри зрела уверенность, что братьев, как и магию, посылать бесполезно. И было непонятно – с чего такая настойчивость? Своих девиц мало, на экзотику потянуло?

А потом внезапно в памяти всплыли слова Кайлеса: «Женщина слабее мужчины, ее магия менее стабильна, подвержена лунным циклам, и потому без поддержки семьи и рода ей не выжить».

Захотелось ругаться долго, с чувством и матом, потому как она теперь тоже часть этого замечательного процесса принадлежности. Знать бы еще, что скрывается за словами «не выжить», потому как про нестабильность магии Юля может диссертацию накатать из личного опыта. С другой стороны, если дело в магии и попытке ее стабилизировать, то к чему объятия и поцелуи? Нет, не выходит каменный цветок. Слишком мало данных. Опять же куда приткнуть слова величества о нежелательности отношений для неразвитого дара?

Юля потерла лоб, мучительно желая избавиться от атаковавших ее мыслей.

– Прошу. – Третий галантно открыл дверь, пропуская их в покои Четвертого.

Как братья поделили комнаты, Юлю не волновало, главное – она с Альгаром. Еще бы в компанию бутылочку красного для успокоения нервов, веточку винограда, горький шоколад и сыр с голубой плесенью – счастье будет полным. Но чего нет, того нет.

Преподавателя с собой не позвали, и братья до вечера занимались младшим. Ну как занимались... гоняли по всем предметам, обстреливая вопросами. Юля привычно села с книжкой. Но книгу быстро отобрали, велел переключиться на медитацию. В местном

варианте это называлось «поиском внутреннего огня». Надо было найти самое теплое внутри себя место и оттуда тепло растащить по всему телу. Все бы отлично, но под мужскими взглядами тепло скапливалось исключительно внизу живота и вряд ли имело какое-нибудь отношение к внутреннему огню.

Юля устала, один раз почти упала, уснув, но особо не продвинулась. «Медитация – не для меня», – решила она. Вот если вспылить и сжечь – тут ей равных нет, а сидеть и ловить себя на грани сна... Но все же сидела, упорно пытаюсь поймать проклятый источник.

– Отступишь, – прорычал Фильярг, со стуком ставя бокал.

Прозрачная жидкость, одним глотком вышибающая слезу у взрослого мужчины, слегка выплеснулась на стол. Огневуху Фильярг не любил именно из-за нокаутирующего удара по мозгам, но сегодня ему требовалась передышка. От одной только мысли, что Юля сейчас в его спальне, в постели, острое желание огнем скручивало внутренности. И нужно было что-то покрепче вина, чтобы приглушить жгучие мысли.

Они удалились в кабинет, давая девушке приготовиться ко сну.

– С чего бы? – вздернул брови Третий.

– Она под моим покровительством, – заявил Фильярг, едва сдерживая злость. К чему это внезапное соперничество? До недавнего времени брата не интересовало ничего, кроме политики. У него было несколько женщин под покровительством, но все они быстро исчезали из поля зрения Четвертого. Харт не любил, чтобы кто-то отвлекал его от любимой работы.

– И прекрасно осведомлена о его правилах? – ухмыльнулся брат, делая маленький глоток огневухи.

С каким удовольствием Фильярг стер бы эту ухмылку с губ брата, но драка – не выход. Точнее, выход, но за пределы страны года на три, у дальних рубежей. «Чтоб мозги встали на место», – как любит говорить отец.

– Нет, – скрипнул зубами Фильярг, поднес бокал к губам, глотнул, с удовлетворением ощущая, как волна чистого пламени прокатывается по пищеводу, – и я бы просил тебя не рассказывать о нем. Сам это сделаю.

– Хорошо, – неожиданно легко согласился Харт.

Фильярг замер, с недоверием глядя на брата.

– Не понимаешь, младший? – невесело улыбнулся тот. – А расклад прост. Шестому, конечно, придется несладко. Совладать с темным пламенем... – Харт вздохнул, покачал головой. – Надеюсь, Девятиликий будет милостив и позволит ему выжить. Но и без Шестого ценность ассары возрастает в разы. Женщину, которая может передать дар темного пламени детям, многие захотят прибрать к рукам. Мы должны быть первыми.

– Что предлагаешь? – хрипло спросил Фильярг. Он готов быть первым, но ему сильно не нравилось «мы».

– Я не стану мешать. Действуй. Но оступишься, или она тебя оттолкнет, не обижайся – заберу себе. Я не допущу, чтобы столь сильный дар достался другой семье.

Фильярг стиснул зубы, представив ассару в объятиях Харта. Гнев чистым пламенем бросился в лицо, и пришлось приложить усилия, чтобы сдержать внезапно взбунтовавшийся огонь.

– А если не захочет? – спросил он хмуро.

Харт посмотрел на него как на маленького.

– Захочет. К любому человеку можно найти подход. Надо лишь время. Я еще только начал подбирать ключик к нашей сладкой ассаре. Ты ведь пробовал ее энергию? Нектар, правда?

Мысль, что брат специально его провоцирует, остановила готовое к прыжку тело. Фильярг сипло выдохнул, выругался и... остался сидеть на месте.

– Взрослеешь, малыш, – одобрительно кивнул Харт, – с этой девушкой тебе понадобится все терпение, до последней капли. Уверен, что справишься?

Фильярг уже не был уверен, но и отступать было поздно. Сердце горело от одного взгляда на ассару.

– Я не отступлюсь, – проговорил он упрямо, – и тебе не отдам. Но есть одна проблема...

Харт понял его с полуслова:

– Ее желание вернуться домой.

Третий покрутил бокал в руке, опрокинул, махом заглатывая огневуху. Вытер губы рукавом.

– Пока она воспринимает наш мир как работу. В ней все еще живет тоска по дому, и это нормально. Но постепенно Шестой выйдет

на первый план — такова сущность ассары. Однако с его совершеннолетием потребность в ассаре пропадет. Твоя задача, брат, за эти пятнадцать лет прорасти в ее сердце настолько, чтобы она думать забыла о своем мире. Не торопись, но и не давай успокоиться. Учти, я смогу прятать ее лишь до академии. До отъезда она должна стать твоей.

— Свадьба? — сипло, так как голос подвел, спросил Фильярг.

— Слишком быстро, — покачал головой Харт, — отец не одобрит. Будет ждать до совершеннолетия ассары. Достаточно помолвки или полноценного покровительства, чтобы в сторону других даже не смотрела. Действуй, брат. Или я сам вступлю в игру.

— Договорились, — подтвердил Фильярг, опустошая свой бокал.

Встреча с его величеством, фееричный визит Пятой, всплеск пламени и достойное завершение этого безумного дня — мужская спальня и чужая постель. Большая и вместительная, но все же чужая...

Юля потерла лоб. Тело ломило, кожа горела, чтобы через секунду покрыться мурашками. И было непонятно, это реакция на стресс или на выброс пламени.

Она уложила Совенка, быстро приняла душ, переоделась в розовую пижаму с пандами и, крадучись, пробралась в спальню. От мысли наткнуться на Четвертого или Третьего во рту стало сухо, а ноги предательски ослабли. Но в спальне стоял уютный полумрак, сладко посапывал Совенок, и Юля, ощущая себя измотанной до дикой усталости, забралась под отдельное одеяло, прижала к себе ребенка, практически мгновенно проваливаясь в сон.

Проснувшись она рывком от присутствия постороннего за спиной. От руки, по-хозяйски притянувшей к себе. От прижавшегося к ней горячего тела.

Она дернулась и завозилась, отодвигаясь, но рука притянула ближе, а теплые губы прикоснулись поцелуем к шее.

— Тише. Разбудите Совенка.

— Как вы смеете, — перешла Юля на раздраженный шепот.

— Никак, — согласился Четвертый, но руку не убрал, — только вы горите. Хотите и здесь все спалить?

Сжигать еще одну комнату Юля не хотела. Если так дело пойдет — по комнате в день — ее выгонят спать на улицу из дворца.

– Спите, Юля, – устало посоветовал его высочество, – и не мешайте мне вас контролировать.

Она недовольно фыркнула, но разборки оставила на утро. Тем более что его высочество лишь обнимал, не делая никаких покушений на честь ассары. А скоро вообще засопел. И только она, как дура, лежала без сна, чутко ощущая за спиной волнующее присутствие мужчины.

Глава 25

Проснувшись, Юля лежала какое-то время, прислушиваясь к тишине спальни. Но тишина стойко хранила секреты, и ей пришлось открыть глаза. Под боком обнаружился сладко сопящий Совенок, в кресле около кровати – Третий. Мужчина спал, вытянув ноги, сложив руки на животе. Во сне его лицо смягчилось, «государственная» морщинка разгладилась, и сейчас, разглядывая его высочество, Юля искренне недоумевала – чего она испугалась? Мужчина как мужчина. Симпатичный. Умный. Правда, мысли вызывал как виртуальная Алиса – списком всех вариаций прегрешений от валяния птичника по полу до побега из дворца. Просто пробудитель совести какой-то. Хотя хорош. Н-да.

Вот Четвертый напоминал собой снежного барса: опасный, сильный, хищный, и, если приручить, будет мурчать, позволяя себя гладить. А Третий представлялся эдаким вороном, которого при всем желании не потискаешь. Мудрый, сильный, с готовыми махинациями-ходами на каждое слово собеседника. Не человек, а мозг, причем облеченный властью. Ядреное сочетание. Такой всегда будет лидером, из принципа не позволив женщине одержать верх. И вряд ли Третий потерпит рядом с собой кого-то более яркого, чем послушную жену-тень, обожающую мужа и целиком ему подчиняющуюся. А у Юли с подчинением проблемы...

Она встала, укрыла Третьего одеялом и заботливо его подоткнула. Юля направилась было в ванную и замерла, услышав:

– Не стоило.

Она обернулась – Третий лежал, не открывая глаз. В кресле, укрытый одеялом, мужчина смотрелся по-домашнему уютно, отчего Юля не смогла сдержать улыбку.

– Почему? – поинтересовалась девушка.

Харт, ощутив улыбку в голосе, открыл глаза, потянулся, разминая затекшую шею.

– Уже встаю, – проворчал он, подтягивая одеяло повыше.

Харт прошелся заинтересованным взглядом по Юлиной фигуре, и девушка разом вспомнила, что она в пижаме с пандами,

растрепанная со сна... Но смущение не пришло, видать, вчера в пламени пострадала не только гостиная. А вообще, совместная ночевка здорово сближает, причем без всяких задних мыслей.

– Вижу, чувствуете себя хорошо, – оценил ее состояние Харт.

Юля действительно ощущала себя отлично. С этой магией она зареклась прогнозировать, но сейчас настроение было как у Пятачка – сплошной оптимизм и желание сворачивать горы.

– Спасибо вам, – искренне поблагодарила она Харта за ночное дежурство в кресле.

Третий только отмахнулся:

– Начинаю привыкать, что с вами всегда пожар. Идите уже, – и сладко зевнул.

Когда Юля вышла из ванной, его высочество сладко спал, подложив одеяло под голову и посапывая. На цыпочках, чтобы не разбудить, она спустилась вниз. Прошла в столовую, где слуги накрывали стол к завтраку. Они увидели ее, засуетились, и ровно через пять минут она сидела за столом с чашкой травяного чая, тарелкой каши и лепешками, политыми сладким соусом.

Она выпила две чашки чая и съела кашу, когда появился Четвертый. Первым делом он просканировал ее лицо, остался доволен, уселся за стол и поздоровался:

– Свежего утра, Юля. Как спала?

Похоже, они перешли на новый уровень общения, по крайней мере наедине.

– Спасибо, хорошо.

– Вот и отлично, – окончательно повеселел его высочество, открыл тарелку с кашей, поморщился, отодвинул от себя, проинспектировал остальные блюда, остановившись на чем-то мясном.

– Как Пятая? – спросила девушка осторожно.

– Все в порядке, Юля. Тебе не нужно о ней беспокоиться, как и обо всем остальном. Все будет хорошо, обещаю.

Юлю словно под дых ударили, и настроение резко испортилось.

– Неужели? – протянула она, ощущая во рту горечь. Внутри заворочался вчерашний страх за Совенка. – Зачем тогда охрана? Ограничение на встречи и запрет на самоволки из дворца? Просто так, да?

Фильярг отложил вилку, стиснул зубы, но молчал, и это молчание только больше заводило.

– Не считай меня за дуру! Тебе не кажется, что я тоже имею право знать, чего стоит опасаться?

Его высочество ответил тяжелым взглядом, в котором явно читалось неодобрительное: «В самоволку захотела?»

– Тебе нечего опасаться, кроме, – он сделал паузу, в глазах мелькнула насмешка, – самой себя. Что касается охраны и, как ты выразилась, самоволок, это лишь мера предосторожности. Ты не знаешь наш мир, поэтому извини, но одну тебя никто никуда не отпустит. Как и не оставит без присмотра. Что касается встреч... – Четвертый поморщился, точно речь шла о чем-то неприятном, – поверь, ты не много потеряла. Думаю, Пятой было достаточно. И не держи на нее зла. Она всего лишь избалованная, истеричная женщина. Ее угрозы – пустые слова.

«Пустые слова». Юля выдохнула, отпуская напряжение. Никакой угрозы. Или ее намеренно успокаивают, чтобы не волновать? Комнат-то жалко.

– Есть шанс когда-нибудь снять ограничения? – спросила Юля, не глядя на Четвертого. Пусть она знала, что легко не будет – большие деньги не платят просто так, но хотелось хоть каких-то перспектив вместо вечных санкций на ее свободу.

– Юля.

Его высочество пересел на соседний стул, захватил в плен ее ладонь, второй рукой вырисовывая узоры на запястье. Сердце предательски дрогнуло, втягиваясь в танец горячих прикосновений.

– Я понимаю, это не просто, но и нас пойми. Куда я тебя отпущу? В город? Чтобы ты сожгла полквартала? И потом всю жизнь корила себя за убийства?

Юля вздрогнула, явственно представив эти самые «полквартала». В ушах снова зазвучал крик Пятой. И она поморщилась, кляня себя за дурачность. Понятно, что плотный колпак раздражает до зубовного скрежета, но альтернатива... еще хуже.

– Я справлюсь, – пообещала она, – освою эту вашу магию вместе с темным пламенем. Не так уж это и сложно. Только держите ваш птичник подальше от меня, а то кого-нибудь прибью ненароком. И почему они так не любят Шестого?

Фильярг ухмыльнулся на «птичник», но возмущаться не стал.

– Мы не любим слабость, Юля, – пояснил он, – потому как слабость для нас – смерть. А Шестой... Так уж получилось, намеренно и не очень, что его посчитали слабым с рождения. Но ты можешь это изменить.

– И изменю, – кивнула девушка, убирая руку. Вытанцовывавшие на коже пальцы сильно сбивали с мысли. Что там говорить, они даже с дыхания сбивали на радость Четвертому.

– А что с контролем моего дара? – вернулась она в реальность, прибывая оживившихся в животе бабочек.

Фильярг моргнул, отвел взгляд от ее груди, внезапно смутился, нервно пробарабанил пальцами по столу.

– Все под контролем.

Ага, контроль под контролем. И чуеться лапша на ушах, усмехнулась Юля. Она уже начала ловить тот момент, когда его высочество уходил в несознанку, прикрываясь ширмой полуправды.

– И как вы его осуществляете?

Копать – так до дна. Раз уж угораздило стать не просто ассарой, а еще и магом.

Высочество тяжело вздохнул, точно она у него гостайну выпытывала, но все же ответил:

– Прикосновения, Юля. Вы в вашем мире довольно ловко научились передавать энергию. У магии тоже есть законы. Для передачи энергии от живого объекта к живому требуется телесный контакт. Количество забранной энергии регулируется продолжительностью и плотностью контакта.

Юля сглотнула, ощущая, как в голове образуется вакуум и остается единственная мысль: «Контакт». Им требовалось прикосновение, чтобы избавить ее от опасных излишков магии. Она сейчас что-то вроде «Горшочек, вари» – вырабатывает и вырабатывает энергию, а сливать ее не умеет. Вот у нее и забирают излишки.

От понимания причин настойчивых обхаживаний – прости, крошка, это безопасность, ничего личного – в глазах зацепало от сухих слез. Вот же дура! Юля стиснула зубы. Сама придумала сказочную любовь, сама в нее поверила. Знала ведь, что принцы не женятся на Золушках, только глупое сердце никак не желало угомониться.

Поцелуй, прикосновения – и вот уже пульс подскакивает, а в мыслях розовые единороги в обнимку с сердечками. Тьфу! А ей всего-то перепали принятые в местном обществе обнимашки, как самый быстрый и простой способ сбрасывания излишков энергии. Впрочем, был еще один способ – горизонтальный, на который намекал его величество, а она, дура, сразу и не поняла. Похоже, в местном обществе царят вольные нравы, с такими-то установками на близость.

Девушка невольно отодвинулась от Четвертого. Тот сразу уловил перемену настроения и нахмурился.

– Юля? – проговорил Фильярг вопросительно, пытаясь заглянуть в глаза, но девушка не позволила. Она встала из-за стола.

– Не стоит, я все поняла, – ответила Юля сухо, стараясь унять боль в сердце. – Обещаю стараться изо всех сил, чтобы больше не причинять вам неудобств.

Четвертый открыл было рот, но тут в столовую вошли трое мужчин: немолодые – на лицах следы прожитых лет, седина в волосах, но фигуры подтянутые, с военной выправкой. Правый чуть прихрамывал, опираясь на трость.

– Ваше высочество, – поклонились они синхронно. Затем повернулись к ней.

– Госпожа ассара? – уточнил средний.

Их цепкие взгляды сошлись на Юле. Она поежилась, уловив в глазах троицы налет презрения. И вроде птичник не вызывала, а он приперся...

– Да, это я, – вздернула повыше подбородок девушка, расправила плечи. Если что – рядом Четвертый, в заглазнике – огнемёт из темного пламени. Отобьемся.

– Господа наставники? – искренне удивился Фильярг, и Юля поняла, что ошиблась.

Упс, так это учителя пожаловали... Нет, со скидкой на местный снобизм, ничего так. Боевые дедушки.

– Мы к госпоже, – коротко кивнул тот, который был с тростью, еще и бровью двинул, мол, не мешай, мальчишка.

Юля прикусила губу, сдерживая улыбку. То есть пиетета перед высочеством господ наставники не испытывали, и это радовало.

– Присаживайтесь, – пригласила она учтиво, – разговор будет долгим.

– Ошибаетесь, госпожа ассара, – мотнул головой другой, с аккуратной бородкой и интеллигентным лицом, – разговора не будет. Нам передали ваше приглашение, мы отказываемся.

– Почему? – нахмурилась Юля, а внутри недовольно заворочалась горячая тьма.

– Нет смысла, госпожа, – вздохнул третий, среди остальных его выделял шрам на подбородке – редкое, если Юля хоть что-то понимала в местной медицине, зрелище и скорее всего дань памяти, а не просто шрам. – Если бы мы занимались Шестым с самого начала, был бы толк, а сейчас время упущено. За шесть недель до начала занятий мы его не вытянем.

И он скорбно поджал губы.

– Понимаете, госпожа, у нас репутация, – хмуро добавил правый.

Все ясно. Это как с элитными гимназиями – берем только гениальных, чтоб на выходе были лучшие результаты в городе.

Кулаки сжались сами собой, а тьма уже не ворочалась – билась, стремясь наружу. На плечо успокаивающе легла рука Фильярга. Он пока не вмешивался, и Юля была ему за это благодарна.

– И что, даже не посмотрите на Альгара?

– Госпожа ассара, – мужчина с бородкой и самый приятный из всех пожевал губами, во взгляде появилось сочувствие, – мы верим, что вы хотите лучшего для вашего подопечного и обязательно достигнете успеха, но для Столпа этого мало. А вы – женщина. Что сможете ему передать? Силу? У вас ее нет. Смелость? Вы же темноты небось боитесь. Отвагу? Откуда она у вас, когда вы привыкли прятаться за мужскими спинами? Нет, госпожа ассара, при всем нашем уважении – подготовить Шестого не удастся.

– Вижу, с годами ничего не меняется. – На пороге столовой, прислонившись к косяку, стоял Третий, и его губы кривились в саркастической улыбке. – Как обычно, гонимся за результатом?

– И результат того стоит, ваше высочество, – с намеком поклонился мужчина с тростью, его примеру последовали остальные наставники.

– Я хотел бы пригласить вас прогуляться, многоуважаемые. – Третий махнул рукой, приглашая их за собой, и все четверо удалились.

Юля расстроено проводила их взглядом. Что за день! Она только настроилась на конструктивный диалог. Попросить его величество

приказать им? Нет, толку не будет. А объяснять, что она из другого мира, не боится темноты, не прячется за спинами мужчин... Бесполезно. Не поверят.

– Я удивлен, что ты решила их пригласить, – проговорил Четвертый, заключая ее в объятия.

Юля дернулась было, потом махнула рукой – пора привыкать к обнимашкам. Только сердце держать в узде и каждой бабочке – по мухобойке, а то совсем распоясались.

– Зато теперь понимаю, отчего так разозлилась пятая мать – ты подвергла сомнению ее выбор. Наставники они, конечно, лучшие, но дерут три шкуры. Не переживай, согласятся. С некоторыми вещами даже таким упрямцам не поспорить.

– Это с чем же? – с подозрением спросила Юля.

– Увидишь. – И легкий поцелуй коснулся ее виска.

Нет, так дальше нельзя. Она не железная. И бабочки, сволочи, не прибиваются – сил нет. Еще немного – и сдастся. Позволит победить тому, что так долго отвергала. Станет послушной, податливой, а еще зависимой, как все местные женщины. Да-да, теперь она поняла страшную тайну местных – зависимость. От мужчин, их желаний, настроения.

Еще пару дней, максимум неделя плотной осады, и она вольется в строй наркош в платьях. Им-то проще – с рождения привыкли подчиняться и считать секс необходимостью не только зачать ребенка, но и держать магию под контролем.

А хорошо товарищи мужчины устроились. Равенство партнеров? Ха. Взаимное уважение? Зачем, если сама прибежит. Любовь, чувства и прочая ненавистная сильному полу романтическая чепуха – все становится ненужным. И напрягаться не требуется – прискачет, как только прижмет и потребует «спустить пар». Зашибись перспектива. Хочется схватить что-нибудь со стола и расколошматить о стену.

Юля дернула плечом, освобождаясь из объятий. Она отшатнулась – Фильярг не стал настаивать, отпустил, только нахмурился сильнее. Девушка выдохнула, чувствуя свободу. Надо держаться подальше и самой разбираться с магией. Не может быть, чтобы не было выхода. Пусть местные курицы цепляются за мужиков, спят с ними по нужде, она не собирается.

– Юля, нам надо поговорить.

Не сейчас. Ей надо остыть, избавиться от наваждения, сосредоточиться на работе. Она здесь по контракту, так что нечего на начальство виды иметь. Неуставные отношения – от них одни проблемы. И напомнила себе: шесть недель, а потом она окажется в академии, подальше от высочеств.

– Госпожа ассара.

Подарком судьбы вернулись господа наставники с Третьим. Юля поймала горящие нездоровым энтузиазмом взгляды, попятилась.

– Приносим извинения за недоверие, – поклонился мужчина с тростью, – ассары в последнее время редкость. Мы успели забыть, как быстро вы можете менять ситуацию. Если вы не передумали, мы готовы взять Шестого в ученики. Меня зовут наставник Ирлан, это наставник Ульгард, – указал он на бородатого, – и наставник Шаккар, – на мужчину со шрамом на подбородке.

Юля выдохнула, улыбнулась – вот и ладненько. Трех твердолобых уломали, надо думать, после экскурсии в выжженную гостиную. Пусть наставники явно привыкли выматывать учеников до кровавого пота, но у нее Совенок, которому все пророчат гибель на первых же испытаниях. Так что пусть гоняют, был бы толк. Как говорится, тяжело в учении, легко в бою.

– Я согласна. – И добавила: – Добро пожаловать в команду.

Мужчины благожелательно переглянулись, идея с командой им пришлась по душе. Юля и сама чувствовала себя словно в команде по выборам президента. Только у них не президент, а Столп. Да и расплатой за неудачу станет смерть Альгара...

– И мы могли бы... – начал было Ульгард, но Харт его жестко перебил:

– Нет, я уже отказал. Узнаю – отстраню.

Юля бросила на него удивленный взгляд, однако его высочество комментировать не стал, привычно приняв неприступный вид государственного деятеля.

– Юля! – вихрем влетел в столовую Аль. Он застыл на пороге, нашел глазами девушку, успокоенно выдохнул и только тогда заметил, что в столовой есть кто-то еще.

– Наставник Ирлан. – Он потрясенно округлил глаза, и Юля поняла, что в ее сети попалась местная легенда.

Мужчина покрутил в руках трость, прошелся оценивающим взглядом по мальчишке, тяжело вздохнул, но высказываться не стал.

– Альгар, знакомься – твои новые наставники.

Юля поочередно представила мужчин, Аль захлопнул рот, вытянулся, расправил плечи, стараясь выглядеть взрослее.

– Пусть его высочество позавтракает, – распорядился наставник Ульгард, – а мы подождем в классной комнате, я видел, что она не пострадала.

– Ты знаешь, кто это?! – восторженно зашипел Аль, стоило за наставниками закрыться двери. – Это же сам Ирлан, герой Пятилетней войны, победитель...

– Он – твой учитель, – насмешливо перебила его Юля, – и, поверь, гонять тебя будет так, что ты думать забудешь о его победах. Потому живо завтракать. Иначе с тебя спросят за каждую минуту промедления.

После завтрака Юля проводила Совенка. В гостиной вовсю шел ремонт. Пол и потолок уже восстановили, лестницу тоже, и приход Юли оказался весьма кстати. Мастер-оформитель вцепился в нее мертвой хваткой, решив заставить хозяйку покоев самой ломать голову над интерьером. Следующие два часа прошли плодотворно, с погружением в мир световых композиций. Итог получился впечатляющий – гостиную разбили на три зоны. И кое-что стало привычным – торшер, кресла, имитация камина на стене. И никаких вальшгасов.

После Юля поднялась к себе, чтобы переодеться, потом закопалась в вещах, откладывая в сторону провокационные – мало ли что придет в голову Четвертому и он решит продолжить традицию совместных ночевок. Минут через десять дверь без стука отворилась, и в комнату шагнул здоровяк. На две головы выше Юли, косая сажень в плечах, с заросшим щетиной подбородком, волосы заплетены в мелкие косички, рожа совершенно бандитская, как и ухмылка. Эдакая помесь Скалы и Джека Воробья.

Он остановился напротив, нагло разглядывая Юлю.

– Так, значит, это ты к нам в матери набиваешься? – ухмыльнулся он шире, а в глазах застыл холод убийцы. – Надеешься, отец допустит тебя в постель? Так поторопись – одно только место осталось, восьмое.

«Дежавю, – мелькнуло у нее в голове. – Вчера Пятая с претензиями. Сегодня кто? Второй? Первый? Удружил же его величество с оглаской приговора, тьфу, приказа. Теперь каждая собака считает своим долгом высказать свое «фи» выскочке-ассаре».

– Я не жадная, – пожала она плечами, – бери, если хочешь.

– Что? – не догнал здоровяк, делая шаг и нависая, давя мышечным авторитетом.

Юля уткнулась взглядом в загорелую грудь, виднеющуюся под расстегнутой рубашкой.

– Восьмое место. Ты же на него претендуешь?

О! В желтых глазах шок и неверие. А нечего себя вести как тупой варвар.

– Ах ты! – выдохнул он, широкая ладонь легла на горло девушки, сдавливая. Глаза полыхнули ненавистью.

– Юль, а можно я этот набор возьму наставникам показать? Ой! – раздался грохот.

Верзила поморщился, горло отпустил, а потом – Юля не поверила глазам – превратился в доброго Санту с потрясающе открытой улыбкой.

– Мелкий, – обернулся он, делая шаг и оказываясь рядом, присел на корточки, – как вымахал-то. Я тебя вот таким, – он едва развел руки, – запомнил. Только орать и гадить мог.

Совенок смотрел с сомнением, но страха не испытывал, попав под очарование верзилы. А тот развел руки шире и пригласил:

– Обними уже брата, малой.

И Совенок доверился, обвил ручками бычью шею, заставив Юлю испытать острый приступ ревности, которого она, впрочем, тут же устыдилась. И вообще, братьев у Аля пять, а ассара – одна.

– Что это тут у тебя? – нагнулся мужчина к раскрывшейся коробке.

– Ой, меня ждут, – вспомнил Аль и тут же похвастался: – Знаешь, кто у меня в наставниках? Сам Ирлан, вот!

– Ну и попал ты, малой, как рыба в сети. С тебя живьем кожу снимать будут, – протянул мужчина, добавляя: – Но Ирлан свое дело знает. Так что держись, малой, и учись лучше. Ты же один из нас!

– Я – Столп, – гордо выпятил грудь Шестой, и Юля покачала головой – недели не прошло, а самоуверенность зашкаливает.

– А это что? – вдруг напрягся незванный гость, поднимая с пола пластиковую пробирку, выпавшую из раскрывшейся коробки. Совенок замялся, забыв чужое слово.

– Пробирка, – подсказала Юля и напомнила: – Альгар, тебя ждут.

– Вот оно как, – тихо заметил верзила, и у девушки мурашки побежали по коже, неожиданно стало страшно. Мужчина медленно поднялся, закрывая собой проход, поднял с пола коробку.

– Идем, малой, провожу. – И ушел, оставляя Юлю в злой растерянности.

– Ты знал! И потому не дал свернуть девчонке шею!

Третий вздохнул, оторвался от весьма интересного отчета и поднял взгляд на старшего брата.

– Конкретнее, Ларс, – ответил он раздраженно. Отчет, как любимая женщина, требовал внимания, а тут Второй со своими детскими претензиями – ай-ай-ай, друга напоили. По тому другу сохли с десяток тюрем на побережье, мечтая увидеть у себя в камере. И если бы не близкое соседство с такийцами, вынуждающее поддерживать худой мир, Харт с удовольствием возглавил бы список жаждущих арестовать Фаррая.

– Ах, конкретнее, – оскалился Второй, отбросил стул от стола, сел, вытянув ноги, всем видом демонстрируя, что младший нарывается. – Ты с самого начала знал, что девчонка рвется стать шестой матерью и залезть в постель нашего отца. Знал, что она споила моего друга, но решил спрятать ее от меня.

Харт поморщился. Ларс всегда отличался несдержанностью – не зря говорили, что у воздушников в голове ветер. Вот и сейчас он с пылом повторял чьи-то слова вместо того, чтобы включить мозги. Похоже, кто-то из семейки успел подсуетиться, знатно переврав правду. Разделил два приказа, предав огласке лишь один – самый скандальный. Кому интересна ассара? А вот мать Столпа – другое дело. Какой простор для слухов и зависти. И начали с тех, кто не был на ужине в честь Шестого и не в курсе появления ассары. Придется отложить все дела и заниматься вплотную длинными языками. Опять ассара, и снова проблемы.

– Допустим, – согласился Харт, с тоской откладывая отчет. – Только не Шестой. Шестая мать у нас одна. Была. И никто не займет ее

место. Юля – просто мать Альгара.

– Юля? – вскинул брови Ларс, среагировав на непривычное имя. – Просто мать? – добавил недоверчиво.

В глазах гасла злость, сменяясь непониманием.

– Не веришь? Вот приказ, – Харт бросил брату свернутый лист, – а это второй – на ассару.

Брови Ларса поползли вверх, но он послушно вчитался в текст.

– И никому ты шею сворачивать не станешь, – решил внести ясность Харт, а то у братца хватит упрямства пугать девочку и устраивать разборки. Затронута честь капитана, а это то дерьмо, которое никогда не стоит трогать. – Она – ассара Шестого. Матерью ее решил сделать отец, чтобы развязать руки и убрать Пятую.

– Вот оно как. – Второй растерянно потер подбородок, отложил в сторону бумаги и спросил: – Откуда?

– Иномирянка с Земли.

Лицо брата вытянулось.

– С Земли? – выдохнул он недоверчиво, и Третий развел руками, мол, сам в шоке, как все получилось.

Ларс потряс головой, пытаясь осознать.

– Какая из нее ассара? – ухватился Второй за очевидное. – Она – женщина, еще и из другого мира.

– Теперь ты понимаешь, почему я не удивился, когда ты пришел ко мне с этим? – И Харт достал из ящика пробирку, бросил на стол.

Ларс прищурился, начиная осознавать, что попойка – не единственная проблема.

– К твоему сведению, это парни Фаррая подбросили ей нутилуса. Не веришь? Сходи в зверинец, он там.

Но Ларса уже не волновал нутилис. Перед глазами стояло рассерженное лицо девушки, прямой взгляд и красивые губы, бесстрашно говорящие гадости. Какая женщина, а! Не был бы женат... И в душе шевельнулось азартное желание приручить нахалку.

– Тяжело пришлось? – спросил Второй со злорадством. После ночной беготни за впавшим в буйство другом было приятно осознавать, что кому-то сейчас еще хуже.

Харт помрачнел, отвел взгляд, скрывая эмоции. Он не собирался жаловаться. Можно сказать, почти привык жить в ожидании возгласа

охраны: «Ваше высочество, ассара!» – и дальше как фантазия подскажет.

– Непросто, – процедил Третий, ловя издевку во взгляде старшего брата, – но оно того стоит.

– Не сомневаюсь, – подтвердил Ларс, уже догадываясь, что ремонт в гостиной затеяли не просто так, – только ты не с того начал. Я же тебя знаю. Охраной окружил, доступ дворцовым перекрыл, дабы не болтали, правду скрыл, чтобы раньше времени не пугать, подход ищешь, а она – молодая, кровь так и искрит. Мужика ей надо. Сильного, умелого, чтобы думать о глупостях забыла. Если сами не справитесь, – предложил он со смешком, – я всегда готов помочь.

– Мужика, – протянул Третий, искренне желая поменяться со Вторым местами. Пусть сам с девчонкой разбирается и мужика ей подсовывает. Как там называлось земное движение за независимость, о котором рассказывал кузен? Феминизм? Вот и получил бы Второй этим самым феминизмом по всей роже. А следом догнало бы темное пламя. Тут не умелый нужен, а тот, кто защиту выстроит. И Четвертый пока идеальный кандидат, да и девчонка больше всех ему доверяет.

Браслет ожил. Харт извинился взглядом, включил связь. И после первого же предложения вскочил со стула:

– С ума сошли?! Какой, в жырghхову задницу, полет на калкалосе? Я не давал добро. Что значит под твою ответственность? Уволю к жырghховой бабушке. Только вернись и можешь выметаться.

И, точно беспокойная мамаша, он заметался у окна, в бессильной ярости наблюдая, как от дворца удаляется крылатый силуэт, неся на спине двух всадников.

Брат подошел, положил успокаивающе руку на плечо и проговорил задумчиво:

– Вижу, не справляетесь. С какой-то там девчонкой. Не узнаю тебя, брат. Придется задержаться на пару дней и помочь.

Глава 26

Юля в бессильной ярости смотрела на закрывшуюся дверь. Хотелось взять что-нибудь тяжелое и запустить в спину верзиле. Она стиснула кулаки. Сколько у нее теперь детей, точнее, пасынков? Шесть? И пятеро старше ее. Зашибись. Впору почувствовать себя молодой женой папика, которую родственники готовы с пылью смешать.

А матери? Отдельный разговор. Интересно, есть ли среди них адекватные, как Седьмая? И непонятно, как та теперь воспримет ее новый статус, не начнет ли видеть конкурентку? Дурдом королевского масштаба. Конкуренция – не всегда плохо, но женская... Без правил и без жалости. Вдобавок за такие вещи, которые, если подумать, особо и не нужны. Чего стоит борьба за мужика, которому даром не сдались две идиотки. Или за власть для сына – Ватерлоо Пятой. А нужна ли сыну корона, мамаша спросила? И выбирать там, если Юля правильно помнила, все равно будет огонь.

Она потеряла грудь. Внутри пекло. Хотелось послать всех к чертям.

«Давай, – «подбодрил» внутренний голос, – первым пошли самоконтроль, и сожжем тут все до каменных стен. А там, дорогуша, уже без выбора шагом марш к его высочеству, чтобы стресс снять. Впрочем, выбор есть. Между Четвертым и Третьим. Или сразу к двум пойдем для гарантии?»

Юля тряхнула головой, прогоняя пошлые мысли. Какая из нее ассара после такого? Она так и не разобралась с системой местных ценностей. Все источники информации из-за опеки Харта сторонились ее как огня. А те, кто заглядывал, спешили вылить ведро помоев.

Не дождетесь, скрипнула девушка зубами. В комнате было душно, и она спустилась вниз. По пути зависла, восхитившись ювелирной работой мастера-осветителя. Под его пальцами по стене пробегали всполохи – все чаще и чаще, сливаясь в световую линию-диод, а потом уже из линий создавалась очередная композиция. Остро кольнула зависть – умеет же человек, а она? Чему учат будущую Гермиону

светила магического мира? Медитации? Не портить нервы себе и окружающим? Где теория, история магии?

– Скажите, мастер Таш, а женщины-коллеги у вас есть?

Мужчина вздрогнул, хлопнул глазами, потерял концентрацию, и почти законченный узор погас.

– П-п-простите? – удивленно потер он переносицу.

– Я хотела узнать, работают ли с вами женщины? Такие как вы – мастера?

По его округлившимся глазам ответ был понятен без слов. И Юля со злостью подумала, что женщины у ракханов если и работают, то исключительно в постели.

– А подскажите тогда, где обучают женщин магии?

Если есть какая-нибудь женская школа или академия, Юля попробует уговорить высочеств совместить оба учебных заведения для нее.

– Дома, конечно, – пожал плечами мастер и извиняюще улыбнулся на перекосившееся лицо девушки.

«Дома», – эхом повторила про себя Юля. Кто-то мечтал о Хогвартсе? Только для юбок здесь исключительно домашнее обучение. И Юля могла спорить на что угодно, что изучают все ту же медитацию. Это ей достался слегка расширенный курс с факультативом «Соблазни ассару». Сволочи!

Срыв был рядом, дыша горячим воздухом в затылок. Капельки пота заскользили по спине. Нестерпимо хотелось на воздух. Желательно в сугроб. Чтобы сразу в холод, до синих губ и отмороженных пальцев. И виноватых-то нет. В чужой монастырь со своим уставом... Не поймут. А так хочется встряхнуть местный птичник и спросить: интересно ли им что-нибудь кроме постели, сплетен и детей?

Юля выскочила на балкон, перегнулась через перила, впитывая в себя роскошный пейзаж, стражами застывшие по обе стороны от долины горы, несущиеся по небу редкие облака. С наслаждением она вдохнула прохладный воздух, жалея о том, что вышло солнце и местная зима стала напоминать раннюю осень. И ни одного сугроба на горизонте... Разве что озеро. Но до него попробуй доберись. Через трупы охраны, ага.

Однако проблему решать надо. Даже если она попробует надавить на высочеств, ей прочитают что-нибудь сокращенное, научат каким-нибудь фокусам, искренне веря, что все остальное без толку. Вековые устои – против таких как барану в ворота, только рога отбивать.

Можно попробовать напроситься на уроки к Совенку, только его пока не учат магии, а ждать до академии... Через постель Четвертого. В целом Фильярг – отличный мужик, и можно было бы попробовать, но вся ситуация вызывала глухой протест. Филь ни разу не поднял свой интерес выше ее безопасности или постели. Ей же по-глупому хотелось взаимности, а не просто деловой заинтересованности.

Надо учиться сливать излишки накапливающейся магии. И учителя искать не во дворце... Пираты отпадают, эти первым делом в постель затащат, еще и вчетвером.

Взгляд зацепился за точку на горизонте. Лицо опалила радость, и она мысленно завопила:

– Драго!

Точка рвано дернулась, точно наткнувшись на преграду, а в голове укоризненно зарокотало:

– Личинка, ты где так орать научилась? Я чуть не оглох.

– Прости-прости, – заговорила она горячо, – мне так нужна твоя помощь!..

Юля прикрыла глаза, выравнивая дыхание. Попроситься на необитаемый остров? Но Совенка не оставишь одного... А так хочется слинять из дворца. Вырваться из давящих стен, чтобы не бояться ничего сжечь. Но она обещала... Девушка всхлипнула, разрываясь между долгом и нестерпимым желанием. А пошли они все... стройными рядами.

Юля проверила блокировку, которую ставила уже на целый день, опасаясь тревожить Аля своими всплесками, и попросила:

– Забери меня на пару часов, пожалуйста.

– Как хвостом об землю, личинка.

– Ты – лучший!

Она подпрыгнула, не сдержав радости.

– Пять минут, я переоденусь и буду готова.

Девушка белкой взлетела на второй этаж. Скинула платье, влезла в горнолыжный костюм, ботинки на толстой подошве. Перчатки,

балаклаву с шапкой и очки сунула в карман и вынеслась из комнаты, чтобы впечататься в пустоту.

– Госпожа ассара, – прошипела пустота, – и куда это вы собрались?

Ответ «подальше от всех вас» она проглотила. Не хотелось портить отношения с охраной, им и так вчера досталось.

– П-п-прогуляться.

Пустота задумчиво хмыкнула.

Маневр обойти пресекли, положив тяжелую ладонь на плечо.

– Надолго? – миролюбиво поинтересовались над правым ухом.

Юля стиснула зубы – обложили. Теперь отпрашиваться придется, точно ей снова пятнадцать и она собирается слинять из дому погулять.

– Пару часов, – выдавила Юля, стараясь не думать о том, что вокруг нее плотным кольцом замерла охрана, а над дворцом кружит калкалос. На свидание сбегает. К дракону, ага.

– Пропустите, – потребовала девушка, прикидывая варианты прорыва с боем. Выходило... отвратительно.

– Вы знаете, что калкалосам доверять нельзя? – проникновенно поинтересовались за спиной.

То есть они в курсе, куда она собралась? Печально. А доверять... Она и себе не доверяет, не то что дракону. Такое чувство, что она перешла на сторону тьмы и вместо светлого джедая теперь ситх.

– Мне, – выдохнула Юля упрямо, зло, – очень надо.

И если сейчас они пошлют к высочествам на согласование, она сама всех пошлет... к темному пламени.

– Пожалуйста, – сложила девушка руки на груди, смотря перед собой.

В глазах зашипало, и Юля прикусила губу, чтобы не пустить слезу перед мужиками. Она ненавидела себя за слабость, крепилась, как могла, но предательская слеза все же скатилась по щеке.

Пустота озадаченно молчала, потом глухо поинтересовалась:

– Очень надо?

Юля кивнула, слов не было – все силы были брошены на удержание истерики.

– С сопровождением, – предложили ей.

Девушка озадаченно моргнула:

– А?

– Двоих вынесет, не переживайте, – успокоила пустота, проявляясь высоким мужчиной в темном балахонистом костюме.

– Плащ, – приказал в сторону он и подхватил Юлю под руку. – Не волнуйтесь, госпожа ассара, я буду лишь наблюдать. Обещаю не мешать. И позвольте небольшой совет – съездите в ущелье Духов. Вам понравится. Местные пейзажи впечатляют не меньше, а уж прыжки вальшгасов через расщелины... – И он покачал головой, демонстрируя высшую степень впечатления.

Юле оставалось только передвигать ногами, повинуюсь крепкой хватке охранника.

Ущелье Духов, надо же. Это ее сейчас за адреналиновую маньячку приняли? Предложили щекочущую нервы альтернативу? Занятно. А какие еще выводы должна была сделать охрана, если ее мозги для них – сплошная загадка? Им и в голову не пришло, что у нее острое желание учиться, а не летать до сорванного от визга голоса и седых волос.

К ее радости, Драго воспринял появление второго седока нормально. Только облизнулся и одобрительно пророкотал:

– С едой? Молодец, личинка. Запасливая.

Мужчина на идею быть драконьим пайком никак не отреагировал, и Юля облегченно выдохнула – может, пронесет и товарищ не улавливает мыслеречь.

Уже сидя на спине, она услышала тихие переговоры – их поездку пытались согласовать. Вышло плохо, и, кажется, кому-то придется искать новую работу. Быстро же она определилась с желанием для величества. И пусть Третий идет лесом со своей истерикой. Впервые попался адекватный охранник, и она не собиралась его терять.

– Далеко не поташу, – предупредил калкалос, заворачивая в сторону гор.

Юля была согласна и на ближайший лесок, лишь бы без людей.

То ли дракон стеснялся «пайка», то ли ему действительно было тяжело, но полет проходил ровно, без фигур высшего пилотажа. Минут десять скольжения над парком, кусочком озера, крышами особняков, и под крылом замелькали первые скалы. Потом они летели вверх, параллельно серой с зелеными пятнами кустарников на уступах скале. Пронзили облако и оказались на уютном плато. Там и приземлились.

От разряженного воздуха чуть кружилась голова. Юля сползла вниз, сдвинула очки на лоб, огляделась – вокруг белесыми клочками клубились облака, и плато напоминало тарелку, обмазанную по краям сахарной ватой.

Она подошла к краю – далеко внизу проглядывала махина дворца – действительно махина. Она впервые оценила грандиозность сооружения, Зимний отдыхает. Тут центральных башен с десятков и стены точно из песка налиты. Сразу видно, что для большой семьи отстроено. И техника интересная – песочная готика, чем-то напоминает Саграду Фамилию^[8], только в десятикратном укрупнении.

– Отсюда лучший вид, – прихвастнул Драго, и Юля поняла, что ей только что открыли личный наблюдательный пункт.

Она обернулась, чтобы увидеть, как вызвавшийся ее сопровождать безмолвный падает на колени, а потом медленно, закатив глаза, заваливается на бок.

Юля рванула к мужчине, прижала пальцы к шее, пытаюсь нащупать пульс, но остановилась, услышав насмешливый рокот в голове:

– Не трясись, личинка, еду я портить не стану. Пусть поспит, а мы с тобой пока поговорим.

Внутри протестом вспыхнула злость – интриган хвостатый! Но Юля вынуждена была признать, что поговорить без лишних ушей – отличная идея.

– Так что у тебя стряслось, лысая самка?

На фривольных обращениях Юля давно уже не заостряла свое внимание. Для калкалоса она действительно была лысой – без шерсти – самкой. А личинка... С учетом вероятной продолжительности жизни дракона, что такое двадцать шесть лет? Пеленки и перевернутый в глазах мир.

– Знаешь что-нибудь о темном пламени? – спросила она, застыв в метре от морды ящера и затаив дыхание. Сейчас все решится. Есть ли шанс у ситха остаться джедаем? Или сразу на сторону зла топать?

– А зачем личинке такое опасное знание? Ты сначала свое освой, а потом уже на чужие небеса заглядывай.

Юля вздохнула – тяжело, с горечью, и калкалос задумался. Дракон склонил башку, взгляд сканером прошелся по телу, вызвав волну мурашек.

– Крыло мне в зад, личинка! – заорал он, внезапно боднув мордой в живот.

От неожиданности Юля не удержалась, плюхнувшись со всего размаху на камни. Зашипела от боли. Но дракону на ее страдания было плевать.

– Как ты это делаешь? С таким даром родиться надо, а две луны назад у тебя его точно не было. Я проверял.

– Довели, – процедила она, поднимаясь и потирая ушибленную часть тела. Синяк обеспечен.

– Хм, – Драго озадаченно мотнул мордой, Юля благоразумно отскочила от разошедшегося ящера, – никогда не слышал о таком интересном способе пробуждения дара. – И добавил задумчиво: – Надо будет попробовать.

И тут же он перешел к делу:

– Что ты от меня хочешь, личинка? Темное пламя – извращение двуногих. Мы предпочитаем чистый огонь.

Кто бы сомневался. Ситхом быть никто не хочет.

– Мне нужен не просто контроль, а способ скидывать излишки. Можешь рассказать, как ваши... гм, детеныши учатся контролировать выбросы?

– Дай подумать, – пророкотало в голове, и калкалос положил чешуйчатую башку на лапы, прикрыл глаза.

Потянулись томительные минуты. Юля обошла вокруг погрузившегося в чертоги разума дракона. Проверила охранника, подложила под него плащ, чтобы не отморозил себе ничего на камнях. Постояла, медитируя на дворец. Повздыхала о своем возвращении. Уселась на камни, но холод проникал даже сквозь горнолыжный костюм. Пришлось подниматься и снова слоняться.

Ящер не шевелился, лишь кончики крыльев временами подрагивали, точно калкалос спал. Юля подошла ближе, наклонилась, и до нее донеслось отчетливое посапывание.

– Драго! – окликнула она.

Сволочь всхрапнул, спрятал голову под крыло. Юля рассвирепела. Пока она тут драгоценное на камнях морозит, эта чешуйчатая зараза дрыхнет!

– Подъем! – проорала Юля, примериваясь, как бы ловчее его пнуть. – Нас ждут великие дела. Не время спать.

Она пнула его и отшибла себе ногу. Запрыгала, шипя и ругаясь. Ящер продолжал ровно сопеть.

– Ну все, достал.

Юля подлезла под драконье крыло, добралась до морды и зажала ладонями ноздри. Калкалос вдохнул раз, другой, притянув ладони к коже, и оглушительно – отбросив Юлю – чихнул.

– Не сплю я, – проворчало у нее в голове, и калкалос сладко зевнул, потянулся, – думаю.

Приличных слов у Юли не осталось, а потому она ограничилась укоризненным молчанием.

– Слезы калкалоса тебе нужны.

– Что? – переспросила она.

– Камни такие, – пояснил ящер. – Вы, двуногие, их слезами калкалоса называете. У нас если детеныш не справляется с даром, ему вживляют вот сюда, – коготь коснулся виска и щеки, – пару камней. Через них сила легче выходит.

– Спасибо, – растерянно поблагодарила его Юля. Один камень у нее уже есть – мыслепереводчик, теперь вот еще слезы из камней появятся. Дурдом.

– Пробуй, личинка. Будет занятно посмотреть, что из этого получится.

То есть на ней еще и опыты ставят... Зашибись. Но пробовать придется, потому как в сексуальное рабство вписываться не хочется.

И как теперь два желания – охранник и камни – превратить в одно? Камни нужны ей, за охранника голосует совесть. Н-да... головняк.

До сегодняшнего дня Рохас считал себя профессионалом. Он давно работал на высочества. Дослужился до главного в тройке. Был старшим в смене и по пальцам мог перечислить свои проколы на работе. Пару недель назад Третий намекнул, что у него есть все шансы перейти в отряд короны. А о чем еще может мечтать безмолвный, как не об охране его величества? Стоять у трона и служить тому, кто силой удерживает страну на краю огненной пропасти.

Безмолвные были не просто охранниками, да и не требовалось особой защиты сильнейшим. Их главной ценностью были щиты невидимости, за которые немногие могли заглянуть. Наличие же

невидимых соглядатаев во дворце позволяло отслеживать многое. И в случае судебных разбирательств именно слово безмолвного принималось за истину.

Рохас работал в башне принцев и всем был доволен. Третий был отличным начальником: в меру строгим, в меру понимающим. И все шло рутинно... ровно до побега Шестого.

Рохас не принимал участие в поисках – работали безмолвные Четвертого, информация до него доходила обрывками слухов. Впервые ассару он увидел на приеме, и особого впечатления девушка на него не произвела. Непривычная внешность цепляла, но в свое время Рохас много попутешествовал и видал внешности и поэкзотичнее.

Стоя за плечом Третьего, слушая его рассказ об истории Асмаса, он отслеживал реакцию девчонки. То, как она двигалась, как отвечала. Ее прямой взгляд, гордую посадку головы и необычную манеру держаться на равных. Вот эта манера и сбивала с толку. Он вспомнил слова товарища из охраны Четвертого: «Если бы не длинные волосы и милое личико – принял бы за пацана». Именно так. И в этом свободном поведении было что-то мужское, не грубое, нет, скорее, непривычное.

Про Шестого по дворцу ходили разные слухи, сам Рохас с младшим высочеством почти не сталкивался – хватало и своих дел, вдобавок мальчишка редко показывал нос из покоев. Рохас в чем-то его понимал. Кому понравится, если тебя смешивают с грязью при каждой встрече? К нему и в безмолвные не хотели идти. Дошло до того, что работали у Шестого всего четверо, находясь по одному рядом с мальчишкой – вопиющее нарушение правил. До Рохаса доходили слухи, что охрана младшего высочества настолько обленилась, что устраивала себе дни отдыха, совсем не выходя на дежурство. А если и дежурила, то не напрягаясь.

В первые дни появления ассары мало что изменилось. Третий попросил только приглядывать одним глазом за девчонкой и Шестым, когда они отлучались из покоев, но четверку усиливать не стал. А может ли один безмолвный присмотреть за двумя подопечными? Да и кто мог догадаться, что приглядывать надо не за Шестым, а за девчонкой? В ту ночь Рохас с парнями только и успел проводить взглядом крылатый силуэт да заметить крошечную фигурку на спине.

Это было подобно извержению вулкана. Все знали, что калкалосы без причин не приближаются к людям, а уж про катание на спине и говорить не приходилось. Они вообще ничего не делали просто так. Изучению поддавались плохо, на контакт шли от скуки – так, поиздеваться. Вредные, злые на шутки, дикие, с извращенной логикой – с ними предпочитали не связываться.

Была пара красивых легенд о дружбе калкалосов с людьми. Детеныша спас человек, и тот до самой смерти спасителя навещал его. Или маленький мальчик был усыновлен самкой калкалоса. Но кто верит легендам?

Третий тоже не верил, но охрану ассары усилил, выделив неугомонной девчонке лучших. Тройка Рохаса вошла в их число.

Он злился, что его отправили нянькой, и с самого начала не рассчитывал, что иномирянке удастся укротить пламя. Но та упрямством могла переплюнуть вальшгаса. Взялась учиться чтению. И вообще отличалась удивительной тягой к знанию. Задавала массу вопросов, не обращая внимания на то, кто перед ней: Седьмая, целитель, даже к безмолвным ухитрялась приставать, хотя по правилам общение с ними запрещено. Но ассара с легкостью нарушала любые запреты.

А потом темное пламя... В голове не укладывалось, как у слабой чужой женщины может быть столь сильный дар. Взрывное противоречие...

Безмолвные – непредвзятая истина. Они – глаза и уши без личного мнения, без собственных чувств. Они свидетельствуют о том, что видели и слышали, им запрещено привязываться к подопечным. Их разум должен оставаться холодным, глаза – широко открытыми, руки – готовыми плести заклинания.

С ассарой это не работало. Как можно оставаться спокойным, когда при тебе бросают вызов Второму? Было бы смешно – мелкая девчонка, достающая Второму лишь до груди, – если бы его высочество не мог одним движением руки открутить ей шею. В чем-то Рохас его понимал – сам порой чувствовал непреодолимое желание ее придушить, но позволить прибить ассару было нельзя. В открытом противостоянии со Вторым их тройка не выстояла бы. Пришлось идти на хитрость и выманивать Шестого на помощь. Всем была известна любовь Второго к детям.

Только он перевел дух, как охрана внешнего периметра доложила о крылатом госте.

Рохас позволил себе поймать полный отчаяния взгляд девушки. Как безмозглый световик, поддался на женские слезы. Ментальный удар пропустил – калкалосы били сразу внутрь, прошивая щиты, как горящее масло листы бумаги. Из забытья выныривал долго, а когда очнулся, понял, что полулежит, ногами в пустоту, а чьи-то руки крепко обнимают, не давая сползти.

Он дернулся и замер – над ухом недовольно зашипели, хватка усилилась.

– Проснулись? – поинтересовалась ассара.

Рохаса накрыл холод осознания – он на калкалосе и его, точно куклу, прижимает к себе девчонка. Вспомнилось все – угроза Третьего об увольнении, собственная дурость. Полный провал. После такого только уходить из безмолвных.

– Как себя чувствуете? – с тревогой спросила девчонка, когда он застонал в бессильной ярости. – Не дергайтесь, пожалуйста, – попросила она, – а то мне вас не удержать.

– Вы меня сейчас охраняете? – удивился Рохас, чувствуя легкую панику. Это не ассара, а вывернутый наизнанку калкалос. Только они могут так извращенно шутить.

Он отстранился, перебросил ногу через хребет, усаживаясь лицом к подопечной. Та моргнула растерянno, прикусила губу, потом улыбнулась, пожав плечами:

– Я же не могла вас бросить. Злитесь?

Он покачал головой. Злиться не получалось. Хотелось потрепать ассару по голове, точно младшего брата. Ну или надавать по заднице в воспитательных целях.

– Зачем вам это? – спросил он, цепко отслеживая реакцию ассары. Безмолвные не задают вопросов, не интересуются действиями подопечных. Они впитывают действительность, не искажая ее собственными чувствами.

Девчонка вздохнула, поправила дурацкие очки, закрывающие пол-лица.

– Хочу сама управлять силой. Не важно, какая она – темная, светлая. Пламя или вода. Хочу стать настоящим магом, а не... – Юля запнулась, подбирая слова, потом махнула рукой.

Он уловил, как у нее дрогнули губы, но слез не последовало. Наивная, упрямая. Решила идти против природы. Он не лучше.

– Я вам помогу.

Непривычно зеленого цвета радужка глаз потемнела, зрачки удивленно расширились.

– Я все время был рядом. Вас вывел из себя Второй, и вы решили развеяться. Вот и упросили калкалоса на прогулку. Ничего больше не было.

– Спасибо, – закивала Юля, глаза заблестели.

Он отвел взгляд, уже зная, что пожалеет о своем решении. Но по-другому поступить не мог.

Глава 27

Как и в прошлый раз, Юлю после побега встречал полный игнор. Разве что дворец при уходе не сиял новогодними огнями и не завывала сигнализация. Юля подозревала, что благодарить за тишину стоило безмолвного. То есть если одна – врубаем на полную, а в компании с допуском – можно и обойтись.

Калкалос не без ехидства высказал пожелание узреть результат на Юлиной мордашке. Придется ведь уродовать... Хотя здесь вместо тату модно вживлять камни. Будем считать это ассимиляцией.

Безмолвный растворился в воздухе, стоило ему оказаться на балконе, – вернулся к обязанностям. Рабочие заканчивали ремонт, в классной комнате шли жаркие дебаты. Девушка бросила взгляд на часы, время обеда – оно здесь отмечалось на циферблате – прошло, а наставники Аля голодом морят. Увлечлись...

Она направилась в спальню. Быстро переоделась и утащила наставников с Совенком обедать. Раз все делают вид, что ничего не произошло, она – последняя, кто станет мучиться угрызением совести.

За обедом Аль, переполненный впечатлениями, болтал без умолку. Юле с трудом удалось вклиниться и спросить разрешения присутствовать на занятиях. Наставники напряглись, но, уточнив, что имелись в виду история, литература и география, дали разрешение. Между уроками она собиралась продолжить мучить письменность и чтение, а вечера отдавать медитации. Да здравствует каждодневная рутина!

Ну и первоочередным стояли слезы калкалоса и отмазка охранника. Как он представился? Мастер Рохас. Вот за него и будем просить.

После обеда наставники собирались еще пару часов уделить новому подопечному, а завтра с утра приняться за него всерьез – тестирование на выносливость и силу. Так что утро у нее свободно для своих дел.

Слуга поймал ее, когда она вышла из столовой – сытая и довольная – и попросил следовать за ним. «Началось», – подумала она

мрачно. Интриговало то, что они прошли мимо покоев Третьего, не завернули к Четвертому и вообще полезли выше, на другой этаж.

Слуга довел ее до дверей, открыл, пропустил внутрь, сам оставшись снаружи. Юля шагнула в гостиную, огляделась... И что тут у нас? Карты на стенах, гигантский глобус на полу, распальцованные раковины размером с человеческую голову, диковинные перья, морские звезды, какие-то канаты, свисающие с потолка. Не комната, а филиал каюты. И она уже понимала, кто пожелал ее увидеть. Юля нервно потерла горло. Если сейчас удрать, это будет оскорблением? С ее стороны, естественно, это будет стратегическим отступлением, а что там подумает Второй... Плевать.

– Проходи, я не кусаюсь, – раздался зычный бас из открытой двери.

«Не кусаюсь, но шеи юным девам сворачиваю на раз-два», – вздохнула Юля, проходя в кабинет.

Второй возвышался над письменным столом, как гора над равниной. Было странно видеть в здоровенных ручищах тоненькое перо. Да и вообще странно видеть такого бугая среди книг, ловко выводящим буквы на бумаге.

Его высочество махнул лапой на стул, буркнув: «Швартуйся», – и продолжил писать. Юля приземлилась на краешек стула, расправила подол платья, напомнив себе, что она приличная девочка и сжигать столь уютный кабинет будет плохим поступком.

Второй закончил писать, помахал листом в воздухе, высушивая чернила, и наконец соизволил обратить внимание на гостью. Он неодобрительно поджал губы, просверливая пристальным взглядом дыру между глаз. Спустился ниже, подобрел.

– Ко мне можешь обращаться Второй, ваше высочество или принц Ларс. Как тебя зовут, я знаю, и кто ты – тоже. Так что можем оставить лишние слова.

Так вот кто у нас варвар, догадалась Юля. Сразу «ты» и в лоб – птичник наверняка в шоке от его манер, а она уже успела соскучиться по подобной прямоте. Это как спросить про политику у тракториста и среди матерных связок вычленять отдельные слова.

– Согласна. – Она села удобнее, положив ногу на ногу.

Мужчина хищно улыбнулся, оценив маневр.

– Нагулялась? – выстрелил он в лоб.

– Нет, – вскинула подбородок Юля, – завтра еще пойду.

Что-то жалобно хрустнуло, плечи Второго взбугрились мышцами. Юля скосила глаза на стол – так и есть, кто-то пытался отломать кусок от края.

– Люблю смелых, – вдруг протянул Ларс, в желтых глазах полыхнуло новое выражение. Одним движением мужчина вытек из-за стола, встал за ее спиной.

Юля напряглась, потеряв громилу из вида, остро ощущая, что сейчас он стоит позади нее, смотрит на открытую шею и на счет раз-два может легко лишить жизни. Не помогло даже заверение, что смерти ее никто не хочет. Лишь нежелание показать себя трусихой помогло удержать тело на месте.

– А ты еще и красивая. – Пальцы, дразня, прошлись по шее девушки.

Юля успела пожалеть о том, что собрала волосы вверх, открыв соблазн душителю. Она не выдержала, вскочила, стиснула кулаки и выпалила, глядя в бесстыжие глаза:

– У вас жена есть, ваше высочество.

Причем недавно подарившая наследника.

Юля охнула, ощутив себя прижатой к столу. Лицом она уткнулась в рубашку, лапищи стиснули до синяков бедра, в носшибанул резкий аромат чего-то смолянистого – острый, будоражащий, въедающийся в память.

– Моя драгоценная супруга буквально вчера просила найти ей младшую жену. Она скучает на чужбине, а вдвоем веселее, – проговорили у нее над головой. Прижавшееся тело недвусмысленно намекнуло, что выбор можно сделать прямо сейчас.

Второй женой, ага! Вот это попала! И похоже, кому-то плевать, что по законам родной стороны многоженство разрешается лишь королю. Если жена привыкла к гарему, кто его остановит? Всегда можно сказать – исполняешь желание супруги, которая желает видеть в доме то ли подругу, то ли служанку, то ли объект для травли. Япона мать!

– Как мысли-то сходятся, – радостно улыбнулась Юля, офигевая от собственной смелости, – я как раз думала о своем замужестве. Один муж – так скучно. Но вы меня вдохновили рассмотреть кандидатуру младшего мужа.

Очень хотелось посмотреть в этот момент в глаза Второму, но ее никто не отпускал, хотя объятия стали какими-то растерянными.

– Замужем? – спросил глухо.

– В своем мире.

Не стала уточнять, что замужество гражданское и закончилось давно. Слишком щедро делиться такой информацией с этим верзилой. Ишь чего удумал – младшей женой захотел!

– В своем, – задумчиво протянул его высочество, вычлняя главное: – Расстались?

Твою же... И в кого они такие догадливые?

– Не ваше дело, – прошипела она зло.

– Очень даже мое, маленькая ассара. – Лапища ласково обхватила шею, слегка сжала, пальцы прошлись выше, зарываясь в волосы. – Ты – моя семья. И чем раньше сделаешь выбор, тем, поверь, будет лучше для всех.

Тело бросило в жар. Внутри точно кислотой плеснули. Хотелось поинтересоваться – понимает ли придурок, кого провоцирует? Но вместо этого она уточнила:

– Какой выбор?

Над головой задумчиво хмыкнули. Хватка наконец ослабла, и Юля смогла вздохнуть полной грудью.

– Все ты прекрасно понимаешь, крошка ассара. Или тебе нравится дразнить мужчин?

Упс. Это в чем ее сейчас пытаются обвинить? В том, что строит глазки всем подряд? И на что подбивают? На интимные отношения с начальством? Ах да. Секс здесь – инструмент контроля, а у них бесконтрольная ассара по дворцу ходит с темным пламенем. Непорядок.

– Мне нравится моя работа, – процедила Юля зло, ощущая внутри сплошную токсичность. Достали. Эдак она и до камней добаться не успеет – разложат где-нибудь, а потом будут убеждать, что действовали в ее интересах. Но ничего, справится, потому как работа ей действительно нравится, и Совенок – часть ее, от которой уже невозможно отказаться. К слову, мир потрясающий, один калкалос чего стоит, а повышенный интерес и настойчивое желание контролировать... Неприятно, но терпимо. Главное, не позволить себя

сломить, подмять, превратив еще в одну мадам, преклоняющуюся перед номерами.

– Это мой выбор, и другого не будет.

Она оттолкнула варвара, задирая голову и с удовлетворением смотря в его расширившиеся от удивления зрачки.

– Дерзишь, – констатировал тот, провел большим пальцем по губам, сминая их. Он наклонился, горячим дыханием опалив щеку. – У тебя десять дней, крошка. Узнаю, что встала между братьями, – заберу младшей женой. Поняла?

Цензурных слов не осталось. Поэтому она с силой ударила его в грудь, выпалив:

– Пошел ты сам младшей женой!

Бить верзилу было той еще глупостью – только ладони себе отшибла, но вот словами она его оглушила. Замер, неверяще глядя на дерзнувшую сказать подобное ассару.

«Ходу!» – взвыл инстинкт самосохранения. Она обогнула застывшее высочество и сломя голову вылетела из комнаты, ожидая выкрика в спину, попытки догнать, но воевать с женщинами Второй предпочитал, видно, в горизонтальной позиции. Поэтому догонять не стал. Зато догнал слуга и развернул в нужную сторону – в панике она свернула не туда.

Второй выругался, проследил за удравшей девчонкой, загасил встрепенувшийся азарт. Покачал головой – дура, необученная, неопытная. Кто же бежит от мужика, которого раззадорила? Ох и намучается с ней Третий... или все же Четвертый? Нет, нельзя, чтобы женщина встала между братьями. Ларс знал, к чему это может привести... Ветвь держится на доверии. Пусть они не были близкими друзьями, но точно знали, что в спину никто из них не ударит.

Но какая дикая... И смелая – сделала вид, что не боится. Он, может, и поверил бы, если бы не бешеный стук сердца. Эх, не был бы женат, точно забрал бы к себе. Будем надеяться, девчонка поверила в его угрозу и перестанет ерепениться. Третий – отличный политик, но с женщинами нельзя как с иностранными послами. Пока будет искать подход, окружать опекой и мариновать вежливостью, она полдворца сведет с ума. Потому Ларс и помог слегка, даже проявил щедрость, отпустив десять дней срока на женские метания.

Сама не понимает, глупая, что оттягивает неизбежное... Работу какую-то придумала. Никто ее из семьи не отпустит и не оставит столь сильный дар без контроля.

Но порадовала ассара, ничего не скажешь. Вспомнился Шестой – совершенно нормальный пацан, с горящими от увлечения глазами, хвастающийся новыми наставниками. И в душе впервые поселилась уверенность, что у парня все сложится хорошо.

После сегодняшнего можно было не сомневаться – ассара работает как надо. С таким характером, упрямством и силой духа – боец, а не женщина, – ей есть что передать брату. Третий с Четвертым будут идиотами, если загубят столь ценный дар.

«Если не примет покровительство, через десять дней заберу с Шестым к себе», – решил он внезапно. Тильзия, конечно, станет ревновать, но он объяснит, что речь о безопасности государства. Если правильно попросить, жена согласится помочь. Иногда женщине проще подобрать нужные слова, чем мужчине. Главное, чтобы дражайший друг успел покинуть к тому времени дом, а то Ларс не представляет, каким образом станет объяснять неприкосновенный статус той самой «брюнетки с зелеными глазами». А все проклятый дар, позволивший другу вычислить виновницу своих бед. Хорошо, что спиртное смазало предыдущий день и он не вспомнил, где именно мельком видел девушку.

Подошел к окну – за стеклом шел дождь. Зима в этом году успела «порадовать» и снегом, и дождем. Хотелось верить, что к зимним праздникам она проявит милость и одарит солнцем.

Но пора возвращаться – страстную супругу выводили из себя его отлучки. Она хорошо понимала, что ревновать к работе бессмысленно. Ларс оглянулся на стол, вспоминая, как вжимал в него хрупкое тело. И понял, что с удовольствием остался бы, чтобы посмотреть, как горячится всегда спокойный Третий от выходок девчонки. А что они еще будут – выходки, – он не сомневался.

– Останьтесь, – приказал Второй в пустоту. – С девчонки глаз не спускать. Остальным не показываться. Докладывать только мне.

Злость не кипела – бурлила, а потому по пути на родной этаж Юля неслась впереди сопровождающего, бормоча под нос ругательства и смотря исключительно под ноги. Она завернула за угол, со всего

размаха впечатываясь в кого-то. Ойкнула, отшатываясь, но ее ловко поймали и крепко прижали к себе.

– Куда так торопимся? – поинтересовался Четвертый.

Юля зашипела – «повезло» нарваться на еще одно высочество.

– По делам, – ответила она, с усилием гася раздражение. Как бы ни хотелось выплеснуть негатив, но Второй прав – не стоит вставать между братьями. Им и так несладко приходится с этим дежурством у пульта, то есть у вулкана. Добавим сюда выматывающее душу ожидание – кого выберет огонь, страх перед ритуалами и гонку на выживание в академии.

Стоп! Она что, только что «влезла в туфли высочеств»? Дурацкое сострадание. Всегда не к месту. Еще немного – и она настолько проникнется ситуацией, что будет своей в птичнике.

Фильярг отстранился, ухватил ее за подбородок, задирая лицо, вгляделся, хмурясь.

– Кто-то обидел госпожу ассару?

В голове эхом отозвалось: «Или тебе нравится дразнить мужчин, крошка ассара?» Юля прикусила губу – не проговориться бы. Второй – дурак, это он своими методами вбивает клин между братьями. Третьему точно не понравится его инициатива – десять дней дал, урод. Пусть их засунет куда подальше. Она – взрослая девочка и сама разберется. Не надо ее подгонять и мужиков навязывать. Спорим, Второй гостиную пожалел? Жмот. Вот когда начинаешь ценить тактичность младших братьев...

– Нет, никто не обидел, – помотала она головой, но ей, кажется, не поверили.

Фильярг провел пальцем по искусанным губам, наклонился – сердце кольнуло, насколько похоже действовали братья.

– Юля, я хочу, чтобы ты мне доверяла и могла обратиться в любой момент и с любым вопросом. Я ведь для тебя не просто покровитель, а еще и старший брат Альгара. И, поверь, сделаю все для него и для тебя.

Палец очертил контур лица, сердце вострепнулось, тело само потянулось за лаской, но было поймано и жестко взято под контроль. «Сделаю все для тебя» – звучало сладко, но не для «крошки ассары».

– Есть одна просьба, – произнесла она, опустив взгляд и чувствуя себя предательницей, – ты не мог бы сейчас сказать, где его

высочество Харт?

Между ними точно стена возникла. Лицо Фильярга сделалось отстраненным. Он убрал руку от ее лица, взгляд перевел за спину.

– Вы уверены, Юля, что я не могу вам помочь? – дал он ей последний шанс.

Девушка помотала головой. Мог бы, если бы мастер безмолвный был в его команде.

– Хорошо, – от сухого тона высочества стало тошно, в душе шевельнулось раскаяние, – я отдам распоряжение проводить вас в зал Советов. Заседание скоро закончится, и вы сможете переговорить. И, Юля, напоминаю, что каждый вечер у вас теперь медитация. Занятие начнется через два часа. Не опаздывайте. Кроме того, я хочу проверить, насколько хорошо вы читаете. Готовьтесь сдать зачет.

Четвертый мстил. Сухой тон, снова на «вы». Они точно в прошлое вернулись. И очень хотелось спросить, что будет, если зачет она не сдаст. Но подталкивать богатую фантазию принца в сторону наказания было глупо. Ладно, через два часа, может, остынет и не будет буйствовать.

Третьего пришлось ждать. Слуга проводил ее до круглого зала, в центре которого по стеклянной трубе стекал водопад, а вокруг, в пузырях воды, плавали по воздуху рыбы. Завораживающее зрелище – 3D аквариум, но расслабляет, н-да, и мозги начинают думать, а не только истерить.

А вообще, местный мир – тот еще подарок. И ведь можно было понять, что все не так радужно уже по одному только доминантному поведению Четвертого. Нет же... Мозги ушли в отпуск. Авантюризм и приключение ударили в голову. Хотя нет, на тот момент в голове было одно желание – выжить. Собственно, потом тоже. Выбора ей не дали. Либо она с Совенком в этом мире, либо два трупа по разным мирам. Пилюлю подсластили, а вот про местную дискриминацию рассказать забыли. И ведь на первый взгляд местные дамочки не выглядели забитыми. Хотя с чего им быть забитыми, если они вполне счастливы своим положением. Это она, глупая, дергается и все пытается жить по своим правилам.

– Юля? – удивленно спросил Третий.

Девушка обернулась, оторвав взгляд от воздушного аквариума. Харт был не один – компанию ему составил его величество. И на

лицах обоих мужчин одинаково читалось обеспокоенное удивление.

– Ваше величество, ваше высочество, доброго дня, – изобразила она местный поклон, положив руку на сердце. Как удачно – два зайца сразу. И с кого начать?

Мужчины ответили кивками.

– Ваше величество, я определилась с желанием. Ваше высочество, у меня к вам просьба.

Высшая власть заинтригованно переглянулась.

– Отец, уступаю вам первенство, – махнул рукой Харт, делая шаг в сторону.

Юля сглотнула – в горле некстати пересохло. Из головы повывлетали все заготовленные фразы, все-таки официоз и этикет – тяжелая наука. Ее надо с кровью матери впитывать, или как там наших аристократов учили? Сгорбился – коленями на горох, поставил локти на стол – марш к себе без ужина.

– Слушаю вас, Юля. – Его величество подбадривающе улыбнулся. В желтых глазах плясали смешинки, и девушка подумала о том, что король привык к частому ступору придворных и верноподданическому мандражу.

«Спокойно, без паники», – скомандовала она себе. Юля поймала взглядом желтую лупоглазую рыбину, неспешно дефилирующую роскошным хвостом на уровне глаз. Само спокойствие. И плевать, что рядом целый король стоит. Вот с кого надо пример брать.

– Ваше величество, если это не слишком затратно для казны, не могли бы вы выдать мне три-четыре слезы калкалоса?

Рельгар удивленно вскинул брови:

– Могу я поинтересоваться зачем?

– Нет, – выдохнула девушка и стиснула зубы, осознав, кому отказала.

Его величество развеселился. Качнулся с пятки на носок.

– Забавно, – протянул он, – но мне нравится ваша откровенность. Пожалуй, позволю вам сохранить этот секрет в обмен на обещание поделиться результатом. И кстати, вы ведь не приносили мне клятву? Пора бы. Завтра утром жду. Камни получите тоже утром. И, госпожа ассара, понимаю ваши опасения, но получить намек на несостоятельность моей казны несколько досадно.

Упс. Об этом она не подумала. Хотела как лучше, а получилось... Неловко, н-да.

И шею сдавило, точно там уже красовался рабский ошейник. Это все с непривычки, попыталась уговорить она себя. Договор, соглашение, сделка – эти вещи прекрасно ей знакомы, а вот клятва – неизвестный зверь. Отсюда и страх.

– Простите. Буду рада увидеться с вами утром. – От расстройства она присела в земном реверансе, снова нарушая местный этикет.

Его величество благосклонно кивнул и неожиданно спросил:

– Вы довольны своим покровителем?

На Земле этот вопрос звучал аналогом: «Как тебе твой «кошелек», крошка?» Здесь расклад был иной, но привкус...

– Благодарю, ваше величество, меня все устраивает.

И менять шило на мыло она не собирается.

– Хорошо, а то я уже начал беспокоиться. – Долгая пауза и выразительный взгляд на Третьего. – Вы меня сильно порадовали, Юлия. Темное пламя... Потрясающий подарок к зимним праздникам. Спасибо, госпожа ассара.

На этом они с его величеством и расстались. Юлия – в растрепанных из-за клятвы чувствах, Рельгар – с видом удачно сходившего на шопинг и взявшего два холодильника по цене одного.

Мысль, что она для его величества – двойная скидка на холодильник, погрузила девушку в глубокую задумчивость. Появилась мысль просить повышения зарплаты, ежеквартальный бонус и страховку от назойливости принцев.

Она настолько задумалась, что пропустила появление рядом Третьего. Его высочество с силой толкнул водяной шар с усатой рыбешкой, и та, возмущенно раскрывая губастый рот, усвистала вбок, по пути сбив пятерку шаров с товарками. Броуновское рыбье движение на практике. Мимо пронеслось что-то черное, колючее, пузом кверху. Во взгляде отчетливо читалась ненависть к двуногим.

– Любимое развлечение детства, – поделился Харт, наблюдая, как его «кегля» сбива еще двоих. Рыбы явно знали, что их ждет, потому как, лихорадочно шевеля хвостами, ринулись прятаться в фонтан.

Юлия не удержалась, толкнула шар с серебристой толстухой. Та понеслась, раскручиваясь и задевая все вокруг.

– Семь – отличный результат, – похвалил ее Харт, проследил, как последние неудачники скрываются в фонтане, и посерьезнел. – Так зачем я вам понадобился? Решили чистосердечно во всем сознаться?

У Юли было время обдумать разговор, вот только чистосердечное раскаяние в списках аргументов не значилось. Но не будешь же открыто разочаровывать человека, к которому собираешься обратиться с просьбой.

– И в чем конкретно вы хотите, чтобы я созналась? – спросила она осторожно.

Третий расхохотался.

– Вы неподражаемы, – признался он, отсмеявшись, и добавил: – Нет, Юля, помогать я вам не стану, как и выпытывать, зачем вам понадобился калкалос. Расскажите сами, когда захотите. – И во взгляде его высочества мелькнул азарт.

То есть Третий решил придерживаться тактики мягкого подчинения. Сами, все сами, госпожа ассара. И в постель, и с признаниями.

– Не поверю, что вам не доложили, – не поддалась она на мягкость. И вообще, как показала практика, самые опасные во дворце – безмолвные. Последнее время у нее складывалось ощущение, что вся ее жизнь – как на витрине, даже когда она якобы одна. И страстно хотелось, как в анекдоте, сойти с ума и начать хлопать в ладоши, отпугивая... нет, не крокодилов, а невидимок.

– И правильно, – вздохнул мужчина, – мой человек упорствует в том, что у вас было желание покататься, и ничего более. Только вот незадача, – он потер подбородок, глянул искоса, – калкалосы никогда не катают на себе.

– Простите, не знала, – пожала плечами Юля. Зря, наверное, она упорствует. Харту наверняка доложат о ее просьбе и о камнях. А сложить два и два... Но внутри до сих пор жгло от обиды на Второго и его десять дней, а потому помогать высочеству она не собиралась, как и отвечать на вопросы, не связанные с Совенком. Ее личная жизнь есть личная, и нечего отдельным товарищам в нее свой длинный нос совать.

Третий подарил свой фирменный инквизиторский взгляд, от которого зашевелилась совесть, но после была послана гулять ко Второму.

– Вернемся к вашей просьбе.

«Вернемся», – кивнула Юля.

– Я бы хотела, чтобы вы не увольняли мастера Рохаса.

– Вот как! – вскинул брови Харт, попытался уловить подоплеку, потом поморщился и спросил: – Могу уточнить причину?

Юля вздохнула и решила быть честной.

– Он – единственный, кто отнесся ко мне с пониманием.

– То есть пошел у вас на поводу, – разозлился его высочество. Третий сложил руки на груди, глядя хмуро и неодобрительно, точно она хедхантер^[9] и лучшего сотрудника у него переманивает.

– Нет, просто не стал утаскивать в комнату и запирасть там. – Она отбила выпад, скопировала позу Харта.

Некоторое время они мерились взглядами. Потом Третий мотнул головой, осознавая, с кем вступил в силовое противостояние. Растер ладонями лицо. И видно, принял решение, потому как глаза хитро заблестели.

– Хорошо. Я оставлю Рохаса рядом с вами, скажем, на испытательный срок. Будем надеяться, что больше вы не станете подбивать его на глупости. Но в обмен вы согласитесь прогуляться со мной сегодня вечером.

– Э-э-э... у меня вечером медитация, – попыталась она прикрыться Четвертым, но Харт усмехнулся:

– Заберу вас после медитации. Вам ведь нравится гулять по ночам? До встречи, Юля. Вас проводят обратно. – И он указал на мнущегося у стены слугу.

Глава 28

Фильярг был в тихом бешенстве. Она посмела отвергнуть помощь! И какие у нее дела с братом?

Он сжал кулаки, мечтая добраться до тоненькой шейки, сдавить и поинтересоваться: почему? Что такого может Третий, чего не сделает он, Фильярг? В груди не ворочалась, а бесновалась ярость. Хотелось отомстить. Прижать к стене, вытрясти всю правду, а потом поцеловать. И затащить наконец в постель. Сколько можно ходить вокруг да около?! Она – взрослая, не девочка. Прекрасно знает, чего хочет мужчина от привлекательной женщины. Так чего ей не хватает? Внимания? Заботы? Для нее он будет самым вежливым и заботливым покровителем.

Фильярг взлохматил волосы. Тряхнул головой. С ума сойти – до чего дошел. Он – четвертый Столп – готов наступить на горло собственной гордости и просить женщину разделить с ним постель! Доигрался с огнем. Эта девчонка влезла в душу, пробралась под кожу. Он горел от нее. Взрывался от одной только мысли, что она с другим. Сегодня на тренировочном поле едва остановился, чтобы не жахнуть в полную силу и не покалечить тренера.

Она определенно сводила его с ума. Сколько сил он потратил на то, чтобы сегодня ночью просто лежать и обнимать ее, вдыхая аромат, слушая дыхание, ловя биение сердца и впитывая сладкую, остро приправленную тьмой магию. Умопомрачительный вкус, ни на что не похожий.

Впервые он не боялся образования связи с магией женщины. Наоборот, предвкушал, когда Юля сама ощутит тягу, когда поймет, что не может без него ни жить, ни дышать. Он, конечно, не собирался так рано связывать себя браком, но эта женщина стоила того, чтобы стать женатым. Она – загадка, которую Фильярг с удовольствием будет разгадывать в ближайшие годы.

Ему нравились ее порывистость, легкость, с которой она принимала решения, открытость, даже непривычный образ мышления не раздражал. А уж какой отличной матерью она станет его детям!

– Если она не понимает намеков, – усмехнулся Четвертый своему отражению, – будем действовать прямо.

За ужином Совенок практически спал с ложкой в руке. Юля посадила его на колени, и он, прикрыв сонные глазенки, послушно открывал рот. Потом так же в полусне допил молоко и засопел, положив голову ей на плечо.

Было безмерно жаль замученного ребенка, но она обещала себе быть твердой. Да и первые дни – самые сложные. Потом втянется, привыкнет к нагрузкам, и станет легче. Главное, что они вместе и у него есть ее поддержка. Пусть наставники зверствуют, у Совенка будет самая любящая ассара.

На руках она отнесла ребенка в ванную, обтерла мокрым полотенцем, переодела в пижаму и уложила в кровать. Деть выглядел пусть и замученным, но довольным. А завтра тесты, в том числе и на физподготовку... Юля вздохнула. Еще не выходили из головы слова одного из наставников: «Запомните, Альгар, сильному телу огонь легче покорится. И мы говорим не только о физической силе». Не только, но в том числе.

Начать, что ли, бегать? – задумалась Юля. Или попросить у Четвертого меч и качаться по утрам? Она готова на все, чтобы призвать дурацкую силу к порядку! Люку вон тоже нелегко пришлось. Сколько мастер Йода его гонял, пока тот научился левитировать предметы.

Прилетел белесый шар, звякнул раз-другой.

– Сейчас, – зашипела Юля. Она поцеловала сладко сопящую драгоценность, поправила одеяло и вышла из спальни.

Шар, звякая, последовал за ней.

Всем хороша местная почта, вот только ее не отключить, пока не получишь. Юля коснулась шара пальцем, и в подставленную ладонь свалился мобильник, а следом письмо от Кайлеса.

Мужчина писал по-русски без ошибок, демонстрируя прекрасный уровень языка.

«Моя дражайшая родственница. Надеюсь, у вас все хорошо, но, если мои братцы вас достали, смело обращайтесь, моя грудь целиком и полностью в вашем распоряжении, как и носовой платок. Я по такому случаю

приобрел ящик сухого красного урожая прошлого года. Если моя широкая и мужественная грудь не покажется вам слишком привлекательной для слезной терапии, вы же не откажетесь со мной продегустировать это приобретение? Кроме того, я присмотрел одно платье в новой коллекции «Гуччи», которое будет сногсшибательно смотреться на вас.

Спешу сообщить, что ваша мама в полном порядке. Я нашел отличного специалиста, ввел его в курс дела, теперь пытаюсь вывести, так как лечить он пока не в состоянии. Но обещаю в ближайшее время отрекомендовать его вашей маме. Ваш отец чувствует себя отлично, хотя, на мой взгляд, слишком много работает за такие деньги. Я взял на себя смелость переманить его к себе. Однако упрямство – ваша фамильная черта, но я продолжаю искать к нему подход. Ваш брат тоже в порядке, и, кажется, мне не стоит с ним встречаться. Он написал вашей маме, что совершил свой первый прыжок с парашютом, получил голубой берет и намерен навешать звездюлей всем, кто посмеет обидеть старшую сестренку. Ваша квартира под надежным присмотром (у вас потрясающе отзывчивые соседи). Перечисляю аванс и прилагаю выписку из вашего счета. Скучающий и обожающий вас,

Кайлес».

От письма веяло родным, Юля прикусила губу, заморгала, прогоняя слезы. Остро захотелось домой. Вернуться. Увидеть маму. Вдохнуть загазованного питерского воздуха. Прогуляться по Невскому. Дойти до Адмиралтейской набережной и долго гипнотизировать свинцовую воду Невы.

Юля растерла ладонями лицо. Потом еще раз перечитала письмо. Внимательно, без эмоций. Вино – понятно, открытый намек, что ее ждут в гости. Напоить целителя, согласившегося лечить маму, еще до лечения – в этом весь Кайлес. Интересно, они ограничились глубинной дегустацией алкоголя или гостя потащили оттягиваться по ночным клубам?

И квартира... К чему эта фраза про соседей? Шевельнулось подозрение. Юля стиснула мобильник. Может, метнуться проверить? Одна нога здесь, вторая – там. Потом она представила повисших на ногах гири невидимок. Нет, хватит вести себя как маленькая девочка. У Совенка должен быть выходной, вот тогда они вдвоем и навестят Землю. А пока она ограничится сообщениями от родных и друзей. Но сначала выписка.

Глянула. Не поверила. Пересчитала нули. Аванс выглядел внушительно. Ровно на миллион. Мм, похоже, до кого-то дошли слухи о ее сложностях и Кайлес решил их компенсировать. Приятно. Жаль, что здесь нельзя их потратить. Она бы с удовольствием прогулялась по магазинам, имея столь крупную сумму на карте. Не потому ли Кайлес упоминал супермодное и дорогое платье? Да-а-а... Дашь шопинг, красное вино, шоколад и анекдоты от кузена! Ее личный релаксационный набор.

Юля включила мобильник, помня о том, что надо экономить заряд. Она открыла Ватсап с загруженными сообщениями. Начала с верхнего.

От голоса мамы тоска накатила с удвоенной силой. Она стерла слезы, шмыгнула носом и утешилась тем, что мама скоро будет совсем здорова. Остро, до боли в стиснутых зубах, захотелось обнять ее, прижаться, выговориться, жалуюсь на все. На непослушную магию, выбросы, дворцовые порядки, на лезущих в душу высочеств.

Юля вытерла лицо рукавом. Прошла по списку. С удивлением выслушала сообщение от коллеги, с которой тесно общалась на работе. Кайлес не обманул – исправил результат своего внушения. Коллега, запинаясь, призналась в том, что напрасно они обвиняли начальство в домогательствах. Не лапал он Юлю, зажимая у лифта, а ловил, когда она падала, запнувшись на каблуках. И «сдал» ее начальник службы безопасности бизнес-центра, проговорившись в курилке, что второй раз пришлось камеры менять – непонятный сбой.

Юля усмехнулась. Сбой назывался – визит мага-менталиста, который не хотел светить рожей на камеры. И научился как-то выводить их из строя. А говорили, что маги не могут устроиться на Земле. Прекрасно могут. Так почему бы и ей не найти себя здесь? Перспективы-то какие... Аж голова кругом. И хочется всего и сразу: телепорты строить, пламенем управлять, гонять на калкалосе,

подружиться с невидимками и стать своей. Она сейчас точно выданный из горшка цветок – ей срочно нужны новые корни.

– Юля, вы готовы? – позвал из гостиной знакомый голос.

Но сначала медитация... Как говорят на Востоке: долгая дорога начинается с маленького шага.

– Минутку.

Юля быстро переоделась в спортивный костюм – на этот раз максимально свободный, прошла в ванную, умылась, растерла лицо полотенцем, но Четвертый все равно заметил.

– Плакали? – спросил Фильярг, хмурясь, потом понимающе кивнул. – Кайлес прислал вест из дому. Скучаете?

– Да, – не стала она отрицать.

– Тогда через три дня предлагаю устроить выходной и всем вместе наведаться в ваш мир. Увидеть родителей вы не сможете, но хотя бы сможете поговорить.

– Спасибо, – остановилась она, глядя на массивную фигуру Фильярга.

Сладко заняло сердце – как же он красив. Хищной, грубой красотой, без единой черточки слащавости. И так же опасен для нее, как двухкилограммовый торт для талии. Потому как все ее домыслы о покровительстве – всего лишь домыслы. И что там происходит в птичнике на самом деле... Не стоит оценивать чужое общество со своей колокольни. Она может такого напридумывать, как с гаремом, а все окажется невинно – за ручки подержались, энергией обменялись и разошлись.

– Прошу. – Четвертый распахнул дверь своих покоев, Юля шагнула внутрь, сразу выцепив взглядом место у окна, где на полу лежали мягкие коврики. Свет был приглушен, в воздухе растекался интимный полумрак.

Она нервно сглотнула, шагнула к коврикам, но была остановлена насмешливым замечанием:

– А как же чтение, Юля? Или вы не хотите больше учиться?

Девушка плюхнулась на диван, на колени ей положили книгу.

– Там закладка, начинайте.

Его высочество, судя по звяканью за спиной, занялся вечерним снотворным. С обидой вспомнилось, что ей он пить запретил...

Ладно, побоку обиды. Почитаем. Юля открыла книгу, пролистнула страницы – ни одной картинки. Жаль. Нашла закладку. Ей даже абзац пометили. Заботливый.

– Она. Подняла. На. Него. Взгляд. Он. Прочитал. Призыв. И припал. К. Ее губам.

Девушка остановилась. Сердце ускорило, пульс подскочил. Во рту пересохло, а в голове воцарился хаос. Одна часть, внезапно восплавшая плотским, хотела так же: призыв во взгляде и его губы на своих. Вторая – здравомыслящая – материлась и пыталась давить на все: от совести до чувства долга.

– Что же ты остановилась, Юлечка? – бархатно осведомились за ее спиной, на плечи опустились тяжелые ладони, а на столик слевитировал бокал с чем-то ядовито-зеленым.

Почему остановилась? Потому что не знала, что делать дальше. Запуталась в собственных противоречиях, застряла между «нельзя, но хочется». И было до ужаса страшно сделать шаг в омут под названием «Четвертый». Довериться. Позволить себе увлечься. Глупо надеяться, что между ними может быть случайный секс, а дальше они станут делать вид, что не знают друг друга. Она точно так не сможет, потому что воспитана иначе. Интим – это близость, которая возможна только с родным человеком.

Как долго она по кускам, буквально по крупичкам выдирала бывшего из сердца? Вспомнила, а боль уже нашептывала в ухо: «Этот поступит так же. Почувствует свою власть над тобой, начнет распоряжаться. А потом заведет еще одну подопечную, когда ты ему надоешь».

– Текст глуповат, – отложила она книгу, поджала губы, злясь на себя и на собственные неизжитые страхи.

– Детских сказок у вас нет? – спросила Юля.

– Наши сказки, Юля, на ночь лучше не читать. И давай наедине перейдем на «ты». Ты – ассара моего брата и моя подопечная. Не нужны лишние церемонии между нами.

Он говорил, а пальцы нежно касались плеч, перешли на шею, чертя горячие узоры по коже.

Как удержаться на краю, когда тело плавится, а сердце снова бежит марафон? Мир сужается до огненных прикосновений. Надо

встать, стряхнуть его ладони с плеч, но дико хочется плюнуть на все запреты, прикрыть глаза, потереться головой о его руки. Отдаться...

– Ты дрожишь. Выпей агру. Она поможет расслабиться.

И совершенно интимно, шепотом, обжигая кожу, он сказал:

– Не бойся меня, маленькая, не обижу.

Расслабиться и отдаться. Мм, отличное завершение вечера. И тут отрезвляюще накрыло воспоминание об ужине с Третьим. Япона мать! Братцу хватит такта в поисках ассары наведаться в спальню брата. А там она вся такая... Непристойная. Возможно, довольная. Юля вспомнила поцелуй с принцем – нет, точно довольная.

Она вскочила, словно облитая ледяной водой. Отпрянула, запнулась за столик, и бокал с неиспробованной агрой покатился по стеклянной поверхности, оставляя ядовито-зеленые лужи.

Юля ойкнула, извиняюще посмотрела в потемневшие от бешенства глаза высочества. В голове мелькнула слабая надежда, что принц рассердился из-за пролитого напитка. Наверняка что-то дорогое и редкое, а она тут точно корова распрыгалась.

– Простите, – пробормотала Юля, чувствуя себя ужасно. Глаза Фильярга стали по цвету напоминать горчичный мед. Он прищурился. Юля отступила. Острое чувство опасности криком застряло в гортани. А память снова подкинула ощущение холодной стали, прикасающейся к коже.

– Не стоит нервничать, – проговорила она успокаивающе, открытыми ладонями упираясь в воздух, – я заплачу. Все компенсирую.

Глаза Четвертого округлились. И до Юли начало доходить, что ее поняли неправильно.

– М-м-медитация? – предложила она.

Четвертый величественно вскинул бровь, усмехнулся до обидного понимающе и кивнул в сторону ковриков. Отступала Юля спиной вперед, не сводя с застывшего глыбой высочества настороженного взгляда. И почему-то казалось, что, если она дернется, мужчина, точно дикий зверь, среагирует прыжком.

Медленно, словно на пилатесе, девушка опустилась на коврик. Фильярг не шелохнулся, но и приближаться не спешил. Вот только расстояние не имело значения – она остро, до вспотевших ладоней, до

томительного напряжения во всем теле ощущала его присутствие, словно он продолжал стоять у нее за спиной.

Юля прикрыла глаза. Стало только хуже. Какая там медитация?! Она сейчас точно до предела сжатая пружина. Прерывистое дыхание, оглушительное биение собственного сердца. Этот мужчина пугал и одновременно сводил с ума. Ее личный яд.

Надо переключиться. Сосредоточиться на чем-нибудь важном. Например, на Совенке. Как он сегодня вымотался, бедняга. А завтра будет еще тяжелее. Но ей столько раз говорили, что ассара как раз и нужна для таких случаев. Почему бы не поделиться своей энергией, которая сейчас бурлит, словно лава?

Юля сняла блок. Потянулась мысленно к Алю, щедро делясь бурлящим. Без обучения, без теории – на одной интуиции. И энергия потекла, сначала тоненьким ручейком, потом широким потоком, опустошая ее. Последнее, что запомнила ассара, – испуганный крик Фильярга и пол, с которым встретилось ее рухнувшее тело.

– Глупая... – Фильярг обнимал девушку, глядя по убранным в хвост волосам. Он не удержался, потянул за резинку, и черный водопад рассыпался по плечам.

– Идиотка малолетняя. – Четвертый ухватил ее за руку, поднес к губам и прикрыл глаза, наслаждаясь бархатистостью кожи. Второй рукой, продолжая удерживать ее на коленях, прижимал к себе.

И как себя с ней вести? Сначала тает, отзывается на прикосновения, а потом сбегает. Неужели все еще боится? И что за дурацкое предложение об оплате? У них принято выплачивать откуп за отказ от близости? Нет, ему решительно не понять чужой мир.

– Какая картина! – Голос Третьего сочился ядом.

Фильярг окинул брата недовольным взглядом, отмечая его парадный костюм и тщательно уложенные волосы. Куда-то собрался? Но почему зашел к нему?

– Можешь объяснить, что ассара делает у тебя на коленях? Да еще и в мужской одежде?

Фильярг усмехнулся, вспоминая свою первую реакцию на обтягивающий тело ассары соблазнительный костюм. Хорошо хоть на этот раз Юля надела что-то менее провокационное.

– Это костюм для медитаций, брат.

– Да? – Харт вздернул брови, но спорить не стал. – А что с ее состоянием? Это ведь не сон? Или у нее оказалась другая реакция на агру? – указал он на разлитый напиток.

Фильярг стиснул зубы – жырghхова задница. Надо было убрать.

– Нет, наша маленькая ассара решила поделиться жизненной энергией с подопечным и немного увлеклась.

Харт выругался, качнул головой:

– И почему я не удивлен? Сильно увлеклась?

– Завтра вряд ли встанет с постели. Ночью я собираюсь контролировать ее состояние. – Фильярг с вызовом посмотрел на брата.

– Оправданно, – согласился тот и добавил: – Но еще одна пара глаз лишней не будет. Я составлю тебе компанию.

Ничто так не бодрит с утра, как вид обнаженной мужской груди перед носом. И грудь не извиняют даже расположенные на ней бумаги, которые ее хозяин внимательно изучал.

Юля открыла глаза, затем быстро закрыла, крепко зажмурилась – не помогло. Обнаженка – кстати, вполне привлекательная, с налитыми в нужных местах мускулами – не думала исчезать или прикрываться одеялом.

Девушка выдохнула, собираясь с мыслями. Она одета – это плюс, а вот остальное пойдет в минус. Тело в состоянии избитости, в конечностях – противная слабость, а в душе стремная неуверенность: было или не было? И с кем? Туман в голове стремительно рассеивался. Все-таки шоковое пробуждение лучше любого кофе.

– Проснулись, Юлечка? – ласково осведомился сверху Третий.

Он отложил в сторону бумаги, развернулся и навис над ней, изучая. Во взгляде читался явный... исследовательский интерес. С подоплекой или нет – Юля установить не успела, так как пискнула, сползая вниз, под одеяло. За спиной завозились... И даже сомнений не было кто.

Фильярг потянулся, зевнул. Удивился одеяльной маскировке.

– Кажется, наша ассара решила застесняться, – пояснил довольным голосом Третий.

Четвертый хмыкнул. До обидного недоверчиво. А она вот... Да, застеснялась. Потому как не было у нее опыта совместных ночевочек,

когда парни и девушки спят вповалку и никого не смудишь обнаженной частью тела. А тут двое незнакомых мужчин... И мысли сами в голову лезут, одна опаснее другой.

И как выпутываться? Поговорить честно? Юля представила прижатого к стене высочества, в переносном смысле, конечно, ее суровый тон и претензии: «У вас ко мне серьезные намерения? Или так, погулять вышли? А нельзя ли ограничиться обнимашками и оставить меня в покое, потому как замуж я пока не собираюсь?»

– Мм... – мурлыкнул Фильярг, и за край одеяла легонько потянули, – сладкая ассара стесняется?

И почему у нее чувство, что в покое ее не оставят? А решиться на откровенный, на грани пошлости разговор она пока не готова, да и храбрость – а ее целый ящик – ждет в Питере.

К тому же оба высочества могли и без всякой задней мысли решить поухаживать за новенькой. А своими подозрениями – вам только энергия моя нужна, да? – она затронет их честь и получит двух врагов в довесок к Пятой. Ведь слова Второго можно трактовать как угодно: от «понравилась двум – выбирай одного», до «выбирай одного, чтобы можно было контролировать твою силу».

– Госпожа ассара! – забарабанила в дверь Зарьяна. – Вставайте быстрее, вас седьмая мать на завтрак ждет.

Юля застонала. Седьмая – это отлично. Источник информации сам в гости пришел. Но что делать с компроматом? Под кровать или в шкаф? Бугай-то какие. Особенно Четвертый. Этот вообще мало куда поместится.

Решить не успела. Третий, чтоб его черви сожрали, встал, открыл дверь и величественно оповестил, что ассара скоро будет готова.

Все! Дальше прятаться было бесполезно. На заднем фоне совершенно нелитературных мыслей с тихим звоном осыпалась репутация.

– Ты! – села Юля, прожигая разгневанным взглядом в обнаженной груди входное отверстие диаметром в десять миллиметров. Увы, мысленно, но Харт впечатленно вздернул брови и осведомился:

– Что не так?

Не так было все. Но объяснять... Это со времен становления Киевской Руси начинать надо. Профессиональная репутация,

моральные качества наставника и далее по списку, со ссылкой на честь девиц.

Вот только взгляд у Третьего поставлен многолетней придворной практикой. И ошибиться, что перед ней не просто обнаженный по пояс мужчина – девушка, не помню, как вас зовут, вчера перебрал, простите, – а целый высочество – невозможно. Истерику не одобряют и не простят, еще и отыграются. Она и так ему ужин должна.

– Юля, если тебя что-то смущает, скажи.

Рядом с братцем встал Фильярг. Две обнаженки – ощутимый удар по нервам, а уж как вдохновилось воображение... Юля стиснула зубы. Бесполезно пытаться прибить бабочек, когда тут такое... С утра пораньше, ага. Фильм для взрослых.

– А вас ничего не смущает?

Братья переглянулись. Удивленно и невинно.

– Юля, ты не помнишь, чем вчера закончилась медитация? – словно у маленькой девочки, мягко поинтересовался Фильярг.

Юля задумалась. Что там было из последнего? Она покраснела, затем отвела взгляд. Четвертый довольно усмехнулся, но серьезность настроя не потерял.

– Ты решила поделиться энергией с Альгаром. Очень опрометчиво с твоей стороны. Вдобавок ты могла спровоцировать раннее открытие дара у Шестого, а это... не очень хорошо. Но не вини себя. Мы тоже виноваты. Все время забываем, что ты ничего не знаешь о магии. У нас ведь даже дети в курсе, что передавать энергию открытым каналом – опасно для жизни. Ты могла умереть. Шестой не умеет контролировать прием, он начал зачерпывать твою жизненную силу. Так что я рекомендовал бы тебе сегодня остаться в постели.

Остаться в постели? Там, где все напоминает о мужской обнаженке? Мысли и так гуляют, оглаживая и обрисовывая кубики пресса, пробуя на крепость мускулатуру и спускаясь ниже, к провокационной дорожке из волос.

Стоп. Занесло. А у нее там Седьмая, которую надо запытать, пока та не удрала.

– Мне уже лучше, – произнесла Юля твердо. Выползла, покачнулась, ее ласково поймали, прижав к этой – а вот не будет она их сравнивать – груди. Третий показательно нахмурился, явно не в восторге от ее упрямства.

– Все это прекрасно, – попыталась пригладить волосы Юля, потом мысленно плюнула на этикет – какой, к чертям, этикет после такого пробуждения? – Но обязательно было ночевать вместе со мной? – уточнила она тоном ворчливой старой девы, обнаружившей в постели мужчину.

– Кажется, я понимаю, – «прозрел» Третий, – мы нарушили какой-то запрет твоего мира?

Уф, она на верном пути.

– В моем мире, – начала Юля медленно, подбирая слова, – у наставников и учителей должна быть кристально чистая репутация. А ночевка, – покачала она головой, пропуская слова, которые могли их обидеть, – ее легко разрушит.

Если станет достоянием общественности. Хотя кого обманывать? Уже стала.

– Надо же, не думал, что твой мир заботится о репутации, – удивился Харт.

Ее мир делает то, что ему выгодно. А уж по части травли учителей за фото в купальниках ему нет равных. Но и в остальном легко можно вступить в кучу дерьма так, что не будешь знать, как потом это разгрести. Нравы вроде свободные, но мораль общества всегда тяготеет к консерватизму. Власть, учителя, МЧС, полиция и пожарные должны олицетворять идеалы давно разлагающегося общества. То есть всем можно, а им нельзя.

– Юля, – Фильярг приподнял ее подбородок, поймал взгляд, успокаивающе погладил по плечу, – мы не сделали ничего плохого. Ты – маг с новорожденным даром. Для таких у нас принят круглосуточный присмотр, особенно в первые недели. В спальнях академии всегда дежурит кто-то из магов. Во сне дети уязвимы, кошмар может спровоцировать выброс. Ты, конечно, взрослая, – усмешку Юля предпочла не заметить, – но активированный дар, связь с Альгаром, новый мир... Все непросто, и мне не хотелось бы ни давить, ни рисковать твоим состоянием и оставлять одну.

Ага, а во дворце кризис с кроватями. Причем давний и постоянный. И присматривать за ассарой надежнее вдвоем. Вдруг один не справится?

И смотрят оба серьезно так. Не подкопаешься. А секс и прочая глупость – происки милитаристов. Слабо бросить в лицо обвинение в

соблазнении? Слабо.

– Хорошо, – процедила Юля, принимая ситуацию, но не смиряясь.

Глава 29

– Если мы все выяснили, предлагаю не заставлять Седьмую ждать. – И Третий махнул в сторону ванной. Мол, идите-ка, Юлечка, под душ. Авось остынете и посмотрите на ситуацию под другим углом.

А что там смотреть? То небольшое, что было скрыто, воображение дорисовало. А в остальном... ни единого разумного варианта. Мозги выдавали исключительно идеи на тему «восемнадцать плюс».

– А если мы выяснили не все? – осталась она стоять на месте.

– Тогда обсудим остальное перед обедом. У меня как раз будет свободное время, – с милой улыбкой заключил Харт.

– Или у тебя есть предложение поинтересней? – мурлыкнул ей на ухо Фильярг.

Юля покраснела, шарахнулась – знает она его предложения – и... решила отступить. Расклад двое против одной – явно не в ее пользу.

Как только за девушкой закрылась дверь, Харт поставил звуковую завесу. Затем он повернулся к брату:

– У нас проблема. Недооценил я уровень личных запретов.

– Как такое возможно? – вспыхнул Фильярг, возмущенно взъерошивая волосы. – Я был в их мире, там женщины легко заводят знакомства, буквально вешаются на незнакомых мужиков. Спят с ними на первой встрече, а уж про свободу общения, пошлый юмор, выпивку и гадость, которую они курят, я вообще молчу. Списком аборигенок, побывавших в постели Кайлеса, можно выстелить парадную лестницу дворца.

– С его слов, с его слов, – возразил Третий, – но в целом идея здравая. Кузена давно надо призвать к огню и заставить поделиться информацией, а не только байки травить о своих победах. Вот этим и займешься сегодня, – распорядился Харт, добавляя: – И ты неверно оценил ее состояние. Или ассара быстро восстановилась. Еще одна загадка, – поморщился он.

– Считаешь, что она серьезно? Про репутацию наставников?

– Боюсь, что да. Их общество похоже на болтушку тапунов...

Знаменитая болтушка насчитывала не менее сорока ингредиентов и готовилась исключительно на похороны, дабы достойно проводить покойного.

— ...Чего там только не встретишь. Я поговорю с отцом о браке. Думаю, этот вариант устроит всех. Или ты против?

Брат спокойно встретил испытующий взгляд старшего. Поскреб подбородок.

— Нет, не против. Из всех вариантов, которые подсовывает мне матушка, этот — лучший. Но не уверен, что она согласится... Слишком мало времени прошло. Она все еще скучает по дому. Вчера плакала, когда получила вести оттуда.

Харт выругался. Потянулся за рубашкой, оделся, с сожалением думая, что такая отличная идея пропала даром. Нет, девчонка отреагировала как полагается: расширенные зрачки, учащенное дыхание, но дальше разглядываний дело не пошло. Залезть бы к ней в голову, чтобы понять, что там происходит...

Уже и отец высказывал пожелание, что ассару надо быстрее брать под контроль. Его и самого напрягало присутствие нестабильного мага в башне принцев. Понимает ли Юля, что способна при сильном выплеске уничтожить эту самую башню к темным предкам? Скорее всего, нет. Но как ее убедить и не сделать хуже? Еще и этот подарок кузена, из-за которого девчонка может исчезнуть в любой момент. Связь с подопечным, конечно, удержит ее здесь, но если она заберет Шестого с собой?

Третий выдохнул сквозь стиснутые зубы. Так сложно ему не было даже на переговорах с упертыми шантийцами, которые, случалось, съедали незадачливых дипломатов.

Плохо то, что девчонка явно что-то подозревает. Он давно бы с ней поговорил открыто, но ведь упрется и откажется. После сегодняшнего — точно. Станет шарахаться от всех, подозревать... Ни к чему хорошему сейчас откровенность не приведет. Лучше придерживаться прежней тактики — ухаживание, заинтересованность. Жаль, что Четвертый не справляется... Не вытягивает. Вот-вот сорвется. И тогда станет по-настоящему плохо. Насилие ассара ему не простит.

Он и сам сегодня ночью с удовольствием сорвался бы. Давно его так не возбуждало женское тело, а энергия... Сладость с едва заметной

горчинкой. Ни у кого такой не встречал.

Н-да... сходить, что ли, к кузену, взять пару уроков? И тут же прогнал глупую идею. Знает он его соблазнение... Много ли надо сильному менталисту, чтобы задурить женщине голову? А Юля явно привыкла к чему-то другому.

Их женщинам хватало и простой демонстрации интереса, чтобы согласиться на проверку энергетической совместимости. Но ассара... Знал ведь, что от нее будет головная боль, но не подозревал, насколько сильная.

– Дадим ей передохнуть. На сегодняшней медитации я попрошу тебя заменить другим наставником. Ослабим напор, загрузим учебой. Пусть расслабится. Потеряв бдительность, легче попадет в ловушку.

– Хорошо, – с мученическим видом кивнул Фильярг, и Харт поставил себе пометку загрузить и младшего, чтобы вздохнуть не мог, не то что думать об ассаре.

На завтрак Юля спускалась с опаской. Не стоило и надеяться, что триумфальное шествие мужиков из ее спальни останется незамеченным. И было непонятно, как отреагирует ее величество на подобное.

Затаив дыхание, Юля вошла в столовую. Пожелала доброго утра, в ответ получила: «И вам прохладного утра, госпожа ассара», – и села за стол. Взгляд не желал подниматься выше тарелки, в душе царила полная анархия, внутренности грызла мысль: «Что бы сказала мама? Вряд ли бы одобрила...»

Совенка с раннего утра забрали наставники, обещая вернуть к обеду. Хотелось бы верить, что в целости и сохранности. Она восстановила с ним связь, дабы не дергаться понапрасну. И сейчас эмоции Аля ощущались теплым комком света. Значит, все хорошо.

– Как вы сегодня, Юля? – спросила Седьмая, когда каша в тарелке девушки закончилась и она потянулась за травяным чаем.

Юля подняла глаза – во взгляде сидящей напротив женщины отчетливо читалось беспокойство.

– Я заметила, что Третий и Четвертый ночевали у вас.

Ага, вот такой тройничок вышел, угрюмо подумала девушка, запивая расстройство чаем.

– У вас снова был всплеск?

Чай пошел не туда. Прокашлявшись, Юля сипло спросила:

– Почему вы так решили?

– Разве это не очевидно? – пожала плечами королева.

Очень захотелось пойти и постучаться головой об стену. Местные нравы могли свести с ума любого поклонника Фрейда. Двое мужиков вывалились утром из ее спальни, хорошо, если одеться изволили, а ее о всплесках спрашивают! И ни намек на секс, ни единой пошлой улыбочки. Неужели она все-таки ошибалась и контроль за даром – это обнимашки, и ничего больше?

– Расскажите мне, пожалуйста, о покровительстве, – попросила Юля, с мольбой глядя на Седьмую.

– Разве мой четвертый сын вам не рассказал? – искренне удивилась королева.

«Мой четвертый сын» царапнуло слух. Сложно привыкнуть к местной системе учета. Фильярг по виду ей в ровесники годится, а она его на полном серьезе сыном называет...

– Увы, – прикусила губу Юля и пожаловалась: – Такое чувство, что еще немного – и я сойду с ума.

Эллиана нахмурилась и покачала головой.

– Отношения между покровителем и подопечной касаются только их двоих, никто не должен вмешиваться, даже я. Будет лучше, если вы попробуете еще раз поговорить с моим сыном.

Юля со вздохом опустила взгляд. Ожидаемо, но обидно, честное слово.

– Знаете, Юля, только после вашего подарка я осознала, насколько вы другая и каким странным вам кажется наше общество.

Юля нервно сглотнула – намек на стринги? И как бы повежливее спросить о реакции его величества? Интересно же.

– Вы ведь в курсе нестабильности магии у женщин?

– В общих чертах, – подтвердила Юля и тут же задала вопрос: – Это действительно так? Без физического контакта с мужчинами вы не можете жить?

Эллиана не стала торопиться с ответом. Она пододвинула к себе чайник, изящным выверенным движением налила чай. Щипчиками достала с подноса кусочек пирога, положила на десертную тарелку. Полила сверху темным соусом.

– Пятая так и не пришла в сознание, – произнесла Седьмая спокойно, отламывая кусочек.

Юля замерла оглушенная. Не пришла? А придет ли? И почему ни одна сволочь не сказала ей, что дело плохо?

– Вы побледнели. – Седьмая промокнула губы салфеткой. Сделала глоток чая. – Не переживайте, ее специально держат в целительском сне, чтобы ускорить выздоровление. Безмолвные закрыли ее щитом, правда, недостаточно быстро. Вы успели ее зацепить – отличная реакция для новичка.

Юля застыла – какая, к чертям, реакция?! Внутри расплзался противный липкий страх – она едва не стала убийцей. А если бы безмолвные не успели? И росло понимание – магия делает из нее чудовище. И этот процесс не отменить и не повернуть назад.

– Вижу, вы уже поняли. – Эллиана со вздохом отодвинула от себя чай. Она помолчала, взгляд затуманился воспоминаниями.

– Ужасно, когда от вырвавшейся из-под контроля силы страдают люди, но вдвойне страшнее, когда это твоя семья. Вы не представляете, через что пришлось пройти моему народу, чтобы научиться с этим жить. И отвечая на ваш вопрос – можем. Все зависит от женщины. Открою вам секрет, я лично встречала тех, кто прекрасно держит эмоции и силу под контролем, но ради спокойствия общества не отказывается от покровительства.

Юля кивнула. Все понятно. У них общество тоже любит поистерить – по поводу и без. И если вдруг кто-то начинает идти против течения... Революцию в Тунисе спровоцировала чиновница, выгнавшая с рынка продавца фруктов за отсутствие лицензии. А тот возьми и соверши публичное самоубийство. А которая по счету волна сумасшествия накрывает Штаты из-за убийства черного? Хотя нет, Штаты не любят сходить с ума в одиночестве, втягивают в движение BLM весь мир.

Поэтому она прекрасно понимала тех, кто не желал трогать, дабы не воняло. Это как с паранджой – принято, носим. Даже если страшна как смерть или старость, и на тебя ни один мужик в здравом уме не позарится. Так и тут. Принято, что должен быть покровитель. И всем плевать, что дар под контролем. Никто не желает рисковать своей жизнью, находясь рядом со «свободной» женщиной-магом. Наелись, видать, в прошлом этой свободы.

– А как же тапуны? – спросила Юля, желая хоть как-то отвлечься от мыслей о Пятой. Совесть требовала публичного покаяния, визита в госпиталь с сеткой апельсинов и в экстренном порядке вступления в местный птичник. Хотя она вроде уже там. И даже покровитель есть. Так какого им всем в итоге от нее надо?!

– Магия тапунов отличается от нашей. Они близки с природой. Могут обмениваться энергией с животными, деревьями. Черпают силу от земли. Женщины у них рожают без одежды, на голой земле. – Ее величество осуждающе поджала губы, явно не одобряя подобного варварства.

Юля представила эти роды сейчас, зимой. Полностью обнаженной, на расползающемся под телом снегу. Брр. И согласилась – извращение, а не роды.

Хорошо, с тапунами все понятно. Их способ утонченным и аристократичным рахханам явно не подходит. Но все же... Что делать с поползновениями Четвертого и как на них реагировать?

– Но что конкретно делает покровитель, чтобы удержать дар подопечной под контролем?

Ее величество смутилась, кашлянула, отвела взгляд. И Юля поняла – она совершила ужасную ошибку. Наверняка это тот самый вопрос, который неприлично обсуждать в птичнике. Ах да, ей же сказали, что происходящее между покровителем и подопечной касается лишь двоих. Понимать ли это – как договорятся, так и будет?

– Простите, – повинулась Юля, – я не хотела быть бесцеремонной.

– Ничего страшного. – Эллиана быстро пришла в себя и даже улыбнулась. – Я понимаю, у нас разные взгляды на приличия. Поговорите с моим сыном. Это все, что я могу вам посоветовать. И не бойтесь, об этом разговоре никто не узнает. Вы мне очень помогли, – она положила руку на живот, – я могу быть щедрой.

Никто не узнает? Юля удивленно вскинула брови, обозрела столовую, взглядом указав на углы.

– Вы правильно меня поняли, – Седьмая состроила озорную гримасу, – в моей власти отослать безмолвных. Это право той, кто является женой и матерью.

Э-э-э... то есть...

– Вас можно поздравить? – осторожно спросила Юля. А Седьмая умеет удивлять... Не побоялась встретиться после того, как она Пятую в кому отправила, еще и охрану отослала.

– Не могла удержаться, чтобы не поделиться с вами этой новостью, – зарделась королева, – и прошу сохранить мой секрет до официального объявления.

– Конечно, – закивала Юля, – я – могила.

Седьмая ошарашенно моргнула. Юля обозвала себя идиоткой.

– В том смысле, что можете не сомневаться, секрет сохраню.

Ее величество заторможенно кивнула, связывая молчаливость и могилу в логическую связку.

На встречу с его величеством Юля шла в растрепанных чувствах. Совесть ныла и требовала срочно нестись к Пятой, не забыв про апельсины, а еще про то, как та оскорбляла Совенка – тварь. Память намекала, что кое-кто не подготовился и текст клятвы не раздобыл. Еще и Четвертый не желал убираться из головы, раз за разом возвращаясь туда, причем неизменно в полуобнаженном виде, вызывая внутри горячую волну и... раздражение. Прицепился – не выгнать. И что с ним делать? Понятно, что от покровительства ей не отвертеться, но как быть дальше? Поклянчить: «Дядечка, давайте без интима?» И самой себе не поверить. Им наедине остаться достаточно, чтобы вспыхнуло то, что тлело.

Впору погадать на цветочках: сдать, отдать или послать. Только Четвертый не из тех, кого можно безнаказанно отфутболить. А объяснять, что прыгать в постель просто так она не может... Ее тут же примутся уговаривать, а уж чем закончатся уговоры – и ежу понятно.

С другой стороны, она знает, что магия в этом мире не менее важна, чем еда и питье. А сколько в родной истории было острых периодов, когда женщины вынуждены были продавать себя за еду? Полно. Или за жизнь. Кто-то, правда, выбирал смерть, но были и те, кто предпочитал жить. Вот и здесь затянувшийся период выживания, когда женщины делят постель ради всеобщего спокойствия. Вправе ли она их осуждать? Нет. Тем более что оказалась с ними в одной лодке.

«Да-а-а, Юлечка, кому-то здорово задурили мозг», – горько усмехнулась она. Кайлес, сволочь, прекрасно понимал, с чем ей придется столкнуться, но не стал предупреждать. Догадывался, что она откажется.

– Госпожа ассара, подождите в приемной, вас позовут.

Ох, так заспорила с собой, что не заметила, как они пришли. Секретарь – молодой человек, от которого за километр несло аккуратностью и скрупулезностью, смерил ее недовольным взглядом, явно найдя какой-то непростительный огрех во внешнем виде, и вернулся к бумагам. Похоже, с ее присутствием примирились как с неизбежным злом.

– Простите, – Юля решила понаглеть. В другое время она осталась бы молча гармонировать с мебелью, но сейчас как раз время и поджимало, – вы не могли бы мне помочь? Я должна буду принести магическую клятву его величеству, можно у вас попросить текст? Хочу заранее почитать.

Секретарь поднял на нее офигевший взгляд.

– Зачем? – спросил он глухо.

Юля пожала плечами:

– Не хочу сбиться, когда буду повторять.

Мужчина прищурился, явно подозревая подвох, но взгляд Юли был кристально чистым, а скрещенные пальцы спрятаны за спиной.

Он вздохнул. Встал. Достал с полки шкатулку. Открыл, покопался в свитках. Взял один, потом спохватился, провел над пожелтевшей от времени бумагой ладонью – полыхнуло белым, – протянул девушке. Та нерешительно замерла, мужчина мученически закатил глаза, подошел сам, буквально впихнув свиток в руки Юли.

– Текст клятвы изменению не подлежит, – ядовито прокомментировал секретарь и вернулся к работе.

Юля спорить не стала. Торопливо, пока не позвали, принялась разбирать текст. Что же, договор между дающим клятву и ее принимающим был составлен в единоличную пользу принимающего. Дающий был обязан соблюсти не менее двадцати «не» кроме стандартного «не убий». Ничего такого криминального, но кто знает изощренность местных? Зато и наказание было «гуманным» – паралич до помещения под суд, ну и принимающий мог снять откат, если считал нужным это сделать.

Юля вернула свиток на стол, отошла к окну. Клятву с нее возьмут... Тут ни одно желание не поможет. Да и камни, начнет дурить, могут не дать.

В кабинет к его величеству она входила как на плаху – высоко задрав подбородок и чеканя шаг. Юля остановилась напротив стола, замерла. Его величество удивленно вскинул брови, изучил ее воинственный вид и первым пожелал прохладного утра. Юля, спохватившись, отвесила поклон.

– Боитесь? – догадался король. – Для вашего мира это, наверное, кажется пугающим?

Еще каким. Шею явственно обхватил невидимый рабский ошейник с пропущенным по нему током. Совершенно иррациональное чувство, но избавиться от него Юля не могла. Так и казалось – шагнет не туда, скажет не то, и бац – ударит разрядом.

– Мне, знаете ли, тоже не по себе, что вы до сих пор... – Он замолчал, смутился, отвел взгляд, принявшись изучать картину за спиной у Юли. – Будем считать это дополнительной страховкой, – предложил он, – если вы сорветесь, сработает откат от клятвы. Вас обездвижит.

А если она в этот момент будет стоять на краю пропасти? Нет, не думать о глупостях. Безмолвные не допустят, чтобы она пострадала.

– Хорошо, – согласилась Юля, обещая себе в качестве утешения три «Маргариты» в самом крутом клубе – чтобы отвлечься и почувствовать себя живой, без давящего ошейника клятвы.

Его величество вышел из-за стола. Встал перед ней.

Слова клятвы Юля произносила с тупым равнодушием, под обещание напиться истерика удалилась, забрав с собой остальные эмоции. На последних словах тело обожгло теплом, запястье кольнуло болью, Юля ойкнула, дернулась, но руку перехватили сильные пальцы, и его величество мягко пожурил:

– Какая вы чувствительная. Потерпите, сейчас все пройдет, метка зафиксируется.

Юля нервно сглотнула. Метка?

– Не дергайтесь. Никто не собирается вам навредить. Метка – индикатор. Почувствуете жжение в этом месте, значит, клятва собирается сработать.

И лучше ей в этот момент перестать делать то, что она делает... Логично.

А дальше она расширенными от удивления глазами смотрела, как его величество подносит руку к губам, нежно дует на кожу, обводит

невидимый узор на запястье и так притягательно улыбается, что... Нет, Седьмой завидовать – последнее дело, а уж думать о том, что там место Восьмой свободно – просто беспредел, но хорош, гад, что и говорить. Натренировался на семи женах – мастер пикапа^[10].

– П-п-простите, – вернула себе конечность Юля. Его величество понимающе улыбнулся.

Из кабинета она вылетела с пылающими щеками, забыв о страшной клятве, судорожно вцепившись, как в спасательный круг, в шкатулку с камнями. Что сыновья, что отец... Или это была очередная непонятная проверка? А может, ее просто отвлекали от пугающих мыслей о клятве?

– Госпожа ассара, – сопровождающий притормозил ее около двери Третьего, – его высочество желает видеть вас немедленно.

Сердце испуганно екнуло, а шкатулка с камнями показалась горячей.

И вот она – главная особенность дворца. Будь Юля даже трижды уважаемой ассарой, мисс малиновые штаны, перед которой слуги расшаркиваются в коридоре, но стоит кому-то из королевской семейки требовать госпожу на стол в качестве закуски, и отказаться от визита нельзя. Начальство можно послать и уволиться, короля – нет. Даже если это чужой король другого мира. Палачи и тюрьмы везде одинаково неприятны.

– Вы хотели что-то обсудить, Юля. Я вас внимательно слушаю.

Третий светился радушием, а она ловила себя на мысли, что вряд ли сможет забыть сегодняшнее фееричное утро. Мучительно тянуло краснеть, хихикать, строить глазки, а не говорить о чем-то серьезном. Но кокетничать с Третьим? Нет, она еще не выжила из ума.

– В первую очередь меня не устраивает ваш подход к моему обучению.

Еще на Земле она планировала столько всего: обычаи, законы, историю. Ее била лихорадка первооткрывателя, когда она думала о чужом мире. Хотелось узнать, как им удалось достичь такого высокого уровня развития, как они смогли сохранить баланс между технологиями, прогрессом и магией. На кончиках пальцев чувствовался зуд, когда Юля составляла списки... Вдобавок отключение от новостей, интернета, инстаграма и ВКонтакте ощущалось острым информационным голодом.

Вот только местные... гм, никуда не торопились.

– Предлагаю составить план, согласовать список предметов.

А еще нужны нормальные учителя, но об этом она поговорит позже.

– Четвертый раз, госпожа ассара, – Харт с плохо скрываемым раздражением вытянул из левой стопки несколько листов, потряс ими в воздухе, – я меняю ваше обучение. У нас только один специалист по темному пламени, и тот сейчас путешествует. За ним послали, но непонятно, когда он изволит вернуться. По общим предметам я согласовал ваше обучение с наставниками Шестого. Благо теперь их трое, и они смогут уделять внимание вам обоим. Расписание получите после обеда. Вечерние медитации, естественно, продолжатся.

Медитации... Юля сощурилась. Не выдержала, бросила зло:

– А когда планируется перейти к нормальным занятиям по магии?

Нет, в самом деле – сколько можно сидеть и пытаться не заснуть? Где трансфигурация, защита от темных искусств, зельеварение, наконец? Она, можно сказать, с мечтой о Хогвартсе сюда попала, а ее медитациями кормят.

Третий не понял и растерянно моргнул.

– Но медитации и есть нормальные занятия.

– И сколько времени они продолжатся? – спросила Юля с подозрением. Если ей сейчас ответят, что другого формата для женщин не предусмотрено... Честное слово, пойдет и устроит революцию с захватом академии – даешь равное обучение обоих полов!

– Три года – стандартный срок для новичков. Дети учатся удерживать силу и только потом управлять, но я вас понимаю, – Харт снисходительно улыбнулся, – самому в детстве эти занятия казались ужасно скучными. Однако других вариантов нет.

Три года! Приличных слов в голове не осталось. Не утешало даже то, что Третий мучился так же. Неспешность подхода к обучению напоминала буддистский монастырь, когда одни и те же мантры повторялись из года в год, чтобы к седым волосам и выпавшим зубам достичь просветления. Но у нее нет этих лет. Она должна овладеть силой к тому моменту, когда у Совенка проснется дар.

Третий не прав. Варианты есть всегда. Это лишь вопрос цены.

– Я поняла, – попыталась скрыть раздражение Юля, но получилось плохо, – спасибо за помощь.

Харт вздохнул, покачал головой и осуждающе проговорил:

– Ваш мир слишком торопится. На улицах гонки, а не прогулки. Все куда-то несутся... Для магии торопливость вредна. Доверьтесь нам, Юля, мы сделаем из вас отличного мага.

– А смысл? – пожала она плечами. – Ваши женщины все равно не применяют своих знаний на практике.

– Почему не применяют, – сыграл обиду высочество, – они не могут работать только там, где требуется длительное воздействие одного уровня. В остальном – ограничений нет.

Интересно, это официальная позиция или лично для нее?

– Например? – Девушка откинулась на спинку стула, сложила руки на груди.

Третий глянул с неодобрением, но все же соизволил пояснить.

– Начнем с того, что наши женщины могут позволить себе не работать, – бросил он камень в ее огород, – но магией они владеют. На другом уровне, конечно, чем мужчины, но их никто не ограничивает. Многие увлекаются окраской тканей, выращивают уникальные гибриды цветов, специи, заряжают артефакты, лечат бедняков. Честно сказать, я не силен в женских увлечениях, поговорите лучше с Седьмой. Кстати, утром у вас был приватный разговор. Не хотите поделиться?

И Юле достался гипнотический взгляд маньяка, учуявшего запах свежих новостей, прошедших мимо его носа.

– Нет, – покачала головой она, мстя за утреннее пробуждение.

«Маньяк» разочарованно моргнул, отбил пальцами бравый ритм, но к пыткам прибегать не стал.

– Хорошо, – протянул Третий, явно обдумывая обходной маневр, раз лобовая атака захлебнулась, – тогда сегодня вечером с вами позанимается мастер Шаккар. У Четвертого важные дела, я тоже буду занят. Не расстройтесь? – спросил он, глядя испытующе.

– Нет, – мотнула головой Юля. Расстроится? Скорее, сегодня у нее будет шанс серьезно позаниматься, а не балансировать между соблазнением и хорошими манерами. – Если это все, я бы хотела вернуться к себе.

– Конечно. – Харт улыбнулся, Юля встала, но ее остановили: – Напомню, что после занятий у нас с вами прогулка. И последний вопрос. В шкатулке у вас что?

Глава 30

Она ждала этого вопроса, но, как водится, получив его в лоб, растерялась. И что ответить? Правду? Обойдется. Намекнуть, что любопытной Варваре на базаре нос оторвали? Так придется объяснять, кто такая Варвара, что такое базар и почему именно нос, а не другую часть тела. Кстати, почему? Нос меньше всего задействован в процессе получения информации, а отрывать желают именно его, а не уши. Дискриминация какая-то.

Третий устал ждать, вышел из-за стола, направился к ней, намереваясь получить ответ на свой вопрос. Юля попятилась, прижимая к груди драгоценную шкатулку. Высочество заинтригованно вскинул брови, в глазах вспыхнул азартный огонек, кончики ноздрей шевельнулись, как у гончей, почуявшей добычу, и Юля поняла: еще немного и упрямством подпишет себе приговор. Она давно уяснила, тайны – пылкая страсть третьего принца. Какой-то новостной маньяк, а не высочество.

Со вздохом она открыла шкатулку, продемонстрировав господину дознавателю пять некрупных камней на черном бархате.

– Слезы калкалоса? – удивился Харт и тут же высказал догадку: – Хотите усилить с ним ментальную связь? Хм... – потер он подбородок, сверля девушку полным подозрения взглядом, но Юля выдержала и взгляд, и давление. Принц сдался, признав: – Не ожидал, что вы выберете... гм, подобный круг общения.

Юля в какой-то степени его понимала. Птичник наверняка будет в шоке, если узнает.

Но калкалос... Это невообразимая смесь открытости, нахальства и здорового драконьего оптимизма. Сложно объяснить, что она к нему чувствует, но однозначно не против иметь подобного друга.

– Пожалуй, лишь такойцы рискуют с ними общаться, и даже поклоняются. Но у них свои чудовища под боком, им не привыкать.

Отлично, она в теплой компании с пиратами. Птичник умрет от зависти.

– Простите, ваше высочество, вы крайне... гм, осторожно снабжаете меня информацией, приходится искать альтернативные

источники.

С крыльями, хвостом и неистощимым запасом ругательств.

– А вы опасный противник, – с одобрением заметил Третий и отпустил ее: – Идите. Встретимся вечером.

Надо понимать, общаться с калкалосом ей разрешили и даже камни одобрили использовать. Знал ли Третий об их истинном назначении? Вряд ли.

В то же время. Земля

– Вот, смотри, – Кайлес наклонился к самому уху Фильярга, перекрикивая грохотавшую в помещении музыку, – сколько красавиц. Из десяти три пойдут с тобой домой, только деньгами махни. Еще две поупрямятся для вида, но тоже согласятся. Одна обязательно даст по морде, одна шарахнется, испугавшись, ну а три подпустят, устроив тебе испытательный период. И не дай пламя тебе его запороть... Отошьют. Здешние дамочки любят цветы, хорошие рестораны и дорогие подарки. Но если денег немного, сойдет и чувство юмора. Так что, братец, твоя мрачная рожа здесь явно не будет пользоваться успехом.

Четвертый ухватил крошечную рюмку, опрокинул в рот, чувствуя, что еще немного – и мозги вскипят. Тяжелый ритм местной музыки бился внутри, и казалось, что внутренности из последних сил дергаются вместе с ним. Не-э-э, на трезвую голову такое переносить невозможно. И он махнул парню за стойкой – повторить.

Четвертый глядел на размалеванных девиц в столь коротких платьях, что у парочки успел заценить цвет нижнего белья. Некоторые явились в облегающих кожаных трусах и майках. И никто на них особо не пялился. Ну как, спрашивается, после этой выставки женских тел реагировать на слова кузена? Тут не выбирать, а брать любую тепленькой и в постель.

– Цветы? – спросил он с сомнением, пьяно наваливаясь грудью на стойку. В голове шумело, мир перед глазами качался, пронизанный световыми лучами местных эффектов, и он уже жалел, что поддался на уговоры брата сходить «в поле» на тренировку.

– Конфеты, мягкие игрушки, – послушно принялся перечислять кузен, но тут же осекся и закончил мрачно: – Только с Юлей тебе это

не поможет. Ты там так напортачил, что можно не начинать быть милым и пушистым.

Мрачное настроение стало совсем черным. Фильярг злобно зыркнул на парочку девиц, попытавшихся приземлиться рядом за стойку, и девчонок снесло. Одна, правда, успела фыркнуть: «Придурок!»

Четвертый поймал свое отражение в зеркальной стене бара, заставленной бутылками. С сомнением оглядел чуть помятую физиономию – нет, ничего нового или необычного там не появилось. Так почему у него неприятное чувство, что его оставили за бортом? Вон Кайлесу стоит улыбнуться, как к нему девиц буквально притягивает. Фильярг стиснул зубы, подавил идиотскую зависть.

Быть милым и все время улыбаться? Проще сдохнуть.

– И что тогда? – спросил Фильярг, вливая в себя очередную порцию местного алкоголя – забористой штуки под названием «водка».

– Есть один способ, – Кайлес покровительственно похлопал его по плечу, поймал убийственный взгляд брата, отдернул руку, – называется ревность. Если ты ей небезразличен, сработает. Мы все собственники. Отдавать никому не хочется.

– Ревность, – повторил Фильярг. Способ ему не нравился, но улыбаться как идиот или дарить игрушки было еще хуже. Он купил ей новую одежду, дал новые комнаты, предоставил охрану. Цветы? Зимой это непросто, но можно распорядиться, чтобы слуги ставили в комнатах букеты из зимнего сада. Украшения? Сладости? И... ревность? Он испробует все.

С отворачиванием Фильярг оглядел дергающихся девиц. И Кайлес не прав. Вон та брюнетка смело встретила его взгляд, поправила волосы, облизнула губы. Явно не прочь уйти сегодня с ним. Только он уже занят. И домой уйдет с... Кайлесом.

– Пошли, я посмотрелся, – дернул Фильярг кузена, отвлекая от переглядываний с парочкой блондинок.

Тот обреченно вздохнул, но спорить не стал.

Чем бы там ни занимался Четвертый, Юля тоже времени зря не теряла. До обеда повторяла алфавит, практиковалась в чтении. Получалось уже неплохо, и можно было приступать к письму.

Совенок приполз в комнаты потный, еле переставляющий ноги, и она кинулась разогревать уставшее тело под горячей водой, массировать растянутые связки.

– Сдал, – счастливо поведал утомленный деть, и Юля обняла его, скрывая набежавшие слезы. Душу затопило облегчение. Пусть это первое испытание из многих, они обязательно преодолеют их все.

Потом был обед с наставниками. Альгара сдержанно похвалили, сказав, что он показал средний результат, но потенциал, несомненно, есть. Юле этого было достаточно. Не худший – и ладно, а лучшим Аль успеет стать, дайте только время.

На занятия Совенка забрал Ульгард – их ждала математика, а Юлю поманил за собой в кабинет Ирлан. Мужчина сел за стол, отложил в сторону трость. Начинать разговор он не спешил, Юля тоже не рвалась в бой. Под оценивающим взглядом местной легенды, победителя в каких-то там войнах, хотелось встать по стойке «смирно» и отдать честь, но вступать в местную армию... Нет, спасибо, ей птичника достаточно.

– Занятно, – пришел к каким-то выводам мужчина. Сплел пальцы. Опустил на них подбородок. Прикрыв глаза, стал напоминать задумавшегося калкалоса – такой же опасный, сильный и так же легко – на один зуб – могущий сожрать крошку ассару.

– Огонь любит сильных, – выдал он, когда у Юли успела заболеть напряженно выпрямленная спина, – но наказывает своевольных. Я наблюдал за вами, госпожа ассара, удивительно, но в вас ощущается дух воина. Будь вы мужчиной – я бы порадовался такому подарку для Асмаса, но ваше своеволие, тяга к свободе и неподчинение любому давлению... Все это приведет в будущем к большим проблемам. Вы явно не удовлетворитесь ролью, которую вам готов предоставить мой мир, госпожа ассара. И погубите не только себя, но и Шестого.

Юля стиснула зубы. Одна мысль, что она может стать погибелью Совенка, рождала внутри дикое желание рвать и метать. Она готова была убить любого, кто посмеет угрожать Аллю, но что, если угроза – она сама? Нет, никогда. И тот, кто смеет подталкивать к подобным мыслям, – враг. А что надо делать с врагами? Цивилизованная часть сознания слабо пролепетала, что убивать – не ее метод, в отместку ее обострившийся материнский инстинкт заявил, что капли крови будут обалденно смотреться на бежевой стене кабинета.

Юля подняла глаза на Ирлана. От понимающей насмешки во взгляде мужчины бросило в жар – ее читали как открытую книгу. Она стиснула кулаки, комкая ткань платья.

– Можете думать как угодно, – процедила девушка, – никто не в силах предсказать будущее. И вы правы – я буду сражаться. За себя, за Альгара. Хотите помешать? Или превратить в послушную куклу? В таком случае, боюсь, мы не сработаемся.

Юля встала, намереваясь уйти. На одном солдафоне мир не сошелся. Она найдет себе других учителей.

– Сидеть, – рявкнул он так, что дзинькнули стекла.

Юля осталась стоять.

– Глупая девчонка, – проворчал мужчина, прихрамывая, вышел из-за стола. Остановился напротив, и некоторое время они сражались взглядами. Ирлан первым отвел глаза, и вовремя – у Юли уже свело шею смотреть на него снизу вверх.

– Ты не понимаешь, насколько все серьезно.

– Серьезно – для вас, у меня свои критерии, – парировала она.

– Вот этот твой подход, – нахмурился мужчина, потер подбородок, – меня беспокоит больше всего. Жыргхвова задница, что там у тебя в голове творится!

Задница у Юли творилась не в голове, а в жизни, но спорить она не стала, вместо этого спросив:

– У нас с вами одна цель – сделать из Альгара Столпа. И так ли важно, каким образом мы ее достигнем?

Ирлан взорвался.

– Смеешь мне указывать, малявка? – проорал наставник, нависая над ней.

Нет, он однозначно похож на калкалоса. И какое искреннее удивление от спора с женщиной. Точно никогда сковородкой по голове не получал.

Юля вздохнула. Тяжело с этими генералами... Привыкли, понимаешь, к «упал, отжался, есть, так точно» образу мыслей. С мальчишкой это сработает – дисциплина нужна. Но она взрослая тетя, которая подчиняется тогда, когда видит в этом логику. Одно приятно – «генерал» с ней честен. И вот эта честность подкупает...

– Давайте договоримся, – качнулась девушка с пятки на носок. Кровожадность прошла, осталась усталость. – «Госпожа ассара»

и никаких «малявок», «крошек» и прочая. Я буду уважать ваши решения, вы – отвечать на мои вопросы и не орать, если стану делать не так, как вам хочется. У нас это называется – конструктивный диалог. И постарайтесь разглядеть во мне человека, а не просто сумасшедшую бабу из другого мира.

Мужчина хмыкнул, отступил, оглядывая ее с новым выражением в глазах. Юле на мгновение показалось, что в них мелькнуло уважение...

– Бабу, – повторил он, тряхнул головой и вдруг открыто улыбнулся. – А вы умеете удивлять, госпожа ассара. Мне доставит огромное удовольствие учить вас. Держите ваше расписание.

Опешившей от столь резкой смены курса партии Юлии вручили плотно исписанный лист.

– Посмотрим, как вы справитесь с нагрузкой. Если я правильно понял – вы желаете получить такое же образование, как и Шестой?

Юля ошалело моргнула. «Генерал» одним предложением попал точно в цель. Нет, не зря она его позвала в наставники.

– Да, все верно. Я не вижу другого способа ему помочь.

– Я пришел к тем же выводам, – согласно кивнул Ирлан, – но обучение Столпов не для неженков. Мы, конечно, постараемся минимизировать риск, но он все же останется.

Юля прикрыла глаза, уже представляя, как взбесится Четвертый. Как станет орать на безголовую ассару. Но пусть только попробует помешать...

– Я согласна.

Ирлан не обманул – до ужина у нее не было времени даже вздохнуть. История, география, чтение, письмо. Наставники методично накачивали ее знаниями, и к вечеру Юлина голова напоминала раздутый шар, в котором камушками перекатывалась боль.

После ужина она отдохнула с Совенком – рассказала ему очередную сказку и отправилась на медитацию с единственной мыслью – поспать. Но с отдыхом вышел облом. Наставник Шаккар решил не мелочиться и перешел к следующему этапу.

– Давайте попробуем поработать с переносом.

Перед Юлей поставили стеклянный куб.

– Сконцентрируйтесь. Найдите внутри себя источник силы. Почувствуйте его тепло.

Юля мысленно нырнула в себя. Представила в центре груди теплую мерцающую точку.

– Отлично, а теперь перенесите огонь за стекло.

Легко сказать. От усилий вырвать из себя вредную точку вспотела спина. Футболка прилипла к коже, а источник и не думал покидать пределы тела. Еще и норовил погаснуть, зараза.

– Расслабьтесь, – советовал Шаккар, – не пытайтесь перенести весь источник. Отделите его часть.

С разделением выходило плохо. Точка делиться не желала.

– Не переживайте, – подбодрил наставник, когда она с шипением убрала прилипшие ко лбу волосы, – самые способные ученики тратят месяц на овладение переносом. Ни у кого не выходит с первого раза.

Ну да, а сначала три года медитаций. А она тут с земными тайм-менеджментом и дедлайнами. В духовных практиках такое не работает.

– Можно вопрос? – спросила она, устраивая себе перерыв.

– Конечно, – кивнул наставник. Весь час он просидел не шевелясь на коленях, пока Юля десять раз поменяла позу. Вот это уровень владения телом, позавидовала она.

– Что такое темное пламя? Оно действительно опасно?

Мужчина помолчал, собираясь с мыслями, и следующие полчаса Юля слушала подробную, без купюр, лекцию о магии. Энергия в этом мире существовала одна, зато ее проявлений было множество. Тут и менталистика – покорение чужого разума. И магия стихий – когда магическая энергия брала под контроль энергию ветра, огня, воды или земли. И целительство. И артефакторика. Но магия не любила «чистых» специалистов, и большинство магов работало, сочетая разные виды.

К таким вот гибридам и относился ее дар. Огнем он по сути своей не являлся, а название свое получил из-за скорости распространения и способности пожирать все на своем пути. Эдакая кислота, как из пасти Чужого, когда одна капля прожигала несколько перекрытий.

– Но камень, – возразила Юля.

– Тоже уничтожается, но медленнее. В некоторых народах ваш дар называют даром смерти из-за его убийственной силы. Многие верят,

что темная энергия черпается напрямую из мира мертвых.

Юля вспомнила жуткое иррациональное ощущение черного пламени на коже... Это была еще одна причина стать отличницей и зубами грызть местный гранит науки. Если она не хочет превратиться в чудовище...

– Вашей охране повезло – выплеск пошел во все стороны. Ударь вы прицельно... – Шаккар покачал головой, явно намекая, что в гостинной остались бы голые стены и трупы. Хотя нет, трупов тоже не осталось бы. Пламя стоило назвать прожорливым, а не темным.

– И как мне им управлять?

Шаккар развел руками.

– Женщины большей частью предпочитают держать дар спящим – так безопаснее. Вам нужно искать свой способ.

А когда она высказала надежду на единственного специалиста, за которым уже послали, ее разочаровали:

– Теоретик и сказочник. Дальше баек о правлении Четвертой ветви дело не пойдет. Рассчитывайте только на себя. И не беспокойтесь слишком сильно. Темное пламя относится к дару-защитнику и активизируется, когда его хозяину грозит опасность. Просто так вы им никого не убьете.

Слабое утешение, но какое есть.

– Добрый вечер, наставник Шаккар, Юля.

Девушка встрепенулась. Она так увлеклась, что совсем забыла о Третьем. А он не забыл. Окинул подозрительным взглядом комнату, задержал взгляд на кубе, нахмурился, но задавать вопросы не стал.

– Простите, ваше высочество. Дайте мне пятнадцать минут, я быстро.

Харт кивком ее отпустил, и Юля помчалась в комнату. Пять минут на душ, еще пять – сменить одежду, причесаться, кинуть быстрый взгляд в зеркало и вздохнуть – вид усталый, бледный. С таким только спать, а не на свидания бегать.

«Это не свидание, – сказала она сама себе строго, – а отработка. Нечего придумывать лишнего. И поменьше болтать».

С такой установкой и отправилась на встречу.

Из портала они вышли в пещеру. Огромный каменный зал с плавающими по воздуху световыми шарами был естественного происхождения. Сталактиты спускались с потолка, образуя около

левой стены целый орган, с правой сталагмиты вздымались сценой с каменными уродцами. Капала вода. По ногам тянуло сыростью. На полу был сделан расчищенный от камней проход, в остальном же зал постарались оставить в первозданном виде.

Обрадовавшиеся появлению гостей световики слетелись со всех углов зала, выстраивая световую завесу между ними и тьмой.

– Накиньте. – Его высочество снял с себя теплый шерстяной сюртук, надел Юле на плечи.

– А вы? – спросила девушка, кутаясь в мягкую ткань и вдыхая запах ее владельца. Третий пах чернилами – этот запах она успела хорошо выучить сегодня, а еще чем-то терпко-пряным и приятным.

– А я умею защищаться от холода, – усмехнулся мужчина и протянул руку. – Прошу. Здесь скользко, вам лучше держаться за меня.

И почему у нее каждый раз возникает ощущение, что все сказанное Хартом имеет двойной или тройной смысл? Юля тряхнула головой, прогоняя сомнения. Скользко – и точка. Ей нельзя получить травму, только не сейчас, когда она вписалась в авантюру под названием «Стань первой женщиной-Столпом». Нет, Столпом она становится не собиралась, но освоить их программу обучения придется.

Девушка вложила пальцы в мужскую ладонь, их тут же сжали, и Юлю повели к темнеющему вдали проходу. Световики, выстроившись почетным эскортом, поплыли по бокам.

– Когда-то давно в Священные пещеры не допускались чужаки, – голос Третьего эхом разносился по залу, и мнилось, что его рассказу вторит сотня невидимых гоблинов, – но времена меняются. Первым попавшим сюда стал побратим Третьей ветви – Лучезарный Эффраил, правитель Лократии. Дальше этим правом стали награждать лучших из лучших, а потом сделали обязательным проведение здесь испытаний для магов огня.

Юля запнулась, Харт обнял ее, подхватывая, но девушка и не собиралась падать.

– Вы меня сейчас на испытание ведете? – прошептала она. Тишина пещеры нервировала, казалось кощунством ее нарушать.

Третий рассмеялся, и следом расхохоталась сотня невидимых гоблинов.

– Пламя с вами, Юля, какое испытание?! Нет, мы просто гуляем. Да и не собираюсь я вас вести в нижние пещеры, а здесь, в верхних, безопасно. Верьте мне, – попросил он проникновенно.

Юля отстранилась, ее отпустили, но ладонь осталась в руке Харта.

– Хорошо, – выдохнула девушка, смиряясь с тем, что ее нервам грозит очередное испытание. Знает она их «безопасно». Огонь любит сильных. Здесь простое свидание легко может стать испытанием. Странно, что они не требуют подобной самоотдачи от женщин. У многих народов женщина-воин вызывает искреннее восхищение, ведь сильная женщина родит сильных детей, или у них опять тут все в магию упирается? Непонятно.

Они вошли в просторный коридор – тут явно чувствовалась человеческая рука. Стены были гладкими, пол ровным.

– Помните, я вам рассказывал о первом правителе эсхарата Листраге Великом? Именно здесь он пробивался к огненным потокам, чтобы их усмирить. Тогда этот коридор больше походил на узкую нору, в которую едва можно было втиснуться. В команде был единственный маг земли. После пробития пути он трое суток лежал без сознания. Уже гораздо позже проход расширили и расчистили, чтобы использовать для торжественных церемоний. Вы знаете, Юля, что у каждого вулкана есть свой день рождения? Не удивляйтесь. Мы празднуем день последнего извержения. Празднуем то, что его удалось усмирить и усыпить еще лет на сто. Каждый из восьми наших старших братьев и сестер имеет свой характер. Столпы подробно изучают их привычки и черты, а также признаки грядущего извержения.

– А Шестому? – спросила она с тревогой. – Какой ему достанется вулкан?

– Старый пердун, если в двух словах. Много ворчит, редко когда бывает по-настоящему опасен. Вот Второму не повезло больше всех. Его Аннет-тай как истинная женщина – если гневается, то с размахом. Еще и остальных будит. Страстная, с потоками лавы и шлейфом дыма. Да и просыпается чаще остальных, требуя внимания.

Пара поворотов, подъем, спуск, и следующий шаг привел их на узкий карниз. Юля замерла, стоя на границе бездны. Далеко внизу – этаж двадцатый, не меньше – текли, поблескивая алым, потоки лавы. Было высоко и жар не добивал, но Юля вспотела от одного только вида

огненной пропасти под ногами. Каньон тянулся вправо и влево, теряясь в темноте скал. Насколько далеко, сказать было сложно – световики, точно испуганные мотыльки, толпились у выхода на карниз.

Так это и есть знаменитые Священные пещеры? Гордость огненных магов?

Шагнуть бы назад, но там, словно специально, встал Третий. А проявлять слабость ассаре с некоторых пор запрещено.

Юля сглотнула, прикрыла глаза и приказала себе не бояться. Подумаешь, высоко. Ее же не заставят шагнуть в пропасть?

– Юля, вы мне верите? – шепнули ей на ухо.

Вот после такого вопроса ей стало по-настоящему страшно.

– Испугались?

И почему в этот раз голос прозвучал спереди? Юля распахнула глаза – Третий стоял перед ней, ехидно улыбаясь. Стоял прямо в воздухе.

– Нет, – мотнула головой девушка, прикусывая губу. Как такое может быть? Она наклонила голову, меняя угол обзора, и поймал тень Харта, лежащую на... стекле?

– Тогда идите сюда.

Этот невыносимый тип, продолжая улыбаться, приглашающе протянул ей руку.

Ассары не боятся. «Не боятся, я сказала», – скомандовала себе Юля, делая шаг в пустоту. Носком она нащупала поверхность, шагнула уже уверенней.

– Видите, мне можно доверять. Я никогда не причиню вам вред, Юля.

Ее пальцы вновь оказались в плену его руки, а она сама – в плену этого места. Темные скалы нависали над узким проходом. Внизу кроваво-красным языком текла лава, и вверх, по стенам, ползли алые всполохи бликов. Казалось, что она пришла в гости к бездне. И сейчас оживут скалы, с ползущими по ним гоблинами, раздастся оглушительный рев демона. Юля напрягла глаза, высматривая группу смельчаков с кольцом, но вокруг царила тишина, лишь внизу было слышно, как шуршит по камням огненная река, да билось собственное испуганное сердце.

Третий потянул ее дальше, Юля заворуженно пошла за ним. А потом пятка внезапно оказалась в пустоте. Девушка охнула, покачнулася, и мужчина тут же притянул ее к себе. Она замерла, переводя дыхание. Какого?! Он еще и не прямой?

– Это мост Доверия.

Третий успокаивающе погладил ее по спине. Его лицо было в тени, и Юле казалось, что сейчас ее обнимает не человек.

– Тебе завязывают глаза. Первый раз идешь с проводником. Потом сам. И так до тех пор, пока наставники не удовлетворятся скоростью прохождения.

Переведя на русский – бегом с завязанными глазами по стеклянному мосту без перил и страховки. Очень хотелось уточнить у товарищей преподавателей, не работают ли они на полставки в испанской инквизиции?

– Вы мне доверяете, Юля?

Мужская ладонь на спине напряглась. Внутреннее чутье подсказывало, что Третий примет любое ее решение. Виноват был чертов мост, что она сказала:

– Да.

– Тогда следуйте за мной. Я вас поведу.

И он действительно повел. Это было похоже на танец. Шаг назад, спиной вперед, и она следует за ним, прижатая к мужскому телу, а внизу беснуется огонь.

Где-то на середине он поднял ее в воздух, перенес через одно ему известное препятствие. Юля полностью отдалась этим сильным, уверенным рукам, принимая их власть над собой. И не сопротивлялась, когда на той стороне Харт прижал ее спиной к скале, обхватил за шею, поглаживая пальцем кожу. Второй рукой он обнял Юлю за талию, прижимая к себе. Мягко, пробуя на вкус, поцеловал. Он не торопился, действовал нежно, точно боясь напугать, а когда отстранился, проговорил в губы:

– Вы мне очень нравитесь, Юля.

В голове эхом откликнулось: «Узнаю, что встала между братьями...»

– Я бы хотел ухаживать за вами, если вы не против.

«Заберу младшей женой». Очарование рассеялось. Стало неуютно. А в голове продолжал звучать голос Второго: «Чем раньше

сделаешь выбор, тем, поверь, будет лучше для всех».

А если она не готова выбирать? Если она только начала входить во вкус нового мира? И совершенно не желает торопиться или связывать себя обещаниями? Потому как есть у нее огромное подозрение, что выбранный ею мужчина будет резко против придуманного плана и банально запрет ее в комнате.

Юля дернулась, пытаясь отстраниться.

— А как же покровительство? — спросила она зло. Можно ей сейчас оставить Шестого, а всех остальных, с Первого по Пятого, стереть?

Харт коснулся пальцем ее губ, обвел контур.

— Без покровительства. Просто ухаживание. Не отвечайте прямо сейчас, я дам вам время подумать и не стану торопить.

Глава 31

Надо ли говорить, что, несмотря на усталость, Юля проворочалась полночи, раздумывая над словами Третьего. Как мужчина он ей нравился, но она так и не смогла отделаться от чувства, что всегда будет на втором месте для него. А с учетом ее сложных отношений с местными порядками и тем, что она собирается их нарушать... Какова вероятность поставить Третьего перед выбором: любимая ассара или не менее любимое государство? И вовсе не хочется проверить, что именно он выберет.

Утро началось феерично. Душ взбодрил, а новость, что она присоединится к утренним издевательствам на празднике здорового образа жизни, окончательно прогнала сонную хмарь.

Совенок радостно скакал, пока они спускались и проходили через портал, пребывая в восторге от ее компании. Юля с болью отметила, что деть до сих пор воспринимает каждую минуту их общения как подарок. И надо бы больше времени проводить вместе, но дурацкая реальность диктовала свои правила, внося в формулу их общения не только любовь, но и необходимость выживания.

– Н-да. – Ульгард неодобрительно оглядел ее спортивный костюм, обреченно вздохнул, махнул рукой и приказал: – Приступайте к разминке. Для начала три круга. Там посмотрим, на что вы годитесь.

На что годится офисный хомячок, которому денег жалко на спортивный абонемент? На упрямстве она продержалась два круга, потом перешла на шаг.

Их появление в местном аналоге спортивного зала вызвало шквальное недоумение – мужчины, работавшие мечами в парах под руководством наставников, удивленно переглядывались, но вмешиваться не спешили. Только тихо комментировали да бросали любопытствующие взгляды. Зато тренеры явно возненавидели новичков за внесенную сумятицу. Юля успела заметить, как Ульгард отослал парочку отправленных к нему делегатов.

Пока она бежала легкой трусцой, ее провожали заинтересованными взглядами, но стоило проявиться первой усталости, как взгляды сделались вопросительными, потом

сочувствующими, и все это под гневный ропот и убийственные взгляды в сторону Ульгарда. Но все недовольство разбивалось о каменное лицо наставника Шестого.

– Размялись? – уточнил наставник, когда Юля закончила третий круг. – Тогда на полосу.

«Вот тебе, мать, и настоящее испытание, – попыталась подбодрить себя Юля. – Давай, старушка, тряхнем костями».

«Ага, ими здесь и ляжем», – ехидно заметил внутренний голос.

Она поплелась к полосе, краем глаза отмечая, что Совенок присоединился к группе детей, отрабатывавших движения атаки на деревянных мечах.

Девушка подошла к полосе. Оценила предстоящее издевательство. Вздохнула и полезла на двухметровую стену, благо на ней имелись имитации скальных выступов. Она замерла наверху, оседлав один из них. Перевела дух, глянула вниз.

– Госпожа, осторожнее.

– Давайте потихоньку ножку перенесите, и мы подхватим, не бойтесь.

Цирк уехал, а клоуны-то остались. Не менее трех сердобольных толпились с той стороны стены, уговаривая спуститься – точно кошку, забравшуюся сдуру на дерево. Юля бросила жалобный взгляд на Ульгарда, но тот имитировал глухоту со слепотой. То есть разгон демонстрации тоже на ней. Как назло – под рукой ни дубинки, ни брандспойта. Огнем шугануть? Стремно. От полосы одни угольки могут остаться.

– Господа, вы мне мешаете. Вернитесь к своим занятиям.

Выражение лиц – словно стена с ними заговорила.

– Госпожа, какое бы наказание вам ни назначили, мы не позволим вам рисковать жизнью.

Ульгард дернул головой, будто пытался сдержать смех. Зараза... А где-то еще безмолвные наслаждаются спектаклем.

– А если я сейчас рискну вашей?

Внутри обжигающе шевельнулось раздражение. Идиотов, конечно, было жаль, но если пугнуть их поверх головы...

– Что здесь происходит? – Фильярг остановился около стены. Удивленно взглянул на Юлю, вздернул брови. – Спускайтесь, – приказал он.

– Пусть сначала эти отойдут, – буркнула с досадой Юля. Взрослая тетя, а чувство, что сейчас спустят и отшлепают.

Лицо Четвертого потемнело, и «спасатели» благоразумно удалились, оглядываясь на каждом шагу и бросая такие сострадательные взгляды, словно она прямо сейчас на плаху поднималась.

– Что за представление, Юля? – процедил Фильярг. Поморщился, потер виски, словно страдал от головной боли.

– Вот и мне интересно, что за представление, – согласилась она, – я тут контролирую процесс обучения Совенка. Решила размяться, опробовать замечательную полосу препятствий, а меня на нее не пускают. Это дискриминация.

Четвертый речью не проникся. Нашел кого-то в пустоте, подозвал. Выслушал короткий доклад – говорили столь тихо, что Юля улавливала лишь отдельные слова.

– Что?! – быком взревел он. Юля с испуга чуть не сверзилась. Он кинул на нее разъяренный взгляд.

– Значит, так. Ты – спускайся, а я пойду разбираться. – И бросил в пустоту: – Проследить.

Пустота терпеливо ждала, пока Юля спустится, лишь на последнем метре ее подхватили невидимые руки и поставили на землю. Юля поправила костюм, приняла максимально независимый вид и отправилась дальше. Пока там Четвертый будет разбираться, она продолжит тренировку.

«Спасатели» толклись неподалеку, явно не зная, что предпринять, если девица спастись не желает. Юля им помогать не собиралась, ее ждало бревно. Она взбежала наверх, расставила руки и пошла. Настроение было преотличное. Хотелось послать весь мир и хулигански показать язык.

– Вы первая женщина в зале Силы, – глубокомысленно заметили справа.

Первая женщина в зале, первая в университете, женщина-химик, космонавт... У местных впереди столько открытий... Они могут сколько угодно сопротивляться эмансипации, кивать на магию, цепляться за традицию трех К, прогресс этим не остановишь. Общество, в котором половина населения не участвует в развитии, тормозит в два раза больше, чем общество, где все члены уравнены в

возможностях. Рано или поздно они придут к этому выводу и смирятся.

– Не беспокойтесь, мы не дадим вам упасть, – поддержали ее слева.

– Если дадим, нас самих на кости разберут, – хмыкнули справа.

Юля спрыгнула с бревна. Страховка – это хорошо, но гиперопека раздражала.

– Лучше научите не падать, – проговорила она, чувствуя себя совершенно комфортно, общаясь с пустотой. Решительно, этот мир на нее дурно влияет, как и она на безмолвных. Разболтались точно лучшие друзья.

Пустота озадачилась:

– Вы действительно хотите тренироваться?

У нее уточняли – однократный ли это приступ дурости или он будет продолжаться на регулярной основе.

– Я – ассара, – напомнила очевидное Юля, – тренировки необходимы не только Шестому, но и мне.

– Хорошо, – приняла решение правая пустота, – мы вам поможем.

– Но... – попытались было возразить слева, однако договаривать не стали, смиряясь.

– Я должен поблагодарить вас, госпожа ассара, за то, что позволили остаться.

Юля смутилась:

– Это я должна извиниться за то, что подставила вас с калкалосом. Если мне запретят тренировки, прошу, не вмешивайтесь. Не хочу, чтобы вас удалили от меня, мастер Рохас.

– Договорились, – согласился мужчина и предложил: – А теперь вернитесь на бревно. Попробуем пройти его как положено.

В кабинет в покоях Шестого Фильярг влетел без стука. Слуга доложил, что старшего наставника Ирлана можно будет найти здесь, и не ошибся.

– Вы! – выдохнул он, тяжело дыша. В голове стрельнуло от боли, он поморщился, клятвенно пообещав себе, что прямо сейчас отправится в целительское крыло. У земного напитка оказался неприятный побочный эффект, от которого он не смог избавиться самостоятельно.

– Ваше высочество, – кивнул наставник, даже не потрудившись встать.

Четвертый удержал рвущееся наружу недовольство. Не время для урока по этикету, к тому же Ирлана всегда отличало отсутствие пиетета перед властью. Было время, когда он восхищался этим, сейчас же свободомыслие наставника раздражало. Хотелось стукнуть по столу и спросить, какого жырghва он творит.

Фильярг выдохнул, успокаиваясь. Прошел к столу, сел напротив и уточнил:

– По какому праву вы разрешили ассаре присоединиться к сегодняшней тренировке Шестого?

– По праву ее наставника, – спокойно ответил Ирлан.

Фильяргу показалось, что в глубине его глаз мелькнула усмешка, и внутри разом полыхнула злость – да как он смеет?! Память тут же подкинула сцены из собственного обучения, когда он потом и кровью зарабатывал звание Столпа. Фильярг сжал челюсти. И где были мозги у отца, когда он соглашался допустить этих троих до Юли?!

– Вы сами мне его дали. – Ирлан пододвинул бумагу, на которой внизу красовалась подпись Четвертого и магическая печать.

Фильярг сильнее стиснул зубы, вчитался в документ.

– Пятый абзац, – вежливо подсказал старший наставник.

Принц скользнул взглядом по бумаге, нашел нужный кусок текста. Прочитал. Ругнулся. Перечитал еще раз. Он действительно дал разрешение привлекать ассару к процессу обучения Шестого в объеме, который выберет наставник Ирлан. И дополнительных согласований для этого не требовалось.

Идиот! Ведь знал, что наставнику неизвестно слово «нет», когда речь идет о достижении цели. И, взявшись за Шестого, он сделает все, чтобы подготовить принца к обучению в академии. Но кто мог подумать, что он позволит женщине ползать по стене?! Совсем из ума выжил старик.

Внутри все кипело от ярости. Фильярг вспомнил, в каком виде застал Юлю и глазеющих на нее мужиков. В тот момент он еле сдержался, чтобы не размазать по полу посмевающих пускать слюни на его женщину придурков, а потом схватить Юлю в охапку и запереть в своей комнате.

– Если с ее головы упадет хоть волос... – проговорил Четвертый, глядя наставнику в глаза.

Тот понимающе склонил голову.

Фильярг встал, дошел до двери, обернулся:

– Я велю подготовить для вас малый зал Силы. Если вам понадобится провести тренировку в большом – дайте знать, я освобожу его для вас.

– Благодарю, ваше высочество, но это лишнее, – качнул головой Ирлан.

– Не вам об этом судить, – Фильярг сжал кулаки, стараясь не сорваться и не нагрубить своему бывшему наставнику, – выполняйте.

Следующие два дня Юля мечтала об одном – дожить до вечера. Она понятия не имела, как Ирлану удалось повернуть авантюру под названием «Сделаем из ассары крутого воина», но тренировки продолжились. Проходили они, правда, в гораздо меньшем по размеру помещении и без зрителей, что Юлю полностью устраивало. На полосу больше не гоняли, перейдя к основам – укреплению мышц и связок.

Как-то внезапно выяснилось, что в человеческом теле столько мышц, которые нужно закачать, и как же они все болят после нагрузок...

Совенка, как более подготовленного, гоняли с мечом, заставляли бегать, растягиваться или отправляли на скалолазание. А с ней развлекались по очереди... Пресс, отжимания, прыжки, бег, подтягивания.

После обеда шли уроки истории, географии, чтения и письма. Перегруженные запястья с трудом держали местный аналог ручки, управляемый темно-синими с весьма специфичным запахом чернилами. Но, даже уставая как собака, Юля не жаловалась, боясь, что первая жалоба вызовет мгновенный запрет на тренировки.

На медитации она приползала трупом. Засыпала, стоило ей расслабиться и прикрыть глаза. Фильярг, страшно ругаясь, ловил ее падающее тело. Укладывал на пол. Растирал забившиеся мышцы, а она старалась не стонать, когда сильные пальцы нажимали на особо чувствительные места. Потом поднимал на руки, относил в спальню и укладывал на кровать.

Она выжидала минут пять, запрещая себе засыпать. Вставала, доставала из-под кровати стеклянный куб и еще час пыталась перенести внутренний огонь в светильник, пока глаза не начинали закрываться, и никакое самовнушение не помогало не заснуть.

Одно хорошо – под тяжестью нагрузок поцелуй Третьего сместился в прошлое, перестав маячить в мыслях, вместе с ним выцвели угрозы Второго и поползновения Четвертого. На первый план вышло самое важное – Совенок и его выживание. Академия все ближе, а высочества... Подождут.

– Не понимаю я ее, – пожаловался Фильярг, смотря на свое отражение в темном окне. – Ей не нравится, когда о ней заботятся? Окружают комфортом? Почему она позволяет истязать себя?

Он только что отнес Юлю в постель – очередная медитация закончилась, так и не начавшись. Да и к пламени медитации. Проклятые тренировки стеной вставали между ними. Какое сближение, когда девушка засыпает у тебя на руках?!

– Если бы я понимал, что творится в голове у этой женщины... – протянул Третий, вставая рядом. – И запретить нельзя – хуже сделаешь. Кто бы мог подумать, что Шестому так повезет с ассарой. Столько силы и упорства... Не каждому мужчине такая щедрость от Девятиликого достается.

– Хочу придушить Ирлана, – честно признался Фильярг.

– Когда-то я тоже мечтал об этом. Ровно до первого испытания в академии, когда его наука спасла мне жизнь. Ты же не думаешь, что Юля останется в стороне?

– Отправим с ними безмолвных. Присмотрят.

– Они не присмотрят, а будут выполнять то, что скажет им Юля, – фыркнул Третий. – Или ты не заметил, как они выплясывают около ее костра?

– Заменим.

– И следующих постигнет та же участь. Эта женщина меняет мир под себя, и меня это немного пугает. Хорошо, что ее желания касаются лишь Шестого. Ты не передумал? – Харт сменил тему. – Ведешь ее завтра домой?

– Да, – кивнул Фильярг, – отправляемся утром. Хочу устроить ей передышку.

– Отлично. Передышка нам всем не помешает, – согласился Харт, помолчал, потом добавил: – Думаю, мы зря оградили ее от общения со двором. Юля неосознанно противопоставляет себя нашим женщинам. И чувствую, что это защитная реакция. Начнет общаться и увидит, что ничего страшного нет.

– Но Пятая... – несогласно качнул головой Фильярг, морщась. Он с удовольствием нашел бы и наказал виновных, но, во-первых, участники и так попали в лазарет, а во-вторых, доступ в покои для матери Столпа может быть закрыт лишь по прямому приказу короля.

– С Седьмой они прекрасно общаются, – возразил брат, – более того, секретничают и обмениваются личными подарками. Отец тут интересовался традициями Земли. Заинтриговал, но раскрывать подробности отказался. Уверен, часть проблем в том, что мы фактически закрыли наш мир для Юли. Старались оградить, а сделали лишь хуже, дав поле для ненужных подозрений.

– С этим соглашусь, но как осуществлять будем на практике? После случая с Пятой к Юле сами боятся подходить.

– Попросим седьмую жену пригласить ее на вечер.

– Хорошо. Я согласую список гостей и позабочусь, чтобы никто не упоминал имени Шестого, дабы не провоцировать ассару. Займусь этим сразу после возвращения, – ответил Фильярг, уже прикидывая, кого пригласить, дабы вызвать ревность у Юли. Аккуратно, без всплеска, просто дать понять, что не только ей может быть интересен четвертый принц.

Утром Аль ворвался в Юлину спальню, запрыгнул на кровать и завопил как оглашенный:

– Выходной! Еш-ш-шь! Мы идем на Землю! Я хочу на качели и мороженое. Очень много мороженого. И ты обещала выставку чудовищ.

Юля со стоном потянулась. Массаж Фильярга творил чудеса. Девушка подозревала, что он применяет к ней исцеляющую магию. И каждый раз во время сеанса в голове мелькала корыстная мысль – какой мужчина пропадает. Золотые руки! Взяла бы не глядя, если бы не долбаная семейка, государство и семь свекровей в нагрузку. Застрелиться.

Домой. Девушка улыбнулась, соскочила с кровати, подхватив Совенка на руки и закружив по комнате. Они едут домой!

Неладное она заподозрила, когда увидела следы побелки в лифте. У кого-то ремонт, подумала девушка, выходя на своем этаже. Звук работающего перфоратора ударил по ушам. Юля неверяще замерла, глядя на дверь, обернутую в полиэтиленовую пленку. Слух не обманывал, звук рвался именно из-за ее двери.

Она достала ключ, однако тот не понадобился. Дверь распахнулась, и навстречу ей подался бугай в синем рабочем комбинезоне.

– Вы кто? – спросил он, перекивая инструмент.

Юля не ответила. Вытянув шею, она разглядывала то, что когда-то было ее родной и такой уютной квартирой.

– Кайлес! – рыкнула она. – Я тебя убью.

Мужик в комбинезоне окинул их подозрительным взглядом, заметил стоящего рядом Аля – деть подался вперед, с жадным любопытством впитывая подробности, – и шагнул обратно, скрываясь в квартире. Грохот перфоратора стих, и в коридор вернулись уже двое: знакомый здоровяк и второй – высокий, засушенный, с широкими лапищами.

– Так вы кто будете? Если соседи, то ремонт у нас в будни в рабочее время. Все по закону, – неласково обратился к ним старший в бригаде.

– Я – хозяйка квартиры, – устало объяснила Юля. Планы по отличному выходному стремительно рушились.

Мужики озадаченно переглянулись.

– А разве хозяин не Александр Сергеевич? – уточнил здоровяк.

Господин Калесский точно нарывался на скандал.

– Он мой знакомый, который должен был проследить за квартирой. Я просто не ожидала, что он начнет ремонт так рано. Мы договаривались через месяц.

– А-а-а, – протянул, расслабляясь, мужчина, – это мы его уговорили. У нас заказ сорвался, окно освободилось. Вообще-то к нам запись за полгода, просто вам повезло.

Угу, повезло. И что теперь делать? Ремонт не отменить, огорченно размышляла Юля, разглядывая раскуроченную квартиру. Непонятно,

что они там собрались делать? У Кайлеса хватит фантазии превратить ее уютную, пусть и старомодную квартиру в современный лофт.

– Простите, у меня телефон разрядился. Вы не могли бы набрать Александра., гм, Сергеевича.

Через минуту она прижимала к уху чужой телефон. Ответили не сразу. Мужской голос прозвучал столь недовольно, точно она хозяйина из постели в полночь вытащила. А уже, между прочим, почти обед.

– Да.

Юля шагнула было на лестничную площадку, но наткнулась на встревожившийся взгляд владельца мобильного. Пришлось остаться в пределах видимости и слышимости.

– Доброго вам дня, Александр Сергеевич, – проглотила она рвущиеся следом ругательства. Не при ребенке же.

– Денег нет, кредит не нужен, зубы здоровые, волосы не выпадают, – лениво принялся перечислять Кайлес, демонстрируя отличное знание земного спама.

– А мне вот кажется, зубы у кого-то лишние, – не согласилась Юля. Строители одобрительно переглянулись.

– Юля? – неверяще охнули на том конце.

– Она самая, – подтвердила девушка.

– Юлечка, драгоценная моя, каким пламенем к нам в гости? – завопили в трубке. – Радость-то какая! Ты где, золотце?

С каких пор, интересно, она стала драгоценной для Кайлеса? Еще и на «ты».

– Вообще-то я к себе пришла, а тут... – Она выразительно замолчала.

– Все для тебя, родная, – подтвердил сволочь, – только, прости, не ждал тебя так рано. Но через десять минут, уже одеваюсь, буду у твоего подъезда. Не переживай, сестренка, устрою все в лучшем виде. Кстати, ты одна? – насторожилась трубка.

– Кстати, нет, – усмехнулась Юля. Кайлес – это Кайлес. На него невозможно долго злиться. Можно ругаться, обещать себе никогда больше не иметь с ним дела, но, встретив, попасть под обаяние и смириться.

– И кроме Шестого есть кто-то еще? – продолжал допытываться кузен.

Юля бросила взгляд на невозмутимого Фильярга, подпирающего стену у лифта.

– Естественно.

– Ладно, решим, – легкомысленно бросил Кайлес, – жди меня, дорогая, мчусь к вам на крыльях.

Юля вернула телефон, поблагодарила мужчину. В двух словах выяснила, что план ремонта утвержден в черновом варианте – собирались расширить кухню за счет кладовки и дверного проема, превратив его в арку, поменять проводку, залить полы и выровнять стены, а остальная отделка еще обсуждалась.

– Пошли, – девушка потрепала Совенка по голове, – скоро подъедет дядя Кайлес и будет нас развлекать. И кстати, – она кинула выразительный взгляд на Фильярга, – первым делом заглянем в магазин.

Кожаные штаны, шелковая рубашка и жилет, конечно, стильно, но слишком привлекает внимание. Кому-то придется примерить джинсы... И она задумалась – уговорить на рваные или пожалеть?

Кайлес появился не через десять минут, а спустя все двадцать, но Юля не расстроилась. Это было так здорово – стоять во дворе, вдыхать запах большого города и ощущать себя дома. В глазах защипало, и она отвернулась, смаргивая слезы.

Шестой, забыв про свой высокий статус, с энтузиазмом осваивал местную горку. За ним с восторгом наблюдала местная малышня, еще не доросшая до детского сада.

Во двор, взвизгивая шинами на поворотах, внесся серо-кремовый «порше», распугав стаю голубей. Изящно втиснулся между припаркованными машинами и замер напротив Юлиного подъезда.

Девушка поймала себя на желании засучить рукава, взять в руки что-нибудь тяжелое и настучать Кайлесу по голове. Для вразумления. Нечего чужие квартиры без спроса ремонтировать, даже если очень хочется сделать доброе дело. А мужчина уже выходил из машины, расставив руки и сияя улыбкой счастливого идиота, к которому в гости Мадонна пожаловала.

И она плюнула на принципы, потому как соскучилась по здоровому пофигизму кузена. А еще потому, что Кайлес был тем, кому можно пожаловаться на самодурство принцев и задать давно

наболевшие, а после пары бокалов мартини – и самые щекотливые вопросы.

– Юля, как я рад! – Ее крепко обняли, потискали. Подхватили на руки радостно взвизгнувшего Совенка, покружили.

Бабушки на скамейке одобрительно заулыбались, а Кайлес уже здоровался с ними как со старыми знакомыми. Юля только диву давалась, как быстро этот человек вливался в любое общество. И двух недель не прошло, а он уже свой для обитателей ее подъезда.

– Фильярг, куда без тебя, – беззлобно подтрунил он и протянул руку. Четвертый пожал ее, хоть и не выглядел при этом довольным.

– Ну что, дорогие мои, доверьтесь дяде Кайлесу, он устроит лучший выходной в вашей жизни.

Глава 32

И они рванули. Сначала в магазин – одеть Фильярга в джинсы, кроссовки, белую футболку и стильный джемпер, отчего его высочество сделался похожим на перекачанного спецагента родом из Латинской Америки. Проходящие мимо школьницы отреагировали восторженным шепотом: «Вот это мачо».

Алю купили новый конструктор, Совенок неожиданно «заболел» «Лего», и Юле захотелось его побаловать. Потом они застряли в спортивном, где долго искали приличные для леди тренировочные костюмы. Под насмешки Кайлеса – стартап на выезде – приобрели пару кимоно и несколько костюмов для разных тренировок.

Потом настала очередь «Диво Острова» с захватывающими аттракционами. День выдался хоть и ветреным, но теплым – начало июня, а рабочие будни позволили гулять по парку, наслаждаясь отсутствием очередей и толп народа.

Кайлес был сами гостеприимство и щедрость. Выдал Юле мобильник, кредитку – и девушка разом ощутила близость списка Forbes к своей персоне. На ночь он пообещал устроить их у себя: «В скромной квартирке комнат на всех хватит, не переживай».

Фильярг к аттракционам отнесся равнодушно ровно до того момента, пока Юля не затащила его на американские горки. Вышел оттуда он слегка побледневшим и с бóльшим уважением к местным развлечениям.

Потом были итальянский ресторан с пастой и пиццей и выставка динозавров, где Аль восторженно вопил:

– Правда, вот тот похож на калкалоса?

И Юля соглашалась – похож.

За компанию они завернули в планетарий, который неожиданно пришелся по душе Фильяргу. Его высочество старательно выискивал похожие созвездия, нашел и сделал вывод, что Асмас находится в Южном полушарии по отношению к Петербургу.

Полазили по бастионам Петропавловской крепости.

Покатались на кораблике.

Кайлес вел себя раскованно, не стеснялся и приобнять, и за руку поддержать. Четвертый мрачнел, кидал убийственные взгляды на кузена, но тот словно их не замечал. Называл ее «дорогая сестренка», обнимал за плечи, сыпал комплиментами и явно нарывался.

Фильярг устраивать разборки при народе не спешил, но отступить не собирался. Если не получалось оттеснить брата, то всегда оказывался рядом.

Юля терпеливо сносила полувоенные маневры, ощущая себя героиней любовного треугольника. Чутье подсказывало – Кайлес просто развлекается, и мешать ему не хотелось. А Фильярг... Тут все было сложно, и делать какие-либо выводы Юля не спешила, но ловила себя на мысли, что было здорово идти с ним за руку по улице, обсуждать созвездия, лакомиться мороженым или спорить о фортификационном значении Петропавловской крепости. И если позабыть о том, кто рядом с ней, то Четвертого вполне можно было принять за обычного, немного чудаковатого, увлекающегося тасканием железа парня.

Домой они вернулись после десяти. Кайлес проживал на Петроградской стороне, и его пятикомнатный пентхаус с видом на Неву вполне мог претендовать на «звездность»: громадный холл с хрустальной люстрой и лестницей на второй этаж; кухня с выделенной в отдельную зону столовой; кабинет с моделями парусных судов и столом-монстром из красного дерева; гостиная с бильярдом, имитацией камина, плазменной панелью во всю стену и барной стойкой; три спальни; просторный балкон-веранда с креслом-качалкой и шезлонгами. Было видно, что квартиру обустраивали с любовью, не стесняясь в средствах.

Юля уединилась в кабинете, созвонилась с мамой по Ватсапу. И полчаса рассказывала о своей жизни, мешая правду с вымыслом. Передала всем приветы и поздравления. Чаше звонить не обещала, ссылаясь на необходимость разъезжать по стране, подписывая контракты с поставщиками сырья для косметики. В ответ получила благодарность за чудного доктора и заверения, что со здоровьем у мамы все хорошо. Она полна сил и планирует даже устроиться на работу – дома сидеть надоело.

Усталый деть от ужина отказался, помылся, рухнул на кровать и заснул на половине истории про Муфту, Бороду и Полботинка.

Юля поправила одеяло, поцеловала Совенка в лоб, вернулась в гостиную. Мужчины сидели в разных углах, и между ними протянулось напряженное молчание.

При Юлином появлении Кайлес оживился.

– Ну что, дорогие мои, как насчет клуба? Зажжем? Оттянемся по-взрослому? Время детское для Асмаса.

Часы показывали полдвенадцатого. Ноги гудели после обширной экскурсионной программы, но спать не хотелось.

– Почему бы и нет, – пожала плечами Юля. Она представила толпу народа, бьющую по нервам музыку, клубы дыма, острые эмоции, запах пота, спиртного и танцы без всяких обязательств и давления короны. Дурная голова была согласна. На все, и даже на стриптиз. Чужой.

– Клуб? – С кресла поднялся хмурый, как ненастье, Фильярг, мотнул головой. – Это место не для ассары.

Юля сразу ощутила себя принцессой, которую застигли по дороге в свинарник. В душе волной поднялась обида – нормальные у них клубы. Есть элитные, для современных принцесс.

– Нет так нет, – неожиданно легко согласился Кайлес.

Он отлип от бильярда, двинулся на выход, замедлив шаг около брата. Юля ощутила волну тошноты, неожиданно закружилась голова, мир качнулся, она ухватила за спинку кресла. Моргнула, ошалело наблюдая, как Кайлес аккуратно ловит завалившегося Фильярга, тащит до дивана, укладывает, заботливо подкладывая подушку под голову.

– Ну что, принцесса, – подмигнул кузен, глядя на вытянувшееся лицо Юли, – теперь можно и поговорить. Рассказывай.

– Он тебя убьет, – вздохнула Юля. Тошнота отступила. Похоже, ее чувствительность возросла, и она поймала эхо ментального удара, отправившего в нокаут Четвертого. Надо срочно учиться ставить блоки.

– Не в первый раз, – отмахнулся Кайлес, – но если тебя это беспокоит, постарайся меня удивить.

Юля поморщилась: Кайлес – это Кайлес. Сначала дело, потом разгребание последствий и огребание затрещин. Но взрослый мальчик, сам разберется. А попробуй она вступить – еще и обидится за недоверие.

Юля подошла к бильярдному столу, достала из кармана джинсов маленький пакетик, высыпала на зеленое сукно пять прозрачных камушков. По гладким граням скользнул свет от люстры, и на бильярдном столе заиграли световые блики.

Кайлес встал рядом, хмыкнул, но говорить что-либо не спешил. И это внезапное молчание было столь непохоже на говорливого кузена, что Юля всерьез забеспокоилась.

— Когда я говорил «удивить», — проговорил он наконец, — я имел в виду твои отношения с Четвертым. Но слезы калкалоса... Ты ограбила чью-то сокровищницу?

Значит, Юля была права, подозревая, что камни стоят дорого.

— Это подарок.

— И чей же? — напрягся Кайлес.

— Его величество решил проявить свою щедрость.

Мужчина расслабился. Протянул руку, перебрал камни. Взял один, посмотрел на свет. Выдохнул очарованно.

— Ты чем-то сильно угодила дяде, но давай ближе к делу. Зачем тебе камни?

Она вздохнула, набираясь храбрости. Если Кайлес откажет — придется искать кого-то еще...

— Хочу использовать камни как канал вывода энергии. Ну, как призму, которая собирает свет в пучок.

— Призму, — повторил Кайлес, стряхивая очарование, точно Серый Волк бабушкино платье, и впиваясь в девушку цепким, изучающим взглядом.

У Юли холодок пополз по спине. Глядя на подобравшегося мужчину, можно было не гадать, чьей семье он принадлежит. Идиоты, искренне верящие в его милоту и очарование, вряд ли живут долго. Юля и не сомневалась — этот волкодав с короткой стрижкой серых волос и даром ментального монстра убьет, не дрогнув. Истинный сын Асмаса.

— Я слышал о способности камней усиливать ментальную связь. — Он отвернулся, разрывая зрительный контакт, и Юля перевела дух, стряхивая напряжение. — Но твоя идея... — щелкнул Кайлес пальцами, — что-то в ней есть. Надо пробовать.

Он задумчиво перебрал камни.

– Аналогичным образом действует мыслевик, но он работает с ментальными волнами. Нам же требуется нечто похожее и в то же время совершенно иное. Артефакт не сработает. Будем вживлять. Согласна?

Юля кивнула. Она давно смирилась с тем, что магический мир берет свою плату за каждую плюшку. Хочешь стать супермагом – плати.

– Вижу, припекло. Неужели все так плохо с Четвертым? – остро взглянул на нее Кайлес.

– Нет, – помотала головой девушка, – не в этом дело. Просто это все, – прикусила она губу, подбирая слова, – не для меня. Да и зависимость ничем не поможет Совенку. Я не смогу передать ему ничего, если только и буду делать, что сдерживать всплески да усыплять дар. Мне надо, понимаешь, очень надо научиться контролю.

Кайлес потер подбородок, задумчиво произнес:

– Вон оно как все повернулось. Занятно. Я, конечно, сволочь, но даже мне жаль Четвертого. Он на тебя всю дорогу пялился точно на десерт. Думал, еще немного – и сожрет.

Юля вспыхнула, покраснела.

– Я не десерт, – пробурчала она.

– Ты, моя дорогая, самое изысканное лакомство сейчас во дворце. Странно, что Третий не оценил.

Юля покраснела еще больше, отвела взгляд.

– О-ля-ля, – развеселился Кайлес, хлопнув себя по бедру, – наша скромная ассара смогла увлечь сразу двух принцев. Как выбирать-то будешь, принцесса?

– Никак, – разозлилась Юля, – и вообще, это не твое дело. Лучше помоги с камнями.

– Не вопрос, – согласился кузен, – для начала выберем место.

– Скулы? – предложила девушка, помня об инструкциях калкалоса.

– Не пойдет. Голова хороша для менталистики, а огонь любит погорячее. Тебя уже мучают медитациями?

– Каждый день, – погрустнела Юля.

– Ну-ну, не так они и противны. Ты еще оценишь их пользу. Но вернемся к нашему вопросу. Где именно ты ощущаешь тепло?

Юля задумалась. Концентрировалась она на солнечном сплетении, но, когда ощущала близость выброса, тепло собиралось внизу живота.

– Вот здесь, – коснулась она места чуть ниже пупка.

– Истинная женщина, – расплылся в улыбке Кайлес, – там и будем ставить. Но просто так камни могут и не сработать. Нужен контур. А скажи-ка, драгоценная, как ты относишься к татуировкам? Я тут пару экспериментов ставил. Если напитать линии силой, замкнуть контур, результат получается весьма и весьма... – Он оборвал себя на полуслове, точно побоялся сболтнуть лишнее.

Татуировка? Юля стиснула зубы. Внутри холодком прошелся страх. Это ведь на всю жизнь. Нет, ерунда, тут же возразила она сама себе, лазером сейчас шлифуют все. А боль... Потерпит.

– Нормально отношусь, – ответила девушка, храбро улыбнувшись, – если это поможет, я согласна.

– Отлично, – потер ладони Кайлес, оглядывая и уже прикидывая масштаб эксперимента, – как знал, что понадобится. Сейчас принесу твою прелесть. В это время в городе работает лишь один мастер, а вход туда не всем смертным открыт. Придется выглядеть на все сто. – И он подмигнул, скрываясь за дверью.

Вернулся быстро, неся в одной руке на плечиках короткое черное платье, в другой – коробку и пару пакетов.

– Помочь? – спросил он с надеждой.

Очень хотелось спросить: «А что, мы не только раздевать, но и одевать умеем?» Вот только шаг в запретную область мог дорого обойтись. Там и так Третий с Четвертым топчутся, заставляя сердце неровно биться. С Кайлесом целая толпа будет.

– Справлюсь. – Она забрала вещи – как пить дать – то самое платье из последней коллекции, прошла в ванную комнату. Быстро освежилась в душе, развернула пакеты. Кайлес явно умел обращаться с женщинами и предусмотрел все: от кружевного секси-белья и чулок до сумочки.

Юля натянула кусочек ткани – столь маленький, что казалось, будто он ничего не прикроет. Нет, все же прикрыл, и даже грудь спрятал. Она огладила мягкий бархат на бедрах. Повезло – последние дни выдались столь насыщенными, что организм избавился от лишних килограммов, и платье село как влитое.

С косметикой она не заморачивалась – тушь, немного теней и румяна на скулы. На губы просилась ярко-алая помада, и Юля не стала себе отказывать. Волосы забрала вверх. Надела туфли и, вышагивая на каблуках, двинулась в гостиную.

Кайлес тоже переоделся и в темной шелковой рубашке походил на члена сицилийской мафии.

Он прошелся оценивающим взглядом по Юлиному наряду, щелкнул пальцами – один момент – и жестом фокусника достал из кармана кожаной куртки длинную нить белого жемчуга. Юля могла поклясться – настоящего и безумно дорогого.

Взглядом Кайлес спросил разрешения, затем накинул нить на шею девушки. Отступил.

– Сногшибательно. Круче, чем я себе представлял. Даже жаль, что братец пропускает такое... – И тут же лукаво улыбнулся. – Вру. Мне ни капли не жаль. Сегодня – ты моя, детка. Надо же получить хоть какую-то компенсацию.

– Компенсацию? – вскинула брови Юля. Она подошла к бильярду, отделила один камень от пяти. Катнула в сторону мужчины. – Этого хватит?

Кайлес приблизился. Осуждающе вздохнул и миролюбиво попросил:

– Расслабься, ассара, я ни на что не претендую. Просто пошалим.

Ну-ну. Пошалим.

Ночной клуб расположился в центре Петербурга, на канале Грибоедова, одной стороной смотря в сторону Спаса-на-Крови, второй – в узкий колодец двора. Два этажа, два танцпола, кальянная, приватные кабинеты, бары и караоке. Все, чтобы отвязно отдохнуть, и, судя по подъезжающим авто, отдохнуть богато.

Фейсконтроль действительно был. Парочка суровых мордоворотов мазнула взглядами по Юле, потеплев при виде Кайлеса и гостеприимно распахнув дверь.

– Идем, золотце. Я договорился, нас ждут.

Они оставили верхнюю одежду в гардеробе, по залитой огнями лестнице поднялись на второй этаж. Кайлес толкнул дверь с надписью «Для персонала», за которой оказался служебный коридор. Кузен явно здесь был своим и с попавшимся им навстречу парнем поздоровался как с другом.

– Понравился клуб, вот и вложился немного, – пояснил Кайлес, заметив недоуменный взгляд Юли.

Без стука он вошел в третью по счету комнату. Юля последовала за ним, с любопытством разглядывая кушетку, стол с альбомами, стеллаж и здорового лысого мужика лет эдак за пятьдесят, сидящего за столом. Майка, прозванная в народе алкоголичка, не скрывала накачанных плеч, сплошняком украшенных сложным узором тату.

– Хайль, Шторм. Как жизнь?

– И тебе не хворать, Шурик, – оторвался от мобильного мужик. Глянул на Юлю. Профессионально прищурился. – Дамочка ко мне или с тобой?

– Оба варианта, Шторм, – ухмыльнулся Кайлес и пояснил: – Нам нужно что-то небольшое и аккуратное. Вот сюда, – он по-хозяйски положил ладонь Юле на живот.

Девушка недовольно зашипела, отстранилась и была удостоена удивленного взгляда Шторма.

– Интересный экземпляр, – протянул тот, – впервые вижу кого-то, кто не пал жертвой твоего обаяния.

– Это девушка моего брата, – слегка уязвленно пояснил Кайлес, и Шторм недоверчиво покачал головой, потом махнул в сторону кушетки. – Располагайтесь. А ты подожди в зале. Мы тут сами договоримся.

– Наркоз будешь? – спросил Шторм, которого на самом деле звали Андрей. «Но Шторм звучит круче, так что сама выбирай, как звать».

Юля с сомнением глянула на протянутый ей стакан. Внутри предвкушающе задрожали нервы, рука потянулась к спиртному. Суровая жесть последних дней вылилась в дикое желание напиться. И студия тату, где она лежала на кушетке с задранной до груди одеждой, казалась самым правильным для этого местом.

А последствия... Пусть идут лесом. И слабо вякнувшая совесть ей не указ. Сама разберется, не маленькая.

– Я смотрю, ты, девка, огонь, – одобрительно заметил мастер, когда она залпом осушила полстакана виски.

Юля задохнулась от перехватившего горло лавового потока, с благодарностью запила подsunутым ей под руку соком. Выдохнула, вытирая слезы. Знал бы Андрей, какой она на самом деле огонь, на порог не пустил бы.

– Вырубаться начнешь или замутит, – верно оценил он ее габариты, неумение пить и объем влитого, – скажи. А теперь лежать и не дергаться. Стонать и ругаться можно.

– А еще налить можно? – спросила она, облизывая запекшиеся губы.

Через пару часов, чуть пошатываясь на каблуках – спиртное все еще гонялось по крови, она спустилась в зал. Веселье было в самом разгаре. Симпатичные девчонки зажигали на пилонах. Парни одобрительно отпускали комплименты. На танцполе тоже было жарко. Сквозь туман мелькали отдельно подсвеченные части тел, и со стороны казалось, что она попала внутрь бескровной расчлененки.

Грохотало. Диджей завернул крутой ударный ритм, и каблуки сами начали притоптывать в такт. Кожу на животе саднило. В желудке булькали остатки виски. В голове стоял туман. На душе царил приятный пофигизм. Было ощущение как от хорошо выполненной тяжелой работы. А что нужно отработавшему человеку? Правильно – отдохнуть. И она шагнула на танцпол.

Тело ушло в отрыв. В голове царил зажигательный ритм. Было суперски танцевать в плотной толпе. Не оглядываться. Не переживать за этикет. Не бояться совершить ошибку. Самые отвязные движения – и никто не ужаснется, не накажет.

Как здорово было снова стать одной из многих. Рядом оттягивались такие же фанаты пятничного отжига. Ее включили в чей-то круг. Парни бросали одобрительные взгляды, обещая продолжить знакомство.

А еще показалось, что внутреннее пламя стало ближе. Она словно примирилась с ним. Свыклась. Позволила стать частью себя. Подняла руки вверх, и на кончиках пальцев запекло. Внутри царила уверенность, что сейчас она сможет переместить пламя куда угодно. И так захотелось попробовать... До нестерпимого зуда.

Внезапно ее толкнули, боком она налетела на чью-то спину. Там сориентировались быстро – подхватили, развернули и удивленно охнули.

– Юля?

Девушка моргнула, сосредоточиваясь на мутном лице Кайлеса. За мужчиной справа и слева возникли одинаково хорошенькие блондиночки: явно сестры и явно недовольные ее появлением.

Юля дернулась, пытаясь освободиться. Куда там. Мужчина только сильнее сжал ее в объятиях. Приблизил лицо, принялся.

– Жыргхвова задница, – выругался он, – просил же не наливать. Так, время позднее. Пора домой и спатки.

– Не, – мотнула головой Юля, – не хочу.

Она только достигла того уровня сознания, когда внутренний мир сливается с внешним. Когда все проблемы тонут, погребенные в музыке, а узел напряжения сменяется блаженным расслабоном.

– Милый, – капризно дернули Кайлеса за рукав. Мужчина, не выпуская Юлю, повернул голову и приказал:

– Исчезли. Обе.

Девушка поджала перекачанные губки, но спорить не стала. Буркнула: «Дебил», – и удалилась с видом поверженной, но не сдавшейся королевы.

А Юле вдруг захотелось похвастаться достигнутым уровнем владения силы.

– Смотри, как круто, – высвободила она правую руку, щелкнула пальцами в такт музыке, и по ладони потрясающе красиво побежал желто-красный огонек, достиг кончиков пальцев, устремляясь отделиться и всплыть вверх.

– Твою же...

Огонек прихлопнули. Ладонь накрыли неожиданно холодной рукой, и на коже выступил иней.

Рвавшееся наружу пламя стыдливо отступило. Юля вытащила из захвата замороженную конечность. Потерла о платье. Было обидно. Алкоголь срывал барьеры, и внутри сейчас командовала маленькая девочка, которой очень хотелось всего сразу: танцев, мороженого, целоваться, клубничного коктейля, порадовать танцпол ма-а-аленьким файербольчиком и много-много веселья.

– Так, ассара, – помрачневший и едва сдерживающий ругательства Кайлес поймал ее лицо за подбородок, обхватил ладонями, приблизил к себе, – мы сейчас идем домой, и ты обещаешь себя вести хорошо, договорились? И умоляю, никаких поджогов. Мы же не хотим получить по попе от пожарных? Поверь, у них очень тяжелая рука. А дома сможем повеселиться, обещаю, малышка. – И он улыбнулся, ловя в плен своей неотразимой улыбки.

Глава 33

Уже в машине Юлю потянуло спать. Проснулась она оттого, что ее взяли на руки и куда-то понесли. Дернулась, но ее лишь крепче прижали к груди.

– Когда в следующий раз я предложу тебе выпить, – недовольно произнес Кайлес, укладывая свою ношу на бильярдный стол, – значит, я растерял последние мозги.

Юля не возражала. Она все еще балансировала между замутненной алкоголем реальностью и сном. И даже не сразу поняла, что платье на ней ползет вверх, а над обнаженной кожей склоняется хищно улыбнувшийся мужчина. Ведет пальцем, очерчивая узор свежей татуировки, и по коже распространяется приятная прохлада, гася болевые ощущения.

– Цветочек, значит. С шипами, – криво усмехнулся Кайлес, оттягивая вниз полоску белья.

Юля дернулась, но Кайлес успокаивающе положил руку на живот.

– Тише. Ты сама этого хотела. Не будем терять время. Приступим. – И он взял в руку первый камушек.

Возможно, сыграл роль алкоголь или заморозка от Кайлеса, но больно не было.

Кузен творил с вдохновенным лицом, запретив смотреть. Юля подчинилась и лежала, прислушиваясь к ощущению скользящих по коже пальцев, к прохладным прикосновениям камней, сменявшихся горячим жжением, к теплу, распространявшемуся по телу.

– Ты, наверное, многого не понимаешь, – проговорил мужчина, отступая и оглядывая первый вживленный камень, – а мои братцы не спешат тебя просвещать. Спорю, они еще и контакты ограничили, чтобы раньше времени ничего не узнала?

Юля кивнула. Посадили ее под колпак. Каждый кусочек информации она получала с боем.

– И даже догадываюсь, что именно тебе хочется узнать... Кстати, кто из матерей почтил тебя визитом?

– Седьмая и... – поморщилась Юля, – Пятая.

– Седьмая – не удивлен, а что с Пятой? Какого пламени ей от тебя понадобилось?

– Хотела показать, кто главный.

– И показала? – заинтересовался Кайлес. Он примерил камень к тату.

– В коме, – призналась девушка. Скрывать смысла не было, все равно узнает.

– Не понял, – нахмурился кузен, вертя в пальцах второй камень, – у Пятой высокий уровень, ты, прости, с ней не сравнишься.

Она, может, и не сравнится, да вот конкурентов у темного пламени нет. Поколебалась – рассказывать или нет, но решила поставить на откровенность.

– Удивила, – признался Кайлес, выслушав ее. Он задумчиво постучал пальцем по подбородку, – темное пламя... Кто бы мог подумать. Уверен, Альгар еще утрет всем нос и станет королем. Вот увидишь, – воскликнул кузен запальчиво, заметив скептический взгляд девушки, – я буду прав!

Юля хотела и одновременно боялась такой судьбы для Совенка.

– Что там с покровительством? – сменила она тему.

– Мм... – протянул Кайлес, прикладывая камень и прикрывая глаза.

Юля зашипела, выдохнула – жжение прошло, оставив после себя отдающее болью тепло. Терпимо.

– Покровительство, – проговорил он, тяня кота за хвост. Юля аж извелась, – братцы решили, что ты согласишься и так. Без подробностей. Посмотрели на твой мир. Сочли женщин доступными и готовыми на отношения и очень удивились, получив отпор.

Юля фыркнула. Отпор... Она едва устояла и, признаться честно, боролась больше с собой, чем с братьями.

– Но ваши женщины как вода – с виду мягкие и податливые, а надави – станут твердыми как камень. А уж ваше стремление к свободе и независимости... – Кайлес тяжело вздохнул о чем-то своем и взял в руки третий камень.

– Помнишь, я говорил, что наши женщины связаны? Не могут жить без опеки? Всею виной магия. Без магической совместимости пара не может быть вместе.

Третий камень застрял между пальцев, взгляд мужчины устремился в прошлое. Меж бровей залегла складка, лицо застыло. У него явно были свои счеты к «совместимости», и Юля впервые задумалась о том, почему кузен удрал в ее мир. Только ли потому, что был белой вороной в семье?

– И как проходит проверка на совместимость?

Кайлес очнулся, приложил камень к узору, скривился, передвинул выше.

– Раньше ее проводили служители Девятиликого, пока не выяснилось, что их проверка не дает стопроцентной гарантии, а разводы у нас до сих пор не в почете. Так что мои сограждане решают все сами. Должен предупредить – это не афишируется. Если спросишь, все будут кивать на служителей, но на самом деле их проверка – формальность перед свадьбой, когда связь уже сформировалась.

– О чем ты? – хмуро спросила Юля.

– О том, что мой с виду правильный мир, – криво усмехнулся он, – на самом деле гораздо развратнее твоего. У нас женщина ложится в постель к мужчине, чтобы проверить, сможет ли его магия удержать ее силу в узде. И только после этого мужчина получает разрешение начать ухаживание и заикаться о помолвке. У вас – все наоборот.

– Вот как, – проговорила Юля, стискивая зубы. Теперь все встало на свои места. Сначала секс, а потом романтика. Занятный расклад. Так вот чего добивался Четвертый – проверить, сможет ли она стать ему... мм, пусть будет невестой.

– Вот так, – отозвался Кайлес, беря в руки четвертый камень, – и не злись на Четвертого. С ним сыграли дурную шутку традиции родного мира. Тяжело начать действовать иначе, чем тебе вбивали в голову. Тебе надо было прийти ко мне. Я бы начал с конфетного периода, сестренка, – подмигнул Кайлес, и девушка выдохнула – камень жаром опалил кожу.

– А что со связью? – спросила она, отдышавшись.

– При идеальной совместимости энергии мужчины и женщины образуют устойчивую связь. Действует как наркотик. Пройдет любовь, а друг без друга все равно не могут. Связь формируется не с первого раза, но довольно быстро. Так что, если не уверена, не спи. Иначе не успеешь оглянуться, как станешь истинной женщиной Асмаса.

И вольешься в ряды местного птичника.

Пятый камень занял свое место. Кайлес отступил, оценивая проделанную работу. Одобрительно кивнул. Потом на его лице появилось новое выражение. Взгляд, устремленный на тату, потемнел. Пальцы прошли по коже, очерчивая границу белья, поднялись выше. Мужчина резко наклонился, и Юля ощутила горячее дыхание на коже. Дернулась.

– Офигительно смотрится, – проговорил он, выпрямляясь. Облизнул губы.

Юля приподнялась, но Кайлес прикрыл тату ладонью. Желтые глаза полыхнули янтарем.

– Я тут подумал, – понизил он голос до проникновенного шепота, – мы через столько вместе прошли. Почти родными стали. Разделишь со мной эту ночь, ассара? Обещаю, тебе понравится.

– Сменить покровителя? – вздернула брови она.

– Нет, милая, без покровительства и магии. Ты и я.

Грубо говоря – секс без обязательств. И пусть наутро будет стыдно, зато ночью – хорошо.

А мужские пальцы уже чертили узор страсти на животе, опалая, посылая искры удовольствия под кожу. Юля стиснула зубы, напоминая себе, что она – кремень и просто секс ее никогда не интересовал.

Но Кайлес уже поймал тень сомнения на ее лице. Он предвкушающе улыбнулся и пообещал:

– Не надейся, не отпущу.

Он внезапно дернулся, прошептал: «Зараза», – и пропал из виду, а следом раздался звук упавшего на пол тела, но Юле было не до того. Статуей возмездия на его месте стоял Фильярг. Желтые глаза покраснели, напомнив цветом кровавую луну. Грудь часто вздымалась, во взгляде наблюдался полный неадекват, проглядывало что-то пугающе темное. А она тут... с задранной до груди платком, в чулках и приспущенных до самого интереса трусиках. Бери не хочу.

Юля попыталась отползти – жить-то хочется, но мужчина рыкнул, ожег голодным взглядом, положил ладони на колени, сжал, пригвождая их. Юля обреченно замерла, понимая, что бегство лишь спровоцирует его. И непонятно, что именно вывело его высочество из душевного равновесия, столкнув по эволюционной лестнице вниз. Тату или кузен?

Кстати, как он там? От мысли, что под ногами валяется остывающий труп, стало нехорошо.

– Он жив? – спросила Юля, пытаясь приподняться и заглянуть через край стола.

Четвертый нехорошо прищурился, одним рывком подтянул Юлю к себе, развел ноги, и она оказалась еще в более развратной позе, прижимаясь к мужчине. Тонкая ткань белья – плохая преграда. Страх остро смешался с возбуждением.

Пальцы до синяков сдавили кожу. Ладонь легла на горло, сжимая.

– Беспокоишься? Предпочла этого... – выплюнул Четвертый. Красивое лицо исказила мучительная гримаса ревности, и в Юлиной голове всплыло бессмертное «Молилась ли ты на ночь, Дездемона?». И не объяснишь, что все не так. Точнее, так, но не случилось. Кислород опять же тратить жаль – его старательно перекрывали.

Фильярг приблизился, прошелся носом по шее, вдыхая ее запах. Застонал. Отпустил горло, чтобы крепче обхватить за бедра, вдавить в себя. Она прижалась лицом к его рубашке, чувствуя, как бешено колотится сердце. Как в ответ начинает колотиться собственное. Четвертый сейчас ощущался замершим цунами – напряжение сковало мышцы, он явно сдерживался, чтобы не поддаться эмоциям и не свернуть ей шею. И это ощущение пьянило не хуже вина, срывая последние плотины стойкости.

– Не отдам, – выдохнул Фильярг ей в макушку, – никому не отдам.

Обхватил за шею, задирая голову и впиваясь в губы голодным поцелуем. Жесткий поцелуй мстил, обжигая болью, и Юля задыхалась под его напором. Зато руки внизу действовали нежно, едва касаясь, вычерчивали узоры, ласкали, проводя грубыми подушечками пальцев по нежной коже. И этот контраст был столь острым, что Юля не выдержала и застонала. Выгнулась, прижимаясь сама и желая большего. Делая выбор. Забывая наставления кузена и собственные установки. Кладя ладони на мощные плечи. Доверяя.

Внутри горело настоящее пламя, и этот пожар срочно требовалось потушить.

Четвертый отстранился. Провел пальцем по припухшим губам. Испытующе заглянул в глаза.

– Разделишь со мною пламя?

Юля поежилась – после обжигающих прикосновений пустота показалась ледяной. И сейчас она готова была разделить с его высочеством не только пламя, но и постель. Собственно, именно постель и собиралась. Желательно без костров.

– Или выбираешь его? – Он презрительно кивнул вниз. Если ей предлагали выбор, значит, кузен жив. Вряд ли Фильярг стал бы подсовывать труп.

Юля облизала истерзанные губы. Что не так с этими аристократами?! Неужели не видно, что девушка согласна? И если некоторые продолжают тупить... Либо она передумает, либо в гостиной все-таки появится труп.

Она приподнялась, сама прильнула к его губам. И Фильярг не стал больше спрашивать. Подхватил, не разрывая поцелуй, поднял и понес в спальню, чтобы там раздеть, зацеловать, измучить ласками, окутать нежностью и потом с ошеломляющим напором довести до пика наслаждения.

После бурной ночи сны были не менее бурными.

Ей снился Питер, улыбающийся Кайлес, камни на его ладони были почему-то красными.

Совенок в окружении рваных теней, выпускающий круг за кругом темное пламя.

Сияющий огнями ночной клуб, над входом в который красовалась крупная, привлекающая внимание надпись: «Огненным магам вход строго воспрещен». И строгие секьюрити у дверей, очень напоминающие по виду безмолвных.

Ревущая стена пламени, в центре которой медленно проявился рот, а прерывистый голос напомнил звук стреляющего в костре полена. «Мы ждем, ассара», – весомо треснуло пламя. Хотелось добавить что-то еще, но тут Юля проснулась.

Выдохнула, прогоняя влажное оцепенение кошмара. Туман в голове постепенно рассеялся, и прошлая ночь предстала во всех подробностях. Девушка застонала. «Молодец, ассара. Напилась. Переспала. Спровоцировала братьев. Одно радует...» – Она коснулась ладонью живота, проверяя, на месте ли камни.

Юля открыла глаза и огляделась – спальня явно не ее с Совенком. Она одна. Постель смята, и ей точно не приснилось, чем она тут

занималась с Четвертым. С тревогой она прислушалась к себе – не тянет ли слепо вешаться на шею высочества? Нет, не тянуло. Мозги отрапортовали, что кроме вчерашнего помешательства – а нечего было столько пить, хозяйка, – иных косяков за собой не наблюдают.

Юля перевела дух, выскользнула из кровати, открыла шкаф – впечатлилась коллекцией мужских рубашек, выбрала черную – и отправилась в душ.

Перед зеркалом она полюбовалась на следы бурной ночи по всему телу, на темные круги и осыпавшуюся тушь – «красотка». Остро пожалела, что не захватила с собой ни одного шарфика. Сейчас бы арафатку, а еще лучше паранджу.

Огладила тату. Вышло потрясающе – мастер покрасил половину лепестков розы алым, половину черным. И на черных капельками росы блестели вживленные в кожу камни. Да и сами линии стали четче. Она склонила голову – ей показалось, что кончик листа дрогнул. Юля мотнула головой, отгоняя глюк.

На цыпочках девушка прокралась к себе. Переделась и, обретя душевное равновесие, в широченной футболке и объемных штанах, скрывающих всякие там выпуклости, с убранными в хвост волосами отправилась на поиски выживших.

Проверила Совенка – деть в гостиной под мультик увлеченно собирал новый конструктор. Он радостно отрапортовал, что накормлен и готов выдвигаться домой. Юля умилилась, потискала его, поцеловала в макушку, отправила собирать вещи, а сама направилась к арене боевых действий.

Обе стороны обнаружили на кухне. Сидели друг против друга, выстроив между собой баррикаду из чашек. Судя по количеству – заливались не меньше пары часов. Судя по настрою – собирались продолжать до первого выбывшего.

Юля замерла. Входить в сгущенную ненавистью атмосферу кухни было боязно. Еще шибанет искрой...

Но оба уже почуяли ее присутствие, синхронно повернули голову, одинаково прищурились... Разница была лишь в том, что правый глаз кузена почти не открывался, заплывая багровым синяком, а на скуле Фильярга красовалась свежая ссадина.

Юля прошла взглядом по кухне, отмечая новые детали интерьера. Валяющуюся на полу картину. Выбоину на стене.

Сломанный стул. Выдернутый и запихнутый заново в кадку фикус. Интересно, эти деятели догадались поставить завесу тишины? Или им ждать ОМОН в гости?

– Доброе утро, – откашлялась она, ощущая стойкое желание пойти и проверить, как там ОМОН. Любое место сейчас казалось безопаснее, чем здесь.

Мужчины синхронно кивнули, развернулись друг к другу, точно боялись упустить из вида. Юля могла поклясться, что воздух между ними дрожит от ненависти. Приблизиться к ним не хотелось. Быть миротворцем – тем более. Это как войти в клетку к тиграм и уговаривать хищников, что драться за мясо не стоит. Они сами ее на это мясо порвут.

– Так, – хлопнула Юля по столу, привлекая внимание. Сглотнула, ощутив себя под прицелами трех глаз. Четвертый у Кайлеса продолжал опухать. Девушка запнулась, понимая, что проповедь о братских чувствах будет лишней. Да и любые слова здесь не помогут. Еще бы понять, из-за чего именно они сцепились...

– А... налью-ка я себе кофе, – шагнула она к кофемашине, нервно нажимая на первую попавшуюся кнопку. Машина зашумела, и Юля с наслаждением вдохнула аромат свежемолотого кофе. Плевать. Пусть дерутся. Она не голубой берет.

– Если ты из-за тату, – проговорила Юля, проклиная свой длинный язык, – то зря. Это была моя идея, как и слезы калкалоса. Кайлес лишь согласился выполнить просьбу. И все остальное – тоже мое дело. Пусть ты и покровитель, но я – не ваши дамочки. И вмешиваться в мою личную жизнь не позволю.

За спиной шумно выдохнули. Зашипели. С вымораживающим хрустом чашка приказала долго жить. Юля обернулась. Вздогнула, встретив темный от бешенства взгляд. Рядом строил умоляющие рожи Кайлес, пантомимой изображая отделение головы от туловища.

– Я правильно понял? – выдохнул его высочество, стискивая ладони. – Прошлая ночь для тебя ничего не значит? Ты хочешь продолжать наслаждаться своей личной жизнью?

Ничего такого, на что сейчас намекал Четвертый, она делать не собиралась. Как и собирать коллекцию из любовников. Всего лишь хотела защитить Кайлеса. Но если кто-то ставит вопрос ребром, ответные меры будут... равнозначными.

Знала ведь, что не стоит переводить отношения в горизонт. После близости не получится отстраненно реагировать на оскорбления. Резкое слово станет ножом в сердце, и она будет переживать по малейшему поводу, потому что вчерашняя ночь... была лучшей в ее жизни. Даже бывшего ни разу не вспомнила, так голову задурил, паразит.

Вдох-выдох. Стереть беззвучно открывающего рот Кайлеса, который уже перешел на удушение. Раньше надо было думать, когда договор в руки пихал и уговаривал на работу. Или выкладывать сразу подробности, чтобы знала, к чему готовиться.

– Я буду наслаждаться тем, чем захочу. Ты мне не указ.

Она гордо вздернула подбородок – русские не сдаются. Фильярг шагнул, навис над ней, взгляделся, ища в глазах что-то помимо упрямства. Мотнул головой, вышел из кухни, хлопнув дверью. Штукатурка треснула, но выдержала.

Юля пожала плечами – плевать. Пусть бесится, если хочет. Подумаешь... принц. Да, принц, но это не повод командовать ассарой. Хорошо, формально он ее начальство. Вот и пусть начальствует исключительно по рабочим вопросам. Она же не указывает ему, как управлять государством.

Юля вернулась к кофемашине. Забрала чашку. Ладони замерзли, и она, зябко ежась, обхватила теплые бока, греясь. На душе было мутно.

– Я не стану тебе ничего говорить, – тоном проснувшейся совести сказал Кайлес, – да и говорить бесполезно. Просто задумайся – ты злишься, но пламя молчит. Ты ведь не чувствуешь сейчас огонь, я прав?

Юля прислушалась к себе. Она не злилась, нет, она была в бешенстве – тут кузен был прав, как и в том, что пламя в этот раз не поддержало ее гнев. Даже привычного внутреннего жара, который появлялся, стоило ей разозлиться, не было.

– Камни сработали? – спросила она с надеждой, уже зная ответ. И вот ведь поганец – она его защищала, можно сказать, с риском для жизни, а он... занял сторону брата. Сволочь!

– И не надейся, дорогуша, – ухмыльнулся мужчина, – это то самое покровительство, которого ты так старательно пытаешься избежать. Взвесь все и оцени удобство. Ты, наверное, думаешь, тебе навязывают

сексуальное рабство? Чушь. Никто не заставляет ложиться в постель с тем, кто тебе не нравится. А дальше все как у вас... Брак, детишки и стабильная семейная жизнь. А что касается рабства... Тут с точностью до наоборот. Покровительство дает свободу. Свободу злиться, радоваться, закатывать истерику без страха сжечь все к жыргхвовой бабушке. Подумай об этом. Гордость вредна, когда превращается в гордыню.

Кайлес шагнул было к выходу, но остановился, услышав тихое:

– Мне одного жаль.

Кузен обернулся, терпеливо ожидая продолжения.

Юля разглядывала кофе – черный, как живущая в груди тоска, горький, как обида.

Стоит ли продолжать дискутировать? Лисе предлагали теплый уютный дом с ежевечерней курочкой и сладким почесыванием за ушком. Советовали забыть холодную дикость, стук дождя по листьям, страсть охоты и бег по траве.

Вечный выбор... Это не было рабством, но было ли это свободой? Что потребует Четвертый за свои отношения? Чем заставит заплатить? Станет ли терпеть ее иномирность? Уважать привычки? Идти навстречу?

Что она готова дать взамен? Поставить крест на своем возвращении домой? Принять чужой мир? Перестать искать свое место и стать тенью Четвертого?

Ее дети никогда не поймут «Смешариков». Станут смотреть «Ну, погоди!» как чужую экзотику, а Змея Горыныча называть калкалосом. Будут понимать русский через мыслевик. Им не будет интересна «Гостья из будущего», и школа у них будет своя... А мир матери станет сборищем слабаков и фриков, потому как там нет огненных магов.

Да и готова ли она стать первой женой, если Фильярг получит корону? Ох...

Девушка прикусила губу, опуская голову. Сейчас, когда сердцем владел этот несносный мужчина – да. Но через год? Два? Не пожалеет ли?

– Жаль, я не умею варить кофе в турке, а взять машину с собой не получится. Она там все равно не будет работать.

Кайлес вздернул брови, взъерошил волосы и фыркнул:

– Вережки из меня вьешь, женщина.

Он стащил с пальца ставший видимым в этот момент массивный перстень, покрутил в сомнениях, потом махнул рукой:

– Пользуйся. Он откроет доступ в мою личную лабораторию. Во дворце попросишь – проводят. Только, умоляю, ничего там не трогай. Кофемашину тоже. Она контуром запитана. Единственный в своем роде экземпляр. Пачки с зерном сейчас приготавливаю, потом еще перешлю. Молоко бери на южной кухне, там оно вкуснее. И, Юля, – пожевал губу Кайлес, – я понимаю, тебе непросто привыкнуть, но Четвертый неплохой парень. Порой излишне горяч и прямолинеен, но ты и сама это видишь. Зато в обиду никому не даст.

Наконец он ушел.

Собиралась она торопливо. В груди жило странное чувство чуждости родного мира. словно она стала здесь гостьей. За окном не хватало вида на горы. Глаз не находил привычных узоров с вальшгасом. Да и без невидимок ощущалась пустота, точно без бронежилета на перестрелку вышла.

Юля еще раз поговорила с мамой, обещав позвонить через неделю. Проверила собранные Совенком вещи. Обговорила с Кайлесом ремонт и выбрала пару вариантов интерьеров. Стрясла клятвенное обещание, что за ремонт тот вычтет деньги из ее зарплаты.

С Фильяргом они под насмешливыми взглядами кузена хранили настороженно-вежливый нейтралитет. Юля подумывала, не перейти ли на «вы», но решила – перебор. Четвертый даже стоять старался подальше, не то что прикасаться. Зато его взгляды обжигали живым пламенем, и в них явственно читалось обещание призвать к ответу. И вообще, его высочество очень живо напоминал злого филина, которого беспардонно лишили пойманной мыши. Юля ежилась, нервничала, вспоминала дворцовые подвалы с пыточными, но сдавать позиции не собиралась.

Аль к следам потасовки на лицах мужчин отнесся ровно. Он уважительно ухнул при виде синяка на лице Кайлеса, но лезть с расспросами не стал – видно, не впервой наблюдать подобное. Конечно, мир силы без потасовок – как рыцарь без доспехов.

Юля, наклонившись, тихонько поинтересовалась, почему они не залечивают ссадины. Оказалось, нельзя. Следы поединка священны и должны пройти сами. На взгляд Юли поединок на кухне больше смахивал на банальную потасовку, за которую предусмотрена

административка, но мужчины любят приплюсовывать себе лишний уровень.

Кайлес сыпал шутками, точно резидент «Камеди Клуб», которому перепал двойной гонорар. Однако даже его чувство юмора не могло разбить холодок напряжения между Юлей и Четвертым. Уже стоя перед порталом, он решился на последнюю провокацию, но Фильярг ловко убрал Юлю с траектории, подсунув младшего брата. Кайлес несколько разочарованно потискал Альгара, бросил красноречивый взгляд на девушку и попрощался до следующего выходного.

Юлю ждал чужой мир.

Глоссарий

Асмас – название эсхарата.

Ассар, ассара – наставник, наставница.

Бездна – подземное озеро под дворцом. Используется для купания в зимний сезон.

Вальшгас – крупная ящерица, бегающая и ползающая. Используется как средство передвижения по горам.

Девятиликий – местное божество, обладающее девятью ликами (боль-болезнь, гнев, радость, любовь, кара-возмездие, смерть, рождение, наслаждение, страх).

Ерьки – местные мелкие рыбешки, обитают в пресноводных озерах.

Жигра – остро пахнущая трава, любимая горными козлами, ее часто добавляют в мыло, шампуни.

Калкалос – дракон, условно-разумное существо, которое местные относят к летающим ящерицам.

Котел – аналог хаммама.

Мыслевик – артефакт, позволяющий общаться на незнакомом языке. Обладает побочным эффектом в виде головной боли.

Ракханы – раса сероволосых.

Световик – осветительный шар. Реагирует на движение и загорается, если рядом находится живой организм.

Свириллум – драгоценный металл, что-то вроде белого золота.

Столп – правитель тэората.

Тапуны – аборигены, населявшие Асмас задолго до прихода ракханов.

Таркас – столица Асмаса.

Тэорат – часть страны (королевства), отданная под управление принцу.

Чарксы – огромные птицы, напоминают наших орлов. Поддаются дрессировке. Могут нести на себе всадника. Тяжело разводятся в неволе, поэтому редки. Используются для патрулирования и разведки.

Шайрат – название мира.

Эсхарат – страна с монархическим типом правления, аналог королевства или княжества.

notes

Сноски

См. глоссарий в конце книги.

От *англ.* complete – закончить, завершить. – *Здесь и далее примеч. авт.*

Инкотермс – сборник правил международной логистики.

От *англ.* farewell – прощальное письмо при увольнении.

Айдол – молодая, преимущественно подросткового возраста, медиаперсона (певец, актер, фотомодел ь и т. п.) с привлекательным, часто по-детски чистым имиджем.

Купа Купыч – герой книги и фильма «Республика ШКИД».

От *англ.* head shot – выстрел в голову; убийство противника одним выстрелом в голову.

Саграда Фамилия – собор в Барселоне.

От *англ.* headhunter – охотник за головами, рекрутер.

От *англ.* pick-up – букв.: снять или подцепить (обычно девушку).